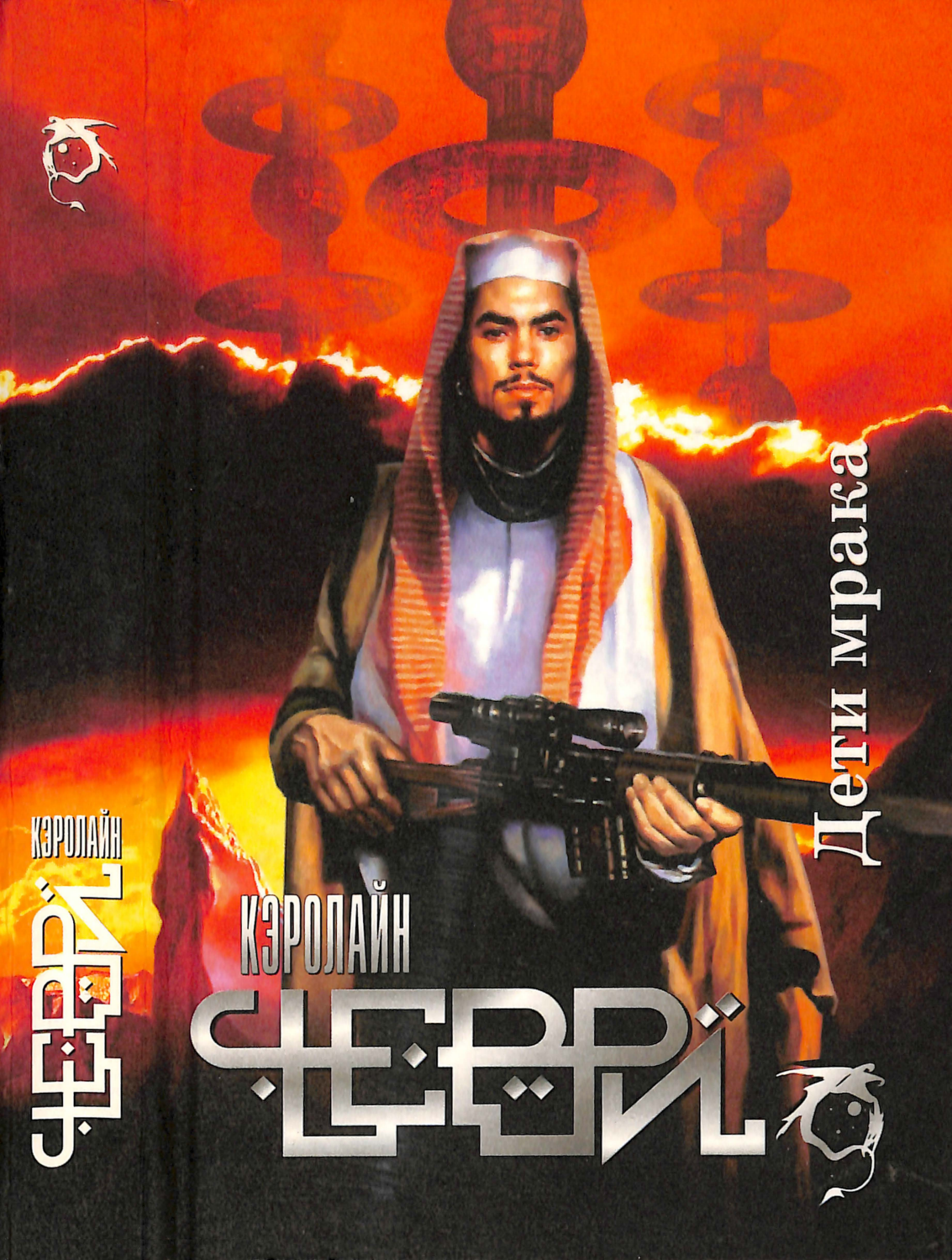

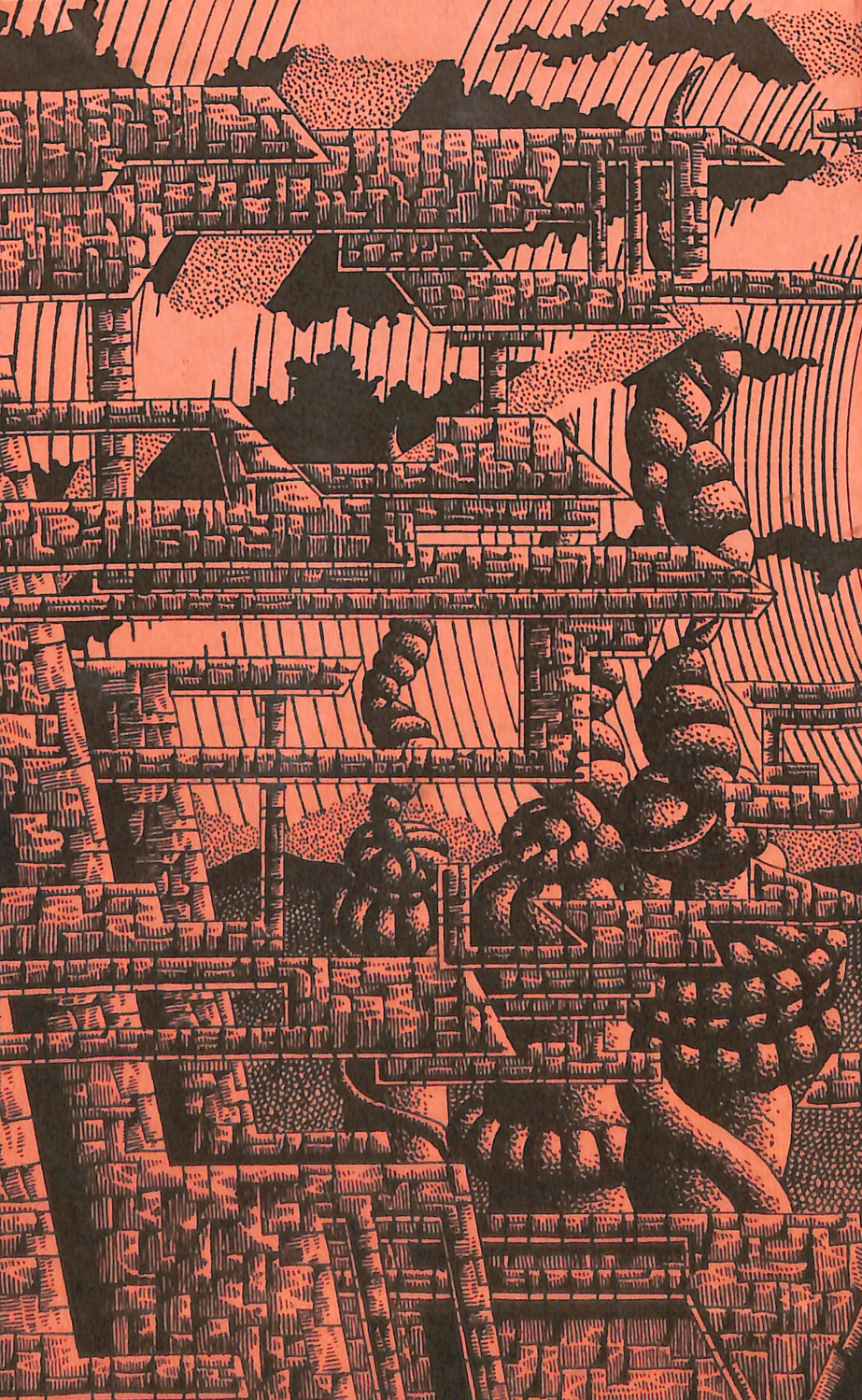

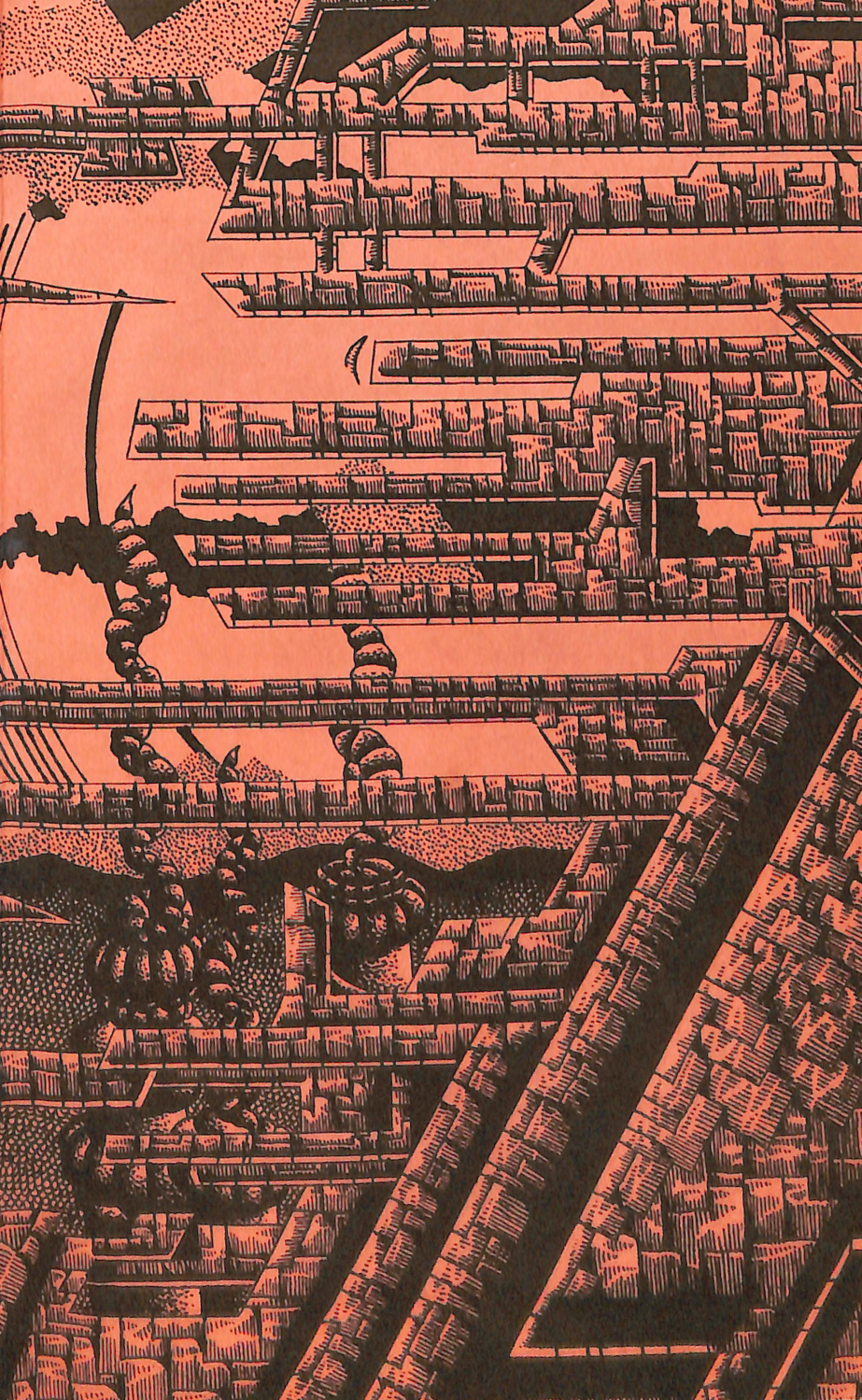
Дети мрака

КЭРОЛАЙН

КЭРОЛАЙН
ИЗМЕНА

ИЗМЕНА

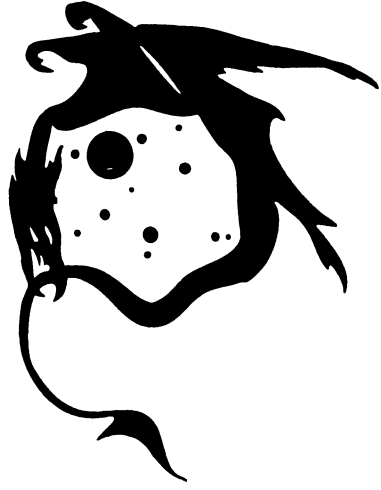

КЭРОЛАЙН
ЧЕРИ

Дети мрака

КЭРОЛАЙН

СЕРВИЗ

Шон'джир

Кутат

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
Ч-49

Черри К.

Ч-49 Дети мрака: Романы / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1997.— 448 с.

В беспощадной схватке противостоят друг другу освоители космоса: земляне и регулы,— алчные торговцы, подчинившие себе множество миров. Верой и правдой служат врагу загадочные мри, суровые воители, грозные кочевники Вселенной. Они уничтожают корабли и колонии землян, не щадя собственной жизни. И все же война проиграна регулами, и недавние хозяева подло предают своих верных слуг...

Удивительные миры, захватывающие приключения, неожиданные повороты сюжета — все это ждет читателей в увлекательном романе знаменитой американской писательницы Кэролайн Черри «Дети мрака».

Ч 8200000000

ББК 84 (7США)

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме, в средствах
массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

ISBN 5-7906-0057-3

© С. J. Cherryh, 1980
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1997

Сорок три года в галактике бушует война за колонии. Столкнулись интересы землян и регулов — разумных существ, которым природа отказала в воображении, зато наделила их абсолютной памятью. Регулы ничего не прощают, но и не мстят, они следуют только логике, их высшая цель — обогащение и сохранение накопленных сокровищ. И для достижения этой цели годятся любые средства.

Но их стихия — торговля, а не война, тем более — не война с закаленной в битвах цивилизацией землян. Регулы были бы разгромлены в считанных столкновениях, если бы на их стороне не сражались мри — космические бедуины, спартанцы галактики, с молодых ногтей постигающие науку воина. Эти стройные, красивые гуманоиды — идеальные наемники, для них не существует таких понятий, как измена или капитуляция, они всегда бьются до конца и не останавливаются перед самоубийством, если не видят иного выхода.

Их сложный кодекс чести создавался в тысячах междоусобных войн и миллионах дуэлей за века существования этого народа. Кодекс этот — их святыня, но он совершенно непостижим для иных цивилизаций, даже для регулов, которым мри служат уже не один десяток столетий. И уж тем более он непонятен землянам, которые встречались с мри только в битвах и за всю войну не сумели пленить ни одного из них. Земляне привыкли сражаться по принципу «все против всех», для них вызов на поединок, способный решить судьбу целой армии или эскадры, — пустой звук.

А для мри такое презрение к их укладу — признак варварства, и они поступают с землянами, как с дикарями. Гибнут целые колонии, счет потерь идет на миллионы. Люди не остаются в долгу, и в конце концов становится ясно: не за горами окончательный разгром регулов.

И тогда эти создания спешат заключить мир с человеческой цивилизацией и уступают ей планету Шон'джир, — планету, которую мри считают своей. На ней живет чуть более десятка представителей расы воинов, большинство из них — глубокие старики. Однако регулы опасаются, что дряхлость не помешает им повернуть оружие против своих бывших хозяев, которые, согласно пресловутому кодексу мри, коварно предали союзников. Но еще страшнее — если мри сговорятся с землянами и война вспыхнет с новой силой. А ведь такой исход вполне вероятен, тем более, что на Шон'джир уже высадились послы человечества — мудрый губерна-

тор новой колонии Ставрос и его молодой энергичный помощник, офицер военного флота Стен Данкан. И к планете, по сведениям регулов, приближается корабль с пятьюстами мри, — быть может, последними во вселенной.

Что, если они не считают войну проигранной? Что, если они уничтожат земных послов? Или, напротив, предложат им свои услуги, чтобы отомстить бывшим хозяевам за смертельное оскорбление? Логика диктует регулам единственный выход — геноцид...

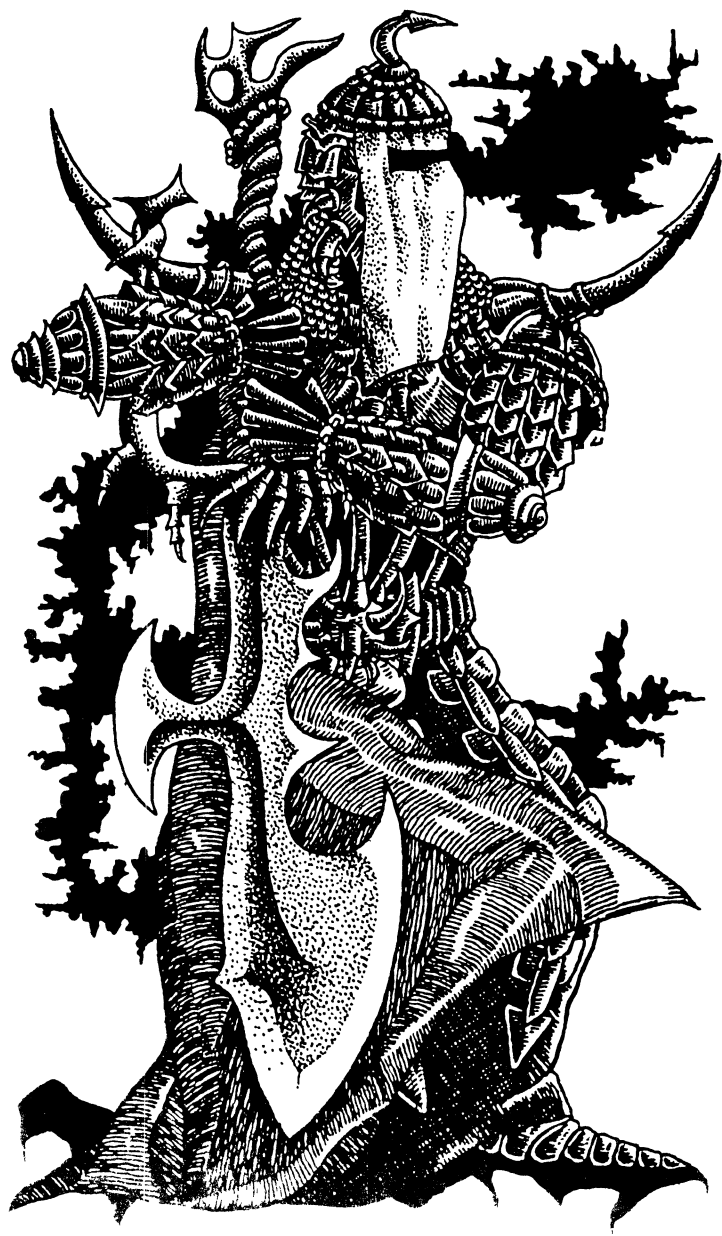
И вот на космодроме колонии вскоре после посадки взрывается корабль с полутысячей мужчин, женщин и детей, и рушится под бомбами оплот мри на Шон'джире. В живых остаются двое: юноша Ньун, который всю жизнь готовился к войнам, но так ни разу и не сразился, и его сестра Мелейн — наследница верховной жрицы, хранительницы заветных тайн своего народа. К ним в плен попадает землянин Стен Данкан, покинувший территорию колонии, чтобы разведать обстановку на планете. Впервые в истории мри нарушают свой жестокий кодекс — щадят пленника. Их примеру вовсе не намерены следовать регулы, для них Стен — свидетель бессмысленного, по меркам землян, злодеяния. Необходимо во что бы то ни стало уничтожить и уцелевших мри, иначе их месть будет поистине ужасна.

Не раз Стен Данкан, скитаясь с мри по суровой планете, оказывался на волосок от гибели. Ему приходилось помогать своим врагам, а они были вынуждены защищать его и учить сложной науке выживания. И после того, как они угодили в засаду, после того, как его израненных спутников земные десантники отняли у регулов и укрыли на своем корабле, в душе Стена зарождается страшное подозрение. Действительно ли земляне победили в этой войне? Так ли уж ценна их добыча — почти безжизненная планета с ядовитым воздухом, вечными ураганами и всеразьедающими кислотными дождями, — если погибла целая раса, наиболее близкая человечеству по духу и складу ума? И стоит ли уповать на то, что союз с регулами, готовыми на любую подлость ради собственной выгоды и безопасности, окажется долговечен?

Мри не живут в неволе. Понимая это, Стен обещает своим новым друзьям: он добьется, чтобы им предоставили корабль и позволили лететь, куда они захотят. Слово удастся сдержать, но слишком дорогой ценой: Стен вынужден угнать корабль и улететь вместе с мри навстречу неизвестности. Теперь соотечественники считают его предателем, и к тому же по следам беглецов летят крейсера землян и регулов...

ИОН'
АКЛР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дни сливались в месяцы. Каждый из них Данкан проводил по строгому распорядку, разбирая узлы машин, которые в этом не нуждались, и вновь собирая — лишь бы не сидеть сложа руки. Играл в шон'ай, когда Ньюн соглашался, запоминал бессмысленные цепочки имен и постоянно твердил про себя давно выученные слова хол'эйри, вязал узлы, показанные Ньюном, или готовил пищу на камбузе, — короче говоря, убивал время любыми доступными способами. Он освоил обязательные для келов приемы работы с металлом, научился резьбе и сделал из пластика грубую фигурку дуса и сначала не знал, куда ее девать. Но потом его осенило.

— Отдай Владычице, — сказал он, когда, как ему показалось, дус стал вполне похож на настоящего, и сунул фигурку в руки Ньюна.

Казалось, мри расстроился.

— Я попробую, — пробормотал он с неожиданной серьезностью и тотчас поднялся и пошел, как будто просьба Данкана была делом огромной важности.

Вернулся он не скоро, устроился на полу и поставил статуэтку между собой и Данканом на циновку.

— Кел Данкан, она не приняла твой дар.

Он ничем не объяснил отказ ши'пан. Воля Мелейн священна, Ньюн не вправе ни осуждать ее,

ни оправдывать. Стен понял, почему Ньюн так неохотно брал подарок для нее. Землянин густо покраснел. Он не надел вуаль, но угрюмо смотрел вниз, на отвергнутую фигурку.

— Ну что ж... — Он пожал плечами.

— Бу'айна'эйнейн, ты вторгся, — сказал Ньюн. «Дерзкий», — перевел Данкан. Какой стыд!

— Еще не время, — произнес Ньюн.

— А когда будет время? — буркнул Данкан и услышал тяжелый вздох мри. Ньюн обиделся. Закрыв лицо вуалью, он встал.

Статуэтка пролежала на полу два дня, пока Ньюн, коснувшись Стена, не спросил вполголоса, можно ли ее взять.

Данкан пожал плечами.

— Бери. — Он и впрямь был рад, что наконец отделяется от нее.

Фигурка исчезла в складках нижней мантии Ньюна. Кел'ен встал и вышел из каюты. Обеспокоенные дусы вышли следом за ним.

* * *

В главном коридоре проходила незримая граница. Данкан знал, где он вправе бывать, а где нет, и не пытался нарушить запрет. Он был отстранен не от работ, а, скорее, от общения с Мелейн. Ньюн приходил к ней когда хотел, а Стен не решался. Но сейчас, побуждаемый человеческим упрямством, Данкан решил посмотреть, куда ушел Ньюн с его поделкой.

Шаги Стена постепенно замедлялись и наконец замерли в коридоре, которого он не видел целую вечность. Он дошел до самого поворота — даже помыслить не мог, что осмелится зайти так далеко, — и, сделав это, успокоился и задумался.

Лампы кругом не горели, остро пахло — фильтры не справлялись со всеми примесями. Перед открытой дверью он увидел большую коричне-

вую тень, а за ней и вторую. Дусы. «Значит, Ньюн здесь», — подумал он. Земляне отличались упорством, но и мри его было не занимать. Стен учился их особому упорству и уважал за него Ньюна.

Если позвать мри, он не откликнется. Но и с мри можно поладить.

Данкан не переступил черту. Он собрал полы мантии между коленями и сел на пол, скрестив ноги, — ждать. Дусы, казавшиеся тенями у далекого дверного проема, стояли и нервно втягивали воздух, навязывая Стену свою неуверенность. Данкан решил не поддаваться. Он сидел не шевелясь. Через некоторое время детеныш двинулся к нему и лег на полпути, опустил голову меж больших и тяжелых лап. Стен остался спокоен, и тогда дус снова поднялся и прошел оставшуюся половину пути и обнюхал ногу Данкана.

— Яй! — негромко цыкнул Данкан.

Дус улегся и, коснувшись Стена, вздохнул. В дверном проеме появился более темный силуэт, он посверкивал металлом. Ньюн.

Мри замер в ожидании. Данкан поднялся на ноги, но не переступил границу. Отступить было поздно, мри уже заметил Стена и после недолгих колебаний поманил пальцем.

Данкан шагнул вперед, в тень, дус — за ним по пятам. Ньюн ожидал у двери. Со свойственным землянам благоразумием Стен хотел было спросить Ньюна, что случилось, почему так внезапно снято табу. Но Ньюн молча махнул рукой влево, в сторону каюты, из которой только что вышел. Раньше она принадлежала кому-то из членов экипажа. Тяжелый запах мускуса висел в полумраке, все стены были задрапированы черной тканью. Единственным источником света служил настоящий огонек, его отблески пробегали по эллипсоиду, что покоился у противоположной стены от-

сека, за утонувшей в тени стальной решеткой. Пообочь дверного проема шли от пола до потолка трубы системы жизнеобеспечения, между ними можно было пройти лишь поодиночке.

— Входи,— послышался за его спиной негромкий голос Ньюна.

Стен ощутил, как рука кел'ена уперлась ему между лопатками, и как по коже побежали мурашки. Он неохотно подчинился, шагнул вперед, туда, где дрожало пламя — опаснейший враг корабля, где густо — хоть топор вешай — стоял приторный фимиами. Данкан и раньше чуял исходящий от одежды мри аромат, неотлучный спутник Ньюна и Мелейн. Только в стерильных лабораториях этот запах не ощущался. Позади сопели дусы — трубы не давали им войти.

— Ты уже видел подобное Святилище,— тихо сказал Ньюн, и мурашки по спине Данкана припустили быстрее.

Повернув голову, Данкан посмотрел на мри. Сердце его бешено заколотилось, когда он вспомнил Сил'атен и свое нечаянное предательство. Он с ужасом подумал, что Ньюн все знает, но тотчас убедил себя, что этого не может быть. Мри сам позвал его, впервые разрешил войти сюда.

— Я помню,— хрипло проговорил Данкан.— Вот, значит, почему вы не пускали меня в эту часть корабля? И что же заставило тебя передумать?

— Разве я ошибся? Разве ты не хотел этого? — По-прежнему голос Ньюна завораживал спокойствием.

Данкан промолчал, взглянул в другую сторону, где за решеткой стоял пан'ен, где мерцал золотой огонек над серебром. Мри. В этом отсеке давно не звучат голоса землян, прежних хозяев «Фокса»; здесь уже ничто не напоминает о грубоватых шутках и простых человеческих радостях. Каюта

принадлежит пан'ену. В этой цитадели мри заключена эпоха, а еще память о том, что совершил Стен и в чем не может им признаться.

— В каждом Эдуне Народа,— вымолвил Ньюн,— было Святилище, и в каждом святилище хранились пана. Ты видишь барьер. Вот та черта, которую не может преступить нога кела. То, что покоится за барьером, келов не касается. Это символ истины, кел Данкан. Пойми это и запомни.

— Почему ты впустил меня сюда?

— Ты кел'ен. Даже самый ничтожный из кел'енов имеет право входить во внешние Святилища. Но кел'ен, который дотронется до пан'ена, который пересечет черту и попадет в святилище сенов, обречен, кел Данкан. Ты помнишь стража Святилища?

Кости. Черные лохмотья. Жалкие останки смертного в гробнице. Картина в памяти возникла столь четкая, что Данкана бросило в холод.

— Много кел'енов отдали свои жизни, чтобы охранять пана. Другие — те, кто их несли, умерли за эту честь и сберегли тайну их местонахождения. Они подчинялись приказам ши'пан. Но для тебя их мотивы непостижимы.

У Данкана еще сильнее забилося сердце. Он настороженно взглянул на мри.

— Да.— Ему вдруг страстно захотелось убежать.

Но рука Ньюна уже легла на его плечо, подтолкнула к решетке. Мри преклонил колени, и Данкан — рядом с ним. Темная решетка дробила сияние пан'ена в ромбоидальные осколки. Позади беспокойно ворчали отставшие дусы. Наступила тишина. Данкан неслышно выдохнул, поняв наконец, что бояться нечего. Ньюн долго сидел неподвижно, положив руки на колени и глядя сквозь барьер. Данкан не осмеливался повернуть голову, чтобы посмотреть в его лицо.

— Ты догадываешься, что это за место? — в конце концов спросил его Ньюн, по-прежнему не шевелясь.

— Нет, — ответил Данкан. — Тех слов, что я от тебя узнал, мало, чтобы спросить. Что это место значит для тебя?

— Основателем касты келов был сен.

— ...Подаривший законы, — подхватил Данкан, вспомнив балладу. — Таково было его служение Матери Сайрин. И закон келов один: служить Владычице...

— Это кел'ес-джир, — сказал Ньюн. — У каждой главной песни есть ядро, которое изучают в первую очередь; затем каждое из основных слов дает начало отдельной песне. В Иатрэн-э Са'ана двадцать одно основное слово, и все они вошли в другие песни. Здесь кел'ены изучают главные песни — вот первый ответ на твой вопрос. Здесь встречаются мри всех трех каст, хотя каждая из них держится особняком. Здесь, в непосредственной близости от пана, лежат умершие. Здесь мы говорим в присутствии Са'ана и иных, тех, кто был дан Народу, и помним, что мы — их дети. — Наступила долгая пауза. — Са'ан не был твоим отцом. Но склонись перед законом келов, и тогда сможешь приходить сюда когда пожелаешь и никто тебя не прогонит. Я могу научить тебя закону келов. Но не открою Тайны пана, потому что и сам их не знаю. Только ши'пан может рассказать о пана. Таков закон: каста учит лишь тому, что знает лучше всего. Келы — это Руки Народа. А еще мы — Лицо Народа, которое видят чужие, и поэтому носим вуали. Нам неведома высшая мудрость, и мы не читаем письма: мы Лицо, Обращенное Вовне, и у нас нет никакого имущества, чтобы чужие не могли разгадать нас.

Это объясняло многое.

— Все чужие — враги? — спросил Данкан.

— Этого келы не знают. Из жизней отдельных келов состоит Жизнь Народа. Регулы наняли нас... В песнях поется, что мы — наемники, и эти песни очень старые, гораздо старше нашей службы у регулов. Вот и все, что мне известно.

Ньюн, сделав почтительный жест, поднялся. Данкан собрался с силами и вышел следом за ним в коридор, где ждали дусы. Животные излучали радость. Данкан старался не обращать внимания, пытаясь сохранить ясность чувств... и в страхе сознавая, что все его усилия сводятся на нет мри и дусами.

В зале келов они распили чашку соя. Ньюн, казалось, пребывал в хорошем настроении; его глаза, еще недавно напоминавшие кусочки древней меди, теперь были необычайно выразительны. «Как будто ему понравилось, что я пошел искать Святилице», — подумал Стен. Данкану вдруг пришло в голову, что долгое молчание нагнало тоску не только на него самого, но и на Ньюна, вынужденного делить кров с существом куда более чуждым мри, чем дусы, которые понимали Ньюна гораздо хуже... с существом, которое не нравилось Мелейн.

Они спокойно поговорили о скором прыжке и о том, что необходимо сделать завтра. И в прошлом, и в будущем было немало такого, о чем они не упоминали. Данкану хотелось воспользоваться разговорчивостью Ньюна и порасспросить обо всем, о чем бы он расспросил другого землянина. Главным образом о прошлом — чтобы лучше узнать собеседника. Как жилось на Кесрите, когда там были только регулы и мри? Откуда ты родом? Были у тебя женщины? Чего ждал от жизни? Но Кесрит надо забыть — как и многое другое из своего собственного прошлого. Воспоминания — под запретом. Прошлого больше нет, будущее наполнено

смутными образами... кел'ена они не касаются, он не должен интересоваться ими, смотреть на них, запоминать... Как не касается его то, что находится за барьером в Святилище.

Данкан допил сой, поставил чашку на пол, и дус сразу потянулся к ней носом.

— Я хочу сыграть с тобой в круге,— сказал Ньюн.

Игра...

Так продолжалось уже долго. Каждый день одно и то же. Однообразие начинало сводить с ума. И сегодня, все еще под впечатлением визита в Святилище, Данкан закусил губу и, решив усложнить себе жизнь, ответил по-другому.

— С оружием,— сказал он.

Ньюн испуганно мигнул. Он задумался, потом вытащил из-за пояса ав-тлен — длинный, в две ладони, нож. Ньюн положил его перед собой, потом слева, чуть в стороне, легли пистолет и тяжелые, украшенные основательнее, чем оружие, шнуры — кэй'ислэи, которые обычно свешивались с пояса. Из кармана на поясе мри извлек два небольших ножа — ас'еи, которыми келы играли в шон'ай. Все это лежало теперь на циновке между Данканом и Ньюном: пистолет — слева, а йин'ейн, древнее оружие,— справа.

— Здесь нет ав-кела,— сказал Ньюн.— Но он сейчас и не нужен.

Меч кела. Данкану был знаком этот острый, как бритва, трехфутовый клинок. Он совсем недавно вернул его мри, и теперь меч лежал, завернутый в ткань, рядом с убогим ложем Ньюна.

— Можешь взять их,— произнес Ньюн и, когда Данкан поднял изящные ас'еи, добавил: — Осторожнее. С этим оружием, кел Данкан, надо обращаться очень аккуратно. Что касается...— Он указал на пистолет.— Им ты не поранишься, я знаю.

Но кел'ен, который сразу же, с детства, начинает играть в шон'ай острой сталью, гибнет. Ведь ты даже к жезлам еще толком не привык.

Знакомый липкий холодок страха заставил Данкана покрыться мурашками, когда он взял в руки это неприметное оружие. То была не боязнь пораниться — Данкан давно научился справляться с ней, еще когда начинал тренировки... Его испугала пронзительная мысль о том, что это смертоносное оружие совсем незнакомо землянам, оно напрямую связано с личностью бойца и требует от него куда большего искусства, чем то, которое до сих пор мог себе представить Стен. Он оценил мастерство Ньюна и рефлекс мри, которые даже на первый взгляд превосходили человеческие, и вдруг подумал, что не готов к подобному испытанию и что именно такого признания ждет от него Ньюн.

— Мне думается,— сказал Данкан,— не так уж и много кел'енов погибло, пока учились играть острой сталью.

— Такая смерть почетна.

Стен посмотрел в открытое лицо мри, ища хотя бы тень насмешки, и ничего не нашел.

— Ты принадлежишь к расе,— медленно заговорил Ньюн,— которая воюет числом. Мы не такие. Оружие, извергающее огонь, захен'ейн... Вот чему вы отдаете предпочтение. Вы не понимаете нас, я это вижу. Много, много раз, Данкан, пытались мы подступить к землянам, думая, что вам знакомо понятие чести. Что ж, может быть, и знакомо. Но вы не выходили на поединки. Это не в обычае землян? Или причина не в этом?

Данкан не нашелся с ответом. В словах мри прозвучала такая невыразимая печаль, такая растерянность, будто он верил: все сложилось бы совсем иначе, если бы Народ своевременно получил ответы на эти вопросы.

— Мне очень жаль,— сказал Данкан, понимая, что этого ничтожно мало.

— Что ты решил? Будешь играть?

Горечи не убывало. И в воздухе по-прежнему витал страх Данкана. Стен опустил взгляд на изящные клинки, которые несмело вертел в руках, стараясь взять, как полагается. Ньюн тонкими пальцами осторожно поправил ас'ей в ладонях Стена и так же осторожно убрал руку. Мри отодвинулся на должное расстояние.

— Бросаем по одному клинку, Данкан.— Видя, что Стен колеблется, Ньюн предостерег: — Это нехорошо. Бросай.

Клинок метнулся вперед. Ньюн легко перехватил его и послал обратно. Данкан поймать не смог. Клинок ударил в грудь и упал на колени. Стен потерял место удара — над сердцем — и подумал, что под одеждой, наверное, из раны идет кровь.

Данкан бросил вновь. Ньюн ответил. Неловко поймав ас'ей за рукоятку, Стен метнул. Вперед... назад... вперед... назад... вперед... назад... И тут мелькнула мысль, что это все-таки оружие, и Данкан замер, и ас'ей ударил снова — на этот раз в ребро. Трясущейся рукой Стен поднял его с колен. Бросок. Ньюн поймал ас'ей и не вернул, стиснул в кулаке.

— Играем,— сказал Данкан.

— Потом.— Ньюн потянулся за вторым ас'еем. Данкан отдал его, и мри засунул клинки обратно за пояс.

— Раны пустяковые.

Спокойный взгляд янтарных глаз мри скользнул по дрожащим рукам Данкана, по открытому лицу.

— Теперь ты знаешь, что ас'еем легко пораниться. Такое с каждым бывает, кел Данкан. Задумайся об этом. У тебя доброе сердце. У тебя

добрые намерения. Твоя душа неспокойна. Мы еще будем играть — и с жезлами, и с клинками. Я научу тебя всему, что знаю сам. Но не пытайся всему обучиться за один день. Позволь я взгляну на твои раны. Я тщательно рассчитывал броски, но мог и ошибиться.

Нахмурившись, Данкан приподнял мантию, показав две ранки. Они были неглубоки, кровь не выступила.

— По-моему, это все-таки моя ошибка, — сказал он. Ньюн внимательно посмотрел на него.

— Да, это так. Ты не умеешь сдерживаться. Даже когда мы играли с жезлами, мне приходилось соблюдать осторожность. От первой до последней тренировки.

Стен с возмущением посмотрел на мри.

— Небольшую осторожность, — уступил Ньюн. — Но я знаю твой предел, а ты не знаешь моего.

На скулах Данкана заходили желваки.

— Как звучит на хол'эйри «высокомерный»?

Ньюн улыбнулся:

— Кэ'эни-нла. Но ко мне это не относится, кел Данкан. Будь я действительно высокомерен, ты бы не отделался двумя ранами. Ставить партнера в затруднительное положение — вот это высокомерие. Усложнять Игру настолько, что она тебе не по силам — глупо. А ты не глупец, кел Данкан.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Данкан подыскал достойный ответ. Дусы сильно встревожились.

— Если я способен разозлить тебя, кел Данкан, — заговорил Ньюн, как только Стен открыл рот для гневной отповеди, — ты опять пропустишь удар. И причина тому — злость. Я не хочу, чтобы ты думал о чем-либо, кроме Игры. Так говорили мне мои наставники... часто говорили, потому что я и сам совершал подобные ошибки.

И шрамов у меня осталось не два, а гораздо больше.

Глядя на кел'ена, Данкан с удивлением подумал, что впервые за долгий срок узнал кое-что о Ньюне как о личности, а не как о мри. Стен узнал веселый блеск янтарных глаз и понял, что ему предлагается разделить это веселье, что Ньюн, вместо того чтобы рассердиться, лишь ответил броском на бросок — как мужчина поступает с женщиной, который ему не враг.

— Завтра я снова попробую с ас'сеями,— сказал Данкан.

Лицо Ньюна осталось спокойным, но в утвердительном жесте промелькнуло удовлетворение.

— Хорошо.— Кел'ен протянул руку, чтобы отогнать не в меру любопытного дуса. Казалось, животных привлекал любой спокойный разговор, и в такие минуты они старались подойти ближе, чтобы коснуться людей.

Но дус (это был детеныш) зарычал на поднятую руку, и Ньюн отдернул ее. Заставив мри отодвинуться, зверь устроился между ним и Данканом.

Немного погодя он снова зашевелился, переместился ближе к землянину.

— Он иногда так делает,— пробормотал встревоженный Данкан.

Сердце застучало сильнее — дус коснулся его. Массивная голова ткнулась в колени землянина, и зверь, вздохнув, обрушил на него волну тепла и знакомое убаюкивающее урчание. Данкан на миг растворился в этом теплом дрожащем звуке, но потом вздрогнул, и дус притих. Стен тряхнул головой и увидел, что сидящий напротив Ньюн обнимает одной рукой большого дуса.

— Этот бессовестный дус предпочитает ци'мри,— сказал Ньюн.

Данкан подумал, что мри рассердился, ведь дус зарычал на него. Стен еще некоторое время терпел прикосновение дуса, зная, как мри привязан к этим животным, и боясь обидеть его проявлением недовольства. Но вторжение в его собственные чувства стало невыносимым. И тут по его телу прошла судорога.

— Уйди от меня,— отрывисто произнес он, боясь пошевелиться, чтобы не расстроить зверя еще сильнее.

Ньюн, нахмурившись, осторожно отстранился от большого дуса и протянул руку к лежащему рядом с Данканом детенышу. Тот печально застонал и, тяжело дыша, придвинулся еще ближе к Данкану. Мри, на котором уже не было вуали, снял зайдх,— непривычная фамильярность,— наклонился и сильно тряхнул ею рядом со зверем. Данкан почувствовал, как дус оцетинился и стал чужим. Он попробовал сам коснуться зверя рукой, но тот внезапно отпрянул и затрусил в другой конец каюты, покачивая громадной головой и раздраженно сопя.

— Ци'мри,— предположил Ньюн, все еще стоя на коленях.— Дус не в силах понять, что он чувствует. Я ему не нужен, а ты не подпускаешь к себе. Данкан, это может плохо кончиться. В чем дело? Тебя не устраивает то, что он предлагает? Но если ты не примешь его, в конце концов может случиться непоправимое. И я тебе ничем не помогу. Если дус не получит то, что ему нужно, он сойдет с ума. Они выбирают. Мы — нет.

— Я не могу. Это невыносимо.

— Ты должен привыкнуть.

— Нет.

Вздохнув, Ньюн поднялся и подошел к экрану, на котором сияли россыпи звезд, похожие на облака пыли. Больше здесь не на что было смотреть, кроме растерянных зверей и упрямого землянина.

Данкану казалось, будто от застывшей черной фигуры веет упреком и разочарованием.

— Ньюн...

Мри повернулся и посмотрел на Данкана. Непокрытое лицо, непокрытая голова.

— Не называй меня ци'мри,— попросил Данкан.

— Что ты сказал? — Ньюн выпрямился. — А-а... Когда хол'эйри станет твоим языком, когда ты будешь играть в шон'ай с оружием, когда сможешь спокойно заснуть, не боясь дусов,— лишь тогда я перестану называть тебя ци'мри. Зверь умрет, Данкан. И второму тяжело придется в одиночестве, даже если безумие его не коснется.

Данкан посмотрел на свернувшегося в углу детеныша. Уступая Ньюну, Стен поднялся и заставил себя подойти к зверю. Но тот упорно отодвигался и рычал, посверкивая темными глазами — хотел, чтобы его оставили в покое.

— Осторожно...

Ньюн встал позади Стена. Почувствовав руку мри на своем плече, Данкан облегченно вздохнул и отступил. Дус по-прежнему лежал в углу, и, похоже, с этим пока ничего нельзя было сделать.

— Я попробую,— тихо сказал Данкан.

— Только не торопись. Сейчас его не трогай. Дусов нельзя принуждать ни к чему.

— Не знаю, почему он за мной ходит. Я пытался его отвадить. Кажется, он и сам понимает, что не нужен мне.

Ньюн пожал плечами:

— Я чувствую, что он нервничает. Но не жди от меня ответа. Ни один кел не знает, почему дус выбирает именно его. А для меня двое зверей — слишком большая обуза. У малыша еще нет хозяина. Возможно, он чувствует в тебе кел'ена.

Данкан посмотрел на дуса, который больше не излучал враждебность. Потом он снова взглянул на Ньюна и спросил себя: «Неужели в словах мри — признание того, что я одержал какую-то победу?»

Ночью, когда они улеглись на аскетичные лежа, Ньюн спрятал свое оружие в узел, где умещались все его вещи. И там же, рядом со странной скрученной веревкой, лежала грубая резная фигурка дуса. Точно какая-то ценность... Данкану это понравилось. Он устремил взгляд в полумрак, на живой прообраз, который лежал чуть в стороне, поблескивая глазами в льющемся с экрана свете звезд. Опустив голову между лапами, дус с тоской глядел на землянина.

Стен негромко свистнул — то был зов его предков. Ноздри зверя раздулись, неслышно выпустили воздух. Маленькие глазки сузились, как будто дус мучительно раздумывал.

Но он не двинулся с места.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На этот раз Мелейн была облачена не в золотую, а в белую мантию. Она сшила себе новые одежды, а в соседних с командной рубкой отсеках устроила для себя скромные и уютные покои.

Здесь было лишь одно кресло — для нее; циновки — для мужчин; и она начала покрывать переборки кают-компаний и ведущего из нее коридора изящными золотыми, черными и голубыми разводами. Ярким и странным выглядело несходство этих переборок со стенами других кают и отсеков. Отсюда, из покоев, Мелейн потихоньку завоевывала корабль, превращая его в свой дом.

Сама того не осознавая, она возрождала утраченный Эдун, Дом Народа. Она брала из памяти письма; знания, мастерство и упорство помогали Мелейн справиться с этой нелегкой и священной задачей.

Видя это, Ньун испытывал благоговейный трепет, и каждый раз, приходя навестить Мелейн, замечал, как явственно перелицовывается интерьер корабля. До сих пор не верилось, что она способна на такое. Ведь Владычица Мелейн еще совсем недавно была самой юной дочерью Дома — Мелейн Зайн-Абрин, Избранница ши'пан Интель.

Ту Мелейн, которую он знал, родную сестру, товарища по оружию, кела, Ньун потерял навсег-

да. Это произошло постепенно; так же постепенно, строчка за строчкой, ложились письма на корабельные переборки. Он вспоминал свое детство среди катов, вспоминал, как уже келами они с Мелейн играли на высоких холмах Кесрита. И вот Мелейн достигла возраста почтенной Матери. И знания, постигнутые ею, отдалили ее от Ньюна. Он — всего лишь кел'ен, ему не прочесть написанного ею, не понять загадочных слов, что изредка слетают с ее уст. К смущению своему, он понимал, сколь сильно расширилась пропасть за шесть лет, минувшие с тех пор, как они оба были келами. У обоих остались на лицах символы воинской чести, голубые сет'алы; но рукам Мелейн уже не суждено коснуться оружия, ее удел — терпение, сдержанность, спокойствие сенов. Она не носила вуали — Мать Эдуна очень редко закрывала лицо перед своими детьми. В присутствии чужака или незнакомого мри она лишь отворачивалась. Ши'пан одинока: сены в золотистых мантиях заменяют ей слуг; келы, опытные воины, — ее Мужья; взрослые каты, на радость ей, рождали светлоглазых младенцев. И временами Ньюн с мучительной тоской думал о том, как мало он может сделать для нее.

— Ньюн... — Мелейн улыбнулась и дотронулась до него рукой.

Он преклонил колени у ее кресла — будучи келом, он, как и непривычный к роскоши сен, не признавал мебель. Рядом был его дус, излучал тепло и верность. Детеныш, пришедший с ними в гости, расположился у ног ши'пан — так дусы выражали свою любовь. Считалось, что мысли сенов чересчур сложны, чересчур холодны для дусов. Правда ли это, Ньюн не знал — но, как ни странно, даже когда Мелейн была келом, ни один дус не выбрал ее, и девушка остро завидовала другим кел'енам. Теперь у нее

никого нет... и не будет. Дус обожал Мелейн, но никогда не пытался проникнуть в ее мысли, он отдавал предпочтение землянину, лишь бы не соприкасаться с расчетливым и властным разумом Владычицы Мелейн с'Интель.

Ньюн опустил голову, когда до него дотронулась ши'пан, и снова поднял глаза.

— Я привел Данкана,— сказал он.— Объяснил, как ему следует вести себя. Предостерег...

Мелейн кивнула.

— Что ж, если считаешь, что пришло время...— Она погладила по спине устроившегося рядом дуса.— Зови его.

Ньюн взглянул на нее — еще раз безмолвно взмолился о терпении. Поговорить бы с ней напрямик, как в детстве... Но детство миновало давно. Дусы встревожились, зверь Ньюна замотал головой. Кел'ен встал и толкнул дуса, чтобы тот поднялся и шел впереди.

Ньюн нашел землянина на том же месте, где и оставил,— у двери в другом конце коридора. Данкан ждал.

— Идем,— сказал Ньюн.— И не закрывай лица. В кают-компании нет чужих.

Данкан закрепил мез под самым подбородком и вошел следом за мри, чуть задержавшись посередине кают-компании, пока Мелейн не сделала приглашающий жест, а затем другим жестом велела сесть по левую руку от нее, рядом с прикорнувшим детенышем.

Стен шагнул вперед, с опаской глядя на дуса,— он все еще смертельно боялся этих зверей. Ньюн хотел было успокоить землянина, но решил, что лишь обидит его и позволит Мелейн усомниться в том, что Стену действительно можно присутствовать. Данкан робко опустился на отведенное ему место, а Ньюн устроился на своем — справа от

Мелейн, на расстоянии вытянутой руки от землянина и второго дуса. Коснувшись пальцами детеныша, Ньюн понял, что тот спокоен, и позволил себя расслабиться.

— Данкан,— тихо окликнула Мелейн.— Кел Данкан... Ньюн сказал, что ты понимаешь хол'эйри.

— Ши'пан, я глотаю слова, но понимаю, что мне говорят.

— Должно быть, до того, как попал к нам, ты немного знал му'ара...

— Да. Несколько слов.

— Наверное, тебе пришлось немало потрудиться,— сказала она.— Знаешь, сколько уже времени ты здесь?

— Нет. Я больше не слежу за временем.

— Данкан, ты доволен?

— Да,— отозвался Стен, и по тому, как он задержал дыхание, Ньюн понял, что землянин и сам в это не верит. Данкан лгал — так поступали только люди его расы.

Не следовало этого делать.

— Тебе известно,— продолжала Мелейн,— что мы летим на родину?

— Ньюн сказал.

— Твои соплеменники это предвидели?

Данкан не ответил. Вопрос его сильно испугал — Ньюн через дусов ощутил всплеск страха.

— Путь нашей расы,— негромко продолжала Мелейн,— начался давно, и был он долог, ибо корабли, подобные этому, способные в один миг преодолевать громадные расстояния, были недоступны нам. Странствия, которые привели нас к землянам, длились около двух тысячелетий. Были времена, о которых Народ хотел бы навсегда забыть, и целые поколения сменяли друг друга во Мраке, на пути от звезды к звезде... Поколения, не знавшие пана —

Запретного, Святого, Тайн... И они ступали на новую землю, понимая лишь то, о чем им говорили обладатели тайных знаний. Но на этот раз... на этот раз, кел Данкан, наше прошлое осталось с нами, оно в тебе самом, и оно живо; да, это противоречит всем законам, противоречит мудрости, накопленной многими Матерями до меня... Но и путь наш совсем иной, и совсем иной — наш Мрак. Я позволила тебе остаться с нами. Скажи, Данкан, подозревали ли твои соплеменники, что мы захотим вернуться на прародину?

У маленьких катов была тайная игра в правду: коснись дуса и попробуй солгать. Если бы Матери узнали о ней — сразу бы строго-настрого запретили, хотя огромные звери детей не обижали, а невинные мысли малышей не могли встревожить дусов.

«Найди, где я спрятал камень».

«Это близко? Далеко? Коснись дуса и попробуй солгать».

Но не пытайся лгать братьям — келам или сенам.

— Мелейн! — запротестовал Ньюн. — Он боится зверей!

— Боится, — тихим эхом отозвалась она. — Скажи, Данкан, по мнению землян, что содержится в ленте, которую они вложили в пульт?

— Это... это координаты баз мри.

Казалось, воздух стал густым и душным, как перед грозой.

Большой дус вздрогнул, поднял голову.

— Спокойно, — прошептал Ньюн в ухо, вставшее торчком, и потянул за него, чтобы отвлечь зверя.

— А-а... — протянула Мелейн. — И земляне, конечно, скопировали эту ленту. Пока пан'ен был у них, они выжали из него все, что смогли. А чтобы мы ничего не заподозрили, они отдали тебя нам.

Внезапно, заставив их вздрогнуть, рыкнул дус. Зверь отшвырнул Данкана к стене, и тот растянулся на полу. Оба дуса вскочили, от них исходили волны смятения и страха.

— Яй! — прикрикнул Ньюн на своего зверя, хлопнул в ладоши и толкнул его. Дус мгновенно бросился грудью на испуганного детеныша и прижал его к стене, заслонил собою хозяина, а Ньюн прыгнул к Данкану, и большому дусу пришлось загораживать их обоих.

Паника постепенно улеглась. Стоя на коленях, Данкан держал руку на весу. Его били судороги, на побелевшем лице выступили бисерины пота. Ньюн взял его за руку и поднял рукав, обнажил жуткую рану. Вокруг нее быстро распухла плоть.

Яд дуса.

— Не бойся, от этого не умирают. — Ньюн обнял Стена, чтобы хоть немного унять его дрожь. Мелейн подошла, склонилась, коснулась раненой руки. Но жалости на ее лице не было, лишь холодное любопытство. Дусы попятились. Детеныш виновато держался поодаль, от него шли сильные волны огорчения. Большой дус обнюхал Данкана, фыркнул и отошел; землянин вздрогнул и громко вскрикнул.

— Ты ранила их обоих. — Ньюн повернулся к Мелейн, надеясь, что она почувствует себя виноватой хотя бы перед одним из них — перед дусом или землянином.

— Он по-прежнему ци'мри, — сказала Мелейн. — Ньюн, он с самого начала лгал нам... Я это знала... А теперь и ты увидел.

— Ты даже не понимаешь, что натворила, — продолжал Ньюн. — Он боится дусов, особенно малыша. А ты решила любой ценой вытянуть из него правду. Мелейн, дус травмирован, и я не знаю, насколько серьезно.

— Ты забываешься.

— Ши'пан...— Ньюн покорно склонил голову, но ей этого было мало. Взяв Данкана за здоровую руку, мри помог ему подняться, перекинул руку себе на плечи. Землянин едва стоял на ногах — он был в глубоком шоке. Ньюн медленно пошел к выходу, следом двинулся его дус. Мелейн осталась в кают-компании.

* * *

Иногда жар отпускал, и землянин ненадолго возвращался в сознание; в такие часы казалось, что он понимает, где находится. Его взгляд блуждал по каюте келов, в углу которой, рядом с дусом, он лежал. Но сил хватало ненадолго, он опять впадал в забытие. Ньюн не пытался разговаривать с ним и старался сохранять в каюте полумрак: лучше не допускать, чтобы сознания зверя и человека соприкасались лишний раз.

Ночь не принесла Данкану облегчения, и тогда Ньюн раздел его, как кат'ен раздевает ребенка. Забрал мез, зайдх и обе мантии, чтобы дусы могли согреть его своим теплом. Он положил землянина между своим и пострадавшим дусами и накрыл двумя одеялами.

Яд еще действовал, и между двумя существами, которые прежде не выносили друг друга, возникла связь. Рана была глубокой, в нее попало почти все содержимое когтя — такой дозы было бы слишком много для мри, привычного к яду дуса. Но древние предания гласили (хотя Ньюн, будучи кел'еном, не знал, правда это или выдумка), что таким жестоким способом дус выбирает себе хозяина. Тому, кто выживет, не страшны будут ни гнев дуса, ни его яд, и зверь до конца жизни останется с ним. На самом деле все обстояло несколько иначе, дусы отмечали своих хозяев лишь

небольшими царапинами, очень редкие раны были относительно глубоки и вызывали приступ лихорадки. Но никто не представлял себе, как отреагирует на яд дуса организм землянина.

Все это Мелейн прекрасно понимала — ее учили келы и сены, и она всегда жила среди дусов. Она понимала, что, внушая Данкану страх, слишком нервнрует зверя. Но, как и Владычица, которой Ньюн служил прежде, Мелейн обладала ледяным сердцем.

И Данкан, чья обнаженная кожа сейчас перенимает тепло, идущее от шкуры зверя, и в чьих жилах бродит яд, привыкнет к дусу, и дус привыкнет к нему... если Стен не умрет; или если зверем не овладеет мьюк, безумие, что случается иногда из-за нервного перенапряжения, превращая его в убийцу. Вот на что пошла Мелейн, вполне осознавая риск.

Ньюн не знал, смог бы он спасти землянина от сумасшествия, случись подобное с дусом. Ему доводилось слышать о мри, которые заражались мьюк'ко от своих дусов. Хвала богам, что сам Ньюн избежал этой страшной участи.

Пронзительно завывала сирена.

Ньюн торопливо оглянулся на усыпанный звездами экран и выругался. Сейчас им не хватало только прыжка.

Раздался зуммер. Дусы вскочили на ноги, Данкан же лишь вскинул руки, обхватил зверя за шею и, прижавшись к нему головой, замер, утонул в излучаемом дусом страхе.

Наверное, это его и спасло. Прыжок... выход в нормальный режим... новый прыжок... Это продолжалось полночи. Слившись разумами воедино, землянин и дус испускали такой ужас, что второй зверь не мог этого вынести.

Считалось, что дусы не запоминают происходящего, помнят лишь своего хозяина и места, где

побывали. Возможно, именно поэтому зверь взял землянина под свою опеку, от которой тому уже не избавиться.

— Данкан...— позвал утром Ньюн и бесцеремонно поднес к губам землянина чашку, заставил выпить воды, поскольку Стен, в отличие от дуса, не мог без нее обойтись. Потом мри осторожно умыл лицо землянина кончиками пальцев.

— Дай одежду,— попросил вдруг Данкан тихим голосом.

Ньюн обрадовался. Он помог Стену подняться и оттащил подальше от измученного дуса. Данкан был очень слаб, горячая и распухшая рука все еще не слушалась, он не мог самостоятельно одеться. Когда Ньюн подал ему головной платок и вуаль, Стен закрыл лицо, словно хотел уединения.

— Я поговорю с ши`пан,— решительно сказал Ньюн.— Слышишь, Данкан? Я поговорю с ней. Землянин тяжело вздохнул, чуть ли не всхлипнул, и оттолкнул дуса, который обняхивал его ногу. В ответ зверь едва не опрокинул его. Стен удержался на ногах, ухватившись за протянутую Ньюном руку. Но прикосновение длилось лишь миг, землянин сразу гордо выпрямился.

— Владычица права,— сказал Данкан,— а ты — нет.— Потом, собравшись с духом, добавил: — Нас преследуют. Корабли землян. Боевые рейдероносцы. Ньюн, я солгал. «Фокс» — вовсе не подарок. У них есть точно такие же ленты, и они идут по нашим следам. Зачем — я не знаю. Мне не доверяют. Ши`пан права: я лечу с вами, чтобы вы ничего не заподозрили; чтобы узнать то, о чем не могут рассказать ленты. Мне удалось угнать корабль. Скажи это ши`пан. Больше я ничего не знаю. А теперь поступай, как считаешь нужным.

Он ушел в дальний угол каюты, скорчился там. Дус, опустив голову, последовал за ним и тяжело

улегся рядом. Данкан обнял его за шею и, прижавшись к ней, успокоился. Глаза землянина были пустыми и усталыми... нет, в них сквозило отчаяние, какого Ньюн еще никогда не видел.

* * *

— Приведи его,— сказала Мелейн, выслушав рассказ Ньюна о признаниях Данкана.

— Ши'пан,— запротестовал Ньюн,— он помог Народу и...

— Замолчи,— перебила она.— Не забывай, что ты кел'ен... кел'ант... и обязан мне подчиняться.

Мелейн была права: он должен повиноваться. Ради мри, ради спасения мри. Он покорно склонил голову... А вечером, когда она пыталась Данкана жестокими вопросами, Ньюн сидел рядом и молча страдал.

Все это выглядело грустной пародией на их совместный ужин, первый на этом корабле. Не было даже тени единства, и от этого пища отдавала горечью. Данкан почти не ел и сидел молча, когда его не допрашивали; дусов выгнали в коридор, и землянин остался совсем один, лишенный, с жалостью подумал Ньюн, даже поддержки кел'ена, который вынужден сидеть справа от Владычицы и помогать ей.

Каждого подмывало утопить совесть в крепком напитке регулов, ашиге, которого было немало в грузовых отсеках,— его делали из той же закваски, что и сой. Ньюн благодарил богов, что на борту нет комала, которым часто пользовалась прежняя Владычица, чтобы предаваться запретным и постыдным грезам... Именно эти грезы помогли ей создать план, который ныне выполняют Мелейн и Ньюн, и эти грезы были столь же преступны, как роль Данкана в гибели Народа, в возникновении угрозы, которая, как они теперь знали, нависла над ними.

Ньюн смотрел на Мелейн и видел обычное высокомерие Владычицы. Ши'пан всегда безжалостна к своим детям...

Но юноша не осмеливался сказать об этом Мелейн; он, любивший ее больше жизни и чести, не смел спорить с ней в присутствии ци'мри, который принес им столько зла. И лишь когда он смотрел в лицо Данкана и видел угрызения совести, его пронзало чувство, очень похожее на человеческую боль.

Четыре вечера подряд они ужинали вместе и почти не разговаривали, поскольку на большинство вопросов уже были даны ответы. И все это время в их отношениях сквозил холод, он перебирался потом в каюту келов, где Ньюн бесстрастно и терпеливо учил землянина владеть оружием, заботясь больше о точном вершении ритуалов, чем о достижении успехов. Временами в глазах Данкана появлялась такая мука, что Ньюн отбирал у него йин'ейн и прекращал тренировку.

Данкан предал своих.

И не найдет покоя совесть этого человека.

— Ци'мри, — сказала о нем Мелейн, когда Данкана не было рядом. — Кровь от крови, плоть от плоти землян. И все же он их предал. Разве может Народ на него положиться? Ньюн, это беспомощное существо. Ты сам это доказал.

Ньюн много думал о Данкане и понимал, что Мелейн права. Он сам превратил этого ци'мри в ничтожество. И он сожалел об этом. Тело землянина оправилось от яда, но душа по-прежнему страдала. Дус, которого то неохотно принимали, то отвергали, не таил своих страданий, человек же молчал, замыкался в себе. Его болезнь уходила вглубь...

Корабль достигал звезды, давал экипажу передышку и прыгал дальше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На этот раз их курс пролегал в опасной близости от планетной системы. Они уже много дней летели к желтой звезде и ее спутникам, и вот самая большая из планет начала расти на расположенном в зале келов экране.

Родина мри? Ньюн впервые осмелился задать вопрос, и молчание Мелейн сохранило надежду в его душе; потом он решил, что, если бы ши'пан знала правду, она бы ответила ему. Но дни шли, и беспокойство коснулось лица Мелейн; теперь в бросаемых ею на экран взглядах часто мелькал страх. Изображение на экранах почти не менялось, словно планета была целью их путешествия. Сначала она заполнила собой половину экрана, и Ньюн отчаянно надеялся, что корабль в самый последний момент изменит курс и промчится мимо... но потом диск на экране снова начал расти: они падали на планету, как пылинки в яму. Этот образ неожиданно возник в голове Ньюна, когда он сидел рядом с Мелейн, глядя на экран, который ши'пан установила в своих покоях, чтобы все время видеть опасность. И он, кел'ен, понимал свою беспомощность. Все его познания были сугубо теоретическими, но даже их сейчас было достаточно, чтобы понять: дело плохо. И Мелейн, которая, как и он, до падения Эдуна Кесритуна никогда не при- трагивалась к пульта управления кораблем, знала немногим больше его.

Он подумал, что ей, скорее всего, известно название планеты, захватившей их в тенета притяжения; но это, конечно, не отвлечет гибели.

И волна возмущения поднялась в нем, ибо им предстояло погибнуть в обыкновенной катастрофе. Какое-то время он ждал, что Мелейн сотворит чудо или какой-нибудь счастливый случай вызволит их... Ведь если боги на самом деле решили покончить с ними, то зачем было пускать их в такую даль?

Он ждал, что скажет Мелейн, но та молчала.

И в день, когда на экране остался лишь клочок тьмы, испещренной россыпями звезд, он осмелился заговорить с Владычицей.

— У тебя двое кел'енов.

Она не подала голоса.

— Спроси его, Мелейн.

Она поджала губы. Ньюн узнал это выражение упрямства, ведь они были братом и сестрой. Он отвернулся.

— Тогда позволь нам совершить посадку на планете,— сказал он, глядя в сторону.— Ведь я не знаю, что еще можно сделать, а твой разум скован.

Воцарилось долгое молчание. Никто не двигался.

— Я почти уверена,— сказала наконец Мелейн,— что эта опасность помешает нам достичь цели. Я много думала об этом. Но тех, кто летит за нами, она не остановит. И мы это знаем.

Это предположение ничего не оставило от уверенности Ньюна. Юноша почувствовал себя ничтожеством, потому что даже он, кел'ен Владычицы, думал лишь о том, как спастись.

— Я говорил об изменении курса,— сказал он.— И ты, конечно, не против.

— Ступай, попроси его,— произнесла Мелейн.

Ньюн некоторое время сидел неподвижно, размышляя о том, что перемены в ее настроении подобны прыжкам корабля и столь же мучительны; и при мысли, что сейчас он должен спуститься к Данкану, его нервы завибрировали, как туго натянутые струны.

Он поднялся на ноги, негромко позвал своего дуса и вышел.

* * *

Сидя под экраном сканнера, Данкан терпеливо правил клинок ав-тлена, собственноручно сделанного им из обрезка стали. Стен вырезал его с помощью лазера, балансировка получилась не ахти — Ньюн считал, что толкового оружейника из Данкана не выйдет. Но руки и, возможно, ум землянина — какие бы темные мысли ни шевелились там — были заняты. Дус лежал рядом, опустив голову между лапами и следя за манипуляциями Стена.

— Данкан... — позвал Ньюн.

Сталь по-прежнему скользила по стали.

— Данкан!

Тишина. Данкан поднял на него взгляд, в котором день ото дня копилась мрачная суровость.

— Нас притягивает планета, — заговорил Ньюн. — Ши'пан обеспокоена.

Взор Данкана был по-прежнему холоден.

— Допустим, но ведь ты вполне способен обойтись без меня. А если нет, то Мелейн наверняка что-нибудь придумает.

— Я уважаю твое упорство. — Ньюн уселся на пятки, примирительно развел руки в стороны. — Но ты, безусловно, понимаешь, что с планетой, которая нас зацепила, не поспоришь. Мы погибнем, и наша смерть не даст тебе никакого удовлетворения. Мы летим на одном корабле, и мне не нужны ссоры на нем, тем более что с нами дусы.

Выслушай меня, Данкан. Я терпеливо сношу твою обиду, но моему терпению придет конец, если ты будешь угрожать ши'пан. А сейчас именно это и происходит.

Данкан вернулся к своему занятию, снова зав-
жикал металл. Ньюн из последних сил сдерживался, прекрасно зная, что произойдет, если он убьет ци'мри. С находящимся на грани мьюка дусом и кораблем, который вот-вот врежется в планету, ему не справиться.

Скорее всего, вся беда в том, что разум землянина долго находился под воздействием большого мозга зверя. И если рассудок дуса действительно повредился, то же самое случится (если еще не случилось) с разумом, хранящим знания о корабле.

Вот оно, дело рук Мелейн! Сжав руками колени, Ньюн попробовал найти слова, способные повлиять на человека.

— Данкан, время уходит.

— Если ты сейчас ничего не можешь сделать,— заговорил вдруг Стен,— то и достигнув Дома, не посадишь корабль невредимым. Похоже, ты никогда всерьез не собирался убить меня. Мне кажется, я нужен вам обоим, и ши'пан, скорее всего, так считала всегда. Именно поэтому она дала тебе шанс. Ты пытался превратить меня в кел'ена... Это всего лишь способ сделать меня более удобным для вас, усыпить бдительность, выпытать у меня то, что ей нужно. Ньюн, я не сержусь на тебя. Ты ей веришь. И я верил. И она добилась своего. Но теперь вам снова понадобился прежний я, не так ли? — Сталь размеренно ерзала по стали, и для Ньюна эти звуки были невыносимы.— Стать таким, как вы. Одним из вас... Я знаю, ты хотел этого искренне. Ты дал мне оружие... но совсем забыл о звере. Теперь будет не так-то легко со мной справиться. Дус и

человек... На этом корабле еще никогда не было такой пары.

— Ты глубоко заблуждаешься.— Голос Ньюна остался спокоен.— Корабль летит на автопилоте. И ши'пан никогда не обманывала тебя или меня. Она не способна на ложь.

В глазах Данкана, обращенных на Ньюна, застыло циничное удивление; руки безвольно опустились.

— Полагаться на автопилот? Может, у регулов и впрямь надежная автоматика, но «Фокс» — земной корабль, и сам бы я ни за что не доверил этой жестянке свою жизнь. Она способна занести нас на край Вселенной... Ты хоть знаешь, как включить автоматику? Неужели ши'пан такая наивная? Нет, кел Ньюн, я вам нужен. И ты говорил с ней об этом.

Во всем этом была доля истины. Ньюн, чья уверенность заметно поколебалась, не нашелся с ответом. Мелейн просто не может знать всего на свете, в частности она не знакома с техникой, изготовленной не регулами, и с сознанием, психологией существ, не принадлежащих к Народу. Но у ши'пан по-прежнему остается ее дар предвидения. Во всяком случае, Ньюну всей душой хотелось в это верить.

— Идем,— попросил он Данкана.

— Нет,— ответил тот, и снова противно завжала сталь.

Ньюн сидел неподвижно, чувствуя, как в нем поднимается страх. Металл лязгал все громче, сжимавшие его пальцы побелели от напряжения. Данкан не поднимал глаз. Дус зашевелился, потянулся всем телом, застонал.

Ньюн резко поднялся и, неслышно выскользнув из зала келов, пошел коридорами. Они привели его к Мелейн.

— Он отказался прийти,— сказал он Владычице, не снимая вуали.

Она сидела молча, вглядывалась в экран. Ньюн устроился рядом, сдернул мез и зайдх, скомкал на коленях, опустил голову.

Мелейн по-прежнему безмолвствовала. Он предположил, что ши'пан наконец задумалась над содеянным, но слишком поздно.

К полуночи тьма исчезла с экрана. Планета надвинулась, резко, страшно обозначился рельеф. Кое-где на коричневом фоне вихрились облака.

Внезапно зазвучала сирена, не похожая на прежнюю, и экраны засверкали красным, и смысл этих сполохов был ужасен.

Привстав на коленях, Ньюн хмуро взглянул на Мелейн, чье спокойствие теперь казалось неубедительным.

— Ступай к Данкану,— сказала ему ши'пан.— Попроси еще раз.

Ньюн поднялся и пошел, надев зайдх, но не потрудившись закрыть лицо. Он шел просить врага — какой уж тут стыд!

Зал келов был наполнен мерцающим светом — это на экране сменяли друг друга тревожные красные вспышки и ослепительная белизна облаков планеты; и Данкан с открытым лицом сидел перед ним. По-прежнему размеренный звон стали нарушал тишину, словно происходящее землянина не касалось. Рядом с ним темными глыбами лежали дусы, они зашевелились и отодвинулись в сторону, когда Ньюн вошел и опустился на колени перед Данканом.

— Если ты знаешь, что нужно делать, то сейчас самое время. Кажется, мы снижаемся слишком быстро.

Напильник последний раз скользнул по лезвию; губы Данкана поджались. Он на мгновение задумался, затем положил на пол заготовку и напиль-

ник, вытер руки о мантию на коленях и поднял глаза на пульсирующий экран.

— Можно попробовать ручное управление,— сказал он довольно ровным голосом.

Ньюн встал, подождал, пока Данкан неуклюже сделает то же самое, и оба вышли в коридор. Дусы двинулись следом, но мри прикрикнул на них и, заперев дверь зала келов, повел Стена в покои ши'пан.

Мелейн встретила их в коридоре около своей каюты.

— Он попробует,— сказал Ньюн.

Мелейн открыла им рубку и, войдя следом, установилась с мрачным видом. Данкан устроился в кресле за главным пультом управления.

Землянин больше не обращал внимания на мри. Он изучал экраны и касался разных клавиш и рычагов. По единственному дисплею с устойчивым изображением побежали данные телеметрии. Один за другим мониторы прекращали мигать, камеры настраивались на красочные виды планеты.

— Ты занимаешься ерундой,— произнесла Мелейн.

Данкан удостоил ее лишь мимолетным поворотом головы.

— Да. Я наблюдал за планетой последние дни. И кое-что мне кажется странным. Возможно, наша защитная автоматика должна сработать, лишь когда мы подойдем на предельную дистанцию. Но так ли это на самом деле, можно лишь гадать. Почему-то автопилот позволил нам зайти в гравитационное поле планеты, и теперь ее масса не позволяет нам прыгнуть. Вот.— Он откинул защитную крышку с пульта и нажал одну-единственную кнопку. На пульте безумно запыхали огоньки. Изменение курса проявилось сразу же: изображения на экранах стремительно сменяли

друг друга. Данкан спокойно вернул крышку на место. — «Фокс» — старый корабль, идет тяжело. Я сбил автопилот с заданного курса. Теперь он должен переориентироваться. Он выполнит маневр уклонения, а потом вернет нас на прежний курс. Я думаю, это решит проблему. Но если всему виной ошибка на курсовой ленте, то мы — покойники.

Данкан сказал это циничным тоном и медленно встал с кресла, не сводя глаз с монитора сканеров.

— Планета безжизненна, — пробормотал он через некоторое время. — И это довольно странно, если учесть показания остальных датчиков.

— Ты ошибаешься, ци'мри, — севшим вдруг голосом сказала Мелейн. — Планета носит имя Нхекью, а звезда называется Сир. В этой системе и ее окрестностях обитает раса, давно вышедшая в космос. Ты что-нибудь слышал об этрау?

— Взгляни на мониторы инфракрасного излучения. Взгляни на поверхность. Никакой растительности. Никакой жизни. Ши'пан, это мертвая планета, что бы там ни говорили твои письма. Мертвая система. Освоители космоса обязательно бы вылетели нам навстречу — посмотреть, кто вторгся в их пространство. Никого нет. Ни здесь, ни там, где мы побывали раньше, не так ли? Ты бы не смогла ответить на их запрос. Ты бы ничего не смогла сделать, если бы появились их корабли. Понадобилась бы моя помощь, а ты не обращалась за ней. Мы облетаем планету за планетой и никого не находим. Почему? Как ты думаешь, ши'пан?

Мелейн посмотрела на него. Она была потрясена, на открытом лице застыл бессильный гнев. Владычица не ответила, и от ее молчания по телу Ньюна побежали мурашки.

— Народ — это кочевники,— продолжал Данкан.— Наемники. Они прошли по этому маршруту задолго до нас. Летели от звезды к звезде в поисках войны, в боях отстаивали свое право на службу. И забывали об этом. Каждую эпоху вы запирали за собой, точно опустевшую комнату, и запрещали келам помнить. Но скажи, ши'пан, какова судьба всех ваших прежних хозяев? Почему за вами остаются только мертвые планеты?

Ньюн смотрел на экраны, показывавшие безжизненный мир; на приборы — они расплывались перед глазами. И ждал ответа Владычицы. Ждал, когда она скажет: «Все было совсем не так».

— Уходи,— сказала она.— Ньюн, отведи его обратно в зал келов.

Данкан отступил от пульта, перевел взгляд с Мелейн на Ньюна. И когда кел'ен на мгновение заколебался, землянин повернулся на пятках, вышел в коридор и быстро зашагал в сторону зала келов.

Ньюн пристально посмотрел на Мелейн. Она побледнела, зрачки расширились; такой испуганной он ее не видел, даже когда в Эдун пришла весть о примирении регулов и землян.

— Владычица...— произнес он, все еще лелея надежду.

— Я не знаю.— Мелейн заплакала — подобное признание недостойно ши'пан. Она опустила на краешек кресла, не глядя на Ньюна.

Наконец он осмелился встать, взять ее за руки и увести из этого ужасного места в ее покои, где не было слышно укORIZненного гула машин. Усадив ее в кресло, Ньюн опустился рядом на колени и гладил золотистые волосы, как давным-давно, когда они оба были еще кат'енами, и утирал ей слезы своей черной вуалью; и видел, как спокойствие постепенно возвращается к ней.

Ньюн знал, что она просто растеряна. Она не разбиралась в машинах и понимала, что ему это известно. Но он стоял на коленях у ее ног, держал ее за руки и смотрел снизу вверх своими ясными глазами, готовый выполнить любое ее повеление.

— Отдохни, — умолял он ее. — Отдохни. Ты ни на секунду не переставала быть Владычицей. Ты устала. Разве не бывает так, что ши'пан изменяет ее прозорливость? Ведь такие случаи бывали, мне доводилось о них слышать. Ты и близко не подпускала Данкана к себе, и это было правильно. Ты его терпишь только ради меня. И я доведу до конца начатое дело.

— Он видит лишь то, что лежит на поверхности. Ньюн, я не понимаю, в чем наша вина.

Он подумал о мертвых планетах и отогнал эту мысль.

— Мы ничего не сделали. Мы ничего не сделали.

— Мы — наследники Народа.

— Мы не знаем, вправе ли землянин предъявлять нам счета.

— Ньюн! Ньюн, он же все видел! Неужели ты до сих пор не понял, что мы обнаружили, пока летели по следам Народа? Разве могли планеты сами по себе погибнуть в таком множестве, после того, как мы их покинули?

— Мелейн, я не знаю, — в отчаянии сказал он. — Я всего лишь кел'ен.

Она ласково коснулась его лица, безмолвно прося извинения за свои слова, и некоторое время в каюте висела тишина. Давным-давно (так, по крайней мере, казалось Ньюну) он вот так же сидел рядом с Интель, Владычицей Эдуна Кесритуна, опустив подбородок на подлокотник ее кресла, и ши'пан, погруженная в наркотический сон, касалась его головы, чтобы убедиться, что он рядом.

Теперь Матерью была Мелейн. Ее рука нервно поглаживала его волосы; ши'пан думала, и Ньюн сидел тихо, не в силах ничем помочь ей, ибо мысли Мелейн витали где-то далеко, во тьме, вечно окружавшей пана.

Он слышал ее прерывистое дыхание и сам едва дышал, чтобы не рассердить Владычицу.

— Интель по-прежнему не выпускает нас из своих рук,— заговорила наконец Мелейн.— Ты — кел'ен ши'пан, она удерживала тебя рядом с собой, и я боялась, что ты из-за этого сойдешь с ума. А потом она передала тебя мне... чтобы знать наверняка, что ее избранники получают в наследство не только Эдун Кесритун... но и будут править всем Народом. И мы — избранники — уцелели. Никакая кровь не остановила бы Интель на пути к ее цели. Она была настоящей Владычицей. Старуха... Но возраст не прибавил ей святости, не погасил ее фанатизма.

Ему нечего было на это сказать. В памяти навечно остался ласковый взгляд Матери Эдуна Кесритуна, чьи руки были нежны, а разум почти всегда затуманен комалом. Но он знал и другую Интель.

Ньюн вздрогнул, вспомнив прежние обиды... Ее деспотизм, неодолимое упрямство. Но она умерла. А злиться на покойную ши'пан — глупо.

— Она бы завоевала корабль,— бесцветным голосом сказала Мелейн.— И только боги знают, что бы она сделала, покидая Кесрит.

Наша служба у регулов закончилась, мы были свободны от своих клятв. Это она велела мне пойти в убежище и сама, мне кажется, собиралась последовать за мной. Так это или нет — мне уже никогда не узнать. Как и не узнать всего того, чему она не успела научить меня. В сонном бреду, вызванном комалом, когда только я сидела рядом с ней, она

говорила о возвращении и о продолжении борьбы с врагами Народа. Враги... Она бы уничтожила их, а потом увела нас домой. То было самое величественное и невероятное из ее видений... Этот Мрак будет последним, говорила она, и он приведет нас домой, ибо нас осталось слишком мало. Скорее всего, у нее к тому времени ослабел рассудок.

Ньюн не мог вынести взгляда Мелейн, ведь все сказанное ею было правдой, и от этого им было одинаково больно.

— Что нам делать? — пробормотал он. — Будет ли дозволено келу задать вопрос? Что нам предпринять для нашего спасения?

— Я не в силах остановить полет нашего корабля. Данкан сказал, что и он не может. Думаю, это правда. И он...

Затянулась пауза. Ньюн не осмелился нарушить ее, зная, что ничего хорошего из этого не получится. Наконец Мелейн тяжело вздохнула.

— Данкан, — с трудом проговорила она.

— Я не позволю ему приближаться к тебе.

— Ты дал ему оружие против нас.

— Я продолжу начатое, ши'пан.

Она с сомнением покачала головой и ладонью вытерла глаза,

Пришли дусы; Ньюн почувствовал их приближение задолго до того, как звери появились. Подняв глаза, он увидел своего великана и подозвал. Тот подошел с обычным для дусов рассеянным видом и устроился у ног Мелейн, от него веяло бездумным спокойствием.

Немного погодя, когда дыхание Мелейн стало ровным, Ньюн ощутил присутствие второго зверя. Он с удивлением увидел стоящего в дверном проеме детеныша, пришедшего вслед за собратом. Детеныш пересек каюту и улегся рядом с большим дусом.

Мелейн потянулась к нему, и детеныш спокойно отнесся к прикосновению руки, которая в прошлый раз причинила ему боль. И лишь где-то в недрах корабля это прикосновение отзовется страданием. Ньюн подумал о Данкане, который остался совсем один, и спросил себя: зачем этот дус пришел сюда, к той, кого ненавидит Данкан?

Разве что его грубо прогнал хозяин... или мысленно приказал вернуться к мри.

— Ступай, присмотри за Данканом,— сказала наконец Мелейн.

Ньюн взял из рук ши'пан свою вуаль, но надевать не стал, а небрежно закинул на плечо. Поднявшись, он велел своему дусу, который собрался было последовать за ним, остаться с Мелейн. Ей сейчас зверь нужнее — его импульсы успокаивают.

Данкана Ньюн, как и ожидал, нашел в зале келов.

Землянин неподвижно сидел в свете искусственной зари, руки лежали на коленях. Ньюн опустился перед ним, но Стен не поднял глаз. Лицо его было закрыто вуалью, Ньюн же лица не прятал, тем самым давая понять, что хочет поговорить откровенно.

— Ты оскорбил нас,— сказал Ньюн.— Разве этого не достаточно, кел Данкан?

Землянин выпрямился и взглянул на экран, с которого уже исчезла планета по имени Нхекью.

— Данкан! Что еще тебе нужно от нас?

Дус Стена предал хозяина. Сейчас к зверю прикасается Мелейн, и зверь прикасается к ней. Когда взгляд Данкана переместился на Ньюна, в нем не было вызова, только боль.

— Из-за вас я спорил со своим начальством,— заговорил Данкан. — Защищал вас. Ради чего? Я так и не получил от нее ответ. Она знает имя планеты. Что же произошло с этой планетой?

— Нам это неизвестно.
— А с другими мирами?
— Данкан, мы не знаем.
— Убийцы,— бросил он, уставившись в пустоту.— Убийцы по призванию.

Ньюн сплел внезапно похолодевшие пальцы.

— Ты летишь с нами, кел Данкан.

— Я часто спрашиваю себя почему.— Взор его темных глаз опять впился в Ньюна. Неожиданно Стен отбросил вуаль, сорвал украшенный кисточкой головной убор— снова сделался землянином.— По какой причине, кроме той, что вам без меня не обойтись?

— Это действительно так. Но я не знал об этом. До сего дня мы не знали.

«Подействовало»,— решил Ньюн, заметив, как в глазах Стена что-то промелькнуло. Но в следующий миг взгляд землянина вновь стал рассеянным и угрюмым. Он ощутил приближение дуса. Ньюн тоже почувствовал, еще до того, как услышал стук когтей по полу. Ощущения стали расплывчаты. От горечи не осталось и следа.

— Нет! — воскликнул Данкан, когда дус вошел. Зверь подался назад и угрожающе поднял лапу, потом опустил ее, снова двинулся вперед, немного повернув голову. Он не спеша приблизился и улегся на пол, прижавшись к Данкану боком. Рука землянина поднялась, ладонь скользнула по шее зверя. В дверном проеме показался второй дус, тихо подошел к Ньюну и улегся у него за спиной. Мри успокоил зверя ласковыми прикосновениями, а у самого сердце кровью облилось от страдания, которое излучал детеныш.

— Ты причиняешь ему боль,— сказал Ньюн.— Не противься ему. Уступи хоть немного.

— Мы с ним договорились. Я его не прогоняю, а он меня не трогает. Только иногда он подходит слишком быстро. Он забывает наш уговор.

— У дусов нет воспоминаний. Они живут настоящим.

— Счастливые,— хрипло сказал Данкан.

— Не противься. Ты ничего не потеряешь.

Данкан отрицательно покачал головой.

— Я не мри. И я не умею забывать.

В его дрожащем голосе звучала усталость. На миг он стал прежним, каким не был уже давно. Протянув руку, Ньюн по-братски сжал его плечо.

— Данкан, я пытаюсь тебе помочь. Пытаюсь, как могу.

Землянин закрыл глаза, через несколько секунд открыл. Его рука скользила по шее дуса.

— Что ж, по крайней мере, это правда.

— Мы не лжем,— сказал мри.— Это невозможно. Рядом дусы.

— Да, понимаю.— Губы Данкана сжались до белизны, расслабились. Рука по-прежнему ласкала зверя.

— Я не буду играть с тобой в шон'ай, пока у тебя такое настроение,— сказал Ньюн, испытующе глядя на землянина.

Дус тихо заурчал, засопел от удовольствия. Он уже забыл о недавнем потрясении; ласка хозяина доставляла ему блаженство.

Землянин прижался лбом к массивной голове дуса, искоса посмотрел на Ньюна, спокойно выдержал его испытующий взгляд.

— Ему ненамного лучше, чем мне,— сказал Данкан.— Я не могу дать ему то, что он хочет. Даже ради него я не способен стать мри. Ньюн глубоко вздохнул, постарался изгнать из разума страшные образы.

— Тогда мне придется его убить,— произнес он.

Землянин, находившийся в этот миг в мысленном контакте со зверем, вздрогнул и поспешил успокоить дуса поглаживанием. Ньюн все прекрасно

понимал; он знал, что подобное предложение — заведомо подлое, но ведь такое случалось, когда дус, потеряв своего кел'ена, становился опасен. А у этого дуса никогда не было своего кел'ена.

— Нет,— сказал Данкан.— Нет.

Он оттолкнул зверя, и тот, поднявшись, побрел в угол. Он не расстроился. Ньюна это радовало.

— Я был бы очень тебе признателен,— произнес Ньюн,— если бы ты послал ши'пан свои извинения.

Данкан какое-то время сидел неподвижно, положив руки на колени. Наконец он кивнул.

— Я приду, как только понадобится Владычице. Передай ей мои слова.

— Передам.

— Передай ей мои извинения.

— Да.

Данкан несколько мгновений смотрел на него, затем встал и негромко свистнул зверю. В ответ тот засопел, тяжело поднялся и направился в угол, где обычно спали кел'ены. Усевшись там, землянин еще долго возился со зверем, лаская его, успокаивая, даже разговаривая с ним,— похоже, это нравилось дусу. Устроившись поудобнее, дус уснул. Вскоре уснул и человек.

Через три дня зазвучала сирена, и они расстались с Нхекью и ее солнцем. Следующая планета оказалась такой же безжизненной.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Отвернувшись от экрана, на котором сияли звезды, Данкан обнаружил позади себя дуса — детеныш ни на шаг не отходил от него, он сделался тенью землянина, его предвестником. Стену не хотелось дотрагиваться до зверя. Тот вздохнул и улегся за спиной хозяина. Данкан почувствовал, что дус доволен.

Боль прошла, и теперь Стену казалось странным, что она истязала его так долго. Такое чувство, что все это происходило не с ним. Просто наступил момент, когда в зале келов боль его покинула. Он в привычной позе сидел на полу, но уже не испытывал муки; и мог вспомнить все до мельчайших деталей: вон там лежал дус, а там, у противоположной стены каюты, Ньюн шил. Шитье — необычное занятие для воина, но Данкан уже усвоил, что каждый кел приучен к самостоятельности, только пища варится в общем котле.

На лице Ньюна была сосредоточенность, иглолка двигалась равномерно. Работа спорилась — красивые руки Ньюна умели многое. Данкану понадобились бы годы упорных тренировок, чтобы достичь мастерства, которым мри был обязан своим природным способностям и многоопытным наставникам.

Ньюн не был высокомерным. Гордым — может быть... но своими навыками мри никогда не кичился. Разве что изредка, когда они упражнялись

с йин'ейн. (Клинок себе Данкан сделал под стать прекрасному древнему оружию Ньюна). Кроме того, мри, по всей видимости, очень не хватало достойного партнера для учебных поединков, — он забывался и начинал двигаться так стремительно, неуловимо и изящно, что глаза Данкана не в силах были за ним уследить. Правда, Данкан заметил, что Ньюн так поступает еще и тогда, когда Стен, упражняясь с ним, становится излишне самоуверенным. Таким образом мри давал понять своему ученику, что все еще сдерживается.

Сдержанность. Вторая натура кел'ена. Только благодаря ей на борту «Фокса» все еще сохраняется мир. Ньюн не поддается на провокации землянина, умиряет дусов, которые иначе давно взбесились бы из-за вынужденного заключения и разнесли все кругом... И даже на Мелейн влияет его спокойствие.

Мрачно усмехаясь, землянин вдруг подумал, что никто из них не хочет по-настоящему разозлить Ньюна: ни сам Данкан, ни дусы, ни во всем зависящая от кел'ена юная Владычица.

В них жило спокойствие Ньюна.

«Самые эффективные убийцы на свете» — так сказал о мри Ставрос.

Правда, он говорил о келах, собратях Ньюна. Говорил, ничего не зная о звездах, мимо которых летит сейчас «Фокс».

И если «Фокс» не оторвался от погони и за ним, от одной мертвой планеты к другой, летят корабли землян, о чем думают сейчас их экипажи? Лишь о том, что они идут по следам чудовищ к их логову.

Данкан рассеянно погладил плечо своего дуса, отметив при этом, что в последние дни эти страшные мысли постоянно ворочаются в мозгу. И бес-

помощно посмотрел на Ньюна, который наверняка отлично представлял себе, кто гонится за ними по пятам.

Тем не менее сам Ньюн никогда об этом не говорил, и Мелейн тоже ни словом не обмолвилась о преследователях. Ньюн часто бывал у нее, но Данкану, который все еще оставался в немилости, было запрещено входить в ее каюту.

Мри как будто решили не думать о том, что за ними гонятся. Решили ни о чем больше не спрашивать Данкана, ничего не предпринимать. Ньюн делил с ним каюту, демонстрировал тем самым доверие... и обучал его только старинным древним искусствам своей расы: обращению с ритуальным оружием и приемам единоборства, будто предвидел, что Стену все это рано или поздно понадобится.

Йин'ейн. Неспроста Ньюн выбрал именно его. Древние клинки против боевых рейдероносцев...

Перед глазами встала картина страшной ночи: огонь, бег вслепую, упорство мри. Данкан отогнал видения, но они тотчас вернулись. Мри не сдаются, не идут на компромиссы, забывают свое прошлое в Мраках и Переходах, и путь ци'мри — лишь мгновение в жизненном опыте Народа. «Современное оружие». На хол'эйри это звучало со скрытым презрением. Только сейчас Данкан понял это и возненавидел в себе землянина — тупого, слепого, глухого.

Последняя битва Народа.

Если до этого дойдет, мри не вступят в нее с современным оружием в руках. Для них это означало бы безнадежную борьбу. Ради такого конца Ньюн не стремился бы выжить.

Значит, у них иная цель. Они — последние мри. Им надо добраться до прародины. Возродить древние обычаи. Остаться мри до своего смертного часа.

Либо покориться ци'мри. Сколь же велики запасы хладнокровия у Ньюна, если выдержка не изменяет ему даже в такой ситуации? Если даже Мелейн считается с его снисходительностью к ци'мри?

По лицу Ньюна нельзя было сказать, что ему в тягость общение с Данканом. Он терпеливо, спокойно учил его, словно забыв о том, что Стен принадлежит к расе врагов.

Йин'ейн. Оно дает Ньюну единственный приемлемый выход.

Данкан положил руку на колено и закусил губу, ощутив, как позади заволновался дус, и повернулся успокоить зверя. Он испытывал угрызения совести, поскольку не мог убить в себе землянина, чего добивался Ньюн. А значит, он не мог стать таким, как Ньюн.

Зато, в отличие от мри, у него оставался выбор.

Может быть, в конце концов мри дадут ему уйти.

Или потребуют, чтобы он сразился с землянами?

Стен подумал, что в безвыходной ситуации он бы постарался продать свою жизнь как можно дороже, захватить на тот свет как можно больше врагов — землян или мри, неважно. Он попытался представить, как бы это выглядело. Удалось вообразить только армейский пистолет в своей руке — он сейчас лежал среди вещей Стена. Но взяться за йин'ейн... Нет. Он все-таки не мри.

Люди воюют по-своему. У них есть свобода выбора.

Постепенно разрозненные осколки того, что некогда было планетарным разведчиком, складывались в определенном порядке.

— Ньюн... — позвал он.

Мри выкладывал мозаику из кусочков металла, что-то вроде орнамента. Выкладывал очень сосредоточенно, уже который день. — А?

— По-моему, в недавних наших злоключениях виноваты приборы. Если ши'пан позволит, я пойду в рубку, проверю их.

Ньюн замер. Когда мри поднял глаза, стало ясно, что он хмурится.

— Я спрошу ши'пан.

— Я хочу быть ей полезен.

— Она скажет, если будет нужно.

— Ньюн, передай ей.

Брови сдвинулись теснее. Мри положил руки на колени, потом тяжело вздохнул и вернулся к шитью.

— Я хочу с ней помириться,— сказал Данкан.— Я делал все, о чем вы меня просили. Я пытался стать таким, как ты.

— Ты делал не только это,— произнес Ньюн.— Вот в чем сложность.

— Я прошу прощения. Давай забудем. Попроси ее снова встретиться со мной, и я даю слово, что ничем не вызову ее гнев. Не будет мира на этом корабле, пока я не помирюсь с ней, а не только с тобой.

Какое-то время Ньюн молчал. Потом снова тяжело вздохнул:

— Она ждет, что ты об этом попросишь.

Оказывается, мри еще могли его удивить. Данкан смущенно отшатнулся, у него в голове вмиг перемешались все мысли.

— Значит, она встретится со мной?

— В любое время. Ступай, поговори с ней. Дверь не заперта.

Данкан медлил, ему вдруг расхотелось идти. Но он заставил себя подняться, и следом за ним к выходу пошел дус.

— Данкан...

Он обернулся.

— Брат мой кел,— мягко сказал Ньюн,— при всем моем уважении к тебе... помни, что я — Рука

Владычицы, и если ты позволишь себе лишнее... я этого не прощу.

Дус попятился, прижав уши.

— Нет! — рявкнул на него Данкан.

Зверь остановился. Стен вытащил из-за пояса ав-тлен, положил рядом с остальным своим оружием.

— Возьми, если думаешь, что я на такое способен.

Сдавать оружие считалось унижением, Данкан пошел на это сознательно. Мри вздрогнул.

— Нет,— сказал он.

Данкан сунул клинок за пояс и вышел, за ним побрел дус. Ньюн остался.

«Наверное, он уязвлен и теперь будет переживать,— подумал Данкан, — но понять его можно».

Ньюн спал рядом с ним и учил обращаться с оружием мри, но безопасность Мелейн была для кел'ена превыше всего. Данкан ему не завидовал. Допустить вооруженного ци'мри к ши'пан — серьезное испытание для выдержки, оно шло вразрез с самой натурой мри.

Действительно, дверь оказалась не заперта.

Она всегда была не заперта, внезапно понял Данкан. Просто ему никогда не приходило в голову убедиться в этом. Мелейн спала, не запираясь, она доверяла землянину! Данкан был потрясен.

Мри вовсе не легкомысленны. Просто им чужды такие понятия, как арест, замки на дверях, тайники, обезоруживание. Он знал об этом с самого начала, с тех пор как познакомился с ними. И потом, уже на борту «Фокса», он не ощущал себя пленником, заложником. И даже Святилище с пан'еном было лишь закрыто, но не заперто.

Рубка с пультом управления... Она тоже всегда была доступна для него. Даже когда ему запрещалось там появляться. Ведь он бы мог проскочить в

рубку, запереться, взять на себя управление кораблем... И сейчас может.

Но он этого не сделал.

Стен направился двери, что вела в сумрачную каюту, где переборки испещрены письменами, где нет никакой мебели, кроме одного-единственного кресла и циновок для кел'енов. Он вошел, эхо вторило его шагам.

— Ши'пан,— произнес он и застыл в ожидании, поскольку мог сесть только с позволения Владычицы. Рядом дус тяжело уселся на пол, затем лег, опустив голову между лапами, и громко вздохнул.

Позади вдруг зазвучали легкие шаги. Данкан обернулся и оказался лицом к лицу с безмолвной женщиной в белой мантии. В полумраке она была похожа на призрак. Стен пришел с открытым лицом и только сейчас спохватился — что, если ши'пан сочтет это оскорбительным? На всякий случай он почтительно склонил голову.

— Зачем ты пришел? — спросила она.

— Чтобы просить прощения.— Некоторое время она молчала, пристально глядя на него, словно ждала чего-то еще.

— Ньюн сказал, что ты желала видеть меня,— добавил он. Она сдвинула брови.

— Ты все еще не избавился от манер ци'мри.

В нем вскипел гнев, но она была права. Он сдержался и вновь опустил глаза.

— Ши'пан, я прошу у тебя прощения.

— Я даю его,— ответила она.— Подойди, сядь.

Ее тон неожиданно смягчился. Мгновение Стен растерянно смотрел на Владычицу. Она устроилась в своем кресле и теперь ждала, когда он сядет у ее ног.

— Если ты не против,— заговорил он, спохватившись,— я схожу за Ньюном. По-моему, он беспокоится.

Брови Мелейн надломились — Владычица хмурилась.

— Если ты позволишь кел'анту узнать, зачем пришел ко мне, он сочтет это упреком. Нет. Останься. Если в Доме наступит мир, он об этом узнает. Если мира не будет, он тоже поймет. И не называй его при мне по имени. Он кел'ант, первый среди келов.

— Извини,— пробормотал он и приблизился, опустился на пол у ее ног, а дус устроился между ними. Зверь был встревожен. Стен успокоил его ласковым поглаживанием.

— Что заставило тебя прийти ко мне?

Вопрос пронизательной ши'пан застал Данкана врасплох. Он пожал плечами, стараясь придумать что-нибудь похожее на правду, но ничего из этого не вышло.

— Ши'пан, ты можешь рассчитывать на меня. И я хочу, чтобы ты воспользовалась моими знаниями... пока есть время.

Ее глаза мигнули, и дус поднял голову. Мелейн наклонилась и успокоила зверя, нежно перебирая пальцами шелковистый мех.

— Почему ты решил, кел Данкан, что твои знания могут мне понадобиться?

— Просто я могу доставить тебя к цели живой.— Стен спокойно положил ладонь на дуса и посмотрел в золотистые глаза Владычицы.

— Он научил меня всему, что знает сам, но разве кел'ен не должен знать принципы управления кораблем? Если он пожелает, я его научу, если же нет, готов пилотировать сам, как умею. Я никогда не буду владеть йин'ейном так виртуозно, как кел'ант... но с навигационными системами как-нибудь справлюсь. Это мой подарок тебе, ши'пан, ведь для тебя очень важно побыстрее добраться до прародины.

— Ты торгуешься?

— Нет. Я не ставлю никаких условий. Это просто дар.

Ее пальцы знай себе перебирали теплый мех дуса. Она посмотрела Данкану в глаза.

— Ты действительно служишь мне, кел Данкан?

У Стена на миг перехватило дыхание. Хол'эйри и закон келов стали его плотью и кровью. Сейчас надо ответить «да» или «нет»; и обратной дороги уже не будет.

— Да,— еле слышно произнес он.

Ее тонкие пальцы сжали широкую ладонь землянина.

— Ты не пойдешь против нас, как пошел против своей расы?

У него болезненно сжалось сердце, и дус вздрогнул. Данкан придержал зверя, погладил обеими руками и через несколько секунд взглянул в ясные глаза Мелейн.

— Нет.— Владычица сама ответила на свой вопрос, и Стен не знал, откуда взялась ее уверенность. Его встревожил тон Мелейн.

— Сейчас я впервые в жизни коснулась землянина,— пробормотала она.

Данкану вдруг стало холодно. Он обнял теплого дуса и пристально посмотрел на Мелейн.

— Что ты намерен делать? — спросила она.

— Мне нужен доступ к пульта управления. Позволь мне следить за аппаратурой и вообще делать все, что сочту нужным. У нас уже был сбой. Больше так рисковать нельзя.

Стен ждал отказа, был готов к многодневным... многомесячным спорам. Но все равно был полон решимости добиться своего.

Рубка никогда не запиралась, вспомнил он.

В безмолвном согласии Мелейн опустила янтарные глаза. И указала рукой на дверь.

Помедлив в нерешительности, он встал, неловко псклонился и вышел.

Владычица направилась следом. Стен слышал, как она идет за дусом. И когда Данкан уселся за пульт в ярко освещенной рубке управления, Мелейн смотрела через его плечо. Он видел на усыпанных звездами экранах ее белое отражение.

Он приступил к проверке систем и вмиг забыл о присутствии Мелейн. В прошлый раз, когда его выгнали из рубки, он испугался, что корабль не выдержит длительного полета под управлением автоматики, но сейчас все тесты прошли гладко — ни ошибок в программах, ни системных неисправностей, самая пустяковая из которых могла стоять им жизни или безысходных блужданий в этом неизведанном пространстве. Данкан облегченно вздохнул.

— Все в порядке,— сообщил он Мелейн.

— Ты боялся чего-то конкретного?

— Только запущенности, ши'пан,— ответил он.

Стоя рядом с ним, Мелейн время от времени с напускной рассеянностью бросала взгляд на отражение его лица. Он был рад, что сидит за знакомыми приборами, что его руки заняты привычной работой. Он вновь и вновь прогонял тестирование, пока ши'пан не надоело стоять за его спиной и она не уселась за пульт в кресло второго пилота.

Казалось, ее интересовали только манипуляции Данкана. Он вспомнил, что Владычица знакома с машинами регулов, а земная техника ей в диковинку. Поэтому в ее присутствии он не осмеливался на слишком многое. Наверняка она понимала, что он повторяет одни и те же операции.

Наконец он рискнул.

«Истекшее время»,— запросил он компьютер.

Зажегся ответ: «Информация отсутствует».

Он задал еще несколько вопросов.

«Информация отсутствует», — упрямо отвечал пульт.

В горле возник холодный ком. Данкан осторожно проверил состояние курсовых лент — можно ли смоделировать маршрут корабля, чтобы вернуться на Кесрит.

«Засекречено», — вспыхнуло на экране.

Стен обмер, вспомнив об устройстве самоуничтожения, связанном с курсопрокладчиком. И тут же в душу закралось подозрение.

«Мы не хотим, чтобы ты, вернувшись, привел за собой “хвост”».

Слова Ставроса. По спине заструился пот. Ощувив его и на лице, Данкан тыльной стороной ладони вытер лоб, постаравшись сделать это незаметно. Мелейн неподвижно сидела рядом.

Между ними протиснулся дус, оказавшись в опасной близости от хрупких приборов.

— Уйди отсюда, — попросил Данкан.

Зверь улегся.

— Кел’ен, — заговорила Мелейн, — тебя что-то встревожило?

Он облизал губы и взглянул на нее.

— Ши’пан... мы не нашли жизни... Я потерял счет планетам, а жизни мы так и не нашли... Почему ты думаешь, что на вашей прародине она есть?

Ее лицо стало непроницаемым.

— Кел’ен, что тебя заставляет в этом сомневаться?

— Я увидел достаточно... чтобы понять: мне не изменить путь этого корабля. Ши’пан, когда лента дойдет до конца, компьютер может стереть с нее все данные.

Янтарные глаза мигнули. Мелейн сидела спокойно, обхватив руками колени.

— Ты собирался улететь от нас?

— Нам не удастся изменить курс. У нас нет выбора, ши'пан.

— У нас его никогда не было.

Он задержал дыхание, растер по щеке струйку холодного пота и вздохнул. Мелейн была абсолютна спокойна и бесстрашна. Шон'ай... Жизнь брошена, как ас'ей. С самого рождения Мелейн и Ньюна.

— Ши'пан,— сказал он тихо,— ты называла по имени каждую планету на нашем пути. Ты знаешь, сколько еще миров мы встретим? Она кивнула по обычаю своего народа — склонив голову влево.

— Прежде чем мы достигнем Дома, будут Млара, Шэй, Хлар, Сэй'эй-но-клай'ай.

— Четыре,— пробормотал он, ошеломленный внезапным известием о том, что конец пути близок.— Ты говорила ему?..

— Говорила.— Она наклонилась вперед, пальцы сплелись на коленях.

— Кел Данкан, твои корабли придут. Они летят за нами.

— Да.

— Ты выбрал, кому служить?

— Да,— сказал он.— Народу, ши'пан.— И добавил, поскольку она все еще пристально вглядывалась в него, опасаясь предательства: — Ши'пан, у землян так много кел'енов, что потери одного никто не заметит. У Народа же всего один кел'ен... два, если считать меня.

Мелейн всматривалась в него до боли в глазах.

— Твоя математика безупречна, кел Данкан.

— Ши'пан...— тихо сказал Стен, тронутый похвалой.

Она поднялась с кресла и направилась к двери. Вышла, передав ему корабль.

Какое-то время Данкан сидел неподвижно. Он получил все, чего добивался, и эта ноша вдруг по-

казалась непосильной. «Теперь, даже захоти я предать их,— подумал Стен,— не смогу этого сделать».

Да, он никогда не сможет повторить то, что сделал тогда на Кесрите... Сделал, спасая им жизнь.

Данканом двигал эгоизм, а не любовь... и тогда, и сейчас. Он слишком хорошо знал мри, чтобы поверить, что его самопожертвование пойдет им на пользу.

Он попытался проникнуть в банки данных. Тщетно, они берегли свои тайны как зеницу ока. Скорее всего, доступ к ним был закрыт в тот момент, когда Стен нарушил приказ и прежде времени запустил курсовую ленту.

А может, зная своенаправие планетарных разведчиков, начальство с самого начала решило, что «Фокс» сможет вернуться только с «Сабером»?

У Данкана и мри есть пан'ен с записью курса, но они не решатся вступить в поединок с мощным «Сабером», ведь это верная смерть. Скорее всего, когда лента разматывается до конца, навигационный компьютер взорвется, уничтожив корабль.

Стен вернулся к пульту и долго еще нетерпеливо стучал по клавишам, получая одни и те же ответы: «Информация отсутствует» и «Засекречено».

Наконец он сдался. Встал, рассеянно погладил дуса, который тоскливо жался к хозяину, чувствуя его огорчение и стараясь отвлечь.

Еще четыре планеты.

День пути. А может, больше месяца. Интервалы между прыжками очень разные...

Но все равно конец полета неожиданно показался очень близким.

ГЛАВА ПЯТАЯ

М лара, и Шэй, и Хлар, и Сэй'эй-но-клай'ай. Ньюн смотрел, как мимо проносятся безжизненные планеты, и даже за насупленностью не мог спрятать своего волнения.

Снова — прыжок, а через час по бортовому времени в центре экрана появилась новая звезда.

— Прилетели, — негромко сказала Мелейн, когда мужчины пришли в зал ши'пан, чтобы вместе с ней взглянуть на звезду. — Это Солнце. На хол'эйри — Нэй'ай'ин.

Ньюн взглянул на пятнышко света. Отсюда, из-за пределов системы, оно казалось меньше булавочного укола. В отчаянии он подумал, какой долгий путь им еще предстоит. Нэй'ай'ин. Солнце.

И планета по имени Кутат.

— Ши'пан, с твоего разрешения я пойду в рубку, — пробормотал Данкан.

Пошли все, даже дусы.

Было что-то зловещее в погасших лампочках до сего дня самой активной консоли в командной рубке. Данкан на мгновение замер, потом уселся за пульт и привел его в готовность, не тронув лишь выведенной из строя секции.

Ньюн встал у пульта справа от Данкана. Мри знал о приборах не больше того, что объяснил ему Стен, то есть почти ничего. Но даже этих скудных знаний было достаточно, чтобы понять: случилось что-то серьезное.

— Навигационного компьютера больше нет,— сказал Данкан.

— Но ты можешь нас привести,— уверенно произнес Ньон.

Данкан кивнул. Его пальцы порхали над клавиатурой, и изображения на экранах сменялись, выстраивая причудливые модели вокруг светлой точки — Нэй'ай'ин.

— Мы на курсе,— сказал он наконец.— Но прыгать от звезды к звезде нам больше не придется.

Но это уже не имело значения. Ши'пан давно вернулась в свою каюту, а Ньон по-прежнему стоял рядом с пилотским креслом и наблюдал за действиями Стена.

* * *

Пять суток спустя появилась третья планета системы Нэй'ай'ин... Кутат. Данкан проводил в рубке управления больше времени, чем требовал здравый смысл. Он даже ел у пульта, и в зал келов приходил среди бортовой ночи лишь для того, чтобы умыться и немного поспать. И, не дожидаясь утра, он в тревоге спешил обратно, и Ньон всегда знал, где его можно найти.

Хотя проку от его сидения за пультом было мало.

Датчики не подавали сигналов тревоги. Казалось, не происходит вообще ничего.

Ньон с возрастающим отчаянием думал, что здесь их ждет та же картина, что и на предыдущих планетах. И у Мелейн, и у Данкана было, конечно, собственное мнение об этой непрерывной тишине, но никто не высказывал его вслух.

Ни одного чужого корабля.

Тьма и безмолвие вокруг.

На шестой день экраны заполнились довольно четкими силуэтами планеты, и Мелейн пришла в

рубку, чтобы взглянуть на них. Ладонь Ньюна опустилась на ее руку, в его глазах читался немой вопрос.

Багряная планета была безжизненной.

И древней. Очень, очень древней.

Данкан выключил изображение на экранах. Когда взглянул на обоих мри, в глазах его застыла мука, будто он во всем винил самого себя. Однако Ньюн набрал полные легкие воздуха и смирился наконец с тем, что знал давным-давно.

Что от всей расы мри остались лишь двое: он и Мелейн.

Где-то на корабле застонали дусы, уловив его отчаяние.

— Путешествие Народа было очень, очень долгим, — сказала Мелейн. — Но если мы и последние, все равно мы вернемся домой. Веди нас, кел Данкан.

— Просто Данкан, — поправил Стен, склонил голову влево и повернулся к консоли, чтобы не видеть лиц мри.

Ньюну показалось, что из рубки неожиданно вытек воздух; невидимая рука стиснула сердце, как в тот день, когда на его глазах погиб Народ; но то была старая печаль, и он давным-давно избыл ее. Кел'ен так и стоял, когда Мелейн уходила к себе.

Потом он вернулся в зал келов, и сел рядом со своим дусом, и заплакал, хотя келы не плачут.

* * *

— Почему мы должны печалиться? — спросила Мелейн вечером того же дня, когда они вновь встретились за совместным ужином, первым за много дней и последним до посадки. — Мы всегда знали, что мы — последние. Пока надеялись на другое, были гораздо счастливее, но что поделать,

если правда оказалась не такой, как хотелось бы нам? Будем рады, что вернулись на прародину, увидели начало нашего пути. Это и будет его достойным завершением.

Для землянина все это было непостижимо. Он лишь замотал головой, как от боли, и опечаленный дус ткнулся в него носом.

А Ньюн во всем согласился с Мелейн: ши'пан права. На их веку были зрелища и пострашнее, чем эта багровая планета на экранах. Они помнили Кесрит, помнили землян и регулов.

— Не печалься за нас,— сказал Ньюн, тронув Данкана за рукав.— Мы пришли, куда хотели.

— Пожалуй, я вернусь в рубку.— Данкан порывисто поднялся, закрыл лицо вуалью и покинул их, не спросив разрешения и не оглянувшись. Его дус двинулся следом, излучая страдание.

— Он там ничего не сможет сделать,— пробормотала Мелейн, пожав плечами.— Ладно, хоть успокоится.

— Данкан не оставит нас. Он чувствует себя виноватым.

— За что?

Ньюн пожал плечами. Рот его превратился в тонкую линию, взгляд уперся в пустоту.

Печально взглянув на кел'ена, Мелейн протянула руку и коснулась его лица.

— Я знала, что это может занять немало времени. Ньюн, в нашей истории было восемьдесят с лишним Мраков, и в каждом сменилось не одно поколение. И было восемьдесят с лишним Переходов, большинство из них длились свыше тысячелетия.

Он попробовал рассмеяться. Ничего не вышло.

— Я могу представить расстояние, но не годы. Двадцать лет — слишком долгий срок для кел'ена. Я не в силах вообразить тысячелетие.

Наклонившись, она коснулась губами его лба.

— Ньюн, я тоже этого не понимаю.

Эту ночь и следующую Ньюн просидел рядом с ее креслом. Мелейн не просила об этом, просто он не хотел оставлять ее одну. И Данкан, возвращаясь со своих бесполезных вахт, чтобы поспать несколько часов, устраивался вместе с дусом в углу — здесь же, а не в зале келов. Никому сейчас не хотелось одиночества.

* * *

На восьмой день Кутат резко надвинулся на них, заполнив собой весь экран в каюте Владычицы. Опаленная, иссохшая, изборужденная древними шрамами планета...

Данкан ворвался в покои Мелейн подобно урагану, сорвал с себя мез и зайдх. Его лицо было в пунцовых пятнах.

— Жизни! — воскликнул он. — Датчик показывает присутствие жизни! Ши'пан, Ньюн, ваша планета не мертва!

На мгновение все замерли.

А затем Мелейн хлопнула в ладони, сложила их вместе и возблагодарила богов. И лишь после этого Ньюн позволил себе вздохнуть с надеждой.

Мелейн пошла в рубку следом за Данканом, от них не отставали Ньюн и громко сопящие от возбуждения дусы. Ши'пан уселась на подлокотник кресла, Ньюн склонился рядом, и Данкан принялся объяснять, как он совершил свое открытие, и показывать приборы и экраны, по которым бежали строчки данных.

Присутствие машин и невероятно слабые признаки живой материи.

— Отсюда, из космоса, это похоже на Кесрит, — тихо сказал Данкан, заставив Ньюна похолодеть, ибо прежняя ши'пан слишком часто называла

Кесрит кузницей, где из Народа выковывалось оружие для предстоящих битв.

— Дусы,— продолжал Данкан,— скорее всего будут чувствовать себя здесь вполне нормально.

— Одна луна,— сказал Ньюн, глядя на экран и с тоской вспоминая два спутника Кесрита, его холмы и доли, в которых он охотился до прихода землян.

У планеты предков были свои тайны, свои блага и красоты и свои опасности.

Земляне придут и сюда. И довольно скоро.

— Данкан, мы садимся,— произнесла Мелейн.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утат. Первый вздох на его поверхности. Данкан наполнил грудь ворвавшимся в шлюзовую камеру воздухом — холодным, разреженным, со слабыми запахами. В проеме люка виднелись красные и янтарно-желтые пески, далекий кряж и мрачное, уродливое солнце.

Он не спустился по трапу. Первыми на твердь своей прародины должны ступить мри. Из шлюзовой камеры он наблюдал, как они спускаются по трапу: Мелейн впереди, Ньюн — следом. Дети, вернувшиеся к старухе матери. Они озирались. Конечно, они видели совсем не так, как он; для них было нечто смутно знакомое в ласковых объятиях планетной гравитации, в ароматах ее воздуха... Это нечто вызвало к чувствам, к генной памяти и говорило: здесь ваш дом.

Жаль, если это не так, если путь Народа на самом деле оказался слишком долгим и мри вернулись не в дом, а в пустыню, где время сравнивало с землей даже руины. Но Стену в это не верилось. Он видел, какими глазами Ньюн смотрит на лежащий вне корабля мир.

У самого Данкана в горле стоял твердый ком, мышцы дрожали от напряжения, от ужасного холода. Будь у него желание разобраться в своих чувствах, он бы понял, что это ощущение утраты. Он прилетел сюда ради мри, благополучно довез их до дома, и посадка прошла удачно. И все же его изводила печаль.

Может быть, оттого, что он сослужил службу не только Народу?

На краю системы действует маяк, вежа для прибывающих кораблей. А на Кутате таким маяком будет сам «Фокс», пока на нем не иссякнет энергия, а это случится очень не скоро. Гораздо раньше умрут те, кто на нем прилетел. Пульсация «Фокса» слаба, но чуткие приемники землян обязательно уловят ее.

«Дружба, дружба», — кричит небесам корабль. И небеса услышат.

Стен не сказал об этом Ньюну и Мелейн. Любой его жест по отношению к ци'мри вызвал бы тревогу и недовольство, поэтому он не спросил разрешения.

Он увидел, как дусы, шумно втягивая воздух, вперевадку сходят по трапу, как на боках, лоснящихся от долгой сытой жизни, колыхаются складки жира, как блестит под тусклым солнцем мех. Ступив на песок, они принялись с наслаждением кататься, потом встали и стряхнули с себя красную пыль. Большой вскинулся на дыбы и упал ничком рядом с мри, подняв облачко пыли, и Ньюн его отругал.

Скоро зверям стало не до хозяев — они осваивались в новом мире. Теперь можно не опасаться внезапного нападения — дусы не допустят. Неподалеку от корабля виднелась не тронутая струями из дюз рощица голубовато-зеленых деревьев, похожих на бамбук. Трубчатые стволы сразу пришлись дусам по вкусу. Бояться за них не стоило — желудки этих созданий благополучно усваивали почти любую органику, даже многие яды.

Где растут деревья, всегда есть вода, хотя бы немного. Данкан смотрел на рощицу с гордостью, ведь это он отыскал жизнь на планете, которая сначала казалась совершенно бесплодной, и посадил корабль у воды.

Кроме того, неподалеку отсюда — источник энергии, обнаруженный датчиком.

Планета никак не реагировала на их появление — ни во время посадки, ни сейчас. Бортовые приборы по-прежнему изучали небеса, готовые в любой момент поднять тревогу и защитить людей, но все было спокойно. И царившая вокруг тишина была одновременно желанной и жуткой.

Радость дусов передалась и Данкану, и он решился. Сошел по трапу, бросая настороженные взоры по сторонам, и неслышно приблизился к спутникам, надеясь, что они не обидятся на вторжение ци'мри. Он считал, что достаточно хорошо изучил Ньюна.

— Ши'пан...— услышал Данкан тихий голос кел'ена, и Мелейн повернулась к землянину и протянула руку.

Он обнял их, как брата и сестру, и на глаза навернулись слезы, чего не мог себе позволить кел'ен. На миг опустив голову, Стен почувствовал исходящее от мри тепло. Сильный ветер трепал их мантии. Данкан сжал Мелейн и Ньюна в объятиях и подумал, до чего же она хрупкая и нежная, а он — сильный и жилистый. И при этом они были чуждыми и теплыми, словно звери, и наслаждались прохладой, от которой его била дрожь.

Дусы уходили все дальше, их охотничьи стоны могли ввергнуть в ужас любого злоумышленника.

И, оглядываясь вокруг, человек и мри не видели ничего, кроме земли, неба и силуэта корабля. С одной стороны простиралась бесконечная равнина, и за ней, где-то в неизмеримой дали, высились горы; их вершины были сглажены временем и ветром. С другой стороны поблескивало оранжево-серебристое озеро, а может быть, глубоко врезаемый в сушу залив океана, увиденного Данканом с орбиты.

Наверное, это высохшее соленое озеро. В нем миллионами лет накапливались минералы, как в мелких, высыхающих морях Кесрита. И над всем этим вздымались багровые утесы — алые вблизи, они таяли в зыбких пучинах неба за далеким горизонтом.

Долго стояли трое пришельцев, окидывая взорами незнакомый мир. Наконец даже мри задрожали от холода.

Данкан произнес фразу на своем запрещенном языке, но мри, казалось, не услышали. Увидев еще с неба плато, окруженное безднами, он, не раздумывая, решил посадить корабль на нем. Лучше спускаться, чем карабкаться вверх по скалам. Разумеется, ему хватило благоразумия совершить посадку на изрядном расстоянии от обрывов. С высоты плато выглядело опасным, теперь же, когда боязнь разбиться насмерть осталась в прошлом, перед ними раскинулась величественная панорама: гигантские пропасти, заполненные туманом, террасы, обрывы, уступы...

— Надо найти источник энергии, о котором ты говорил, — сказала Мелейн. — И выяснить, есть ли здесь еще кто-нибудь.

— Источник недалеко. — Данкан указал направление рукой. — Я рискнул посадить корабль как можно ближе к нему.

— Но никто не отреагировал на твои попытки вступить в контакт.

— Никто, — подтвердил Данкан, стуча зубами.

— Надо будет еще мантии надеть, — заговорил Ньун. — И взять припасы. Понадобятся сани. Сходим к источнику энергии... Да, ши'пан? Посмотрим...

— Да, — ответила Мелейн. — Посмотрим.

Данкан хотел было вернуться на «Фокс» — начать сборы в дорогу, — но решил, что сейчас самое время высказать свои сомнения. Он откинул вуаль, которую надевал только из-за холода.

— Ши'пан, будет лучше... если я останусь на борту.

— Мы не собирались возвращаться,— произнесла Мелейн.

Данкан перевел взгляд на мри, увидел боль в его глазах и внезапно понял, почему его самого не покидало чувство утраты.

— Ши'пан, я должен остаться, чтобы защищать тебя. Я не улечу. Может быть, сумею убедить других.

— Ты оставил маяки... Для этого?

Он залился краской, узнав, что обмануть Мелейн не удалось.

— Да,— ответил он хрипло.— Предупредил землян, что здесь друзья. Может быть, они задумаются. — Тогда тебе не нужен корабль,— сказала она.— Достаточно маяка на границе системы. Если земляне не обратят внимания на его сигнал, говорить будет не о чем. «Фокс» не вооружен.

— Я попытаюсь договориться.

— Они захватят тебя,— сказала Владычица.

Стен подумал, что Мелейн права. Он пристально смотрел на нее. Холод пробирал до костей.

— Ты не можешь сражаться.— Окинув взглядом необъятный горизонт, Мелейн протянула руку Стену.— Они не для того летят в такую даль, чтобы поддаться на твои уговоры. Идем с нами, кел Данкан.

— Ши'пан...— негромко произнес Стен. И кивнул.

А затем повернулся и поднялся по трапу.

* * *

Сборы отняли не много времени. Ньюн перечислил все необходимое, и Данкан помог ему соорудить из алюминиевых трубок нечто наподобие саней. На них уложили выбранные кел'еном припасы и скarb: канистры с водой, пищу, легкие

и теплые подстилки, алюминиевые стержни для палатки, спальники с подогревом — роскошь цимри. Но забортный холод пронял даже Ньюна.

Они взяли запасную одежду и обувь, надели еще по одному сайгу, втащили сани с поклажей в грузоподъемник и напоследок сделали самое главное — побывали в Святилище. Ньюн с благоговением взял эллипсоид, отнес в корзину подъемника и уложил на сани, на приготовленное специально для него место.

— Вниз, — сказала Мелейн.

Данкан нажал кнопку, и корзина медленно опустилась на багровый песок.

Близился вечер. Позади вновь загудел грузоподъемник, корзина с грохотом вернулась на свое место. В пустыне этот звук казался неестественным; когда он стих, остался лишь свист ветра. Мри, не оглядываясь, пошли вперед; Данкан же не сдержался и посмотрел через плечо. Громада корабля таяла позади. По мере того как они удалялись, она странным образом коченела на оранжевом фоне, сливалась с землей. И — ни проблеска кругом, ни движения, ни звука.

Потом за ними остался холм, корабль исчез из виду. И в этот миг Данкан остро ощутил чужбину. Даже одежда на нем была неземная, и она уже стала привычной. Три мантии не спасали от холода.

Человек и мри шли к садящемуся солнцу. И к источнику энергии, который обнаружили приборы. Стену вдруг пришло в голову, что мри будет нелегко объяснить соплеменникам его присутствие, если состоится встреча.

Возможно, настанет время, когда его присутствие станет для Ньюна и Мелейн не просто неудобством.

В этом случае его ждет ужасный конец. В одиночестве, на чужой планете, среди чужих.

Он подумал, что в безумии своем поменялся местами с теми, кого жалел. Пожалеют ли они его, когда придет время,— вот вопрос. Стен не верил, что Ньюн бросит его на произвол судьбы. Но это почему-то нисколько не утешало.

* * *

Нэй'ай'ин клонился к горизонту, день уступал красноватым сумеркам, море окутывалось туманом, а в огромной и грозной пропасти слева от путников проглядывали сквозь марево остроконечные скалы,— казалось, они висят в воздухе. Когда солнце коснулось горизонта, Данкан и мри остановились отдохнуть и поужинать; они согрелись от ходьбы, но все же предпочли не снимать верхних мантий. Они рассчитывали, что дусы придут на запах пищи, но те не появлялись. На привале Ньюн часто поглядывал в ту сторону, откуда должны были прийти звери; Данкан тоже беспокоился о них и озирался по сторонам.

— Их родная планета не менее сурова,— сказал наконец Ньюн.— Скорее всего, они решили поохотиться.

Но он хмурился, по-прежнему скользя взором вокруг.

Солнце тонуло, и вокруг начинало твориться нечто невообразимое. Сквозь висящую в воздухе дымку проступали вдруг горы, которых не было видно при ясном свете, и вокруг, откуда ни возьмись, появлялась земля, расстилалась за солнцем к дальним холмам.

А на берегах высыхающего моря выросли башни и шпили, едва различимые на фоне небес абрикосового цвета.

Мелейн ахнула и поднялась на ноги; мужчины тоже встали и замерли, глядя на горизонт, на город, что вздымался перед ними подобно мира-

жу. Лишь несколько секунд виднелись башни и шпили, а затем верхний край Нэй'ай'ина канул за горизонт, и город растворился в сумерках.

— Это его обнаружили приборы! — воскликнул Данкан. — Там есть жизнь.

— Возможно, — отозвался Ньюн. Конечно, ему очень хотелось в это верить, но он постарался не выдать ни надежды, ни тревоги. Он всегда был готов к самому худшему. Возможно, это помогло ему сохранить рассудок в прошлом.

Мелейн снова опустила на свою подстилку и молча сплела пальцы на коленях.

— Он еще далеко, — сказал Данкан.

— А поточнее? — спросил Ньюн.

Данкан пожал плечами:

— День пути. Или около того.

Ньюн нахмурился и приспустил мез.

— Скажи откровенно, ты выдержишь такой переход?

Данкан сделал утвердительный жест.

— Воздух здесь разреженный, но это не беда. Меня больше холод беспокоит.

— Оденся теплее. Мы, наверное, здесь заночуем.

— Ньюн, я не буду вам в тягость.

Ньюн подумал и кивнул.

— Мри — не носильщики тяжестей, — сказал он, и Данкан усмехнулся — сейчас эти слова нельзя было понимать иначе, как шутку. Вуали вернулись на свои места. Данкан залез в спальный мешок с подогревом, и сразу стало легче — он и не надеялся на такой уют. В ясном небе горели незнакомые созвездия. Он стал придумывать им названия: Треугольник, Змея, Мужчина С Огромным Дусом У Ног. На это ушли последние силы, его сморил сон. Проснулся он, когда Ньюн потряс его за плечо. Пришла очередь Стена охранять лагерь. Дусы все еще не вернулись.

Остаток ночи он просидел, кутаясь в спальник и глядя на покатые травянистые холмы с купами трубчатых деревьев. С горизонта разливался свет, прочерчивая пунктирную линию следов двуногих существ.

Понемногу рассвет вступал в свои права. Мри проснулись. После завтрака трое не спеша снялись с лагеря, довольствуясь короткими фразами и часто поглядывая по сторонам.

Порыв ветра принес издалека странный звук, заставив их замереть и прислушаться. Потом Ньюн с Мелейн облегченно вздохнули и громко рассмеялись.

Где-то поблизости охотились дусы.

Нагруженные сани потащил Данкан. Ньюн, кел'ант, глава касты келов, не мог этим заниматься, пока рядом был тот, кто годился в носильщики. То был давний обычай, и Данкан смирился с ним. Но мри не сводил с него глаз и, едва они приблизились к первому холму, молча забрал у Стена веревку и закинул себе на плечо.

Такая работа не слишком утомляла мри, так как земля была довольно ровной и металлические полозья легко скользили по красному песку, больше похожему на пыль. Мучительный холод, от которого на рассвете замерзал даже выдыхаемый пар, заметно слабел, и в разгаре утра Ньюн и Мелейн сняли дополнительные мантии. Идти сразу стало легче.

Когда остановились на отдых, вдали появился дус. Через некоторое время к нему подошел второй. Вскоре они скрылись, потом еще несколько раз показывались, а затем вновь исчезли надолго. Завидев их опять, Данкан, встревоженный необъяснимым поведением своего дуса, закричал, чтобы тот возвращался. Но зверь прошел лишь половину пути и остановился. Дус очень изменился, и на Кесрите Стен не узнал бы его, но на всем Кутате было только двое таких зверей, и большой остался на гребне. Он тоже

казался диким. Оба похудели. За ночь исчез весь накопленный в полете жир.

Дус вдруг повернулся и двинулся вверх по склону, к своему собрату. Они исчезли за гребнем и через некоторое время появились вновь. Данкан следил за ними и хмыкал, в голове не укладывалось, как таким великанам удается бесследно исчезать на ровной земле.

— Что с ними? — спросил землянин у Ньюна.

Мри пожал плечами. Должно быть, он тоже недоумевал.

Вскоре они приблизились к синевато-зеленому трубчатому деревцу, и Ньюн перерубил его автленом. Ствол был заполнен желеобразной мякотью.

— Я бы не стал это есть, — забеспокоился Данкан.

Но мри попробовал мякоть на вкус и тотчас сплюнул.

— Не так уж и плохо, — пробормотал он. — Сладко. Скорее всего, съедобно. Посмотрим, отравлюсь или нет. Дусы не побоялись отведать.

Данкан вспомнил, как почувствовал удовольствие, когда дусы впервые увидели эти растения.

Ньюн не отравился. После полудня он съел кусочек мякоти и к вечеру объявил, что деревца вполне годятся в пищу. Данкан тоже решил попробовать, древесина оказалась сладкой, как засахаренный фрукт, и приятно охлаждала полость рта. Потом и Мелейн отведала мякоти, когда стало ясно, что ни мри, ни землянину инопланетное яство не причинило вреда.

Вечером солнце на миг уцепилось за край пропасти, и в туманных сумерках на горизонте вновь возник город.

Он был огромен и прочно стоял на земле. Путники убедились, что видят вовсе не дрожащий мираж. Солнце напоследок четко высветило башни, и все исчезло.

— В пан'ене сказано о нем,— негромко заговорила Мелейн.— Есть город башен, желтый Ан-ихон. Там упомянуты и другие города: Цоухейн, То'и'айшэй и Ли'эй'хэйн. Море называется Шэй'ит, есть имена и у равнин.

Дул ветер, и шептались непоседливые песчинки. Кроме них и двуногих существ, что явились сюда, не двигалось ничто. Один из этих двуногих был здесь совсем чужим.

Но Мелейн называла имена, и еще недавно ужасавший своей необитаемостью Кутат раскрывался перед путниками. И в его багряном безмолвии разговаривали друг с другом Ньюн и Мелейн и даже смеялись. Но тишина въедалась в душу, от нее запирало дыхание, и Данкан вдруг обнаружил, что еле переставляет ноги, а когда мри, коснувшись его запястья, задал какой-то вопрос, землянин был вынужден попросить, краснея от смущения, чтобы Ньюн повторил.

— Да что с тобой? — встревожился кел'ен.

— Все в порядке.— Данкану вдруг отчаянно захотелось коснуться дуса. Он взглянул туда, где за спинами Ньюна и Мелейн темнела глубокая впадина высыхающего моря, и удивился: что им здесь показалось смешным?

Ньюн сжал его руку, отошел в сторону и забрался в спальник. Рядом с ним точно так же устроилась ночевать Мелейн.

Данкан караулил первым. В спальнике с подогревом было тепло, хотя даже пар от дыхания замерзал в воздухе. Над головой висела ущербная луна. На севере появились ведьмины косы облаков, но им не удалось затмить звезды.

Один раз Стен ощутил присутствие дуса. Зверь не приближался к хозяину, но был где-то неподалеку, излучал спокойствие.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Шарн, дрожа от слабости, нажала клавишу, и раздатчик пищи приблизился. С трудом наклонившись, она припала к трубке безгубым ртом, и теплая жидкость потекла в желудок по пищеводу. С помощью этой трубки она быстро повысила содержание питательных веществ в крови, но длительное воздержание от еды будет еще много дней сказываться на самочувствии.

Вокруг нее в рубке управления «Шируга» спали молодые регулы. Большую часть пути они преодолели, не просыпаясь. Лишь Сут и Мелек, старшие юноши, бодрствовали почти все время, только в режиме прыжков позволяя себе уйти в наркотическое беспмятство. Давно уже проснувшийся Сут опекал Шарн: долг молодого — заботиться о старшем. Бай Хулаг на время отдал его в услужение Шарн.

— Могу быть полезен баю? — хрипло спросил Сут. Его смышленные глаза лихорадочно блестели, костяные пластины на щеках были мутно-белыми — признак плохого самочувствия. Шарн обратила на это внимание и милостиво предложила Суту воспользоваться ее раздатчиком пищи. Юноша аж потемнел от радости и с жадностью присосался к трубке. От легко усваиваемой пищи его конечности быстро крепили. Через некоторое время он с немym обожанием во взоре вернул трубку Шарн.

— Разбуди остальных, — велела она, и Сут со всех ног бросился исполнять приказ.

Курсовая лента размоталась до конца.

Они прибыли.

Быстрый взгляд на сканнер: корабль землян висит совсем близко, но вряд ли его команда успела прийти в себя. В полете Шарн часто просыпалась узнать новости от Сута и каждый раз убеждалась, что земляне тяжело оправляются от прыжков. В отличие от них, регулы не накачивались наркотиками, а поступали естественно — впадали в спячку. Их физиология это позволяла. Несколько землян уже сели за консоли, но дело плохо спорится — слишком много тумана в головах у техников. Так бывало всегда, и мри, не нуждавшиеся ни в сне, ни в наркотиках, благодаря этому имели преимущество в бою.

И вот на экране перед Шарн — планетная система, из которой вышли мри.

От этой мысли в жилах Шарн на миг застыла кровь, а потом оба сердца забились сильнее. Со своего пульта она вызвала на экран карту-схему планетной системы, включила двигатели и повела корабль прочь от землян. Те не преследовали — еще не очухались, поняла Шарн. Но приборы зарегистрировали автоматический вызов: компьютер землян напоминал, что «Шируг» нарушает походный строй. Она оставила сигнал без ответа. «Шируг» продолжал развивать скорость в реальном пространстве.

Корабль регулов устремился к планетам. Земляне наконец спохватились, вслед «Ширугу» полетели гневные требования вернуться. Шарн не отвечала. Она союзник, а не служанка, и не обязана выполнять приказы землян. Вокруг просыпались юноши. Как умело заботится о них этот молодой регул, фаворит бая. Предоставив ей своего секретаря, Хулаг всем показал, как он уважает ее. Шарн подумала, что и она должна проявить благосклон-

ность к Хулагу, чем бы это ей ни грозило. Впрочем, сейчас у нее другие заботы.

— Мы летим на разведку,— снизошла она наконец до ответа взбешенным землянам.— Нам, драгоценные союзники, необходимо как можно точнее определить силы вероятного противника. Не беспокойтесь, «Шируг» достаточно быстр и маневрен, чтобы уйти в случае нападения.

Не в обычаях регулов идти в бой первыми. Но сейчас на карту поставлены интересы их народа. В пути Шарн видела вереницу мертвых планет, ужасная летопись похода мри вполне оправдывала жесткие меры регулов на Кесрите. Выживание клана — это выживание индивидов, и дело не только в этом... Под угрозой существование всей расы регулов! Бай Хулаг понял это раньше всех...

На экранах оставшийся позади корабль разделился на части. «Сабер» выпустил рейдеры — небольшой внутрисистемный истребитель «Сантьяго» и безоружный разведчик «Флауэр». Ни тот, ни другой не предназначались для автономных межзвездных перелетов, в отличие от «Шируга» — средних размеров, с тяжелым вооружением — он был способен мгновенно покинуть систему и столь же быстро вернуться, мог маневрировать в непосредственной близости от планеты. Такими возможностями не обладал даже огромный «Сабер», покрытый броней и ошестиненный мощнейшими пушками.

Земляне остались недовольны. «Сабер» набирал скорость, рейдеры держались возле него. Но это не было преследованием. Какое-то время Шарн не находила себе места, срывая злость на просыпающихся юнцах, но наконец поняла, что здесь, рядом с базой мри, земляне не станут задирать регулов. Дальше угроз дело не пойдет. Бай Хулаг предвидел и это. Инструкции Шарн получила непосред-

ственно от него, и хотя считала, что чрезмерная импульсивность хороша для юноши, а не для старшего Аланя, она целиком полагалась на его знания и опыт, ведь Хулаг был старше ее на сто двадцать лет.

В частности, Хулаг хорошо изучил землян и, похоже, был уверен, что ради сохранения мира они простят регулам очень многое. И все же его приказы поставили Шарн в весьма щекотливое положение. Регулы — не воины, их агрессивность не идет дальше слов и теории. Шарн чувствовала бы себя гораздо спокойнее, будь у нее на борту мри, ответственный за такие алогичные процессы, как бой и бегство от погони. Непредсказуемость — родная стихия мри, здесь они не знают себе равных. Но теперь они — враги, и Шарн, возможно, предстоит сражение с ними.

Нельзя сказать, что эти мысли не вызывали у нее тревоги.

Уничтожить.

Уничтожить, и пусть земляне разбирают обломки. О, регулы — мудрая, опытная раса, они умеют загребать жар чужими руками. Регулы решают, а другие, не столь дальновидные расы, исполняют их волю. И Хулаг, опираясь на свой громадный опыт, решил, что так будет и с землянами.

Датчики уловили слабые сигналы радиомаяка. Поколдовав над пультом, Шарн прочла послание.

«Дружба, — говорил маяк. — Дружба».

Одно-единственное слово на языке землян.

Предательство.

Именно этого боялся Хулаг: что мри, оставив службу у регулов, наймутся к другим. Недаром он так опасался землянина по имени Данкан, который возился с мри.

Шарн засекала источник сигнала, выстрелила. Маяк затих.

Потом она несколько мгновений выдерживала шквал голосов — земляне пытались узнать причину стрельбы. Они не успели принять сигнал.

— Препятствие на курсе,— ответила Шарн. Регулы не лгали, но и правду говорили не всегда.

Возможно, земляне были удовлетворены этим ответом. Во всяком случае, они ничего не сказали.

«Шируг» захватил инициативу. Может быть, сказывалось преимущество в скорости. А может, землян вполне устраивало, что Шарн готова прощупать оборону мри. Они поверили и оставили ее в покое. Впрочем, она в этом сомневалась. Не сомневалась Шарн только в скорости «Шируга» — корабль был построен для внезапных ударов и стремительного бегства... «Сабер» же, подобно древним авианосцам землян, в бою практически не двигался. Внутрисистемный истребитель «Сантьяго» наверняка мог развить немалую скорость, но серьезной угрозы для «Шируга» не представлял. А «Флауэра» она не боялась ничуть.

Шарн заставила себя забыть о чужих кораблях. Как всегда, информация Хулага оказалась точной. «Шируг», оторвавшийся от своих спутников, имел теперь преимущество во всем, кроме брони и огневой мощи.

И пока Сут по ее приказу внимал болтовне землян, она думала о том, как извлечь из своих преимуществ максимальную выгоду. Главное, добраться до планеты раньше преследователей.

Уничтожить мри, а там пускай земляне делают что хотят.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Остановиваться не хотелось. Казалось, до города рукой подать, да и силы еще не иссякли. Но близилась ночь, и Ньюн видел, как тяжело землянину: ноги заплетаются, дыхание сорвано. В конце концов Мелейн замедлила шаг и, едва заметным кивком указав Ньюну на Данкана, предложила сделать привал.

— Ночь лучше провести здесь,— сказала она.

Данкан подчинился, не поднимая глаз. Расстелив циновки, путники сидели и наблюдали, как садится солнце. Его лучи слегка окрасили шпили города на близких холмах.

— Простите,— неожиданно сказал Данкан.

Ньюн взглянул на него. Данкан не снимал вуали с лица,— наверное, прятал мученическую гримасу, а может быть, вуаль худо-бедно защищала от холода. Но мри все равно чувствовал настроение землянина — одиночество, само по себе оно — тяжелое бремя.

— Сов-кел,— негромко сказал Данкану Ньюн. «Брат кел» — так ласково обращались воины-мри к кровным братьям.— Садись поближе к нам. Холодно.

Для мри это был не холод, но Данкан подошел и, казалось, приободрился. А может, ему на самом деле стало уютнее. Кел'ен и землянин прижались спинами друг к другу. Даже Мелейн в конце концов не выдержала и оперлась лопатками о колени

Ньюна. Они молчали и смотрели на город, медленно тонувший во тьме, и на звезды — их тут было гораздо меньше, чем в знакомых Ньюну небесах. Совсем мало... Неужели эта планета — на самом краю галактики? А раса Данкана пришла из ее глубин. Наверное, Народ — древнее...

Долгий-предолгий путь в глубь галактики... Ньюну вдруг захотелось, чтобы его собственный путь длился вечно. Пока он идет к городу, у него есть надежда. Что, если она окажется напрасной, когда он достигнет шпилей и башен? Но Данкан заявил, что обнаружил там колебания энергии. Ньюн прикусил губу и слегка переместился, и обоим стало неудобно сидеть. И тут Ньюн вдруг понял, что его беспокоит.

Присутствие дуса.

— Они вернулись,— прошептал он.

— Да,— отозвался через мгновение Данкан.

Зашуршал песок. Раздалось сопение. Наконец появились дусы; наклонив голову, они бездумно взирали на хозяев, будто в самый последний момент забыли, зачем пришли.

На этот раз они не повернули назад, а подошли поближе. Мелейн отодвинулась в сторону, а Ньюн и Данкан обняли своих зверей.

От дусов исходило удовольствие. Ньюн погладил большую мохнатую голову, что все время норовила ткнуться ему в бок, провел ладонью по боку. Шерсть свалялась, под ней легко прощупывались ребра.

— Он стал совсем другим! — воскликнул Данкан. — Ньюн, они оба здорово похудели. Может, у них появились детеныши?

— Узнать пол дуса еще никому не удавалось. — Перемены в облике и повадках зверей не понравились Ньюну, как и то, что Данкан, совсем новичок, высказал догадку, которая едва забрезжила у мри. —

Некоторые келы говорили, что дусы делятся на самцов и самок. Но маленького дуса,— добавил он уверенно,— еще никто никогда не встречал.

— Может быть, маленькие дусы совсем не похожи на обычных детенышей,— предположила Мелейн. На планете, где появился этот вид животных, родившийся слабым не выживает.

Ньюн поднялся и обвел взором залитую луной землю, но дусы умели прятаться. Если и были где-то поблизости детеныши, мри их не заметил. Он снова уселся, и дус положил голову ему на колени, но беспокойство за зверей все еще не покидало кел'ена.

— Опасно выпускать новый вид животных на планету, особенно с такой хрупкой экосистемой, как здесь,— сказал Данкан.

Он разговаривает! Он держится вполне свободно! Ньюн из боязни сглазить перестал об этом думать.

Внезапно Данкан опустил голову, и дусы заволновались.

— Это так,— негромко сказала Мелейн.— Но без них нам будет одиноко.

Данкан молча посмотрел на нее и обнял за шею своего зверя. И успокоился. Потом Ньюн предложил Мелейн лечь в середине, и в этот раз они заснули все — впервые с тех пор, как оставили корабль. Сейчас рядом были дусы, охраняли и согревали их.

* * *

Дусы плодились непрерывно, их детеныши появлялись на свет взрослыми, и они распространились по всему Кутату и заполнили улицы мертвых городов, и мри стали им не нужны.

Ньюн проснулся в холодном поту, его разбудили вторгшиеся в кошмар мысли дуса. Рядом беспокойно зашевелились остальные — похоже, они

ничего не понимали. Данкан окинул взглядом холмы — должно быть, встревожился, не подкрадывается ли к бивуаку чужой.

— Все в порядке, — произнес Ньюн.

Он умолчал о своем сне; липкий страх еще не отпустил. Ньюн никогда в жизни не чувствовал такую власть дусов над собой, он лишь разделял их ощущения. Присутствие землянина, вот в чем дело. Это оно вызвало подозрения, для которых нет никаких причин.

«Дусы не обладают памятью, — сказал он себе. — Для этих двух зверей Кесрита больше нет. Они не вспомнят родную планету, пока не увидят ее вновь, а это никогда не случится. Сейчас для них существует только Кутат. Им, в отличие от нас, вольготно, словно они родились и выросли здесь».

Ньюн снова закрыл глаза. Ему было стыдно — наверняка Мелейн догадывается, что ему приснился кошмар. Правда, она могла по ошибке приписать его Данкану. А еще он пенял себе, что ночью разделил страхи землянина, связанные с рождением дуса. Сейчас звери излучали спокойствие. Ньюн вобрал его и растворился в тепле, отвергая страх.

* * *

Утром они пошли не торопясь, щадя Данкана и соблюдая осторожность, стараясь держаться складок местности. Чем позже их заметят из города, тем лучше.

Но чем ближе они подходили, тем бесполезнее выглядели предосторожности.

Старый-престарый город... Теперь Ньюн ясно видел то, о чем раньше лишь догадывался. Шпили в трещинах — их давно не ремонтировали; повсюду груды обломков. Путники молчали, никто не решался вслух произнести страшные слова.

В конце концов они перестали скрываться. Ветер, несколько дней дувший навстречу, внезапно окреп, стал швыряться песком в наглухо закрытые вуалями лица, отнимать силы. Дусы шли, сжав ноздри и опустив головы, изредка фыркая и явно сомневаясь в рассудке своих хозяев, которые упорно шагали вперед. Ньюна не спасали даже мигательные перепонки, глаза немилосердно жгло, пришлось опустить козырек зайдха. Данкан это сделал, как только усилился ветер; Мелейн опустила нижнюю вуаль из легкой кисеи на головной накидке — сэрех.

В любой иной ситуации они бы предпочли укрыться. Здесь хватало подходящих мест, но они упрямо шли, по очереди влача отяжелевшие сани.

По улицам города текли песчаные реки. Словно призраки, брели трое среди руин; их следы мгновенно исчезали. Над ними возвышались башни, таяли в желтых клубах пыли, изредка проступали в солнечных лучах, и ветер вторгался на узкие улицы, выл, точно демон, хлестал песком по козырькам идущих.

Шпили и соединенные арками цилиндры, отдельные башни на фоне закутанного в песчаную вуаль солнца... Ничего подобного Ньюну еще не случалось видеть. Как ни озибался он, не находил ничего знакомого, никаких признаков того, что здесь живет Народ. Его охватил страх, на душу легла невыносимая тяжесть.

Они немного отдохнули, укрывшись в остове конической башни. Снаружи выл ветер, нагонял тоску. Данкан зашелся кашлем, который не унялся, пока мри не заставили землянина выпить воды. Потом Ньюн сложил вдвое вуаль Данкана. Сами мудрые боги подсказали мри этот способ. Теперь Стен мог дышать, не боясь пыли.

Но никто из них не говорил о городе и о том, что они увидели на его улицах. Набравшись сил,

они снова окунулись в бурю; и была очередь Данкана тащить сани, шуршавшие на песке и скрежещавшие на камнях. И как ни тяжела была ноша, никто не предлагал выбросить лишнее. Хотя все подумывали об этом.

Мелейн упорно вела их к центру города; Ньюн и сам бы выбрал это направление. В центре всегда располагались Святилища, а справа от них — и'ид су-ши'пан, проход в башню ши'пан. При возведении своих городов мри ни в чем не отступали от традиций.

Дусы снова покинули их. Ньюн оглянулся и не увидел зверей, хотя по-прежнему ощущал теплepatический контакт с ними. Полуослепленный черной маской, Данкан повернул голову в том же направлении, потом снова взглянул на дорогу, которой их вела Мелейн, и налег на веревку. Визг полозьев по голому камню на миг перекрыл рев ветра и утих, когда под ногами снова оказался песок.

Башни вдруг расступились, и путники вышли на огромную площадь.

Там стоял Эдун, Дом, к которому они стремились... Наклонные стены, четыре башни на одном фундаменте. А их родной Дом был из глины — приземистый, грубый... Этот же, закутанный в вуаль песчаной бури, построили из камня цвета шафрана, и стены соединялись наверху. Громада ввергала в трепет; перед ней воспоминания Ньюна об Эдуне Кесритуне блекли, таяли. Казалось, его эпоха — лишь слабый отголосок этой великой древней песни его Народа.

— Боги... — благоговейно прошептал он.

«Здесь должно быть Святилище, если, конечно, оно сохранилось, — подумал он. — Здесь должно быть Сердце Народа... если кто-то остался в живых».

— Идем, — сказала Мелейн.

Они стали пробираться к дверям. Задача была не из легких. Данкан медленно тащил санки, а Ньюн, ухватившись за веревку, помогал ему. Перед ними распахнулись двери, белый силуэт Мелейн утонул во мраке, и Ньюн, встревоженный ее поспешностью, покинул Данкана.

Но тьма в Эдуне не таила угрозы. Здесь было заметно тише, тучи песка и пыли не проникали далеко вглубь. В неясном свете, льющемся из распахнутой двери, Ньюн увидел блеск длинных локонов Мелейн. Она откинула вуаль. Ньюн поднял козырек и пошел обратно, чтобы помочь Данкану, который одолевал дверной проем; когда они тащили санки в зал, полозья противно скрежетали по каменным плитам. Эти звуки отражались от стен и сумрачных сводов.

— Берегите глаза,— сказала Мелейн.

Обернувшись, Ньюн увидел, что она тянется к панели у дверного проема. Вспыхнул свет, холодный, резкий. Мигательные перепонки отреагировали мгновенно, но даже сквозь них Ньюн увидел черные узоры на стенах. Письмена, похожие и непохожие на те, что создавала Мелейн. Непонятные, загадочные, застывшие в веках. С уст Мелейн сорвался благоговейный возглас.

— Пол в зале чист,— с удивлением отметил Данкан, вытирая слезы с запыленного лица. На щечках остались грязные полосы.

Ньюн взглянул на расходившиеся из зала коридоры и не увидел там ни пылинки. Каменные плиты сияли. В затылок мри впились тысячи иголок, как в те мгновения, когда кел'ен чувствовал появление дуса. Казалось бы, здесь он должен испытывать надежду. Но вместо нее была тревога, осознание того, что он чужой в этом зале. «Где дусы? — спросил он себя.— Почему ушли?» Как ему хотелось, чтобы они сейчас были рядом.

— Идем.— Мелейн произнесла это еле слышно, и все равно эхо разнеслось по коридорам.— Возьмите пан'ен. Вы должны его нести.

Они сняли пан'ен с саней, и Ньюн осторожно передал Данкану единственную ношу, нести которую он сам почел бы за честь. Но кел'ен вспомнил, что обязан защищать пан'ен, а как это сделаешь, если руки заняты?

— Ты удержишь его, сов-кел?— спросил Ньюн. Эллипсоид был увесист, со смещенным центром тяжести, а Данкан тяжело дышал. Но землянин жестом дал понять, что справится.

Мягко ступая, оба двинулись вслед за Мелейн по сияющим коридорам.

Святилище Дома обычно располагалось между коридорами для келов и для сенов. Келы, в чьем ведении находилась наружная дверь — «Лицо, Обращенное Вовне»,— всегда шли первыми. Дальше — пана, а за ним — проход для сенов в башню Разума Народа, «Лица Без Вуали, Обращенного Внутрь». Святилище оказалось на месте — маленькая сумрачная комната, где давно погасли лампы, а стекло сосудов от древности стало радужным.

— Увы! — глубоко опечаленная Мелейн коснулась черной от патины бронзовой решетки. Ньюн увидел за экраном лишь мрак и поспешил отвести взгляд.

Они быстро вышли. Данкан ожидал у двери, не решаясь войти; но по встревоженному взгляду землянина Ньюн догадался, что тот все понял. Будь здесь кто-нибудь из Народа, в Святилище Дома непременно горел бы огонь. Ньюн, подавленный картиной пустоты и безысходности, на ходу коснулся холодной поверхности пан'ена, чтобы вновь вернуть себе веру и твердость духа.

Но ведь кругом горел холодный, ясный свет; но ведь их шагам по безукоризненно чистому полу

вторило эхо, хотя снаружи повсюду лежал толстый слой пыли. Эдун жил. Он черпал силу из какого-то источника. Мелейн на миг задержалась у другой панели, и свет заполнил новые коридоры... альков башни Сенов и справа — проход к башне давно умершей ши'пан.

Тяжелее всего было увидеть коридор, ведущий в башню катов. Казалось, его пустота издевательски смеется над пришельцами.

— Здесь может быть защита,— сказал Данкан.

— Да,— отозвалась Мелейн.

Тем не менее она повернулась и пошла вверх по лестнице башни сенов, куда кел'енам вход был заказан. Ньюн замер и с отчаянием смотрел на Владычицу, пока та не обернулась и не кивнула ему, разрешая нарушить запрет.

Данкан с пан'еном в руках, тяжело дыша, последовал за мри, и постепенно они одолели винтовую лестницу, миновали странные метки, на первый взгляд напоминавшие символы Эдуна Кесритуна. Однако эти знаки были непонятны и выполнены с машинной точностью.

Стало светлее. Они вплотную приблизились к залу сенов и вслед за Мелейн вошли в огромное помещение, где эхом отдавались их шаги. Пусто. Ни ковров, ни подушек,— ничего, кроме изъеденных коррозией столовых приборов из желтой меди на полке из шафранового камня. Казалось, они готовы рассыпаться от малейшего прикосновения.

Но не было и следа пыли, лишь на полке лежал толстый ее слой, какой и должен был накопиться за столько лет.

Мелейн пошла дальше, к противоположной стене, через дверь — в помещение, подобное тому, которое она хорошо изучила за шесть лет, пока была сен'е'ен; и вновь она задержалась, чтобы спутники могли догнать ее и увидеть то, что всегда было

тайной для келов. «Наверное, теперь это не имеет значения», — с тоской подумал Ньюн.

Ярко вспыхнули огни, словно приветствовали гостей. Перед ними стояли машины — ряд за рядом. Зал напоминал Святилище Сил'атен, но был гораздо просторнее. Ньюн на миг замер в благоговении, а затем, не дожидаясь приказа Мелейн, пошел за нею. Владычица не возражала, и Данкан двинулся за мри.

Компьютеры, пульта управления. Кое-что напоминало ему корабельное оборудование, но хватало и техники совершенно неизвестного предназначения. Белоснежные стены, на центральном пульте — пять огромных, в рост человека, символов из того же металла, что и принесенный кел'енами эллипсоид.

— Ан-ихон, — во весь голос произнесла Мелейн, и акустика зала превратила это слово в громовой раскат.

Машины внезапно ожили, засверкали огнями, и невольно вздрогнувший Ньюн услышал возглас Данкана. Стоявший рядом с мри землянин опустился на колени, чтобы поставить пан'ен, и вновь поднялся, держа руку на пистолете.

— Я воспринимаю, — сказал гулкий и равнодушный голос. — Продолжайте.

Мелейн вызвала его именем города. Кожа Ньюна покрылась мурашками, отчасти при мысли, что он увидел запретную Тайну и услышал ее название, отчасти потому, что Тайна отвечала. Мелейн отступила на шаг, прижала ладонь к сердцу.

— Ан-ихон, — обратилась она к машине, и, казалось, даже пол запульсировал в едином ритме с миганием огней. Да, это сам город откликнулся пришельцам, и он говорил на хол'эйри, высшем языке, что оставался неизменным за всю историю мри. — Ан-ихон, где твой народ?

Шквал ярких огней пронесся по пультам.

— Неизвестно,— произнесла наконец машина.

Мелейн глубоко вздохнула. Несколько мгновений она стояла неподвижно, и Ньюн боялся даже пошевелиться.

— Ан-ихон,— сказала Владычица,— мы — твой Народ. Мы вернулись. Мы потомки тех, кто жил в Ан-ихоне и Цоухэйне, То'и'ай-шэе и Ли'эй'хэйне. Известны ли тебе эти названия?

Снова шквал огней и звуков — невероятно бурный отклик машины. Ньюн шагнул вперед и предостерегающе коснулся Мелейн, но та стояла неподвижно, не замечая его. Ряд за рядом оживали лампочки в самых дальних углах зала, все новые и новые машины заливались светом.

— Мы здесь,— отозвался другой голос.— Я — Цоухэйн.

— Назови свое имя, гость,— послышался густой бас Ан-ихона.— Пожалуйста, назовите свои имена. Я вижу одного посетителя, не принадлежащего Народу. Пожалуйста, докажите свое право обращаться к нам.

— Я — Мелейн с'Интель Зайн-Абрин, ши'пан Народа, покинувшего Кутат.

Пульсация огней становилась все менее хаотичной.

— Я — Ан-ихон. Я подчиняюсь ши'пан Нарсда. Цоухэйн, и То'и'ай-шэй, и Ли'эй'хэйн говорят через меня. Я ощущаю присутствие чужого.

— Он здесь с моего позволения.

Теперь все лампочки вспыхивали согласно.

— Будет ли дозволено Ан-ихону задать вопрос? — Машина соблюдала ритуал, и от этого Ньюна бросило в дрожь.

— Спрашивай.

— Кто эти двое? Должны ли мы принять их, ши'пан?

— Примите их. Один из них — Данкан Без Матери. Он пришел из Мрака. Рядом с ним —

мри Ньюн с'Интель Зайн-Абрин, кел'ант моих келов, Рука Владычицы, тень у моих дверей.

— С тобой в город вошли и другие тени.

— Дусы подобны теням в нашем Доме.

— Мы позволили сесть кораблю.

— Это на нем мы прилетели.

— Но он посылает сигналы не на языке Народа.

— Ан-ихон, в этом есть необходимость.

— Хорошо, ши'пан, — уступила машина.

— Есть в городе кто-нибудь из Народа?

— Никого.

— А вообще кто-нибудь есть, Ан-ихон?

— Сформулируй вопрос точнее.

— Кто-нибудь из оставшихся здесь уцелел?

— Да, ши'пан. Живых много.

Ответ прозвучал, словно гром; сердце успело сделать несколько ударов, прежде чем до Ньюна дошел смысл этих слов. Много живых. Много!

— Ши'пан! — воскликнул Ньюн, и защипало глаза. Он стоял неподвижно, глубоко дыша, отгоняя нежданную слабость, и вдруг почувствовал на плече руку Данкана и через мгновение понял, что испытывает землянин. «Радость, — подумал он. — Данкан радуется за нас». Ньюн был глубоко тронут, и в то же время его смутило прикосновение землянина.

Ци'мри.

Пока Ньюн не услышал голос Ан-ихона, он не задумывался над тем, что Данкан — не такой, как другие. Когда-то для него все ци'мри были на одно лицо. Враги. Беспощадные убийцы. Но теперь он понял, как глубоко заблуждался.

Кел'ена охватил стыд. Он был эгоистичен, слеп, вел себя бесчестно. Возможно, Данкан почувствовал его смятение. Ньюн положил руку ему на плечо, сжал.

— Сов-кел, — сказал он тихо.

Землянин молчал. Наверное, тоже не находил слов.

— Ан-ихон,— обратилась к машине Мелейн,— где они сейчас?

На центральном экране появился глобус, медленно закружился. На нем одна за другой вспыхивали точки.

Десять, двадцать... еще и еще...

— У него не хватает мощности для связи со всеми этими местами,— пробормотал Данкан. Ньюн сильнее сдвинул его плечо, давая понять, что говорить сейчас не нужно.

Мелейн повернулась к ним и взмахом обеих рук указала на выход.

— Ступайте. Подождите внизу.

Может быть, в этом был виноват Данкан. А может, она бы и так вспомнила, что в помещениях сенов кел'енам не место.

Народ выжил.

Мелейн поведет его в бой...

И тут Ньюн подумал, что теперь ему понадобится все его мастерство, все, чему его учили... ибо самый главный итог долгих поисков Народа — то, что Ньюну придется убивать. Этого никак не избежать.

От таких мыслей кел'ену стало мутно.

— Идем,— сказал он Данкану. Потом нагнулся за пан'еном. Теперь он был уверен, что им нечего опасаться в городе, который подчинился Мелейн.

— Нет,— сказала Мелейн.— Оставь его.

Он подчинился и вместе с Данканом спустился туда, где остались их вещи. И там они настроились на долгое ожидание.

* * *

Пришла ночь. Из башни сенов не доносилось ни звука. Ньюн уже беспокоился, и Данкан не пытался заговорить с ним.

Наконец мри не вытерпел и, оставив землянина внизу, поднялся в зал келов. Там было совершенно

пусто. Зал был намного просторнее родного, кесритского, с глиняными стенами. Здесь фрески выцвели от времени. На них был изображен мир, который с тех пор пришел в упадок. Они нагоняли тоску.

Он вспомнил о Данкане и поспешил обратно к винтовой лестнице. Позади вдруг чирикнуло, Ньюн резко развернулся и схватился за пистолет, но это оказался всего-навсего сервобот, точно такой же, как у регулов. Кел'ен понял, почему здесь так чисто и кто ремонтирует древние машины.

Он пожал плечами и спустился к Данкану. Землянин встретил его испуганным взглядом и, поняв, что тревога ложная, облегченно вздохнул и снова уселся.

— Хоть бы дусы пришли, что ли, — сказал Данкан.

— Да, — согласился Ньюн. Отсутствие зверей сильно сковывало их. Они не решались оставлять наружную дверь без охраны. Ньюн глянул в ту сторону, но снаружи была лишь ночь. Он пересел к саням и принялся разбирать груз.

— Отнесу ши'пан что-нибудь поесть. Вряд ли нам придется идти сегодня ночью. Здесь есть несколько небольших автоматов. Похоже, они безобидны. Не повреди их.

— Сдается мне, Ан-ихон вполне способен постоять за себя, — негромко сказал Данкан.

— Мне тоже это приходило в голову.

— Он сказал... что позволил кораблю совершить посадку. Значит, мог и не позволить.

Ньюн медленно выдохнул и решил не думать об этом. Он взял пакет с едой и флягу. Но слова Данкана по-прежнему звучали в мозгу. Землянин научился неплохо скрывать свои мысли, теперь по его лицу не всегда узнаешь, о чем он думает. Но Ньюна встревожил скрытый смысл его слов. Данкан имел в виду посадку не их корабля.

Другого.

С землянами, летевшими по следу.

Вот о чем предлагал он подумать Ньюну.

Ньюн поднялся и, не оглядываясь, пошел к лестнице. Его не оставляли мысли о предательстве. Но предательства не будет, если Данкан верен Владычице.

Что творится в душе у этого человека? Чего от него ждать?

Он осторожно вошел в трапезную сенов и громко позвал ши'пан. Дверь в машинный зал была открыта, оттуда доносился гул механизмов. Скорее всего, он заглушал слова кел'ена.

Но Мелейн вышла на зов. Глаза ее были подернуты легкой дымкой, в них застыло изумление. Ньюна испугала ее бледность.

— Я принес тебе еды,— сказал Ньюн.

Она взяла пакет и флягу.

— Спасибо.— Мелейн повернулась и медленно пошла обратно в зал. Он задержался и увидел то, чего не должен был видеть: открытый пан'ен, наполненный золотыми пластинками... пульсацию огней, пробужденных голосом Мелейн. Ши'пан стояла перед разумами городов, уместившимися в эти машины, и мерцающий голубоватый свет омывал ее фигуру в белой мантии. Из обессиленной руки выпал пакет, еда рассыпалась по полу, фляга бесшумно ударила рядом. Похоже, девушка этого не заметила.

— Мелейн! — крикнул Ньюн и рванулся вперед.

Она повернулась, протестующе вскинув руки, на лице застыл страх. Голубой свет ударил по глазам. Полуослепленный, Ньюн отпрянул, рухнул на пол.

Звучали голоса, и один из них принадлежал Мелейн. Ньюн поднялся на колени, а когда ши'пан

подошла и коснулась его, встал на ноги. Его мутило, в висках стучала кровь.

— Он не пострадал? — спросил Ан-ихон. — Он не пострадал?

— Нет, — ответила Мелейн.

— Уходи, — сказал ей Ньюн. — Уходи. Оставь их хотя бы до утра. Эти машины ждали целую вечность, что для них одна ночь? Пойдем, тебе надо отдохнуть.

— Я поем и отдохну здесь. — Ее ладони ласково погладили руку Ньюна, и она вернулась к машинам. — Не пытайся войти сюда, — сказала она из дверного проема.

— Я боюсь эту машину.

— Так и должно быть. — Мелейн задержалась, чтобы поговорить с ним; бесконечная усталость была во взоре ши'пан. — Мы не одиноки. Ньюн, мы не одиноки. Мы отыщем Народ. Взгляни на себя, кел'ен Владычицы. Предстоит битва.

— Где отыщем... и когда, ши'пан? Машина знает?

— Здесь были войны. Моря высыхали; Народ слабел и воевал сам с собой; из-за нехватки воды мри бросали города. В них остались только машины. Ан-ихон говорит, что обо всем этом рассказывает Матерям, которые приходят сюда, чтобы обрести мудрость. Иди вниз, Ньюн. Я еще не все узнала. Я должна остаться. Ан-ихон тоже учится у меня и делится знаниями со всеми городами Народа и, возможно, с местом, которое он называет Живым Городом. Мне еще не совсем понятно, как связаны между собой города. Но здесь Ан-ихон, он мне подчиняется. И благодаря этому в моих руках — Кутат. Иди, Ньюн. Присмотри за Данканом.

— Да, — уступил он и вышел.

Он еще не оправился от выстрела машины, во всех его мускулах, даже в костях сидела боль. Слова ши'пан вызвали лавину мыслей в его мозгу. Мелейн говорила о битве, а значит, Ньюн понадобится ей.

А'анай. Поединок. Владычицы не сражаются. Им служат самые искусные кел'ены, это их долг — рисковать своей жизнью.

Мелейн готова вступить в бой сама.

Он в молчании спустился в нижний зал, устроился в углу, чтобы размять саднящие руки и представить в смятенном уме картины будущих убийств.

— С ши'пан все в порядке? — вторгся в его раздумья Данкан.

— Она не спустится. Она разговаривает с машиной... с городами. Она говорит о войнах, кел Данкан.

— Это необычно для Народа?

Ньюн взглянул на него, готовый взорваться, и вдруг понял, что землянин просто выбрал не те слова.

— Войны. Междоусобные войны мри. Битвы с применением оружия, убивающего на расстоянии. — Ньюн перешел на му'ара, и Данкан, похоже, понял его.

— Пора бы дусам прийти, — сказал Ньюн, чтобы отвлечься самому и отвлечь Данкана от неприятных, страшных мыслей. Уступив своей тревоге, подошел к двери и позвал зверей.

Они не пришли. Они и раньше очень редко являлись на такой зов.

Не вернулись они и в следующую ночь.

Но на третью ночь, когда Мелейн заперлась в башне сенов, а мужчины томились внизу, снаружи слышались знакомое сопение и стук когтей по ступеням, и тот особый нажим на чувства, что предвещал появление дусов.

В эту ночь Данкан и Ньюн впервые смогли как следует выспаться, согретые теплом устроившихся рядом зверей и уверенные, что те предупредят, если возникнет угроза.

Пришла Мелейн; резкий хлопок ладоней напугал кел'енов и зверей. Мужчины были смущены: хоть она и не враг, но застала их спящими.

— Идем.— Когда они вскочили, готовые исполнить любой приказ Владычицы, она сообщила: — Мри близко. Их вызвал Ан-ихон. Они придут.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После многодневной бури в городе остались груды песка, настоящие дюны, которые принимали фантастические очертания в предрассветном сумраке.

Данкан посмотрел на маяк, горящий на вершине Эдуна,— его лучи пронизывали еще темное небо, звал всех, кто мог видеть город.

И Народ придет на этот зов.

Они ничего не взяли с собой; пан'ен и сани со всей кладью остались в Эдуне. Если все сложится хорошо, они вернутся; если же нет, все это им больше не понадобится. Ньюн ничего не говорил о возможности бегства, но Данкан подозревал, что оно исключено.

Чем ближе они подходили к окраине города, тем сильнее тревожились дусы. Ньюн осыпал их отрывистыми приказами— к этому звери не привыкли. В конце концов они покинули хозяев, быстро исчезли в тенях развалин.

— Может, и мне уйти? — спросил Данкан.

Мри посмотрели на него.

— Нет,— сказал Ньюн.

— Нет,— буркнула Мелейн, словно предложение Стена обидело ее.

В лучах рассвета они увидели на обращенном к городу склоне песчаной гряды цепочку черных точек.

Кел'ены.

— Шон'ай,— негромко сказал Ньюн.— Шон'ай сэй'джирэн, клинок брошен. Пути назад нет. Ши'пан, ты подождешь или пойдешь с нами?

— Я пойду с вами... А то вдруг там у кого-нибудь из кел'енов не выдержат нервы. Здесь есть другие Матери. Посмотрим, уважают ли здесь закон.

Постепенно черная цепочка силуэтов приблизилась, превратилась в колонну. Двое мри и землянин безмолвно шагали ей навстречу.

Колонна остановилась, двое кел'енов отделились от нее и двинулись вперед.

Мелейн тоже остановилась.

— Идем,— сказал Ньюн Данкану.

Они пошли без ши'пан.

— Молчи,— произнес Ньюн,— и держись слева от меня.

На расстоянии, на котором их было едва слышно, незнакомые кел'ены остановились и окликнули Ньюна и Данкана.

Это был му'ара, и Данкан понял лишь слово «ши'пан».

— Разве Народ забыл хол'эйри? — прокричал Ньюн.

Двое незнакомцев снова двинулись вперед и снова остановились. Данкан кожей чувствовал их взгляды — его лицо было скрыто вуалью, но они заподозрили неладное, понял Стен.

— Кел'ен, с чем ты пришел? — спросил Ньюна старший на хол'эйри.— Что тебе нужно?

Ньюн промолчал.

Взгляды незнакомцев переместились за спину Ньюна и вернулись к нему.

— Кто бы вы ни были, это земля Сочил. Скажи об этом своей ши'пан и испроси ее милости на то, чтобы уйти. Нам не нужна эта встреча.

— Здесь сел наш корабль,— сказал Ньюн.

Незнакомцы молчали. О корабле они знали, Данкан это понял по их смущению. Чтобы это почувствовать, не нужен был дус.

— Мы дети Мелейн с'Интель Зайн-Абрин,— произнес Ньюн.

— Я — Хлил с'Сочил,— сказал более молодой, его рука угрожающе скользнула к поясу.— А кто ты, чужак?

— Я — дайтон Ньюн с'Интель Зайн-Абрин, кел'ант келов Мелейн.

Поза Хлила мгновенно сменилась на менее угрожающую, он едва заметным жестом выразил уважение. На нем, как и на спутнике, была грубая одежда, ее черная краска давно выгорела на солнце. Но мантии обоих были украшены множеством джи'тэев — наград, они поблескивали в холодных лучах солнца, а оружие, йин'ейн, было изношенным и, похоже, не залеживалось в ножнах.

— Я — Мирей с'Элил Кон-Нелан,— произнес старший.— Дайтон и кел'ант келов Эдуна Анихона.

— Кел'ант, что нам передать нашей ши'пан?

— Передайте, что это вызов.

На мгновение стало тихо.

Глаза Мирея взглянули на Данкана, туземец явно был встревожен присутствием постороннего. И Стен подумал, что Мирей опасается вопросов, которые способен задать землянин. Им давно известно о корабле.

Но Мирей вдруг поклонился и пошел прочь; Хлил последовал за ним.

— Это из-за меня,— сказал Данкан.— Они чего-то испугались.

— Придет их ши'пан. Теперь это ее проблема. Стой спокойно, руки держи за спиной. Ничего не делай без нашего приказа.

Они стояли, и ветер небрежно теребил их мантии и мел песок. Через некоторое время тишину нарушили шаги — подошла Мелейн.

— Ее имя Сочил,— не поворачивая головы, произнес Ньун.— Мы сообщили ее кел'анту о твоих намерениях.

Владычица ничего не сказала.

В абсолютной тишине приблизились чужие кел'ены. Сначала они несколькими рядами окружили пришельцев, отрезая им путь к бегству. Данкан и его спутники стояли, точно каменные изваяния, и местные келы держались так же спокойно. Стен чувствовал устремленные на него взгляды, но столь же внимательно келы рассматривали Ньона и Мелейн, ведь и они здесь выглядели непривычно. На них была красивая одежда, и захен'ейн они носили вместе с йин'ейн; и зайдхи у них были иного покроя, с пластиковыми козырьками, и надевали их кесритские мри по своему. А на туземцах одежда была простой, изношенной, вуали — поверх головных накидок, а не пристегнуты к их краям с помощью металлической полоски, как у Ньона и Данкана. Полы мантий — в лохмотьях, рукава — в дырах. Рукоятки оружия — из кости и пропитанного лаком волокна; у Ньона же они были из меди и золота и обернуты чо — шелком. Данкан подумал, что даже его самодельное оружие выглядит здесь самым выигрышным образом.

Особый интерес вызвал Ньун. Данкану был неизвестен титул, которым Ньун назвал себя,— дайтон примерно соответствовало слову «сын», но было и отличие. Внезапно Стену пришло в голову, что родственник ши`пан по своему рангу близок к самой Владычице.

Сам он был Данканом Без Матери. Стен гадал, какую судьбу ему уготовили эти мри и что озна-

чали слова о вызове. Поединок? Для дуэли он слишком малоопытен. Скрестить йин'ейн с кем-нибудь из них? Он вспомнил приказ Ньюна. Он достаточно хорошо знал молодого кел'ена. Что бы он ни замыслил, надо положиться на него и спокойно ждать. Здесь на весах лежат жизни.

За черными мантиями появились золотистые. Сены, Разум Народа, пришли без вуалей. Старые и молодые, мужчины и женщины... Большинство — без сет'алов, голубоватых ритуальных шрамов, которыми украшали себя келы.

Сены рассредоточились среди келов, застыли в ожидании, сложив руки на груди.

Но, когда вперед выступила Мелейн, сен'ены прикрылись вуалями и отвернулись. И между ними прошла старая женщина, одетая в белую мантию.

Сочил, Владычица. Черная кайма украшала ее одежды; мантия же Мелейн была целиком белой. У Сочил, в отличие от Мелейн, не было сет'алов. Она подошла к чужеземке и остановилась.

— Я — Сочил, ши'пан мри джей'эном. Ты вторглась на землю, которая тебе не принадлежит.

— Это город моих предков,— возразила Мелейн.— Мой город.

— Уходи с моей земли! Уходи, пока цела. Никто не смеет заявлять права на Ан-ихон. Ни о каком вызове не может быть и речи.

— Я — Мелейн, ши'пан всего Народа. Сочил, я вернулась домой.

У Сочил задрожали губы. Старость, солнце и ветер избородили ее лицо бесчисленными морщинами. Она пронизывала Мелейн взглядом, и дрожь не унималась.

— Ты безумна! Ши'пан Народа? Ты более чем безумна. Скольких из нас ты убьешь?

— Народ покидал этот мир. Я — Владычица всех тех, кто уходил, и всех, кто вернулся, и всех городов, чьими посланниками мы были. Я бросаю вызов, Сочил.

Глаза Сочил на миг скрылись за мигательными перепонками, а руки взметнулись, словно она пыталась защититься.

— Будь ты проклята! — Она закрылась вуалью и отступила к своим сенам.

— Тебе брошен вызов, — громко сказала Мелейн. — Ши'пан мри джей'эном, отдай мне твоих детей, или я сама заберу их.

Владычица молча уходила, и келы выстроились стеной, защищая ее. Никто не двигался. Все молчали. У Данкана от напряжения ныли мускулы. Обращенная к ветру сторона туловища немела от холода.

К Мелейн подошли кел'ант Мирей и два кел'ена — мужчина и женщина.

— Ши'пан. — Мирей почтительно поклонился Мелейн. — Я — кел'ант Мирей с'Элил Ков-Нелан. Моя Мать предлагает тебе двух кел'енов.

Мелейн жестом выразила удивление и презрение.

— Она предпочитает торг? Тогда пусть отдаст половину своих детей.

Лицо кел'анта осталось бесстрастным, но юному кел'ену рядом с ним не удалось скрыть смущения.

— Я передам. — Кел'ант медленно отвернулся и отступил к черной шеренге.

— Она откажется, — прошептала Мелейн Ньюну.

Ждать пришлось долго. Наконец кел'ены расступились и показалась Сочил. Лицо ее было закрыто вуалью, кисти рук — в рукавах мантии.

— Уходи! — негромко сказала Сочил. — Я прошу тебя уйти и оставить моих детей в покое. Зачем они тебе нужны?

— Ши'пан, я вернулась и нашла их бездомными. Теперь у них будет Дом.

Возникла пауза. Наконец Сочил выпростала руку и повела кругом.

— Прекрасная ши'пан, я вижу, ты сильно нуждаешься в изысканных нарядах. Я вижу, у тебя нет земли, нет келов, катов и сенов. Двое кел'енов, и больше никого и ничего. Но ты хочешь забрать у меня моих детей и дать им Дом.

— Да.

Сочил негодуяюще махнула рукой в сторону Данкана.

— Это их ты называешь Народом? Это они считаются мри там, откуда ты пришла? Это с ними придется сражаться моему келу, если он убьет твоего кел'анта? Кого ты привела к нам облаченным в мантии кел'ена? Дай нам увидеть его лицо!

Рука Ньюна потянулась к поясу.

— Ши'пан, ты выглядишь жалко, — произнесла Мелейн. — Все это пустые слова. Я скажу тебе, чего хочу и что сделаю. Я поселю в Доме твоих людей, половину или всех, это будет зависеть от тебя. И пойду дальше, собирать род за родом, пока все они не станут моими. Я — ши'пан Народа, и я заберу всех твоих детей, часть — сейчас, остальных — позже. Но если ты уступишь половину, я отменю вызов.

— У тебя ничего не выйдет. Города стоят на возвышенностях, и в них нет воды. Чужеземная ши'пан, ты безумна. Ты не знаешь, что здесь произошло, пока ты скиталась. Мы не можем строить, путь и'лии — не для нас. Плодородной земли хватает лишь тем, кто живет на Кутате. Ты погубишь нас.

— Сочил, поговори с Ан-ихоном, который учил тебя, и убедись, что я не безумна.

— Ты гредишь. Дочь моих предков, ты гредишь.

— Нет,— сказала Мелейн.— Мать джей'эном, это ты — дурной сон Народа, а я подарю твоим детям дом.

— Ты погубишь их. Я не позволю тебе увести их.

— Ты разделишь их, ши'пан, или примешь вызов.

Из глаз Сочил катились слезы, впитывались в вуаль. Она с ужасом взглянула на Ньюна и снова — на Мелейн.

— Он очень молод. Вы оба очень молоды, и с вами чужак. Видят боги, вы не ведаете, что творите. Как могу я разделить своих детей? Ши'пан, ты внушаешь им ужас.

— Ответь!

Сочил отрицательно покачала головой. Перепонки закрыли блестящие глаза, выдавив слезы. Ши'пан повернулась и гордо пошла прочь.

Ее люди стояли молча. «А ведь могли бы хоть как-то поддержать свою ши'пан», — подумал Данкан. Но Мелейн заявила свои права на них, и теперь они останутся с Сочил лишь в одном случае: если старуха примет вызов и победит.

Дойдя до шеренги своих келов, Сочил вдруг остановилась и резко обернулась.

— А'анай! — воскликнула она.— Вызов!

Мелейн оглянулась на Ньюна, и тот, медленно расстегнув пояс с захен'ейн, отдал его Данкану; потом, поклонившись Мелейн, он двинулся вперед.

Мирей с'Элил поступил точно так же.

Данкан стоял спокойно, держа в руке тяжелый пояс. Мелейн коснулась его рукава.

— Кел Данкан... Запомни, ты не должен вмешиваться.

Она закрылась вуалью и прошла сквозь шеренгу враждебных кел'енов, и за ней последовала

разгневанная Сочил. Темная живая стена опять сомкнулась за ними.

Тишину нарушал только свист ветра.

Ньюн и Мирей встали в центре круга лицом к лицу. Каждый поднял горсть песка и развеял по ветру. Затем из ножен с шелестом выскользнули ав'ейн-келы, большие мечи. Фехтовальщики обменялись выпадами, клинки легонько звякнули друг о друга и замерли. Второй выпад... Кел Мирей вдруг застыл, будто в недоумении, и упал. Казалось, металл даже не коснулся его.

Под ним на песке расплзлось темное пятно.

Ньюн наклонился, воткнул пальцы в песок, выпачкал лоб кровью... А затем, словно забыв о следящих за ним незнакомцах и вообще обо всем на свете, зачерпнул пригоршню чистого песка и принялся тереть им свой меч.

Потом он выпрямился, вложил ав'ейн-кел в ножны и замер.

Какое-то время был слышны лишь хлопки ткани на ветру. Потом толпа за шеренгой келов исторгла вопль.

Данкан обмер от страха; он видел и слышал, как шеренга пришла в движение: Ньюн тоже покинул его. В суматохе про Стена забыли все.

Мужчины, с трудом прокладывая себе путь, медленно несли мертвого кел'анта в пустыню. Вскоре показались несколько кел'енов с огромным белым свертком на плечах, и Данкан опешил. Это Сочил, сказал он себе, всей душой желая, чтобы догадка оказалась верна. Как погибла старая ши'пан, от чьей руки? Большая группа кел'енов уносила труп в белом, остальные разворачивали черные палатки, разбивали лагерь.

Бледное солнце скрылось за горизонтом, подул холодный ветер; в сумерках Данкан стоял на краю лагеря и смотрел, как возвращаются похо-

ронные команды... Наконец он позволил себе сесть — ноги онемели от холода, силы иссякли в борьбе с ветром.

Рядом с ним послышалось сопение и негромкие шаги: дусы возвращались когда им вздумается. Он уловил их посыл, звери приблизились к нему, приняхались, узнали. Один из них хотел было уйти; то был дус Ньюна. Он подошел на зов Стена и заворочался, устраиваясь рядом. Данкан обрадовался — с ними будет не так одиноко и страшно.

И когда сгустился мрак, он увидел высокий силуэт вышедшего из лагеря мужчины и по отблескам луны на бронзовых рукоятках оружия и козырьке зайдха издалека узнал Ньюна.

Стен поднялся. Ньюн позвал его, и он подошел; дусы вперевалку брели следом.

Никаких объяснений. Дусы уловили настроение Данкана и забеспокоились. Мри и звери пошли в центр чужого лагеря, к самой большой палатке.

В ней было полно народу в черном — одинаковые безликие головы, тела, закутанные в одежды келов. Вуали, вуали... На одной половине сидели несколько старейшин — сенов в золотистых мантиях, без вуалей и убеленная сединами женщина, и Данкан сам догадался, что это кат'ант, глава касты катов.

Особняком сидела молодая женщина в белом, тоже без вуали. Мелейн.

У всех — золотистая кожа, янтарные глаза с мигательными перепонками. Только звери и Данкан выглядели здесь чужими. Стен прошел к Мелейн по коридору, который проложили Ньюн и звери; его сердце сжималось, так как дусы впитывали горечь утраты и затаенный страх и обрушивали их на землянина; но он не позволял своим ответным чув-

ствам превратиться в раздражение и злость. Сейчас здесь нет врагов, говорил он себе.

Но и друзей нет, кроме двоих мри...

Дусы поочередно ткнулись носами в руку Мелейн и стали ходить кругами возле Владычицы. Ньюн расположился сбоку от нее, а Данкан устроился в тени позади Мелейн. Дусы кружили и косились на толпу с плохо скрываемой враждебностью.

— Яй! — прикрикнул на них Ньюн. Детеныш, на этот раз вовсе не игриво, привстал на задние лапы и медленно опустился. Туземцы не дрогнули, но волны страха, идущие от них, окрепли. Фыркая, дусы подошли к Ньюну и Данкану и улеглись между ними. В переднем ряду келов поднялся Хлил с'Сочил и открыл лицо; другие последовали его примеру. Хлил подошел с пригоршней маленьких золотых предметов и протянул Ньюну, тот снял вуаль, поклонился и взял их. После этого кутатские мри заметно успокоились.

Джи'тэи. Награды Мирея. Данкан слушал и наблюдал. Вот подошли две кел'е'ен — женщина в летах и совсем юная девушка. Кровные родственницы Мирея, такие же гордые и мрачные. Каждой Ньюн отдал по одному джи'тэю, они касались его рук, кланялись и отходили, чтобы вновь занять места среди соплеменников.

Еще несколько вуалей откинута — все келы открыли лица перед своей новой Матерью.

Только Данкан не поднял вуаль, стыдясь своей неуместности в этом лагере и презирая себя за этот стыд.

Подошли девять кел'енов, молодых и старых, чтобы прикоснуться лбами к руке Мелейн и представиться. Мужья Сочил, так они называли себя.

— Я принимаю вас, — сказала Мелейн в самом конце церемонии. Затем она поднялась и дотронулась до руки Ньюна. — Он рожден вместе со мной,

он кел'ен ши'пан и кел'ант над моими келами. Будет ли вызов?

Головы опустились. Никто не выразил желания сразиться с Ньюном.

И тогда, к смущению Данкана, Мелейн взяла его за руку и вывела вперед.

— Никаких вуалей, Данкан,— прошептала она.

Стен откинул вуаль — даже железная дисциплина не удержала келов от дружного изумленного возгласа.

— Это кел Данкан. Данкан Без Матери. Он друг Народа. Таково мое слово. Никто не тронет его.

Снова келы склонили головы, но уже не так охотно. Данкан вернулся в тень, к дусам. Если бы кто-нибудь бросил вызов, отвечать пришлось бы Ньюну, и он бы это сделал не задумываясь. Наверное, он вновь победил бы с легкостью, и все же Стен не был уверен, что среди этих кел'енов он в безопасности. Данкан Без Матери. Без корней...

— А теперь слушайте меня,— негромко заговорила Мелейн, вновь опускаясь в свое кресло, единственный в палатке предмет мебели.— Слушайте, и я открою Мрак пониманию тех, кто теперь со мной. Если что-нибудь вспомните, скажите мне. Вот что я знаю.

На этой планете зародилась раса мри, и и'лии, и шурэй, и калас. В былые времена и'лии поглотили шурэев и каласов, и мри оставались в тени и'лии...

С тех пор как воздвигнут Ан-ихон, мри и и'лии знали одни и те же города, и жили в них бок о бок...

И'лии строили, а мри защищали.

И пока солнце угасало и уходило изобилие, отсюда улетали корабли. Они были тихходными, но все равно мри достигали иных планет и завоевывали их. И там было изобилие.

Шли войны. Войны захен'ейн. Войны чужих.

— Это так,— сказали сены, а келы и кат'ант изумленно зароптали.

— Мы стали Народом, хозяевами Кутата. И'лии отвергли нас. Кое-кто из мри отверг нас. Мы воевали. Победили мы или нет, этого я не знаю. Некоторые из нас остались, а некоторые покинули этот мир. Тихоходные корабли... и века. Иногда мы сражались. Восемьдесят и более эпох мы нанимались на службу к чужим. Что мы увидели, вернувшись? Удел Народа, потерпевшего неудачу, джей'эном, отчаяние.

Мы возвратились домой. Боялись, что мы — последние, но оказалось, это не так. Восемьдесят три Мрака. Восемьдесят три. Мы — те из миллионов ушедших, кто уцелел.

Джей'эном роптали, но лица их были задумчивы. Они старались понять слова Мелейн.

Потом поднялся старейший сен'ен, совсем дряхлый и согбенный.

— Нам ведомы Мраки. Тот, в который вступили вы, один из них. Тот, в котором остались мы,— другой. Приходили ци'мри. Мы не сдались им, и они больше не возвращались. В те времена у нас была сила, но она таяла. Города умирали, и в последние годы их жизни мы воевали с и'лии, Несущими Бремя. А они сражались между собой. И с нами. Это была ненужная, расточительная война. У нас была мудрая ши'пан, которую звали Га'эй. Она увела нас в горы, где и'лии не могли жить. Но даже тогда кое-кто из Народа отказался признать ее мудрость и не пошел за ней, остался в городах и'лии и погиб за Несущих Бремя. Теперь и'лии постепенно исчезают, а мы полны сил. Это потому, что нас невозможно держать в повиновении. Мы — ветер земли, ши'пан; мы исчезаем и появляемся, и нам хватает земли. Мы

просим тебя; не веди нас обратно. В городах очень мало воды. Мы погибнем, если уйдем с плодородной земли.

Мелейн долго молчала, затем окинула взглядом собравшихся.

— Мы родились на такой же земле. Мы не должны ждать смерти, опустив руки. Не этому учила меня наша Владычица.

Слова терзали, словно удары судьбы. Кел'ены выпрямились, сен'ант выглядел смущенным, и кат'ант сидела, сцепив пальцы на коленях.

— Нас преследуют ци'мри,— сказала Мелейн.— Вооруженные.

Дусы поднялись. Данкан подошел, обнял зверей, обратился к ним шепотом.

— Что ты принесла нам? — крикнул сен'ант.

— Правду, которой вы должны глядеть в лицо,— отрезала Мелейн, и все кругом застыли.— Мы — мри! На нас напали, нам бросили вызов, так неужели те из нас, кто выжил, будут отрицать, что они тоже мри, а я — ши'пан этого Эдуна и всего Народа?

— Кел'ант,— выдохнул старый кел'ен,— будет ли дозволено задать вопрос... Кто напал, когда и с каким оружием?

— Я отвечу,— сказал Ньюн.— У Народа может быть другая судьба. Новая жизнь. Жизнь — по ту сторону космоса, за мертвыми планетами. Наше пробуждение — это и есть жизнь, и мы должны этим воспользоваться.

Услышав эти слова, Данкан вцепился обеими руками в складки шкур отощавших дусов, прислонился к дрожащей стене палатки. О нем забыли. Мри во все глаза смотрели на Ньюна, незнакомого кел'анта; на ши'пан, которая не скупилась на обещания и угрозы.

Надежда.

Она светилась в золотистых глазах келов, робко проступала на лицах глубокоумудрых сенов. Лишь старая кат'ант выглядела испуганной.

— Ан-ихон открылся мне,— сказала Мелейн.— Я отдала Ан-ихону и городам, с которыми он связан, все то, что собрал Народ в своих скитаниях. У нас есть оружие, дети мои. У нас есть оружие. Мой кел'ант и я были последними. Больше никого. Закончилась последняя служба келов, и мы больше не будем наемниками. На сей раз мы не возьмем плату. Эта эпоха будет принадлежать только нам.

— Ай-е! — крикнул один из келов, и этот возглас всколыхнул остальных и заставил сердце Данкана тревожно сжаться. Его омывали чувства дусов, наполняли всех вокруг смятением. Страх и растерянность Стена перемешались с волнением и надеждой Ньюна.

Кел'ены вскочили с оглушительными криками; сен'ены тоже поднялись, скрестили руки на груди; в их суровых взглядах светился расчет. Наконец встала кат'ант, и слезы текли по ее щекам.

«Слезы радости за детей»,— подумал Данкан, и в горле возник ком.

— Убирайте палатки! — воскликнула Мелейн.— Мы отдохнем в городе, мы снова обретем то, что оставили там. Мы расскажем друг другу обо всем. Снимайтесь с лагеря!

Палатка быстро опустела. Раздавались возгласы на му'ара джей'эном, отрывистые приказы.

Ньюн стоял, наблюдая за суетой. Когда Мелейн вышла в ночь, Данкан поднялся и вместе с Ньюном последовал за ней; дусы неслышно выскользнули наружу.

Мелейн направилась к сенам, среди них кел'енам было не место. Данкан ежился на холодном ветру. В конце концов Ньюн отозвал его в сторону,

где дышалось свободнее и откуда было видно, как валяются палатки.

Встревоженные дусы жались к ним.

— Не бойся, — внезапно произнес Ньюн.

— Я не боюсь.

— Жаль, что мне пришлось убить.

Он привычно уселся на песок — кел'ену мебель ни к чему. Данкан опустился на колени рядом. Ньюн достал из складок своей мантии завернутые в кусок ткани джи'тэи Мирея и стал один за другим прикреплять к поясу. Теперь они всегда будут блестеть на свободно висящих ремешках поверх его мантии.

Сложные узлы. Узлы мри. Тонкие пальцы Ньюна сплетали еще неизвестные Стену узоры. До сих пор землянин не понял смысла этой сложности ради сложности.

Он хотел поразмыслить об этом, отвлечься от мыслей об увиденном и услышанном в палатке, от дружного восторженного вопля сотен глоток, который все еще звучал в его ушах.

Рядом замелькали голубые мантии — каты убирали палатку, где проходил совет. Старшие юноши и девушки вытаскивали столбы, им досталась самая тяжелая работа. Старые женщины и подростки помогали. Кое-кто из грудных младенцев хныкал на руках у своих матерей, а малыши, способные ходить, затеяли игру в пятнашки. Они стремглав носились между старшими и знать не знали о переменах, которые вторглись в их мир.

— Лицо, Которое Смеется, — сказал о них Ньюн. — Ах, Данкан, как я рад все это видеть!

И тут Данкана объял холод, на сердце легла тяжесть дурного предчувствия. Голоса детей в сумраке, смех, когда рухнула палатка...

Вот так же падали башни на Кесрите...

— Отпустите меня,— сказал он вдруг.— Ньюн, попроси ши'пан. Сейчас темно, никто не увидит, как я вернусь на корабль.

Мри обернулся, посмотрел на Стена. Взгляд пронизывал.

— Боишься нас?

— За вас. За них.

— Ты оставил маяки. Ши'пан ведь сказала, что этого достаточно. Ты слышал ее слова. Если вернешься, ци'мри захватят тебя. Этого нельзя допустить.

— Я пленник?

Глаза Ньюна закрылись мигательными перепонками.

— Ты кел'ен этих келов, и мы не бросим тебя. Ты правда хочешь вернуться?

Данкан медлил с ответом. Дети кричали и громко смеялись, он вздрагивал от этих звуков.

— Я не здешний,— сказал он наконец.— От меня будет больше проку, если...

— Это решать ши'пан, а она уже решила. Если ши'пан сочтет нужным отпустить тебя, она это сделает.

— Я предлагаю лучший выход. Я не хочу оставаться здесь. Мое место среди землян.

— Я не дам тебя в обиду; если понадобится, буду сражаться насмерть. Держись поближе ко мне. Ни один кел'ен, заслуживший сет'алы, не осмелится бросить тебе вызов, иначе ему придется иметь дело со мной. А те, у кого еще нет шрамов, не рискнут... Выбрось из головы свои страхи. Твое место здесь, а не там.

— Дело не в том, что я хочу убежать. В том, что я сейчас узнал. Вас ничему не научило то, что вы увидели. Мертвые миры. Помнишь, Ньюн?

— Сов-кел! — вспыхнул Ньюн.— Будь осторожен.

— Ты готовишься воевать.

— Мы — мри.

Дус рядом пошевелился. Данкан обнял его, в ушах стучала кровь.

— Выживание расы?

— Да,— ответил Ньюн.

— Ради этого вы готовы... на что, Ньюн?

— На все.

Пауза затягивалась.

— Ты намерен вернуться во что бы то ни стало? — спросил Ньюн.

— Я подчиняюсь ши'пан,— сказал Стен в конце концов.— Все равно моя раса отвергнет меня. Об одном прошу: хоть изредка прислушивайтесь к моему голосу. Вы собираетесь мстить?

У мри раздувались ноздри от учащенного дыхания, необыкновенные, но изящные руки с длинными пальцами перебирали мягкие завитки шерсти дуса.

— Спасение расы — в том, чтобы объединить Народ. В том, чтобы обрести родину. В том, чтобы остаться мри.

Стен молчал. Он получил ответ на свой вопрос. Землянин бы не постиг; но Данкан был еще и кел'еном. Мри должны вернуть все, что им принадлежит по праву, и ради этого не остановятся ни перед чем.

Никаких соглашений, условий и обещаний. И если понадобится, мри будут убивать, потому что они мри.

В хол'эйри четыре слова означают «мир». Эй'а — внутренний мир, соответствует человеческому понятию «психика». Эн'эд — мир в доме, кута'и — спокойствие природы. Наконец, сэй'эхан — спокойствие силы. Понятие «мирный договор» было только в му'ара, а му'ара остался в прошлом, вместе с регулами, которые пошли на предательство.

Мелейн совершила убийство, чтобы обрести власть, и еще не раз сделает это, чтобы объединить Народ.

Прибегнет к помощи и'лии, бывших союзников мри.

Захватит весь Кутат.

«У нас будут корабли», — рефреном звучало в мозгу Данкана. Ее слова.

И она знает путь к владениям землян и регулов.

Речь не шла о мести, как понимают это слово земляне. Только о мире. О сэй'эхане — мире, который только и мог существовать во вселенной мри.

Переговоров не будет.

— Идем, — сказал Ньюн. — Они почти закончили. Мы выступаем сейчас.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дом ожил, в нем звучали голоса, взрослые и детские. Мри зачарованно осматривались — им было позволено увидеть то, что за столь многие века видели только сены. Они восхищались лампами, их яркостью, чистотой коридоров — и, как и подобало мри, ничему не удивлялись. В Эдуне таились силы; этим силам суждено быть использованными. Многое было непонятно катам и келам, но им с детства внушали: не обязательно понимать то, чему можно найти применение.

В Святилище снова растаяла мгла: Мелейн своими руками зажгла лампы, принесла пан'ен и поставила за ветхой бронзовой решеткой, чтобы забрать его, если Народ вновь отправится в путь. Но пока мри на своей прародине, эллипсоид останется здесь и Народ будет ему поклоняться.

Были исполнены ритуальные обряды: шон'джир мри, покидавших Кутат, и ан'джир мри, которые оставались на родной планете.

Мы те, кто не ушел: те, кто ходит по земле, те, кто смотрит в небо. Мы те, кто не ушел: те, кто правит миром, те, кто хранит веру. Мы те, кто не ушел, и прекрасно наше утро. Мы те, кто не ушел, и прекрасна наша ночь».

Воздух дрожал в ритме песни. «Долгая ночь, — подумал Данкан, стоя рядом с Ньюном. — Долго ждал Народ своего конца на умирающем Кутате. Пока не пришла Мелейн».

И вот песнь допета, мри разошлись по своим делам. В Святилище воцарилась тишина.

Данкан и Ньюн перешли в зал келов.

Длинную винтовую лестницу и еще недавно полутемный зал внезапно затопил свет... Келы расстилали ковры, что прежде служили полами в шатрах. На них еще остался песок. В коридорах сновали сервороботы, но не решались проникнуть в зал — их смущало такое обилие живых созданий.

Келы уселись, образовав круг. Теперь, в уюте зала, настало время утолить любопытство. Они изучающе смотрели на Ньюна и дусов, но наибольший интерес у них вызвал Данкан.

— Он наш, — внезапно бросил Ньюн, отвечая на невысказанный вопрос.

Неодобрительные взгляды, но — ни слова. Данкан повел вокруг взглядом, натыкаясь на колючие взоры немигающих золотистых глаз. Ни приязни в них, ни доверия. «Но, — подумал внезапно Стен, — в них нет и откровенной ненависти». Он вглядывался поочередно в лица кел'енов и позволял им вдосталь насмотреться на него. Подмывало даже снять зайдх — пусть бы увидели, как сильно он отличается от них. Но такой поступок был бы воспринят как унижение — или даже как оскорбление, если бы Стен это сделал в гневе. Но и они не могли просить его снять головную накидку, не рискуя нанести глубочайшее оскорбление.

Подали медную чашу — вначале Ньюну, затем Данкану. В ней был сок голубого трубчатого дерева. Данкан только губы смочил и передал чашу Хлилу, что сидел рядом. Хлил замялся, словно ему предложили пить после дусов, но в следующее мгновение коснулся ее губами и отдал соседу.

Кел'ены спокойно пили один за другим... Пригубили даже обе кел'е'ен, родственницы Мирея. Никто не отказался.

Затем Ньюн положил свой длинный меч на колени Данкана, начиная странную церемонию. Каждый кел'ен положил свой меч на колени соседа. Ав'ейн-келы, в том числе принадлежащий Данкану, прошли по кругу, пока у каждого мужчины и каждой женщины не оказался в руках собственный меч.

После этого келы поочередно называли свои имена. Некоторые носили еще и имена обоих родителей, другие — только покойной Владычицы Сочил, а Стен, опустив глаза, назвался Данканом Без Матери и остро почувствовал одиночество среди этих мри. Для них он чужак. И останется чужаком.

— Ритуал келов не изменился,— сказал Ньюн, когда это закончилось.

Похоже, мри обрадовала новость, что они все сделали правильно. Они закивали.

— Вы нас научите му'ара,— произнес Ньюн,— му'ара родины.

— Да,— с готовностью отозвался Хлил.

Последовала длинная пауза.

— Но в ритуале недостает одной части, известной мне,— сказал Ньюн.

Хлил нервно закусил губу. У этого кела было некрасивое, грубоватое для мри лицо, покрытое не только ритуальными шрамами. Но он был хорошо сложен, и в его движениях сквозила грация.

— Наши каты... наши каты боятся этого...— Хлил едва не произнес «ци`мри» и в упор посмотрел на Данкана.

— Ты не хочешь сказать об этом открыто? — спросил Ньюн.

— Мы обеспокоены.— Хлил опустил глаза.

— Мы?

— Кел'ант,— едва слышно вымолвил Хлил,— это твое право... и его.

— Нет,— тихо сказал Данкан.

Но Ньюн притворился, что не расслышал. Он выжидающе оглядывался вокруг.

— Вас приглашают каты,— проговорила одна из пожилых кел'е'ен.

— Вас приглашают каты,— эхом подхватили остальные, и последним — Хлил.

— Что ж...— Ньюн поднялся и кивнул ничего не понимающему Данкану.

Дусы тоже встали, но Ньюн жестом велел им сесть.

Ньюн и Данкан вышли из зала келов и спустились по лестнице. Ночь была на исходе. Данкан мерз и боялся встречи с катами — женщинами и детьми. Он надеялся, что предстоит всего лишь очередной ритуал, обычная церемония, в которой от него не потребуется ни слов, ни поступков.

Они поднялись в башню катов. Кат'ант встретила их у входа. Она молча провела их в зал, где на циновках и коврах лежали уставшие малыши, и несколько взрослых мужчин и женщин, взволнованные событиями дня, не спали, рассматривая пришельцев из полумрака.

— Входи,— сказала кат'ант Данкану у двери в небольшой примыкающий зал.

Тот повиновался. Пустой зал тоже был устлан коврами. Дверь затворилась, Ньюн и кат'ант оставили его одного в мрачной комнате, едва освещенной масляной лампой.

Он устроился в углу, сначала пестуя недобрые предчувствия, а потом вдруг осознав, что замерз и хочет спать. Скорее всего, каты испытывают к нему отвращение и вообще не придут. Конечно, это неприятно, но все же не так страшно. И впрямь, будет лучше всего, если его оставят в покое, дадут поспать остаток ночи, а после не станут спрашивать ни о чем.

Дверь отворилась.

Женщина в голубой мантии вошла в зал, она держала в руках небольшой поднос с едой и питьем. Дверь затворилась за женщиной, она приблизилась к Стену, опустилась на колени и поставила на пол поднос. При этом посуда громко дребезжала. Кат'е'ен пришла без вуали, с распущенными волосами. Она была примерно его лет и красива, и в свете лампы Данкан увидел печаль на ее лице.

С дрожащих ресниц срывались слезы, катились по щекам.

— Тебя заставили прийти? — спросил он.

— Нет, кел'ен.— Она подняла лицо, на котором застыло выражение гордости и упрямства.— Сейчас мой черед, и я не откажусь от этого.

Стен подумал о том, как ему следует вести себя с ней, и решил соблюдать сдержанность.

— Должно быть, кат'е'ен очень обидится, если мы просто посидим и поговорим?

Янтарные глаза сквозь слезы изучали его. Перепонки часто мигали.

— Я прав? — спросил он.

Гордость. Честь мри. Стен видел по лицу женщины, как признательность в ней соперничает с обидой. В глазах Ньюна он чаще видел лишь осторожность.

— Нет,— решила наконец она, и расправила полы мантии, и через мгновение так опустила голову, что подбородок уперся в грудь.— Мой сын будет звать тебя отцом, как и все.

— Я не понимаю.

На ее лице тоже отразилось недоумение.

— Я имею в виду, что никому не расскажу о твоём желании. Моего сына зовут Ка'арос, и ему пять лет. Это лишь вежливость, понимаешь?

— Мы... постоянные?

Неожиданно она рассмеялась, совершенно не задумываясь о том, как это выглядит со стороны, и смех ее был мягок, и приятным было внезапное прикосновение ее руки.

— Кел'ен, кел'ен... нет. У моего сына двадцать три отца.— Ее лицо вновь стало спокойным и печальным.— По крайней мере, тебе будет удобно. Ты поспишь, кел'ен?

Стен кивнул, как это делали мри. Смущение в нем боролось с усталостью, но женщина предлагала наилучший выход. Нежные пальцы сняли с него зайдх, и кат'е'ен с удивлением посмотрела на его шевелюру. Данкан, подражая мри, отпустил волосы до плеч, но они не были жесткими и цвета бронзы, как у ее расы. Женщина коснулась их — ее не сковывали условности касты келов. Приподняла прядь и опешила, увидев необычную форму его уха.

Потом она сняла крышку с деревянного блюда на подносе, взяла лоскут благоухающей влажной ткани и очень осторожно обтерла его лицо и руки. Боль солнечных ожогов и зуд в обветренных губах сразу улеглись. Подчиняясь женщине, он снял мантию и лег, опустил голову на колени кат'е'ен. Она укрыла Стена его мантией и нежно гладила его лоб, и все беды землянина вдруг отступили куда-то далеко, и было очень легко забыть обо всем.

Он не хотел этого, боялся, что его обманут, убьют... Старался не уснуть и в то же время не выдать страха, всеми силами цеплялся за ускользающее сознание.

И все же он на миг провалился в сон и, невредимый, проснулся, и голова его по-прежнему была у него на коленях. Он медленно, сонно ласкал руку, что убаюкивала его, а потом заглянул в золотистые глаза женщины и вспомнил, что обещал не притрагиваться к ней.

Он отдернул руку.

Женщина склонилась и коснулась губами его лба, и в душе у него все смешалось.

— Если я приду завтра ночью,— скороговоркой произнес он, потому что времени осталось мало, а ему вдруг захотелось многое узнать о катах, об этой кат'е'ен, что так добра к ци'мри,— если я вернусь, можно я попрошу, чтобы прислали тебя?

— Это право любого кел'ена.

— Значит, можно?

Она наконец поняла и взглянула на него смущенно и испуганно. Но Стен истолковал этот взгляд по-своему и натянуто улыбнулся.

— Я не буду просить.

— Сказать, что ты можешь, было бы с моей стороны бесстыдством.

Удрученный своим невежеством, он лежал и глядел на нее.

Снаружи, в зале катов, негромко прозвенел веселый звонок.

— Уже утро,— произнесла женщина и стала собираться.

Данкан сел, а она направилась к двери.

— Я не знаю твоего имени,— сказал Стен, вставая, как требовал земной этикет.

— Кел'ен, меня зовут Са'эйр.

С грациозным жестом почтения она ушла.

И землянин пожалел, что ответил ей отказом... А еще испытал странное предчувствие, что придет ночь, когда все будет по-другому.

Са'эйр... Будто само утро звучало в этом имени. Женщина и впрямь была похожа на утро.

Мысли перескочили в прошлое, на Элаг-Хэйвен, во время невежества и беспечности, и снова вернулись к Са'эйр. Сейчас прошлое казалось ему отворотительным.

Данкан знал, что закон запрещает келам причинять какой бы то ни было вред кат'енам — и женщинам, и детям. И внезапно он почувствовал уверенность в том, что при встрече с Са'эйр все делал правильно.

И еще в нем крепла уверенность, что женщина, как и обещала, не предаст его, не станет относиться к нему, как к чужому, не придет к нему в слезах, а только с улыбкой.

Ободренный такими мыслями, он уселся на ковер, обулся и сгреб в кучу свою одежду, ремни и оружие. Потом встал, оделся, накинул зайдх — уступая размерами мантии, головной платок зато гораздо лучше подчеркивал скромность кел'ена. Мез он обернул вокруг шеи и перекинул через плечо.

Потом Данкан вышел в зал и сразу стушевался. Там был Ньон, и землянину оставалось лишь надеяться, что сдержанность не позволит келу ни о чем спрашивать.

Ему показалось, что мри выглядит довольным.

— Все было хорошо? — спросил Ньон.

Стен кивнул.

— Идем, — сказал Ньон. — Мы должны проявить вежливость.

Зал катов в дневном свете выглядел совсем иначе. Ковры были убраны, и при приближении кел'енов дети, беззаботно носившиеся по комнате, стремительно кинулись к кат'е'ен и образовали очередь до самой двери.

Впереди, чуть поодаль, стояла кат'ант, она взяла Ньона за руки и улыбнулась.

— Скажи келам, что в здешних машинах мы не разбираемся, но обед будет.

— Может, я помогу с машинами? — спросил Данкан, когда кат'ант взяла его за руки. Кат'ант рассмеялась на виду у Ньона и всех катов.

— Или я помогу,— тактичный Ньюн пришел Стену на выручку.— Мы с ним многое умеем.

— Если келы соблаговолят...— произнесла кат'ант.

— Пришлите за нами, когда понадобится,— сказал Ньюн.

Она подвела их к шеренге кат'енов. Ньюн с серьезным видом взял за руки одну из них, поклонился, затем повернулся к ее маленькой дочери и повторил ритуал.

Все поняв, Данкан подошел к Са'эйр, повторил все движения Ньюна, а затем коснулся руки ее сына — запястье к запястью, как было принято у мужчин.

— Это кел Данкан,— сказала Са'эйр мальчику, а потом представила его землянину: — Его имя Ка'арос.

Малыш смотрел на Данкана во все глаза с детской непосредственностью и не спешил ответить на его робкую улыбку. Са'эйр слегка подтолкнула сына.

— Кел'ен,— сказал тот, и перепонки мигнули на его глазах. У него были короткие волосы, не такие, как у взрослых; они не скрывали ушей с просвечивающими мочками.

— Всего хорошего,— сказала Са'эйр и улыбнулась Стену.

— Всего хорошего.— Данкан направился к Ньюну, ожидавшему его у двери.

Зал проводил их молчанием. А потом утонул в шуме голосов, и Стен, хоть и не мог разобрать ни слова, знал, что сейчас там звучат десятки вопросов.

— Она мне понравилась,— признался он Ньюну. И зачем-то добавил: — У нас ничего не было.

Ньюн пожал плечами и надел вуаль.

— Это хорошо, когда мужчина одобрительно отзывался о кат'е'ен. Она была более чем добра, когда

прощалась с тобой. Если бы ты обидел ее, она бы этого не скрыла. И тогда я бы тебе не позавидовал.

— Я не понимаю, зачем ты приводил меня туда.

— А как же иначе? Так всегда бывает. Не проводи ты ночь с нашей женщиной, мне было бы трудно разговаривать о тебе с келами, особенно с кел'е'ен.

Данкан закрыл лицо вуалью и вздохнул с облегчением. Он не совершил роковой ошибки.

— Ты, должно быть, беспокоился.

— Ты кел'ен. Ты научился думать, как мы. Я не удивлен, что ты предпочел спокойную ночь. Это было мудрое решение.

Они спустились в главный зал и направились в Святилище — на что-то вроде утренней молитвы. Там Данкан стоял в молчании, почему-то ему вспоминались края, где прошло его детство, а часть его разума чувствовала мысли дуса, который маялся взаперти, в зале келов.

И внезапно во всех помещениях раздался гулкий, точно раскат грома, механический голос Анихона. Он проникал сквозь камень и плоть.

— Тревога... Тревога... Тревога!

Данкан застыл как вкопанный, а Ньюн рванулся к выходу.

— Оставайся здесь! — крикнул он Данкану и скрылся в зале сенов, куда кел'енам входить запрещено.

Стен бросился за ним и остановился на полпути. Глянул вправо-влево, увидел других кел'енов, спешивших из башни келов; и кат'енов; и саму Мелейн, спустившуюся из своей башни. Ши'пан чуть ли не бегом приближалась к входу в башню сенов, не отвечая на вопросы испуганных мри.

— Можно, я с тобой? — крикнул Данкан, догнав ее, и она не запретила ему. Он поднялся следом за

ней по лестнице в зал, где взволнованные сен'ены, как встревоженные золотистые насекомые, обступили кела в черном, который стоял перед мигающими огнями Ан-ихона... Ньюн задавал машине вопросы, и на экранах появлялись самые простые картины, понятные кел'ену: пустыня и умирающее зарево на далеком пыльном горизонте.

Корабль.

Расталкивая сен'енов, Мелейн приблизилась к пульта и опустила на него руки; взор ее прикипел к экрану. Данкан хотел подойти к ней, но сены хватали за руки и за одежду, заступали путь, возмущенно кричали и жестикулировали.

— Выстрел сделан с орбиты,— монотонно говорил Ан-ихон под непрерывное «Тревога!» из другого динамика.

— Ответить ударом на удар! — приказала Мелейн.

— Нет! — закричал Данкан. Но экран Ан-ихона уже перечеркнула яркая линия — удар возмездия.

— Прوماх,— равнодушно доложил Ан-ихон.

И тут панели вспыхнули, и зал наполнился новыми звуками — сначала едва слышными, а в конце — громовым раскатом. Башня содрогнулась до самого основания.

— Вторая атака,— сказал Ан-ихон.— Экраны выдержали.

— Прекрати! — Данкан грубо растолкал сенов и кинулся к Мелейн, и только рука Ньюна, упершаяся в грудь, остановила его.— Послушай меня! Скорее всего, на орбите корабль первого класса. С планеты его сбить не удастся. Теперь у нас нет корабля, мы не сможем уйти... не отвечай огнем! Они могут сжечь эту планету дотла. Ши'пан, позволь, я свяжусь с ними, предложу переговоры.

Глаза Мелейн, когда встретились с его глазами, были ужасны: подозрение, гнев... Сейчас он был

чужим, и казалось, ярость ши'пан вот-вот вырвется наружу.

Опять раскат грома. Мри зажали свои чуткие уши, а Мелейн выкрикнула приказ: сбить!

— Цель вышла из зоны поражения,— сказал Ан-ихон, когда гром умолк.— Скоро будет над Цоухэйном. Цоухэйн откроет огонь.

— Вам их не сбить! — крикнул Данкан и схватил Ньюна за руку, за что получил еще более страшный взгляд, чем у Мелейн.— Ньюн, да растолкуй ты ей! Ваши экраны выдержат недолго. Позвольте, я с ними поговорю!

— Ты видишь, как они отреагировали на твой сигнал с корабля,— сказал Ньюн.— Таков их ответ на твое предложение дружбы. Таков их путь.

— Цоухэйн пал,— произнес Ан-ихон.— Экраны не выдержали. Получен сигнал тревоги от Ли'эй'хэйна... Ожидается новый обстрел этой зоны. Тревога... Тревога... Тревога... Тревога...

— Уводите всех! — кричал Данкан.— Скорее!

В глазах Мелейн и Ньюна застыл ужас: сейчас повторится кошмар той ночи! Пол заходил ходунном. За стенами Эдуна рвануло.

— Идите! — закричала Мелейн.— В холмы, все в холмы!

Сама она осталась, и Ньюн тоже. Сены бросились к двери, прочь из своего обиталища. Механические вопли «Тревога» и голос Ан-ихона не перекрывали шум перепуганных мри по всему Эдуну.

— Уходите, и вы уходите! — умолял Данкан.— Дождитесь перерыва в обстреле и бегите отсюда! А я поговорю с ними!

Не обращая на него внимания, Мелейн повернулась к Ньюну.

— Кел'ант, уведи своих келов.— И прежде чем Ньюн успел пошевелиться, она взглянула на блоки

Ан-ихона.— Продолжай вести огонь. Уничтожь ци'мри.

— Наш город держится,— монотонно докладывала машина.— Возможно, придется отключить защиту периферических построек, чтобы сосредоточить энергию на защите комплекса Эдуна. Если этот город падет, останутся другие. Мы подвергаемся массированному обстрелу. Я рекомендую немедленную эвакуацию. Я рекомендую ши'пан позаботиться о собственной безопасности. Спасение ее жизни имеет чрезвычайную важность.

— Я ухожу,— отозвалась Мелейн. К этому времени Ньун уже ушел. Она повернулась к Данкану.— Идем. Поторопись.

Он проскользнул мимо нее к пульту.

— Ан-ихон,— заговорил он,— свяжи меня...

— Не позволяй ему! — закричала Мелейн, и машина нанесла удар такой силы, что запылал воздух, а Стена швырнуло на пол.

Землянин увидел, как рядом промелькнула мантия ши'пан. Мелейн бегом пересекла зал сенов, и снова трясся пол под ее ногами. Он трясся и под Стеном, и землянин безуспешно пытался шевельнуть онемевшими руками и ногами.

Пол вздыбился.

— Тревога... Тревога... Тревога...— кричал Ан-ихон.

Стену удалось повернуть голову, опустить плечо и увидеть, как меркнут лампочки на рядах блоков.

И снова содрогнулся пол, и погасли новые лампы.

В конце концов Данкан заставил двигаться ноги и руки. Потом встал и, шатаясь, пошел через захламленный зал сенов в продуваемый ветром коридор, спустился в главный зал. На встречу Стену поднялась огромная тень — его дус. Он прижался к хозяину, едва не повалил. Опира-

ясь на зверя, Данкан побрел к выходу, вышел на свет солнца... И сразу увидел трупы — старых сен'енов, маленьких катов... Кел'ена, раздавленного рухнувшей стеной.

Он нашел Са'эйр, свернувшуюся калачиком под лестницей. Рука с золотистой кожей вцепилась в камень, песок уже засыпал открытые глаза.

— Ка'арос! — позвал он громко, вспомнив ее сына, и не дождался отклика.

След джей'эном был отмечен телами. Погибли в основном старые и слабые. «Все такие кроткие, — рассеянно подумал он. — Все...»

Он услышал раскат грома, задрал голову; в вышине полыхнуло, экраны еще отражали выстрелы за пределами атмосферы. И пока Стен бежал, выбиваясь из сил, он ждал белой вспышки, которая убьет его, как только он покинет защищаемую зону.

Но космический корабль ушел за горизонт. Гром утих.

За городом, за жалкими руинами, двигалась растянувшаяся цепочка мри. Стен бежал что было сил, жадно хватал ртом воздух. Дус не отставал, в нем зашевелились кровожадные инстинкты, вызвав у Данкана ярость и страх. Будто спохватившись, зверь бросился прочь.

В конце концов Стен догнал хвост колонны. В горле саднило, кашель истерзал легкие, носом шла кровь, а во рту стоял ее медный привкус.

— Где кел'ант? — спросил он.

Кел'е'ен с узкими глазами указала в голову колонны.

— Ши'пан? — произнес он. — Она цела?

— Да, — сказал кто-то таким тоном, словно отвечать землянину было унижительно.

Данкан побежал в голову колонны, обгоняя кел'енов с детьми — катами — на руках и кат'енов с грудными младенцами... Некоторые келы под-

держивали стариков из разных каст, хотя большинство пожилых мри шли сами.

Они спешили к горам, где можно укрыться; здесь, на голом песке, они видны врагу как на ладони. Стен посмотрел на горы, на колонну и подумал, что она невероятно длинна, ему никогда не догнать Ньюна при таком темпе. Он остановился, отрезал кусок трубчатого дерева от короткого пенька и взглянул на проходящих мимо мри. Они смотрели на его добычу с вожделением, их тоже мучила жажда, но отворачивались, стоило ему предлагающе протянуть руку.

Тогда он оставил пенек и двинулся дальше, на ходу высасывая влагу из обрубка. Он шагал обочь колонны, и сены, шедшие рядом, с ненавистью косились на него. Для них Данкан был предателем; они слышали, как он предлагал сговор с врагом, догадывались, откуда прилетел... А может быть, знали точно. Они отстреливались, но ведь это их мир, на него напали чужаки, и многие мри погибли от рук таких, как Стен.

* * *

Больше их не обстреливали. Данкана это не удивляло — для огромного корабля, что висит на орбите, просто нерационально тратить свои сверхмощные заряды на такую маленькую цель. Но город регулярно подвергался атакам. Оглядываясь, беглецы видели, как всеми цветами радуги вспыхивали под холодным солнцем защитные экраны; постепенно город превращался в развалины. Одна за другой кренились и рассыпались башни.

— А-ай! — стонала седая кат'ант. — А-ай!

Дети хныкали, взрослые успокаивали их, как могли.

Сены печально качали головами. По лицам стариков текли слезы.

Келы не плакали, но их ненавидящие взгляды прожигали насквозь. Данкан старался не смотреть на них. Он даже вместе с колонной не останавливался на отдых, пока не увидел белую мантию Мелейн. Рядом с ней он различил знакомые силуэты высокого кел'ена и дуса.

Они целы и невредимы; этого было достаточно, чтобы в душе Стена поулеглась злость. До вечера он не упускал их из виду, а когда колонна остановилась на ночлег, подошел к ним.

Ньюн уже знал, что он жив. Дус пошел навстречу Стену, и Ньюн повернулся.

Данкан опустил на песок рядом с ними.

— Ты цел? — спросил Ньюн.

Он кивнул.

Мелейн отвернулась.

— Данкан, у тебя, конечно, были добрые намерения, — сказала она наконец. — В этом я не сомневаюсь. Но ты бы все равно ничего не смог изменить.

— Ши'пан, — прошептал он, сопроводив это слово жестом уважения. Возражать не хотелось. Сейчас не время для споров — столько мертвецов осталось позади...

Ньюн предложил ему кусок трубчатого дерева. Стен отказался, показав свой обрубок, и ав'тленом отрезал небольшой ломтик, приторный до тошноты. В желудке стоял мерзкий ком.

Келы закричали, протягивая руки. В небе что-то похожее на изрыгающую огонь звезду снижалось к горизонту.

— Они садятся, — прошептал Данкан. — Там, где стоял корабль. Теперь будут искать уцелевших.

— Пусть только сунутся в горы, — сказал Ньюн.

Данкан прижал руку к животу, закашлялся и вытер слезы, выступившие от боли. Его трясло.

Стен знал, что он должен сделать.

Он посидел, набираясь сил, через некоторое время едва заметно пожал плечами на виду у мри — это означало, что мужчине надо уединиться. Встал и пошел прочь от колонны. Дус побрел за ним. Землянину было страшно. Он старался подавить это чувство, ведь дус мог передать его остальным. Глядя на расстилавшуюся впереди пустыню, он ощущал, как слабеют руки и ноги, и страх переполнял его. Но иного выхода у Стена не было.

Внезапно дус послал предостерегающий импульс и повернулся.

Обернувшись, Данкан увидел другого дуса.

На некотором расстоянии от него появился черный силуэт. Данкан обмер, вспомнив, что у Ньюна, как и у него, есть пистолет.

Ньюн шагал в его сторону, почти сливаясь с мраком. Ветер трепал его мантии, свет луны дрожал на бронзе йин'ейна, на пластике козырька и завоеванных на поединке джи'тэев. Огромный дус шел рядом, косолапя и низко опустив голову.

— Яй! — прикрикнул Данкан на своего зверя, заставив его держаться рядом.

Ньюн остановился невдалеке, положил руку на пояс.

— Сов-кел, ты отбилсЯ от колонны.

Данкан кивком указал на горизонт.

— Позволь мне уйти.

— К ним?

— Я по-прежнему служу ши'пан.

Ньюн долго и внимательно смотрел на него и наконец откинул свою вуаль. Данкан последовал его примеру, вытер кровь, которая уже засыхала на губах.

— Что ты задумал? — спросил Ньюн.

— Им придется меня выслушать.

Ньюн сделал жест, означавший безнадежность.

— Это уже бесполезно. Ты пропадешь зря.

— Ньюн, уведи племя в безопасное место. Позволь, я попробую. Доверься мне.

— Мы не сдадимся.

— Я знаю. Так и скажу им.

Ньюн опустил глаза. Его тонкие пальцы теребили один из ремешков на поясе. Отцепив один джи'тэй, мри подошел к Данкану и стал терпеливо вязать сложный узел.

Когда он закончил, Данкан взглянул на джи'тэй и увидел на нем тонкий листок необычной формы — один из тех Знаков Чести, которые Ньюн привез с Кесрита.

— Его дал мне один из моих учителей, кел'ен по имени Палади. Родом он был с планеты Гураген, там растут деревья. Сказал, на счастье. До свидания, Данкан.

Он протянул руку.

Данкан тоже.

— До свидания, Ньюн.

Мри повернулся и зашагал обратно, дус последовал за ним.

Когда мри исчез во мгле, Данкан опустил вуаль и пошел своей дорогой. Рядом тяжело ступал дус, от него шло тепло.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Разум зверя, чувства зверя. Дус охранял. Спускаясь с небольшой возвышенности, Данкан осторожно вдохнул холодный воздух и оступился, едва не вывихнув стопу. Повредить ногу здесь, на безжизненной равнине, — верная смерть. Стен внял мысленному предостережению дуса и отдохнул на холодном песке, прислонясь к своему спутнику. Усталость уходила из суставов. Синевато-зеленая трубка по-прежнему лежала в его поясной сумке. Он достал ее, отрезал кусочек ав-тле-ном, пожевал. Сладкая влага, как целебный бальзам, смягчила жжение в горле.

Замысел Данкана был безумием, он и сам это понимал. Мыслимое ли дело — в одиночку добраться до обломков корабля, да еще встретить своих соотечественников? С чего он взял, что они ждут там?

Просто у него не было выбора. Для Народа он никто. Лишняя головная боль для Ньюна, повод для пререканий и вражды. Сгоряча мри могли убить кел'анта, если бы он заступился за ци'мри. И Мелейн он не нужен, осточертел, наверное, со своими вечными расспросами.

Он служил ши'пан.

Теперь он не сомневался в этом. Если дойдет до конца и никого не застанет, это будет лишним подтверждением, что его усилия бесполезны, как тогда, у Ан-ихона. И тогда он будет свободен. Ши'пан обойдется без него, у нее теперь есть другие кел'ены.

Он поднялся и зашагал дальше, едва не упал, налетев на дуса, когда тот вдруг остановился и зарычал. Стен изумленно моргнул. На камне взметнулось облачко пыли, и мимо прошмыгнул кто-то гибкий и узкий. Подобно бурильщику, это существо зарылось в песок, оставив небольшую воронку.

— Яй! — хрипло крикнул Стен дуса, который вознамерился вытащить беглеца на свет длинными ядовитыми когтями. Данкан не успел разглядеть, велика ли эта тварь, и, конечно, не знал, насколько она опасна. Он уловил желание дуса поохотиться, но подавил его своей волей, и они пошли дальше, на гребень ближайшего холма. Оттуда Данкан увидел, что вся земля кругом покрыта такими же ямками. Вокруг каждой был очерчен правильный круг. Судя по размерам иных, их создатели запросто могли бы полакомиться дусом.

— Идем, — велел он зверю, и они двинулись дальше. Дус недовольно сопел и часто оглядывался.

Больше ничьих следов они не видели. Был холод, и ветер, и багровые лучи Нэй'ай'ина; были их собственные следы, быстро заметаемые ветром, и только один раз появился на гребне дюны высокий черный силуэт.

Наверное, это был кел'ен, вестник Народа, а может быть, мри из другого отряда, дерзко показавшийся на глаза чужеземцу. Данкан чувствовал себя беспомощным, знал, что его навыки боя с йин'ейн оставляют желать лучшего... Мысль о встрече с келами напугала его гораздо сильнее, чем неизвестная тварь, прячущаяся в песке.

А что, если придется иметь дело с другой ши'пан? Подобные страхи, решил он, как раз в натуре мри. Они боятся любых мало-мальски необычных поступков, любой новизны. Потому что это почти всегда связано с нарушением законов и обычаев, а их у мри тьма-тьмушая. Эти страхи и осторож-

ность мри въелись Данкану в мозг, они заставляли его держаться низин, склонов — всех укрытий, что оказывались на пути. И его глаза, прикрытые козырьком, тщательно изучали пустынный горизонт, прежде чем он отваживался выйти на открытое место.

В полдень он увидел огромную трещину в дне высохшего моря. Он заглянул в устланную туманом бездну, куда ссыпался гонимый ветром песок, и утратил ощущение высоты и глубины — столь сильно был потрясен его разум.

Вновь окинув взором горизонт, Стен понял, что нужное ему место уже недалеко.

Он пошел дальше. От голода в желудке начались колики, боль в боку не ослабевала ни на миг, а легкие, казалось, вот-вот разорвутся.

Дус.

Он почувствовал его тревогу и вскинул голову, словно кто-то окликнул его по имени. Ньюн? Он огляделся. Вряд ли. Ньюн ушел с Народом, он бы не оставил Мелейн и тех, кто полагался на него. Он теперь отвечает за катов и сенов, а Данкан — кел'ен, его ничто не стесняет.

И все-таки дус возбужден.

Поворот влево. Поворот вправо. Стен напряженно озирался, похлопывая по мускулистой шее зверя, мысленно спрашивая его, в чем дело. Дус ответил мощным посылом. Возбуждение.

Сомнений не осталось.

Волосы на затылке у Данкана встали дыбом. Он пошел дальше, все время ощущая знакомое давление на свои чувства.

Присутствие сородича. Дуса.

Зверь затянул безмолвную песнь удовольствия, радости, она снимала боль и притупляла чувства Стена, пока тот не осознал, что настолько забылся, что едва не свернул с пути.

«Нет,— мысленно обратился Данкан к зверю,— нет, нет, нет».

Корабль, говорил он про себя. Корабль, корабль. Мы возвращаемся к кораблю. Надо быстрее до него добраться.

Дус был против. Он рассердился.

Потом пришла тьма. И ласковая, и грозная. Тьма с раздирающими плоть когтями и окровавленными клыками. И с волей, не позволяющей Стену идти. Но он шел. Он не сразу понял, что все еще ступает, изредка вздрагивая на сухом, холодном ветру. Его руки были ободраны песком и кровоточили, он знал, что время от времени падает, теряя сознание.

«Корабль,— упрямо твердил он зверю.— Корабль, корабль...»

Его переполняли враждебные эмоции. Он кричал на мрак, преградивший ему путь. Мрак набрасывался грудью и терся о его ноги. Страшно рычал и убаюкивающе сопел.

Пришли другие дусы. Два, пять, шесть. Каждый — втрое меньше того, который защищал Данкана. Стен содрогнулся от ужаса, когда они приблизились и окружили его. Когда один за другим встали на дыбы и снова опустились, подняв тучи песка.

Воздух давил на грудь, как перед бурей.

Друзья бури, так называли их мри. Старшие братья холодного ветра.

На холодном Кутате им не было равных — подобных чудовищ эта планета не знала.

«Они явились сюда с какой-то целью, ведомой только им», — подумал замерзший и испуганный Данкан. Он вспомнил, как звери пришли на корабль. Вместе с ними он совершил долгое путешествие, но так и не понял их сути.

Они бежали от землян и регулов. Они покинули свой мир. Они нашли новую родину, и в этом им помог Стен.

Звери подступали, и его дус излучал тьму. Дикие не оставались в долгу, и вызывающая оцепенение пульсация наполняла воздух, рокотала, как ветер или землетрясение. Они обступили человека, они соприкасались друг с другом боками. Данкан упал на колени и обнял своего дуса за шею, а в затылок жарко, страшно дышал дикий зверь.

«Корабль», — вспомнил Стен и мысленно швырнул в них гибель Ан-ихона, рушащиеся башни Кесрита. И ужаснулся, когда в ответ на него выплеснулась радость.

«Нет!» — беззвучно завопил он. Звери шарахнулись прочь.

Стен посылал им видения безводной пустыни, умирающего солнца, одиноко и бесцельно бродящих дусов.

Их гнев затопил землянина, его дус содрогнулся и отступил. А потом бросился бежать, и Стен не смог удержать его.

Данкан остался один. Беспомощный, незащитный, как младенец или слепец. Он вдруг забыл, куда шел, забыл, где находится. Его чувства были прозрачны, как лед, и все же не хватало ощущения цели, которое так долго поддерживало в нем мужество.

— Вернись! — крикнул он дусу, а тот все не возвращался.

Стен швырнул зверю образы Эдуна, журчащей воды, кесритских ураганов, кораблей, что взлетали и возвращались. Понял ли дус эти картины, Данкан не знал. Он послал зверю желание, отчаянное желание, и снова — образ корабля.

Ответное прикосновение было робким, совсем не похожим на импульс настороженности.

— Идем, — громко позвал Стен, протягивая ему руки. Он послал зверю свое дружелюбие, мудрость мри... Человек и дус — вместе.

«Жизнь» — мысленно сказал дусу землянин.

Неуверенность. Настороженность. Страх зверя ударил по его чувствам, но Стен не поддался. «Жизнь», — настаивал он.

Дус вернулся. Повсюду вокруг Стена вздымались волны свирепости и такого страха, что на теле землянина выступал пот и сразу высыхал на ветру. Но его дус снова был рядом. Зверь пошел с ним, защищая его изо всех сил.

Предатель своего племени. Предатель-землянин и предатель-дус. Землянин подкупил его, и теперь зверь служит ему, идет рядом, — такой же, как он, отщепенец.

От них не отставал мрак страха, и казалось, даже полуденное солнце померкло. Потом дикие дусы исчезли и снова появились уже черными точками на гребне отдаленного хребта. Стояли и наблюдали за странной и жуткой парой.

Эти дусы, плоть от плоти тех, что прилетели с Кесрита, были детьми Кутата и не желали иметь дела с чужаками и предателями.

Лишь старый дус помнил — не события, но личность. Помнил Стена. И остался.

* * *

К концу дня начал подниматься ветер. Сначала несильные порывы сметали песок с вершук дюн, сносили его в бездну мертвого моря. Затем поднялась песчаная буря, ветер свирепо налетал на Данкана, мешал идти, барабанил песчинками по защитному козырьку. И Данкану пришлось снова дважды обернуть мез вокруг лица. Полуослепленный дус плелся рядом, на его морде виднелись дорожки слез. Зверь жалобно стонал и то и дело вставал на дыбы, чтобы отряхнуться от пыли. И снова шел против ветра.

Время от времени появлялись дикие, они пробирались по гребням холмов, не отставали. Их мрачные тени возникали в завесе песка. Вон там про-

ступила голова и тотчас исчезла, вон там — мохнатый бок. По-прежнему от них шли посылы — враждебные, кровожадные.

Зверь Данкана рычал и мотал головой, и двое упрямо шли вперед, хотя теперь Стену казалось, что руки и ноги налились свинцом, а в мышцах горит огонь. Он кашлял и выплевывал кровь, ему очень хотелось сбросить оружие, бесполезное там, куда он стремился, и уж тем более бесполезное в этой пустыне. Он зажал в руке единственный джи'тэй и вспомнил того, кто дал ему этот талисман, ничего не прося взамен.

Су-ши'пан кел'ен. Кел'ен Владычицы.

Под ногой подвернулся камень, в икре вспыхнула боль. Стен упал, осторожно поднялся и вновь оперся на дуса. Нога не пострадала. Он хотел пощипать ранку на руке, которую получил, ударившись о камень, но во рту так пересохло, что ничего не вышло. Трубчатых деревьев поблизости не было. У Стена оставался небольшой запас жидкости, но он решил его поберечь.

Один из диких детенышей приблизился к нему, встал на задние лапы, и зверю Данкана пришлось вклинить между ними. Некоторое время был слышен лишь шум огромных звериных легких, потом меньший отступил.

«Корабль», — без всякого повода подумал вдруг Стен.

Желание.

Незнакомый дус не излучал агрессивности. Стен ощутил только мысль о направлении, о непосредственной близости.

Он еле слышно — язык одеревенел от сухости — окликнул своего дуса и пошел, чувствуя его теплое дыхание на своей левой руке.

Данкан напряженно прислушивался к своим ощущениям. Еще один зверь шел с ними, думал о цели, желал того же, что и они.

Люди.

Воображение вызывало призраков. Не воспоминания, нет. Картины, увиденные кем-то и передаваемые Стену. Он это знал наверняка.

Силуэты размывались на фоне песка... Полусферический купол. Челюсти очень осторожно сжали его руку. Стен понял, что упал и дус тербит его. Он снова поднялся на ноги и споткнулся о кого-то, зарывшегося в песок, и что-то ударило по обшарпанной коже, но не смогло пробить и, извиваясь, шмыгнуло в янтарную завесу. Дус выплеснул охотничий азарт, и тут же успокоился, и больше не обращал внимания на туземную живность, предпочитая опекать Стена.

Их окутала ночь — ночь бури и покоя, дружелюбная, спасительная. Данкан знал, что корабль здесь, натыкался на обломки, на комья спекшегося от жара песка, пока наконец среди дюн не обрел форму изувеченный корпус.

А еще там был купол, приземистая половина эллипсоида на стойках, и путеводное мерцание красных огней.

Его окружили все дусы. Страх... желание... страх...

— Яй! — крикнул Стен, но ветер унес его голос. Дикие дусы остались, только его зверь побрел рядом с ним к мерцающему огнями куполу на берегу мертвого кутатского моря.

* * *

Подойдя ближе, Стен узнал этот огромный полуэллипсоид без единого иллюминатора. Узнал рисунок его огней...

И не сразу вспомнил название.

«Флауэр».

— «Флауэр», — прозвучал незнакомый и надтреснутый голос на буйном ветру. Его голос. — «Флауэр»... открой люк.

Никакого отклика. Стен взял первый попавшийся камень и швырнул в корпус, и еще один. Ветер крепчал, Данкан понимал, что скоро придется искать укрытие.

А потом он увидел, как задвигался глаз сканера, сопровождаемый лучом прожектора, и остановился на человеке и звере. Дус зарычал и попятился. Рука Стена метнулась вверх, чтобы прикрыть глаза козырьком, и он замер, вспомнив другую ночь, когда стоял вместе с этим дусом в лучах прожекторов под дулами винтовок.

Наступило долгое молчание.

— «Флауэр»! — крикнул он.

Прожектор не отпускал их. Данкан шатался под порывами ветра и крепко держался одной рукой за загривок дуса. Как в тот раз.

Внезапно люк открылся и трап двинулся вниз.

Стен подошел к нему, поставил ногу на звонкий металл, и дус встал рядом. Данкан поднял руки, чтобы рассеять все подозрения экипажа, и неторопливо пошел вверх.

* * *

— Боз,— произнес он.

Странно было видеть Боаз. Седина в ее прическе стала гораздо заметней, напоминая ему, что прошло немало времени. Стен едва замечал нацеленные на него и дуса винтовки, людей с озабоченными, испуганными лицами. Он снял мез и зайдх, чтобы команда «Флауэра» могла узнать его. Пригладил длинные волосы. У него отросла борода — мри всегда смотрели на нее с удивлением, ни у кого из них не росло волос на лице. Он казался себе голым перед этими людьми, перед Боаз и Льюисом. Он смотрел им в глаза и видел тревогу.

— Мы связались с «Сабером»,— сказал Льюис.— Кох желает видеть тебя.

В их взорах не было сочувствия. Он перебежал на сторону врага. Даже Боаз его не понимала.

И они видели след мри, звездную пустыню.

— Хорошо.

— Оставь оружие,— сказал Льюис,— и прогони дуса.

— Нет,— тихо вымолвил Стен.— Я пойду с оружием, и зверь останется со мной.

Кое-кто из окружающих готов был броситься на него, Данкан это чувствовал. Но стоял спокойно, ощущая исходящий от дуса импульс защиты и страх, которым был заполнено помещение.

— Конечно, есть аргументы, которые ты можешь привести в свое оправдание,— сказала Боаз.— Но от них не будет проку, если ты готов причинить неприятности. Стен, на чьей ты стороне?

Он на мгновение задумался. Земной язык вспоминался с трудом, чужой казался родным и привычным, но и он отступил далеко-далеко.

— Я не сдам оружие, пока мне угрожает опасность,— сказал он.— Пускай решают на «Сабере». Доставьте меня туда. Мир,— отыскал он наконец утраченное слово.— Я дам землянам мир, если они его хотят.

— Нам надо посоветоваться,— сказал Льюис.

— Это можно будет сделать позже. У нас мало времени.

Боаз медленно кивнула. Льюис посмотрел на нее и уступил. Он отдал приказ, и один из офицеров вышел.

— Где остальные мри? — спросил Льюис.

Данкан не ответил. Медленно, осторожно, чтобы они не истолковали неверно какое-нибудь его движение, он надел зайдх — так уютнее. И пока Льюис и Боаз совещались между собой, он приладил вуаль, как того требовал этикет мри. Дус стоял рядом, и люди с винтовками не покидали своих мест.

Откуда-то доносился гул двигателей. «Подготовка к старту», — догадался Стен, и его охватил страх. Он — пленник. Его держат под прицелом, и теперь ему не уйти.

Над головой замигали лампы, предупреждая о скором взлете. Стен тревожно оглянулся. В отсек вошли еще трое и направили на него винтовки, а Льюис ушел.

— Садись, — посоветовала Боаз. — Сядь вон там и успокой зверя. Мы сейчас взлетим. Он не будет буяннить?

— Нет. — Стен устроился на мягкой как подушка скамье и наклонился вперед, чтобы касаться рукой дуса, севшего у его ног.

Боаз задержалась, чтобы поглядеть на него сверху вниз. Прежде светловолосая и полная, она успела похудеть. На лице появились морщины. «Удивляется, — подумал Данкан. — И не понимает».

— Ты говоришь с акцентом, — сказала она.

Стен пожал плечами. Что ж тут странного?

Завыла сирена. До старта — считанные секунды. Боаз направилась к скамье у противоположной стены отсека; там уже теснились охранники, осторожно держа винтовки на коленях. Когда началась перегрузка, дус, чтобы легче перенести ее, распластался на полу у ног Данкана.

Старт был резким, лихаческим. У Данкана кружилась голова, на лице выступил пот. Дус излучал страх... «Не перегрузок он боится, — понял Данкан, — а этих людей с винтовками». Он тоже боялся, так боялся, что пальцы превратились в сосульки, хотя в отсеке стояла духота.

Прошло немало времени, прежде чем стартовая перегрузка прекратилась, прежде чем корабль лег на курс и у команды и пассажиров появилась возможность двигаться. Данкан остался на скамье, решил не беспокоить зря охрану. Боаз сидела молча и смотрела на него.

— Все твои мучения — из-за Ставроса,— сказала она наконец, и в глазах ее мелькнула жалость.

Он снова пожал плечами, его взгляд по-прежнему рассеянно блуждал.

— Стен...— сказала она.

Он посмотрел на нее с горечью. «Напрасно ты ждешь от меня ответа»,— подумал он.

— Стен умер,— буркнул Данкан, надеясь, что она поймет.

В ее взоре появилась боль. Должно быть, Боаз понял.

— Боз,— сказал он,— мне его не жалко.

Она побледнела и, закусив губу, долго сидела и смотрела на него.

Вошел Льюис. Стен не услышал его распоряжений, но охранники встали и взяли Данкана и дуса на прицел. Стен сидел, успокаивающе глядя зверя.

Охранники заметно потели. Тревога дуса передавалась людям. Но держались они мужественно. Боаз вытерла лицо.

— До встречи еще есть немного времени,— сказала она.— Хочешь пить или есть?

До сих пор ему этого не предлагали. Наверное, будь на их месте мри, Стен был бы признателен.

Но он был среди людей и все равно испытывал благодарность.

— Если без принуждения — да. Поставьте передо мной еду и воду, когда захочу, возьму.

Так и сделали. Боаз отдала распоряжение, и охранник поставил на скамью рядом с Данканом бумажный стакан с водой и сэндвич в целлофане. Стен взял стакан и стал неторопливо пить прямо через мез. Вода была холодна как лед, со странным привкусом. Антисептик, что ли? Он не сразу понял, что антисептик тут ни при чем. Просто он отвык от чистой воды за много дней, проведенных в пустыне, когда утолял жажду лишь соком трубчатых деревьев.

Потом он отломил кусочек сэндвича и съел, не снимая вуали. Не хотелось открывать свое лицо для любопытных взглядов. У него не было сил на споры, и вуаль спасала от расспросов. Руки дрожали, с этим он ничего не мог поделать. Слишком устал, слишком долго жил на одной лишь мягкости трубчатого дерева. Его желудок смог принять лишь несколько кусочков сэндвича. Стен завернул остатки в целлофан и спрятал в подсумок.

Сложив руки на груди, он настроился на ожидание. Он устал, невыразимо устал. Клонило в сон, и Данкан не стал противиться; он знал, что дус на чеку. Прислонившись лопатками и затылком к переборке, Стен задремал.

Сквозь дрему он видел, как пришла и ушла Боаз. Заходил Льюис, предлагал (с искренним участием, отметил Данкан) лекарство от кашля.

— Нет, — отказался Данкан. — Спасибо, не надо.

Льюис настолько опешил, что не нашелся с ответом. Стен был рад, когда его оставили в покое; жжение в легких унялось само собой. Он смотрел на ближайшего охранника и даже без посредничества дуса понимал чувства этого человека — недоверие, почти ненависть. Будь его воля, он бы расстрелял Данкана на месте. Как непохож этот уроженец Хэйвена с глазами тухлой рыбы на яснооких мри... На щеке — шрам от ожога, хотя при желании можно было бы его залечить. Человек действия. Должно быть, у начальства этот офицер на хорошем счету. Таких людей Стен уважал.

И охранник, похоже, оценивал Стена. Взгляды столкнулись, сцепились. «Изменник!» — светилось в глазах офицера. В них был интерес, но не было прощения.

Этого человека Данкан убьет первым, если на него нападут. Дус позаботится об остальных.

«Не давай им дотронуться до меня», — снова и снова мысленно говорил зверю Стен, зная, что его жизнь висит на волоске, но внешне сохраняя спокойствие. Руки сложены на груди, взгляд устремлен в одну точку, иногда глаза закрыты. Сейчас самое важное — отдохнуть.

Маневры у шлюза «Сабера» завершились несильным толчком. Боаз и Льюис все еще отсутствовали... Несомненно, они совещались с высоким начальством.

Наконец они вернулись, и Льюис кивком указал на дверь.

— Оружие придется оставить, — сказал Льюис. — И не спорь, все равно отберут, нам эксцессы ни к чему.

После долгих колебаний Данкан снял пояса с оружием, повернулся и положил на скамью.

— Боз, под твою ответственность, — сказал он. Она осторожно забрала оружие.

— И дус останется, — произнес Льюис.

— Это разумно, — отозвался Стен. Он не хотел, чтобы дус угодил в хаос надвигающихся событий. — Он дождетя меня здесь. Будут еще условия?

Льюис отрицательно покачал головой, и охранники обступили Данкана. Странное дело — без оружия ему было спокойней. Он задержался, чтобы взглянуть на дуса и сказать несколько ободряющих слов, и тот застонал и улегся с несчастным видом, опустив голову на лапы. Стен обернулся к Боаз.

— На твоём месте я бы никого к нему не подпускал.

И под конвоем направился к шлюзовой камере.

* * *

Металлические коридоры «Сабера» оглашались звуками отворяемых и затворяемых дверей. Дан-

кану пришлось ждать, пока конвой с «Флауэра» не передаст его другой группе охранников.

Данкан едва удостоил вниманием этот отряд профессиональных военных; наибольший интерес у него вызвал веснушчатый командир.

— Галей,— обратился к нему Стен.

Подтянутый офицер взглянул на него и пожал плечами.

— Сэр, я получил приказ сопровождать вас, потому что знаком с вами. Прошу следовать за мной. Вам предстоит встреча с контр-адмиралом. И давайте не будем ссориться, хорошо?

— Для этого я сюда и пришел,— сказал Данкан. На лице Галея проступило облегчение.

— С вами все в порядке. Я слышал, вы пришли сами. Это так?

Данкан кивнул, подражая мри.

— Да,— сказал он.— По своей воле.

— Мне придется вас обыскать.

Данкан подумал, что у Галея нет выбора, и кивнул. Широко разведя руки, он покорно вытерпел обыск. Когда Галей закончил, Стен одернул мантию и вопросительно посмотрел на офицера.

— У меня есть подходящий мундир,— сказал Галей.

— Благодарю, не надо.

Похоже, это привело Галея в замешательство. Он кивнул своим людям, они двинулись вперед, и Данкан пошел рядом с Галеем. Впереди и позади качались мушки винтовок.

В коридорах едва уловимо пахло чем-то давно забытым. Неприятный запах сырости и пота. Люди, подумал Данкан. Странно, на другом корабле он не замечал этого запаха. И что-то еще...

Регулы. Стен не забыл, как они пахнут.

Он остановился. Винтовка ткнулась в спину. Он набрал полную грудь этого запаха и пошел дальше.

Новый коридор впереди. Стен повернул в указанную сторону и вместе с Галеем вошел в каюту контр-адмирала.

Кох сидел напротив входа за столом.

И рядом с ним в тележке восседал регул. Данкан взглянул на костяные щеки, и его сердце чуть не выпрыгнуло из груди. С такой же ненавистью глядел на него регул, резко сжимая ноздри.

— Союзник, сэр? — не дожидаясь предложения говорить, спросил Данкан у Коха.

— Шарн Алань-ни. — Глаза контр-адмирала были темные и узкие, как у регула. Наголо обритая голова походила на череп мертвеца, заострившиеся черты лица выдавали безжалостную натуру. — Присаживайтесь, разведчик.

Данкан опустился в кресло возле стола, облокотился на спинку и перевел взгляд с Коха на регула.

— Мне придется отчитываться и перед чужаком?

— Перед союзником. Мы действуем сообща.

Все встало на свои места.

— Союзник? — сказал Данкан, не сводя глаз с Шарн. — Который пытался убить меня и уничтожил мой корабль?

Регул зашипел:

— Бай Кох, это мри. У него нет ничего общего с вами. Этот юноша без гнезда преследует свои личные цели. Мы видели путь, которым прошли мри, безжизненные планеты. Мы узнали их главную цель. Они силой завербовали впечатлительного юнца, и он теперь целиком принадлежит им.

— Я оставил маяк, — сказал Данкан, глядя на Коха, — специально для вас. Вы его слышали, сэр? Ведь вы должны были услышать мои сигналы, прежде чем открыть огонь... Или вас кто-то опередил?

Кох лишь моргал. У Шарн потемнела чешуйчатая кожа.

— В этих сообщениях говорилось, что мри настроены дружелюбно. Что мы достигли согласия.

Шарн вдруг побелела.

— Измена! — прошипела она.

— Двойная измена, — сказал Данкан. — Бай Шарн, меня послали к мри... Вас тоже послали к мри, но с другой целью: остановить меня. Возможно, в этой каюте только мы с вами понимаем, что происходит на самом деле.

— Разведчик, вы забываетесь, — бросил Кох.

Данкан пожал плечами:

— Я не ошибся насчет маяка? Это Шарн решила уничтожить города?

— Нас обстреляли, — произнес Кох.

— С моего корабля? Разве не регулы оказались здесь первыми?

Кох промолчал.

— Вы убийца, — сказал Данкан ему в лицо. — Мри были готовы на переговоры, но вы позволили регулам идти первыми. На Кутате включились системы обороны. Мри больше не контролируют их. Вы воюете с машинами. Стоит вам прекратить обстрелы, машины тоже остановятся. Если будете продолжать, уничтожите планету.

— Возможно, это самое разумное решение.

Данкан вонзил в контр-адмирала ледяной взор.

— Экипаж «Флауэра» — свидетель. Когда земляне узнают о том, что здесь произошло, к вам будут относиться совсем не так, как сейчас. Или вы не понимаете, что вам грозит? Вы своей рукой поставите последнюю точку над «i» в звездной пустыне, по которой мы прошли. Отныне для всех земных планет вы будете чудовищем.

— Чушь!

— Не обманывайте себя, контр-адмирал. «Флауэр» — ваша совесть. Ставрос... кто бы ни отправил с вами ученых, он знал, что делает. Останутся свиде-

тели. Вот этот лейтенант... другие люди из вашего экипажа... Они, когда прилетят, расскажут обо всем. Вы сражаетесь с вымирающим народом, уничтожаете древнейшую цивилизацию. — Его взгляд остановился на Шарн, а та сидела, стиснув ноздри. — И вы тоже. Бай Шарн, неужели вы всерьез считаете, что регулам земляне нужнее, чем мри? А как же равновесие сил? Присмотритесь к своим нынешним союзникам. Не думайте, что земляне влюблены в вас. Взгляните хотя бы на меня, бай Шарн.

Ноздри Шарн затрепетали.

— Убейте этого юношу! Избавьтесь от него, бай Кох! Его советы опасны! Это яд!

Данкан посмотрел на Коха: ни ему, ни Шарн не удалось растопить ледяное равнодушие во взгляде контр-адмирала. И вдруг, снова подумав о землянах, Стен узнал этот полный ненависти взгляд уроженца Хэйвена. Ни один мри не понял бы Коха на месте Данкана. Просто-напросто мри неведомы те чувства, которыми жил Кох.

— Хотите вывести их под корень? — спросил Стен. — И наверное, ждете, что я вам выложу все, что знаю о них. Что ж, я согласен поделиться информацией. Но при условии, что бай позволит нам побеседовать с глазу на глаз.

Стен поставил Коха в затруднительное положение. Теперь контр-адмиралу придется либо выгнать Шарн, либо позволить, чтобы она осталась. Или — или.

— Подготовьте рапорт и отдайте начальнику службы безопасности, — хмуро произнес Кох. — Я ознакомлюсь.

— Вы шутите? Я буду откровенен только в личной беседе с вами.

Кох сверлил Данкана взглядом и, похоже, верил ему. К лицу контр-адмирала прилила кровь, на виске пульсировала вена.

— Какие еще будут условия?

— Во-первых, когда я закончу, вы меня отпустите. Я должен вернуться на службу. Я — второй после кел'анта. Вы, конечно, можете задержать меня, это ваше право, но я больше не подчиняюсь ни Ставросу, ни вам.

— Вы дезертир!

Данкан вздохнул:

— Я ученый, наблюдающий за мри. Но на самом деле это ложь. Меня просто вышвырнули на одном корабле с мри, и вам это известно. Владычица подобрала меня, и теперь я служу ей.

Кох долго молчал. Наконец выдвинул ящик, вынул лист бумаги с печатью, придвинул к Данкану. Стен взял лист. Его глаза успели отвыкнуть от печатных букв и цифр.

Расшифрованные радиogramмы. Одна из них посвящалась ему.

«Стен Х. Данкан, специальная миссия «Зонд». Уволен со службы 9\4\21. Код санкционирования «Феникс», инструкции в шифрованном файле SS-DS-34. Джордж Т. Ставрос, губернатор, зона Кесрит».

Данкан поднял глаза.

— Ваши полномочия, — сказал Кох, — поступать, как сочтете нужным. Ваш переход на сторону противника был предусмотрен.

Данкан осторожно сложил листок, спрятал в под-сумок. В нем клокотала ярость, он справился с ней. «Если я способен разозлить тебя, — сказал ему однажды Ньун, — твоя защита снова не выдержит. Я хочу, чтобы ты думал о чем угодно, только не об Игре».

Он взглянул на Шарн. Ее ноздри дрожали, рот был плотно закрыт.

— Мы прекратим огонь, — сказал Кох. — До первого выстрела снизу.

— Мне этого достаточно, — холодно отозвался Данкан.

— Мы высадимся на планету и возведем первоочередные постройки.

— Я договорюсь о прекращении огня. Но для этого мне надо вернуться на планету.

— Нет! — воскликнула Шарн. — Бай Кох, баю Хулагу очень не понравится, если вы столкнетесь с этими убийцами.

— Бойтесь, что мри припомнят вам Кесрит? — язвительно спросил Данкан.

Ноздри Шарн резко сжались, кожа потемнела и вновь посветлела. Ее пальцы судорожно метались по пульта управления тележки, взор перескакивал с Данкана на Коха и обратно.

— Они вполне способны мириться с существованием ци'мри, — сказал Данкан. — Я — живое доказательство.

Взгляд темных глаз Коха не отрывался от головы Стена.

— Офицер планетарной разведки Данкан, покажите лицо.

Данкан подчинился, пристально глядя на сидящего перед ним человека, который никогда не скрывал своего лица.

— По вам не скажешь, что выбрали простую задачу.

— Я не слишком далеко зашел в своей привязанности к мри и вполне гожусь на роль посредника. Возможно, именно таков замысел Ставра. Я могу быть вам полезен. Я могу пригласить ши'пан Народа для переговоров, а это гораздо больше, чем то, чего вам удастся достичь иными способами.

— В вашем распоряжении день. На это время огонь прекращен. И предоставьте рапорт.

— Да. Я поговорю с Боаз.

— Она не имеет на это права.

— У нее гораздо больше прав, чем у вашей службы безопасности. Боаз — ученый. Она сможет понять

то, что я расскажу. Военные — нет. У них мозги по-другому устроены.

— Там будет присутствовать офицер службы безопасности. И задаст вопросы.

— Я расскажу, что сочту нужным. Не надейтесь, что я помогу вам найти мри.

— Значит, вам известно, где их штаб?

Данкан улыбнулся:

— Камни и песок, дюны и равнины. Вот где вам придется разыскивать их. Более точного местонахождения вы от меня не узнаете.

— Как мы вас найдем на планете?

— Это очень просто. Посадите «Флауэр» на том же месте и ждите. Я обязательно приду.

Кох закусил губу.

— Вы уверены, что убедите ши'пан встретиться с нами?

— Да.

— По-моему, вы чересчур самонадеянны.

— Мри послушают меня. Я буду говорить с ними на их языке.

— В этом я не сомневаюсь. Что ж, идите, побеседуйте с Боаз.

— Мне нужен шаттл.

Кох нахмурился.

— В самом деле нужен, — сказал Данкан. — Или, если хотите, спустите меня на «Флауэре». Но не советую медлить. Отыскать мри будет не так-то просто.

Кох тихо выругался.

— На разговор с Боаз даю вам десять часов. Идите.

Данкан опустил вуаль, встал, сложил руки на груди и слегка наклонил голову. У мри это считалось жестом уважения.

У двери его обступили охранники, и он вышел.

В коридоре его подстерегал убийца. Стен рванулся назад. Чешуйчатая кисть сжала его руку с сокру-

шительной силой. Регул пронзительно закричал на него, замахнулся другой рукой, и Стен не успел увернуться. Клинок скользнул по ребрам, в груди вспыхнула боль.

Охранники бросились к ним, навалились на регула, он потерял равновесие, увлек Данкана за собой. Галей несколько раз ударил ботинком по запястью регула, пытаясь выбить нож.

Данкан вырвался, ползком добрался до контр-адмирала, вырвал пистолет из его кобуры и повернулся. Люди, протягивая руки, метнулись к нему.

Шарн.

Вокруг темных глаз регула появились белые обводы: ужас. Данкан выстрелил и, когда охрана повалила его, спокойно отдал пистолет.

Он уничтожил врага, что угрожал Народу. Оставшихся юнцов теперь можно не опасаться. Когда конвоиры помогли ему встать, Стен глубоко вздохнул, печально глядя на тележку с мертвой великаншей.

Кох стоял рядом — лицо багровое, края ноздрей белые от гнева.

— Я служу ши'пан Народа,— спокойно проговорил Данкан, не пытаясь вырваться из рук конвоиров.— Я привел в исполнение ее приговор. Теперь можете казнить меня или отпустить, чтобы я послужил интересам и землян, и мри, и регулов. Регулам известно, кто я. Смерть бая Шарн от моей руки их не удивит. Я знаю. Теперь я могу предложить вам мир с Кутатом.

В углу разоруженные молодые регулы, сбившись в кучу, цеплялись за края тележки. Они клокотали горлом — так у регулов было принято выражать горе. Темные глаза смотрели на Данкана. А он не обращал на юнцов внимания.

— Идите,— сказал Кох. Следы гнева незаметно исчезли с его лица. Судя по глазам, он что-то задумывал.

мал. Он посмотрел на охрану, на Галея.— Отведите его на «Флауэр».

Данкан помахал руками, вправляя суставы, одернул мантии и вышел из каюты. В коридоре тоже толпились регулы. Один из юнцов, самый старший, буравил Стена лютым взглядом, возбужденно хлопал ноздрями. Но, когда Данкан проходил мимо, юноша поспешил укрыться за чужими спинами.

Спокойно, не обращая внимания на землян, которые выстроились в коридоре, Данкан направился к «Флауэру».

* * *

— Что теперь намерен делать? — спросила Боаз после долгого молчания.

Данкан посмотрел на курсопрокладчик. Боаз остановила ленту. Он сидел, скрестив ноги и упираясь локтями в колени, на большом стуле, а Боаз предпочла устроиться на полу.

— То, что сказал. Только то, что сказал.

— Уговаривать мри?

— По-твоему, от этого будет прок?

— Кто у нас специалист по ним, я или ты? Скажи, мир возможен?

— Да, Боз. На условиях мри.

— После убийства Шарн?

Стен медленно закрыл глаза. На нем была вуаль. Ему было неуютно среди людей, даже здесь, в лазарете.

— Это было необходимо, Боз.

— Месть?

— Практицизм.

— Ты сказал, что они не испытывают ненависти к регулам.

— Они забыли о регулах. Это было целый Мрак тому назад. Они все простили, Боз.

— А ты?

— Не жди от меня раскаяния.

Некоторое время Боаз молчала, хотя по лицу было видно, как тяжело ей это дается. Как будто опустила вуаль на своем лице.

— Да. Наверное, о раскаянии сейчас не может быть и речи.

— Я видел молодую женщину, которую убили регулы. И не ее одну.

— Я рада, что ты еще многое сберег в себе.

— Но регула я застрелил не из-за нее.

Боаз снова умолкла. Разговор явно не клеился.

— Мне вспоминается другой Стен Данкан, — произнесла она наконец.

— Есть только один Стен Данкан. Ты это знаешь.

Она поднялась, взяла со стола его оружие, протянула.

— Тебя отвезет Галей. Сам вызвался. По-моему, он ошибочно считает, что знает тебя. Дус — за дверью.

— Да.— Стен знал, где его дус. Тот тоже чувствовал присутствие хозяина и был спокоен. Стен надел пояса с оружием, радуясь их привычной тяжести, коснулся своего джи'тэя, поправил ремни.— Мне лучше уйти прямо сейчас.

— Это оговорено. В твою экипировку входит радиомаяк. Включи его, когда будешь готов к возвращению.

— Мне потребуется время.— Он направился к двери и остановился, подумав, что надо снять вуаль, — этот жест будет означать дружбу.

Но так и не снял. Вышел к поджидавшим его охранникам и не оглянулся.

Сопровождаемый дусом, он спустился к шлюзу, за которым висел шаттл, получил от охранника радиомаяк. Потом простился с конвоирами и перешел на шаттл, впервые оставшись без опеки.

Там он направился прямо в рубку, где его ждал Галей. А он не робкого десятка, этот лейтенант. Данкан оценивающе посмотрел на него, когда тот встал и потеснился, уступая место дусу. Стен ощутил его страх через зверя, но Галеем двигало что-то еще — это подсказывала логика. Иначе бы он просто не вызвался доставить Данкана и дуса на планету.

Сочувствие?

Но с какой стати, ведь они едва знакомы... Разве что вдвоем побывали в Сил'атене... и этот человек, как и Данкан, повидал суровую и дикую красоту Кесрита.

Он протянул Галею руку по обычаю землян. У Галея была влажная ладонь.

— Куда лететь?

— На бывшую стоянку «Флауэра». Я покажу.

— Хорошо.— Галей уселся в кресло пилота, Данкан занял соседнее и пристегнул ремни, а дус — тоже бывалый космонавт — втиснулся между ними.

Вспыхнули лампочки. Данкан искоса глядел на волевое лицо Галея — в свете приборов оно было мертвенно-бледным. Открылся внешний люк, и шаттл рванулся наружу, в сторону планеты.

— Держись выше,— посоветовал Данкан.— Оборонные системы еще действуют.

— Есть проход,— отозвался Галей.— Мы уже пользовались им.

После этого они почти не разговаривали. Кутат мчался навстречу, на его выпуклом боку прорисовывались горы и дюны, и вскоре Галею пришлось сбросить скорость.

Появилась знакомая Данкану впадина моря. Дус, осмелев, поднялся на лапы. Данкан погладил его, и зверь заурчал, заполняя кабину удовольствием.

Шаттл коснулся земли, вздрогнул, замер. Открылся люк. Хлынул студеной и разреженный воздух. Стен освободился от ремней, встал, убрал руку со

спины дуса, чтобы взять свою сумку, и направился к люку. Он услышал, как позади встает Галей, и обернулся.

— С вами все в порядке? — зачем-то спросил Галей.

— Да. — Стен еще раз обернул вокруг головы вуаль, чтобы легче было привыкать к кутатскому воздуху, и вновь посмотрел в люк на пустыню. Потом спустился по трапу, и дус поспешил следом. Как только Данкан ступил на песок, к нему вернулось ощущение реальности, которого не доставало там, на орбите.

Дом.

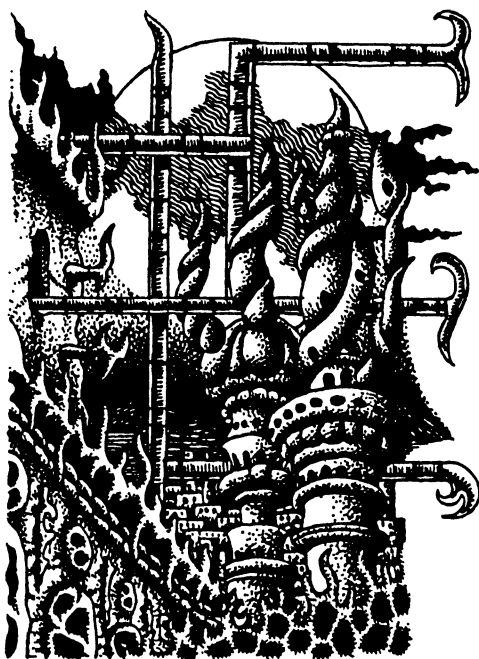
Он направился к впадине моря. То было ложное направление. Стен свернет на верный курс, когда наступит ночь, когда он будет уверен, что никто не следит за ним. Снаряжение спрячет где-нибудь по пути, оно пригодится потом, а нести его к мри опасно — вдруг там что-нибудь встроено? И он обязательно проверит оружие, ведь оно побывало в чужих руках. Нет, Коху не удастся его выследить.

Служба ши'пан. Дикий, вольный мир. Стен шагнул против ветра и, лишь отойдя довольно далеко от места посадки, встревожился: не было слышно, как взлетал шаттл.

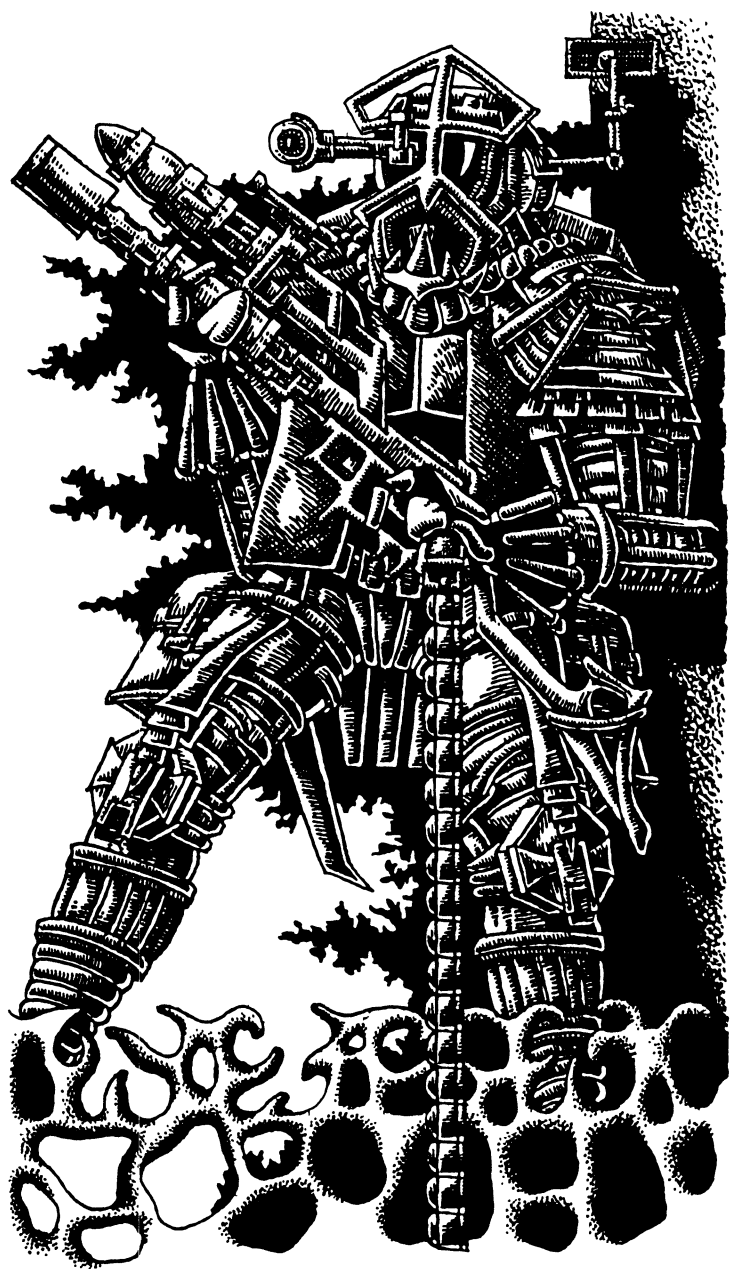
Он оглянулся и увидел маленький силуэт в проеме люка. Галей смотрел ему вслед.

Стен пошел дальше и вскоре услышал рев двигателей.

Шаттл пронесся над головой, заложил вираж, будто на прощание, и умчался вверх.

ॐ नमो भगवते वासुदेवाय

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В эфире царил сущий хаос, от многочасового бедствия за рацией у Галея уже в голове звучали приказы, предупреждения, инструкции, указания. Он держался поблизости от километровой громады «Сабера», рядом висели три корабля поменьше. Галей видел их на своем экране. Их изображение передавали с рейдероносца. Одна точка — шаттл самого Галея, таким его видели датчики «Сабера»; вторая — «Сантьяго», а третья, красная, — корабль регулов «Шируг».

Еще Галей видел скопление маленьких красных пятнышек — шаттлы регулов. Ситуация сложилась довольно серьезная, и Галей не отрывал глаз от экрана, поминутно усваивая новую информацию.

Труп одного из регулов — покойной бай Шарн Алань-ни — был доставлен на «Шируг» для погребального обряда.

Шарн была союзником землян, ведь между землянами и регулами существует договор. В соответствии с ним военные корабли землян и регулов зависли над планетой — пустыней, последним оплотом мри. Почему-то у Галея в присутствии регулов всегда начинался зуд по всему телу. Но сказать об этом нельзя, ведь он офицер флота, а регулы — союзники землян.

Мри внешне были похожи на землян. Правда, Галей не знал, насколько чужд людям их внутрен-

ний мир. Лейтенант ненавидел мри, но его ненависть, скорее всего, была порождением чувства долга. Он был уроженцем Хэйвена, планеты, которую захватили, а потом были вынуждены отдать неприятелю мри. Родители, братья, сестры — все исчезли в вихре войны и никогда уже не вернутся. Это было очень давно. С тех пор Галей участвовал во многих сражениях с мри, убивал их, но горечь потери от этого не уходила. Он растерял всех родных и теперь даже не знал, жив ли кто-нибудь из них. Его не было на Хэйвене, когда на планету обрушились мри, а потом его домом на много лет стал военный флот землян. «Лансит», «Сабер», «Сантьяго»... любой корабль, на который Галей получал назначение, куда бы он ни летел. Он был солдатом. Мри тоже были всего лишь солдатами, воинами в черных мантиях и вуалях. Ничего личного. Галей видел мри. Кровь стыла в жилах, когда он стоял рядом с человеком в черной мантии и смотрел в лицо, на котором были видны только глаза — остальное пряталось под вуалью. И все-таки, несмотря ни на что, землянин мог понять мри.

Регулы... регулы покупали корабли, оружие, нанимали мри и подпитывали войну. Войну, которая приносила им прибыль. Они купили сорок лет непрерывной войны. Деньги... Галей с отвращением произнес это слово. По-ли-ти-ка. Деньги на бочку! Великая раса — регулы. Они толстели, отсиживаясь в безопасности, они платили, решали, кого и когда уничтожить, и поручали это своим наймитам — мри. Земляне и мри убивали друг друга, а мудрые старые регулы, для которых сорок лет — лишь мгновение в жизни, длящейся несколько столетий, подливали масла в огонь войны, пока это было им выгодно.

И вот наступил момент, когда регулы перешли на сторону землян, предав своих наемников и на-

неся им смертельный удар без предупреждения. Так они напоследок заплатили мри за верную службу. Конечно, можно назвать это всего лишь изменением политического курса. Регулы знали, когда им выгодно менять политический курс. И, по правде говоря, земляне вздохнули с облегчением, узнав, что мри больше нет и что кто-то другой испачкал руки их кровью.

И вот регулы прилетели сюда по следам двух уцелевших мри, бывших своих воинов. Прилетели к этой планете, последней из обжитых мри. Им удалось не допустить, чтобы земляне услышали предложение мира с Кутата, и они обрушили на незащищенную планету огненный шквал, прежде чем земляне успели разобраться в ситуации. Почти все население погибло. Большинство городов было стерто с лица планеты. Немногим оставшимся в живых мри пришлось укрыться в горах.

Подумав об этом, Галей обнаружил, что у него перехватило горло. Все это слишком похоже на трагедию его родной планеты. Мри сейчас гибнут точно так же, как его родные. Столько лет прошло с нападения на Хэйвен, а кошмары не отпускают, напротив, они с новой силой набросились на Галея. Никакого сопротивления. Резня. Побоище. Обстрел с орбиты. У мри нет кораблей, у них только пистолеты и ножи — против лазерных пушек...

Они погибнут все до единого, и спасти их невозможно.

Галей заметил, что его шаттл отклонился от курса. Совсем чуть-чуть отклонился, но коррекция все же нужна. Со лба стекал пот. Довольно воспоминаний, нужно сосредоточиться на управлении. Впрочем, особых причин для беспокойства нет. Взгляд Галея невольно возвращался к поверхности умирающего Кутата. Ему было тошно. Призра-

ки далекого прошлого обступили его со всех сторон. Они прямо-таки дышали в затылок.

«Оглянись,— шептали они.— Посмотри назад...»

На голове шевелились волосы, но он знал, что оглядываться ни к чему. Он никого не увидит.

«Быстрее!» — подумал он, обращаясь к кораблю, который готовился принять его на борт. Скорее бы там оказаться. Такие же чувства, подумал Галей, переживает испуганный темнотой мальчишка. Хочется бегом в спасительную дверь, в тепло и свет. Такого с ним еще не бывало.

У мри есть слово для этого чувства: Мрак. Так говорят ученые. Любой, кто в одиночку путешествовал в космосе на маленьком корабле, знает или может представить, что это такое. Любой — за исключением регулов, лишенных воображения, способных только запоминать.

Наконец послышался живой человеческий голос. Значит, Галей не одинок во Вселенной. Поблизости есть люди. Реальные. Живые. Такие же, как те, что остались далеко-далеко, на планетах землян.

А что испытали при встрече со своими соплеменниками мужчина и женщина — последние кесритские мри, которые без малейшей надежды бежали на свою прародину? Сейчас их мир гибнет. Старый мир под старым солнцем... И даже жалкие остатки населения, остатки жизни на планете, регулы обрекли на смерть. Неужели у этих двоих стремление пройти Мрак, вернуться домой и умереть было сильнее жажды жизни?

Галей вздрогнул, увидев на экране цепочку огней. «Шируг». Корабль регулов заслонил от него солнце.

— «НАС-двенадцать», заходите на стыковку,— послышался голос.— Шаттл «НАС-двенадцать», «Сабер» готов вас принять.

Галей включил двигатели, преодолевая искушение врубить максимальную тягу, чтобы поскорее приблизиться к рейдероносцу.

— «НАС-двенадцать», мы вас ждем.

Он сближался с «Сабером». Сердце билось все чаще, руки тряслись, направляя маленький шаттл в камеру «Сабера». Галей старался не спешить.

* * *

— Сэр,— послышалось из динамика,— к вам капитан-лейтенант Джеймс Галей.

Контр-адмирал Кох отложил папки с делами и нажал кнопку интеркома, соглашаясь принять Галея. На втором экране он увидел командный центр, там царило оживление, капитан «Сантьяго» Захади держал связь со своим помощником Сильверменом, несущим вахту на рейдере. Они обсуждали ситуацию на планете. Однако к какому бы решению они ни пришли, последнее слово остается за Кохом. Политика делалась в его кабинете.

Вошел Галей, веснушчатый, с морщинами на лице и шевелюрой цвета соломы. Он явно был встревожен. Впрочем, так и должен чувствовать себя капитан-лейтенант, неожиданно вызванный к самому контр-адмиралу. Кох заметил, что взгляд Галея скользнул в угол, где недавно погибла высокопоставленная женщина-регул.

— Сэр? — вытянулся в струнку Галей.

— Высадка Данкана на планету прошла успешно?

— Да, сэр. Никаких затруднений.

— Вы сами вызвались пилотировать шаттл.

Лицо Галея было непроницаемо. Только в глазах что-то мелькнуло.

— Садитесь,— сказал Кох.— Не нервничайте.

Галей огляделся и нашел только одно свободное кресло. Он опустился на самый краешек сиде-

нья. На его лице поблескивал пот. Волнуется, подумал Кох. А может, здесь теплее, чем в шаттле, вот он и взмок. Кох ждал. Галей наконец успокоился, расположился поудобнее, нашел, куда деть руки. Он знал, что эта каюта повидала немало стремительных взлетов и падений.

— Почему землянин пришел ко мне в одежде мри, потребовал прекратить огонь, а затем пристрелил высокопоставленного регула, нашего союзника? — спросил Кох. — Служба безопасности считает, что он стал мри до мозга костей. Ученые склонны согласиться с этим выводом. Вы с ним давно знакомы, верно? Что заставило вас предложить свои услуги? Хотели с ним поговорить? Что-то узнать? Что именно?

— Да, один раз мы с ним были на задании. Кроме того, я руководил посадкой «Флауэра», так что обстановка на планете мне известна.

— Но ведь не только вам.

— Да, сэр.

— Вы действовали вместе с ним на Кесрите?

— Да, сэр. По приказу губернатора.

— Хорошо его знаете?

— Нет, сэр. Хорошо его не знает никто. Он офицер планетарной разведки.

Планетарные разведчики всегда держались особняком. Особая подготовка, особые обязанности, особые задания и абсолютная независимость делали общение с ними просто невозможным. Объясняется ли этим поведение Стена Данкана? Кох с сомнением покачал головой, нахмурился. Ставрос, губернатор Кесрита, вполне доверял разведчику. Настолько доверял, что даже отдал ему двух пленных мри и их курсовую ленту. И вот эти мри здесь, на своей родной планете. А Данкан, первый из землян, сумевший установить контакт с мри, явился с предложением мира...

Но при этом он застрелил бая Шарн, капитана «Шируга», которая сотрудничала с верховным командованием флота землян...

«Я привел в исполнение приговор,— сказал Данкан.— Регулам известно, кто я. Их это не удивит, я знаю. Теперь я могу предложить вам мир с Кутатом».

Типичная самоуверенность мри.

— Вы хотели с ним поговорить,— повторил Кох,— и такая возможность предоставилась, пока вы его везли на Кутат. Каковы впечатления? Вам ясны его мотивы?

— Думаю, да, сэр,— ответил Галей.— На Кесрите он вел себя точно так же. Впрочем, нет... В нем появилось что-то такое...

— Но вы считаете, что поняли его. На Кесрите вы помогли ему добыть сведения из святилища мри. А на обратном пути был инцидент с регулами. Так?

— Да, сэр.

— Вы ненавидите регулов?

— Не испытываю к ним любви, сэр.

— Ненавидите мри?

— Тоже не питаю симпатий.

— А что скажете насчет Данкана?

— Он наш, сэр.

Кох медленно кивнул.

— Вы знаете, что мы подсунули ему трассер?

— Сомневаюсь, что он проработает долго.

— Вы его предупредили?

— Нет, сэр. Но он не хочет, чтобы земляне отыскали мри по его следам. Вряд ли он это допустит.

— Может быть. Но нельзя исключать, что мри не желают, чтобы он говорил с нами от их имени. Нельзя исключать, что он солгал мне. Возможно, у мри на этой планете есть оружие, опасное для нас.

— Не знаю, сэр.

— Вы были на планете. Как там сейчас?

— Там нет полей, нет жизни, нет кораблей, нет даже времени. Только руины.

Гибнущий мир, опустошенные города; машины, работающие на солнечной энергии; оружие, с механической бесстрастностью изрыгающее огонь... и сами мри...

«Камни и песок,— сказал Данкан,— дюны и равнины». Отыскать там мри будет нелегко.

«Если это правда,— подумал Кох,— если у них нет кораблей, а в городах живут лишь мишины...»

— Вы думаете, нам не следует остерегаться их?

— Не знаю, сэр.

В груди Коха появился холодный ком.. Впрочем, он всегда был там. Рос, пока Кох со своей флотилией продвигался от Кесрита к Кутату по следу мри мимо опустошенных, мертвых планет.

Мри были наемниками регулов, пока регулы не предали их и не повернули оружие против своих бывших солдат.

«Я привел в исполнение приговор,— сказал мри в черной мантии, под которой билось сердце замлянина. И: — Регулам известно, кто я».

— Тело бая Шарн переправили на ее корабль,— произнес Кох.— Теперь с нами нет ни одного старшего регула. Остались только молодые. Они, конечно, могут управлять «Ширугом», но не более того. Никто из них не рискнет принять серьезное решение. Так что теперь все в наших руках. Мы будем иметь дело с мри, если Данкан уговорит ши пан вести с нами переговоры. Мы будем руководить всеми операциями здесь. Но если мы неправильно поймем мри, ошибемся, то второй такой возможности не будет. Или если мы попадем в ловушку и погибнем... земная часть галактики снова испытает на себе нашествие мри. Команда понимает это?

— Да, сэр,— хрипло сказал Галей.— Конечно, мы не знаем, как поведут себя регулы, но на нас вы можете положиться.

— Вы понимаете, что мы не должны ошибиться в оценке событий? Вы понимаете, что мы не можем ошибиться в выборе действий? Не надо скрывать то, что удалось узнать от Данкана. Ставки слишком высоки, мы не имеем права на ошибку.

— Да, сэр.

— Я посылаю «Флауэр» и ученых на планету. Доктор Льюис и Боаз — его друзья. Он доверяет им, насколько вообще сейчас доверяет землянам. Но мне может понадобится дублер. Чтобы я заменил планетарного разведчика, если на Кутате с ним что-нибудь случится.— Он смотрел прямо в глаза Галея, и ждал, и видел, что тот начинает понимать.— Наши возможности ограничены. Я знаю, что вы — хороший специалист в своем деле. Но здесь нужны навыки другого рода. Кутат — не замкнутый мирок, это большая планета, на ней ценно умение вникать в самую суть происходящего. Вы понимаете меня?

— Сэр...

— Пока останетесь в резерве, воспользуйтесь этим временем для подготовки. Возможно, ваши услуги не понадобятся... Все прояснится при контакте с мри. Если же нет... Я хочу, чтобы вы были готовы подключиться к операции в любой момент и постоянно находились у меня под рукой. Ясно?

— Да, сэр.

— Вы получите доступ ко всем материалам, которые могут вам понадобится.— Кох ненадолго задумался, поджав губы.— Данкану нужно несколько дней, чтобы отыскать мри. Скажем, десять—одиннадцать. Это все, что у вас есть. Ясно?

Мозг Коха работал безостановочно. Ему нужно было предусмотреть все.

Отдельная каюта — это солидно. На двери табличка: *«Капитан-лейтенант Джеймс Р. Галей»*.

Галей отпер дверь, включил свет. Ничего лишнего; переборки голые, глазу не на чем остановиться, стены. Стол, компьютерный терминал. Он сел за стол, поерзал на непривычном стуле, вызвал информаторий.

«Приказ: подобрать совместимый экипаж из трех человек и резервную группу. Планетарные операции. Докладить адмиралу сразу по исполнении».

Он откинулся на спинку стула. Затем справился с волнением и стал просматривать список личного состава. Перспектива выбирать людей для опасного задания не радовала. Чем дольше он смотрел на список, тем отчетливей осознавал, какую сложную задачу перед ним поставил Кох. Теперь он отлично понимал контр-адмирала. «Сабер» не предназначен для подобных дел. Никто из землян не сталкивался непосредственно с мри.

До сих пор «Сабер» и команда занимались только обстрелом с орбиты. Галею не очень нравилось новое поручение, но утешала мысль, что он может предотвратить массовое убийство разумных существ.

«Флауэр» совершил посадку на планете. Дни уходили за днями, но от Данкана не поступало никаких сообщений. Мри тоже не напоминали о себе.

Вскоре пришел ответ из каюты адмирала: «Одобряю выбор. Основная группа: Шибо, Кэдарин, Лэйн. Резерв: Гаррис, Норт, Брайт, Мэйги. Действуйте».

Снова потянулись дни, заполненные изучением документов, шелестом карт, исследованием усло-

вий жизни на планете. Основной особенностью климата были страшные бури, иссушающие, словно лихорадка, немощную землю.

Галей поговорил с обеими группами, ввел в курс дела. Существовала некоторая возможность, что «Флауэр» войдет в контакт с мри, которые предложат мир, и тогда все разрешится самым лучшим образом.

Но эта надежда таяла с каждым часом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Поднялся сильный ветер, и Хлил, зная, что вечером земля быстро потеряет тепло, поплотнее закутался в черную мантию. Он стоял и всматривался в дюны, тяжело дыша после долгой ходьбы.

До лагеря было рукой подать, осталось только перевалить через невысокий кряж. Стан приткнулся на каменистой террасе, одной из тех, что вели вниз, в пустую впадину моря. Сены утверждали, что со временем сильные ветры заполняют песком и эти углубления. На планете совсем не осталось морей, и горы почти исчезли — превратились в песок. Здесь, возле изъеденной временем и песками гряды утесов, можно остановиться, заглянуть в самую вечность, найти успокоение душе. Но сейчас нельзя было взглянуть в небо, не уловив зловещего движения, не ощутив присутствия врага.

Руины Ан-ихона остались на севере напоминанием о той силе, которая сделала мри беглецами на своей земле, отняла у них даже палатки, оставив лишь то небольшое, что они успели захватить в то страшное утро.

Хлил был кел'еном, принадлежал к касте воинов, и смерть была его ремеслом. У него было право горевать, но он не горевал. В той части его души, которая могла печалиться, сейчас царило незнакомое, жуткое безразличие. За последнее время он видел великое множество мертвых, наверное, столько же, сколько ушло во Мрак за те бесчис-

ленные годы, когда высыхали моря, рассыпались горы. Будучи кел'еном, он не вполне понимал ход событий. Будучи кел'еном, он не умел ни читать, ни писать, не имел мудрости сенов, сидящих у ног ши'пан. Он умел только пользоваться оружием и знал закон келов. Это было все, что требовала его каста.

Он, конечно, пытался разобраться в происходящем. Ведь келы были кастой, что носила вуали, Лицом, Обращенным Вовне. Вовне — это не просто соседняя равнина или даже другая планета. Вовне — это враги, корабли, жестокая война.

И кел'ены — храни их боги! — те, что пришли из Мрака. С ними была ши'пан, ставшая Матерью племени, молодая и со шрамами на лице, как у келов. «Это хорошо, — подумал Хлил, — что у ши'пан шрамы. Это доказывает, что, прежде чем стать Владычицей, она была в касте келов, она владеет оружием. Мелейн с'Интель была Матерью самого свирепого племени. Она не такая, как Сочил, их прежняя Владычица, которая играла с детьми и вообще уделяла больше времени катам, чем келам и сенам. Любви в ней было больше, чем мудрости. Мелейн — пронизывающий ветер, дыхание Мрака, а ее кел'ант, предводитель воинов...»

Его Хлил почти ненавидел, не за гибель Ан-ихона, которая была неизбежной, а за кел'анта, которого тот убил, чтобы занять главенствующее положение в племени. Это была эгоистичная ненависть, и Хлил сопротивлялся ей. Мирей сам вызвал Ньюна с'Интель на поединок и проиграл. Проиграл потому, что Сочил проповедовала любовь, а не ненависть, дружелюбие, а не гнев.

И вот Мирей мертв и Сочил мертва. Из родственников Мирея осталась только сестра, а Знаки Чести, завоеванные Миреем, достались чужеземцу Ньюну.

Закон келов ставил победителя на место побежденного, и Хлил остался вторым после Ньюна с'Интель, как был вторым после Мирея. Он сидел около Ньюна на совете и с трудом мирился с близостью необычного животного, которое следовало за Ньюном, как тень.

Хлил поднял несколько камешков и бросил на склон дюны. Он не ошибся: из песка тотчас выскочило щупальце, схватило добычу. Песчаная звезда. Значит, охота будет удачной, он не с пустыми руками вернется к женщинам и детям. Звезда извивалась в песке, хлестала щупальцами. Впрочем, можно смело возвращаться и без нее — в сумке уже лежат две змеи, жирный прыгун и такая же песчаная звезда. Вблизи лагеря растут трубчатые деревья, так что влаги хватает. Звезда забилась между камнями, угрожающе выставила щупальца. Хлил не стал ее мучить. Она ушла с дороги и не представляла угрозы. Закон келов запрещал излишнюю жестокость.

К тому времени как зашло солнце, Хлил добрался до стана и сразу занял пост на тропинке. Возвращались кел'ены. Они проходили мимо, приветствуя его взмахом руки. Хлил знал их по именам и отмечал возвращение каждого узлом на ремешке, подвешенном к поясу. Он узнавал всех, хотя их лица были закрыты вуалями. Среди них он родился и вырос, научился узнавать мри по походке, осанке, росту... Но среди них пока не было никого выше Хлила по рангу, чтобы сменить его с поста. Поэтому он нес службу, а остальные проходили в лагерь.

Они появлялись группами, как миражи песчаной пустыни. Воины в черных мантиях скользили, точно тени, в косых лучах заходящего солнца, что окрашивало камни и песок в янтарный цвет.

Ремешок превратился в гирлянду узлов, за ним другой. Пришли все, кроме двоих.

Хлил посмотрел на восток. Оттуда должна была вернуться Рас. «Для тревоги нет причин,— сказал он себе.— Она никогда не бывала беспечной».

Рас с'Сочил Ков-Нелан. Сестра Мирея.

Когда-то они всегда были втроем — Хлил, Мирей и Рас. До прихода Ньюна.

Это были счастливые времена. Тогда Хлил мечтал о будущем. Он стал искусным воином и занял достойное место среди кел'енов, он дружил с Миреем и поэтому был вместе с Рас. Он учил ее, охотился с ней и Миреем, вся ее жизнь проходила у него на глазах... Он видел, как ожесточилась она после смерти Мирея. Ее мать, Нелан, погибла в Ан-ихоне, но с тех пор Рас ничего не говорила о ней. По-прежнему Рас смеялась, охотилась, ела вместе с келами, но она уже была не той, какой Хлил знал ее всегда. В детстве они с Хлилом были неразлучной парой, а теперь она стала тенью Ньюна с'Интель. Это было какое-то помешательство, игра, лишенная смысла и смеха. Но все они слегка тронулись умом, те, кто пережил гибель Ан-ихона и стал служить ши'пан Мелейн.

Наконец вернулась Рас, в нерешительности постояла на гребне холма, затем осторожно спустилась к Хлилу. Она села рядом с ним на плоский камень, руки беспомощно свисали между коленями, грудь тяжело вздымалась.

— Хорошая добыча? — спросил он, хотя знал, что это была за охота.

— Два прыгуна.

Для Рас это не добыча. К тому же, судя по ее усталому облику, она проделала длинный путь.

Хлил посмотрел вдаль, на темнеющий восток, где виднелись две темные точки: кел'ант и верный зверь.

— Восток,— сказала Рас, с трудом переводя дыхание.— Всегда восток, всегда один и тот же

путь. Он совсем не охотился, этим занимался зверь. Кел'ант только собирает добычу. Он очень быстро ходит, как и положено кел'анту.

— Рас,— предостерегающе сказал Хлил.

— Он знает, что я здесь.

Хлил взял другой камень, стал задумчиво рассматривать. Рас отдыхала.

— Рас,— сказал наконец Хлил,— пусть он живет. Гнев — плохой союзник. Он умрет, если ты перестанешь его опекать.

— Ты уже перестал.

— Я — второй после кел'анта.

— Ты и был вторым,— сказала она и глянула на него почти с прежним обожанием. — Ты можешь занять высокое положение. Я тебе завидую.

— Я не люблю его.

Она приняла это признание молча. Пальцы задумчиво играли Знаками Чести, свисающими с пояса. Их она получила из рук Ньюна после смерти Мирея.

— Мы не можем вызвать его на поединок,— сказала она.— Закон запрещает нам мстить за Мирея. Конечно, можно найти другой повод. Но зачем?

— Перестань думать об этом.

— Он отличный боец. Если я вызову его, то погибну.

— Перестань,— повторил он, и сердце сжалось.

— Ты хочешь жить,— сказала она напрямик и, когда он стал отрицать, спросила: — Ты знаешь, сколько поколений келов в моем роду?

— Больше, чем в моем,— с горечью сказал он, и кровь ударила в лицо. Он тяжело переживал, что среди его родных не все были келами.

— Восемнадцать,— сказала она.— Восемнадцать поколений. Я — последняя в семье, откуда выходили лишь кел'ены и Матери. Все они уже мертвы и

никогда не увидят таких времен, как нынешние. Что, если и я не должна сейчас жить? Может, и мне покинуть это время? Я думаю о моем брате Мирее. Он тоже все видел и понимал, он знал, что мы почти дошли до края горизонта. И я думаю... он умер добровольно, Хлил, он не захотел убивать этого пришельца. Он мог легко отразить смертельный удар, но не стал этого делать. Почему? Испугался? Я не знаю случая, когда Мирей боялся. Нет, я думаю, что он сам решил отойти в сторону и позволил убить себя. Почему? Потому что эти пришельцы сказали, что они — Обещанные, Прошедшие Мрак. Разве посмел бы он встать у них на пути?

Хлил откашлялся.

— Не спрашивай меня, о чем он думал.

— Я спрашиваю себя. Он не мог увидеть будущее. Но я-то увидела. Я жива. Я — его глаза. Боги! Он умер, зная, что впереди нас ждет то, чего ему ни за что не постигнуть. Он уступил место тому, кто способен понять. И теперь этот кел'ант до конца моих дней будет перед моими глазами...

— Рас...

Они сидели молча, глядя на темные дюны.

Появился дус — огромное теплокровное животное с шелковистым мехом. Он шел вразвалку, низко опустив голову. Будто что-то искал на земле, не зная даже толком что. Рас с отвращением посмотрела на него, когда он приблизился. У Хлила возникло неприятное ощущение в животе, когда он увидел могучие мышцы и острые когти — ядовитые, предупреждал кел'ант. Рас выругалась и оттолкнула зверя, когда тот подступил вплотную. Хлилу он внушал страх. На Кутате не водилось таких кошмарных чудовищ. В голодные дни Хлил даже подумывал, не убить ли его... но мысль о съедении животного с теплой кровью вызывала тошноту. Это сродни каннибализму.

Это существо — еще один дар нового кел'анта.

— Уходи,— сказал он Рас и, когда она замешкалась, добавил: — Уходи скорее.

Она кивнула, встала с камня и быстро растворилась в сумраке.

Зверь пошел было за ней, но потом фыркнул и вернулся. Затем он безошибочно отыскал в песке песчаную звезду и с громким хрустом съел. Присутствие дуса заволакивало Хлила, притупляло все его чувства, обволакивало разум туманом.

— Нет! — громко крикнул он, и все прекратилось. Разум вдруг обнажился, кругом сгустилась тишина. Маленькие блестящие глаза смотрели на мри.

— Иди прочь,— сказал Хлил. Дус не двинулся с места. Хлил смотрел на приближающегося Ньюна, тот выглядел очень утомленным, на охоте он обычно так не уставал. Хлил должен был подать сигнал кел'анту, чтобы тот шел в лагерь — он вернулся последним.

Но Хлил не шевельнулся.

— Все возвратились? — спросил Ньюн, тяжело дыша. Он говорил с сильным акцентом, так как выучил му'ара совсем недавно. Прежде он изъяснялся на хол'эйри.

— Все,— ответил Хлил, поднимаясь.— Ты последний. Я пойду с тобой.

Дус встал и потерся о ноги Ньюна, Хлил благо-разумно обошел кел'анта, чтобы идти с другой стороны.

— Ты далеко ходил,— сказал Хлил.

— Да,— ответил Ньюн, не оборачиваясь.

— И Рас тоже.

Ньюн резко остановился, закрытое вуалью лицо повернулось к Хлилу.

— Это ты ее посылал?

— Нет.

— Она ищет ссоры... это так, кел Хлил?

— Не думаю. Наверное, она просто хочет узнать, куда ты ходишь.

— Что ж, может быть. Прошу тебя... убеди ее не ходить за мной.

Вовсе не таких слов ожидал Хлил. Он заткнул ладони за пояс — но на изрядном расстоянии от оружия. Пусть кел'ант видит, что Хлил не хочет ссоры.

— А я прошу тебя, кел'ант, будь к ней терпим.

— Я делаю, что могу.

Хлил посмотрел на него, на джи'тэи, которыми была украшена его мантия. Хлил ненавидел этого мри. Дус прижал уши и злое рыкнул, но успокоился, как только Ньюн погладил его.

— Вряд ли она послушает меня,— произнес Хлил.— Лучше сам поговори с ней.

Кел'ант ничего не сказал. Повернулся и двинулся вниз по песчаной тропе, к лагерю. Громадный зверь семенил за ним.

— Яй! — прикрикнул Ньюн, и дус сразу сошел с тропы и побрел прочь. Он никогда не заходил в лагерь.

Чувствуя себя таким же покинутым, как этот дус, Хлил пошел за кел'антом.

— Скажи часовому, что мы пришли,— повернулся к нему Ньюн.— Давай твою сумку. Я отнесу.

Хлил молча снял с плеча сумку и отдал ее Ньюну. Потом сошел с тропы и стал подниматься по камням.

Это был разумный приказ. Во всяком случае, прозвучи он из уст Мирея, Хлил воспринял бы его как должное. А сейчас он старался подавить в себе гнев. Может, Ньюн хочет объявить добычу Хлила своей? И все же он оказывает услугу, взявшись отнести тяжелую сумку. Вот так всегда — самые простые слова, самые обычные отношения между

ними таят в себе что-то противоестественное. Но ни тот, ни другой не пытаются объясниться. Обои дороже мир в племени.

Но Рас... Рас медленно убивает себя. Ее глаза — глаза Мирея, как она выразилась, — смотрят не только на кел'анта, но и на Хлила.

А ведь он всего лишь Хлил с'Сочил, рожденный в касте катов. Конечно, такого удела стыдиться нельзя, но и гордиться особо нечем. Кел'ен не имеет ничего, кроме навыков владения оружием и привычки беспрекословно подчиняться закону келов.

Все, что соответствует закону, правильно. В этом он не сомневался никогда. По крайней мере, до появления Прошедших Мрак.

* * *

Ньюн укоротил шаг, приближаясь к лагерю. Он надеялся, что Рас за ним не следит. Интересно, где она? Эта женщина не в себе, но все же не настолько, чтобы постерегать его в темноте. Он снял обе сумки с плеча и направился в тень скалы.

Скалы дарили укрытие — не только ему, но и всем мри. Когда-то здесь была река, она промыла в горной породе целый лабиринт пещерных залов и коридоров. Конечно, во время песчаных бурь здесь бывало худо — весь лабиринт продувало насквозь, поэтому старики возражали, когда Ньюн предложил устроить лагерь в этих скалах. Но он настоял. Кесритские мри знали, что такое обстрел с орбиты, а еще знали, что у врага достаточно средств, чтобы обнаружить их с воздуха. Поэтому только пещеры могли укрыть их от всевидящих приборов. В горе оказалось достаточно полостей, чтобы отдельно поселить касты — сенов с ши'пан на севере, келов — на юге, поближе ко входу, чтобы вовремя встретить неприятеля. И в самой дальней пещере расположились дети и их воспитатели. Это было самое надеж-

ное место, потому что большинство детей Народ потерял в разрушенном Ан-ихоне.

Один залп сверху. Только один удар — и они все погибнут.

Ньюн пришел в пещеру, которая служила залом келов. Во мраке поблескивало оружие и Знаки Чести. Темные лица были едва различимы в свете костра. Кел'ен, который еще не обзавелся шрамами касты, подошел к Ньюну, чтобы принять охотничьи трофеи. Этого юношу звали Тэйз. Ньюн отдал ему обе сумки.

— Моя и Хлила. Отнеси катам.

Он заметил Рас, она стояла среди тех, кто его приветствовал. Ньюн обвел их взглядом и, сняв вуаль, повернулся к трем камням, символизирующим Святыню. В зале пахло смолистым дымом, он заменял благовония.

Постояв немного, Ньюн прошел к костру и опустился на каменный пол. На кожаной скатерти стояла его доля еды: смесь мякоти трубчатого дерева и чуть-чуть мяса. В иные дни охота бывала неудачной, им приходилось голодать. Он ел, остальные молчали.

Появился Хлил, сел рядом, взял свою порцию. Вскоре завязался разговор, обсуждение мелких вопросов, — обычная беседа обычного племени. Ньюн сидел молча, глядя в огонь. Слова не проникали в его разум. Он почти не знал этих мри, даже по именам запомнил далеко не всех. Избитые шутки, относящиеся к неизвестным ему событиям, не смешили его. Он был далеко от них, и они, должно быть, это чувствовали.

Когда появлялся досуг, Ньюн отдавал его воспоминаниям. Память возвращала его в эдун, где жили келы, его друзья. Он вспоминал корабль. Картины былого причиняли боль. «Это очень мудро, — подумал он, — что закон Народа запре-

щает помнить путешествия между планетами... даже прежний язык и прежние мысли». Он прошел через Мрак и очутился в мире, где говорят на хол'эйри, где нет прошлого.

Забывать должны все, кроме сенов. В этом — мудрость Народа. Помнят только сены. Всем остальным не дано ничего, кроме баллад.

Голоса давили на Ньюна мучительней, чем тишина в пустыне. Он приподнял голову, посмотрел на Хлила, на нескольких оставшихся в живых келов высокого ранга, Мужей ши'пан.

— Мы... — начал он, и тут же воцарилась тишина. — Мы должны обсудить один вопрос. Наши припасы остались в Ан-ихоне. Какие будут советы?

— Поручи это нам! — воскликнул юный кел'ен, и другие поддержали его:

— Да. За несколько дней мы перенесем их сюда.

— Нет, — отрывисто произнес Ньюн. — Это не так-то просто. Слушайте меня. Одни боги знают, что ожидает келов на развалинах Ан-ихона. Может быть, там высадился десант. Может быть, враги держат город под наблюдением с воздуха. Причем смотрят не только глазами. Если им удастся проследить за нами, с этим укрытием случится то же, что и с Ан-ихоном. Нам нужны припасы. Мне больно смотреть на страдающих детей. Я согласен с вами: здесь мы не дождемся ничего хорошего. Однако я предпочитаю, чтобы между нами и врагами оставались горы. Я думаю о том, что нам следует уйти дальше.

— Не наша земля, — возразил Сэйрас, старейший из Мужей.

— Тогда мы захватим ее, — хмуро произнес Ньюн.

Смешение племен, смешение святынь... Это не доведет до добра. Он смотрел на келов и видел неодобрение на их лицах. Но он и не ждал ничего другого.

«Ты не способен толком управлять одним племенем,— думали они.— Почему ты решил, что справишься с двумя?»

— Слово ши'пан? — спросил Сэйрас.

Это была дерзость.

— Я еще не говорил с ней. Только собираюсь.

— Поговори,— сказал Сэйрас.

Наступила тишина. Украшенные шрамами лица были обращены к Ньюну, келы чего-то ждали. Он подумал, не предложить ли им высказаться, но понял, что ответом будет лишь молчание. Тогда он встал, одернул мантию и пошел к выходу. Все поднялись, выражая почтение, которого на самом деле не испытывали. Ньюн это воспринимал как насмешку.

Сейчас он уйдет, и они заговорят. Верховодят среди них Хлил и Сэйрас. Ньюну они подчиняются скрепя сердце. Он накинул вуаль и двинулся в темноте по узкой тропе, огибающей утесы. Сюда не проникал даже свет звезд, только шелестел несомый ветром песок. Ньюн прошел между песчаным валом и скалой, защищая лицо от колючего ветра. Хорошо, что он не привел сегодня в зал дуса. Сказать, что келы его недолюбливают — ничего не сказать.

Он обернулся, почти не сомневаясь, что увидит Рас. Не увидел.

Обогнув утес, он прошел по открытому месту, где росли трубчатые деревья. Отдельные сегменты иных были толщиной с человека. Благодарение богам, что они растут эдесь! По крайней мере, воды беглецам хватает.

* * *

Слабый свет обозначил вход в пещеру сенов. Мри в золотистых мантиях, сидящие в коридоре, подняли головы, а затем торопливо вскочили, чтобы приветствовать первого среди келов. Он пошел

дальше, в освещенный лампой зал, где сидели старейшие, погруженные в вечернюю молитву. Ньюн снял вуаль, чтобы не оскорблять их, и остановился. Один из сенов поднялся и прошел в глубь пещеры. Вскоре он вернулся, показав жестом, что Ньюн может войти.

Кел'ант прошел по темному коридору в круглый зал, где вокруг груды камней сидели несколько сенов. На камнях устроилась Мелейн в белой мантии. Она никогда не носила вуали. Мать Народа, ши'пан, хранительница Тайн, Святынь.

«Сестра», — подумал Ньюн. Всякий раз, когда видел ее в белой мантии, среди сенов в золотистых одеяниях, он вспоминал о своем родстве с ней.

Она попросила мудрецов удалиться и подозвала его. Ньюн склонил голову, когда сены проходили мимо, а затем сел у ее ног.

— Ты выглядишь усталым, — сказала Мелейн. Он пожал плечами.

— Тебя что-то тревожит?

— Ши'пан... келы считают это место небезопасным.

— Есть другое?

— Другое место нужно захватить. Это мы и собираемся сделать.

— Келы согласны?

— Келы молчат.

— А как же...

— Святыни? Те, что мы оставили в городе? Я думаю, мы бы уже заметили корабли, если бы они там опустились. Позволь мне сходить в город. Думаю, удастся вынести святыни. Остальное зависит только от твоего решения.

— Ты стал нетерпелив. Не хочешь ждать.

Он посмотрел на нее.

— Старые кел'ены говорят, что, когда начнутся ветры, это убежище засыплет песком. Я им верю.

Надо что-то сделать. Чем больше времени мы потеряем, тем труднее будет выжить.

— Ты говорил с келами?

Он пожал плечами.

— Говорил.

— И у них нет мнения на этот счет?

— Они его не высказали.

— Ясно.— Она смотрела прямо перед собой, на что-то, невидимое ему. Половину ее лица скрывала тень, половину освещал золотистый свет лампы. Глаза вдруг сверкнули.

— Куда ты собираешься нас вести? — спросила она.— Вниз? Говорят, там климат мягче и больше воды. Но там живут другие племена. Ты выиграешь поединок, в этом я не сомневаюсь. Все-таки девять лет ты учился у лучших келов. Да, ты победишь, даже захватишь их припасы. А что дальше?

— Я — кел'ен. Откуда мне знать?

— У тебя всегда было свое мнение.

— Но я никогда не рассчитывал на него.

— Ты потерял один джи'тэй.

Еще до того, как Ньюн понял смысл ее слов, его рука поднялась к груди и нащупала пустое место.

— Самый первый из твоих Знаков Чести,— сказала она.— Золотой лист. Жаль.

— Он у Данкана.— Это не было признанием. Она и так знала.

— Не будем говорить о кел'ене, который ушел без моего благословения.

— Я отпустил его.

— Вот как? Даже кел'ены этого племени советуются со мной. Я ждала, что ты придешь поговорить о келах. Но ты не пришел. Почему?

Он посмотрел ей в глаза. Это было нелегко.

— Ньюн,— сказала она,— ты научил его быть мри, и все же он ослушался меня. А теперь ты хо-

чешь поступить так же. Почему я слышу от келов жалобы на тебя?

— Потому что в их сердцах — Мирей.

— Потому что ты все время отталкиваешь их.

Наступила долгая пауза.

— Я так не думаю.

— Но это так.

— Возможно.

— Данкан вернулся к землянам,— сказала она.— Так это или нет?

— Да, он пошел к землянам. Но не вернулся к ним. Он служит Народу.

— Ты уверен? С келами об этом говорил?

— Нет.

— Если даже он сумел добраться до землян, они его не отпустят.

— Он сумел.— Ньюн взмахнул рукой, указывая на север, на Ан-ихон.— Больше нет кораблей, нет обстрелов, нападений. Ши'пан, я уверен, что он побывал у них, и они его выслушали.

— И что он им сказал?

Ньюн промолчал. Что тут ответишь? Данкан не в силах заставить землян убраться отсюда.

— Ты говоришь, что нам необходимо идти дальше,— сказала она.— Я тоже думаю об этом, но по другой причине. Я слышала, ты каждый день уходишь на восток.

Он кивнул, не глядя на нее.

— Хочешь обосноваться где-нибудь поблизости? — спросила Мелейн.— Или идти на восток? Неужели ты надеешься, что он найдет нас?

— Надеюсь.

— Я отправлю Хлила в Ан-ихон,— сказала Мелейн.— Он добудет там все, в чем нуждаются келы и сены.

— Без меня?

— У тебя будет другое поручение. Найти Данкана.

Сердце подпрыгнуло в груди.

— И ты останешься без охраны?

— Я буду ждать,— продолжала Мелейн, словно не услышав вопроса.— Во-первых, ты должен узнать, сколько времени небо останется чистым. Пойдешь один и налегке. Срок — до возвращения Хлила из города.

— Да, ши'пан. Но...

— Я все обдумала. Вряд ли у тебя что-нибудь выйдет. Данкан ушел со своим дусом, и, если зверь еще с ним, он бы нас нашел... Но я люблю нашего Данкана. Постарайся найти его или убедись, что мы его потеряли. А потом как следует подумай, что ты будешь делать с этим племенем. Нужно ли оно тебе? Не теряй времени.— Она нежно взяла его за виски, поцеловала в лоб, заглянула в глаза.— Быть может, ты нас здесь не заставишь. Тогда сам решай, куда идти. Есть другие города, другие возможности.

— Боги! Они защищены не лучше, чем Ан-ихон! Ты знаешь, на что способны земляне!

— Иди.

Он встал и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку на прощание.

— Благословляю тебя,— прошептала она.

Он прошел мимо удивленных сен'енов, пряча от них глаза. Подходя к пещере келов, надел вуаль.

И вдруг в песчаном вихре перед ним возник черный силуэт.

— Рас? — дружелюбно спросил он.

Она не сказала ни слова. Как всегда, она шла за ним.

* * *

При его появлении в зале келов наступила тишина. Он прошел сквозь темное живое кольцо, опу-

стился на пол, предложил взмахом руки сесть всем. Затем снял мэз и зайдх. Это был знак доверия.

— Кел'ены...— Слово повисло в тишине.— Да... я хочу поговорить с вами о том, как вынести наши припасы из города.— Он опустил руки на колени, обвел взглядом темные лица, ряд за рядом.— Командовать отрядом будет Хлил. Хлил, ши'пан, конечно, пригласит тебя и все объяснит. Если не пригласит, пойдй к ней сам.

— Хорошо.— Хлил с любопытством глядел на Ньюна.

— Я скажу только одно: будьте осторожны. Впереди должен идти кел'ен и тщательно осматривать следы посадок кораблей. Земляне могли установить маленькие устройства, с помощью которых они узнают о вашем приходе. Кел Хлил, заклинаю тебя именами богов: будь бдителен! Если увидишь корабли, сразу уводи отряд подальше. Враги ищут нас не глазами, а приборами.

— Кел'ант, а ты сам не хочешь повести нас?

— У меня другое задание. Кел Сэйрас остается охранять лагерь. Хлил, я сказал все.

Они ни о чем не спросили. Ньюн поднялся, взял пустую сумку, перекинул ее ремень через плечо, надел вуаль.

Он повернулся к выходу и встретился с жестким взглядом Рас. Ее лицо не скрывалось под вуалью.

— Рас,— сказал он тоном, не допускающим возражений,— ты пойдешь с Хлилом.

— Если Хлил захочет,— спокойно произнесла она.

Но молчание келов говорило само за себя. Ньюн был слегка удивлен — он ждал от Рас категоричного отказа. Впрочем, он по сей день не знал, какие мотивы ею движут.

— Благодарю.— Он пошел к выходу.

— Кел'ант! — слышался голос Хлила. — Ты уходишь и ничего не берешь с собой?

— Каты и сены — плохие охотники. Мы с ду-сом позаботимся о себе. — Он знал, что эти слова вызовут неодобрение. — Жизни и Чести!

После него из пещеры вышла только Рас. Ньюн обернулся: она провожала его взором, но не шла за ним. Он еще раз оглянулся, чтобы убедиться в этом, а потом перестал о ней думать.

Час был поздний, и часовой мог встревожиться, увидев идущего из лагеря Ньюна. Поэтому Ньюн свистом предупредил его еще издали.

— Дус! — позвал он, выйдя из ущелья на открытое пространство.

И почувствовал дуса раньше, чем услышал. Между валунами мелькнула большая тень, и вот уже рядом — знакомое сопение. Дус был обеспокоен, но Ньюн почти сразу понял, что это волнение идет от него самого, и постарался успокоиться.

Он двинулся тем же путем, каким ходил ежедневно. Шел осторожно, осматривая небо, горизонт, далекие холмы. Ночью пустыня давила на психику сильнее, чем днем. В небесах не было ничего, кроме звезд и врагов.

И вдруг к нему вернулось спокойствие и уверенность в себе. Это дус пришел на помощь. Ньюн мысленно поблагодарил его и направился на восток. Там — место, где приземлился их корабль и куда отправился Данкан. Там земляне должны искать мри в первую очередь. Ньюн шел быстро, но не упускал из виду дуса, который рыскал вокруг. Дус покажет ему безопасный путь; от этого чуткого зверя песок не скроет никакие ловушки. Его стихия — ночь.

Дус бежал чуть впереди, мотал тяжелой головой, нюхал ветер, выбирал дорогу.

Данкан так и не смог приспособиться к быстрой ходьбе Ньюна. Даже воздух Кутата не годился для

легких землянина. Решение в одиночку путешествовать по этой жестокой планете было поистине самоубийственным.

«Но ведь он стал настоящим,— напомнил себе Ньюн.— Только это и могло спасти его здесь».

Он нарисовал в уме образы Данкана и его дуса и передал своему зверю. «Найди их»,— мысленно приказал он.

День уходил за днем, не принося ничего нового. Все дальше на восток уводил Ньюна дус, но ни единого следа Данкана не сохранила пустыня.

Двое шли днем и ночью, спали урывками в расщелинах между камнями, когда Ньюн выбивался из сил. Дус делился с ним теплом, спокойствием, уверенностью. Привал, переход, привал, переход. Бесконечность равнины. В пищу шло все, что удавалось поймать. Ньюн с отвращением ел сырое мясо.

Над Кутатом опрокинулось бездонное небо. Ни единого облака, ни единой капли дождя. Холодные лучи солнца падали сквозь пыльную дымку.

Он часто смотрел на солнце, а дус тревожно озирался и время от времени стонал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чебо Кутата не знало облаков, оно всегда было подобно гигантскому сияющему куполу. Лишь на западе висела темная пелена, не сулившая ничего хорошего.

Позади тянулась цепочка следов. Очередной день близился к концу, и он не принес ничего. Впереди — пусто. Голые дюны. Ни души.

Данкан шел, изредка оглядываясь через плечо.

Снова и снова он высматривал дуса. Зверь бегал кругами, то и дело исчезал. Наверное, охотился, а может, искал преследователей. Когда он отлучался надолго, Данкан чуть с ума не сходил от страха и тревоги. Ведь дус мог напасть на преследователей, а те могли убить его.

«Ко мне!» — скомандовал он дусу, но тот не вернулся.

Жарко. Данкан вынул из сумки кусочек трубчатого дерева и, приподняв вуаль, сунул его в рот. У него пересохло в горле, голова разламывалась от страшной боли, глаза слезились. Но он внимательно следил за горизонтом и не забывал смотреть под ноги. Он был одет как кел'ен и вооружен пистолетом и йин'ейн, ритуальным оружием.

Ветер поднимал облака пыли, гнал песок волнами, в которых тонули ноги путника. Пыль ослепляла, и он прикрыл ладонью глаза.

А когда снова посмотрел вперед, на северо-западе, у самого горизонта, увидел черный силуэт —

совсем недалеко и не в том направлении, где ожидал.

Его охватил страх, заставил повернуть к югу. Но, может быть, от него добиваются именно этого? Он посмотрел на юг и не увидел ничего, кроме голой равнины и яркого неба.

Равнина шла под уклон. Он уже начинал ориентироваться в этих бескрайних пустынях, похожих друг на друга, как две капли воды. Западня, скорее всего, поджидала именно на юге.

Он пошел на запад, во всю мочь призывая дуса. Он удвоил осторожность. Ведь здешние кел'ены издали узнают в нем инопланетянина и, конечно, свяжут его появление с кораблями в небе и обстрелами городов.

Только дус способен отогнать их, вселив в души безотчетный страх.

Но рано или поздно они все равно нападут, ведь кел'енов приучают к осторожности, но не к трусости. Они умеют побеждать страх точно так же, как и любого врага.

Сердце отчаянно билось в груди, виски ломило, временами он терял зрение, не хватало воздуха. Он изо всех сил боролся с искушением бросить сумку. Вдруг ее найдут келы, увидят незнакомые инопланетные вещи и заинтересуются... Сильный ветер швырял в лицо песок и пыль, больно стегал по обнаженным рукам. Данкан все чаще спотыкался и не был уверен, что идет на запад.

«Дус!» — звал он, ругаясь про себя. Чертов зверь всегда бродит невесть где! Ноги заплетались, легкие разрывались от боли, и Стен уже не знал, что лучше — уходить от погони или повернуть навстречу, а там будь что будет.

Из-под ноги вывернулся камень, Данкан растянулся на мягком ползучем песке. Он на секунду приподнял вуаль и тут же пожалел об этом. Его

вмиг ослепил песок. Душа съежилась под натиском страха, даже не страха — ужаса. Но он встал и пошел навстречу ветру, единственному ориентиру, который указывал на запад.

Страх рос. Стен оглянулся, но увидел лишь багровый слепящий диск солнца. На всей планете не было ни верха, ни низа, ни горизонта, ни песка под ногами — только солнце, чьи лучи с трудом пробивались сквозь пелену песчаной бури. Данкан едва переставлял ноги, едва дыша через забитую пылью вуаль. «Если упаду,— подумал он,— мне уже будет не встать. Здесь и умру».

— Дус... — прохрипел он. Голос бесследно потонул в шуме ветра. Колени дрожали, ноги разъезжались на коварном песке. В конце концов Данкан упал на колени, отвернулся от ветра и полез в сумку за съедобной древесиной. Ее осталось совсем мало. Пальцы не слушались. В этот раз он обошелся без ножа, отломал кусок зубами. Остаток сунул обратно. Во рту пересохло, глаза слезились.

— Дус,— снова прошептал он.

Стен уже не ощущал боли. Ветер теребил на нем мантию. Во всей вселенной не осталось других звуков, кроме завывания ветра. А у Данкана не осталось сил, чтобы подняться. Он вдруг обнаружил, что песок его засыпал почти целиком.

А страх все рос. На коже выступал едкий пот, но тут же высыхал под ветром. Стен ценой невероятных усилий встал и двинулся навстречу ветру. Ужас гнал вперед, охваченный им разум забыл усталость, забыл боль.

«Ужас дуса,— вдруг сообразил Данкан.— Не моего дуса... чужого. Он совсем рядом». В мозгу появился его образ. Хаа — дус, дикий дус, рожденный той парой, которую сюда привезли мри... Он чрезвычайно опасен, когда рядом нет своего, прирученного дуса.

Данкан шагал вперед. Ничего другого не оставалось.

И вдруг рядом выросла тень.

Данкан потянулся за ножом и узнал ее.

Его дус. Он появился из темноты и встал между ним и ветром.

Данкан обнял зверя за толстую мохнатую шею, тот доверчиво прижался к нему. Пятисот килограммов мускулов, упрятанных под густую шерсть, защищенных ядовитыми клыками и телепатическим излучением, пришли на помощь своему хозяину.

Хаа обошел их так, чтобы тоже защитить Данкана от ветра. Вокруг них сразу стал расти песчаный вал. Данкан лежал, прижавшись к своему дусу, и жадно наполнял воздухом измученные легкие. Но он все же нашел в себе силы открыть сумку и вытащить мешочки с сушеным мясом. Сначала он припал губами к фляге, в которой воды оставалось на донышке, и лишь после этого смог жевать и глотать мясо.

Ручной дус потянулся к нему, требуя свою долю. Данкан предложил ему кусочек мяса. Огромная голова склонилась к его руке, губы взяли пищу так осторожно, что Данкан не почувствовал ничего, кроме жаркого дыхания. Второй дус тоже потянулся к нему, пришлось угостить и его, но теперь Данкан положил мясо на песок, чтобы не касаться ядовитых клыков. Мясо исчезло мгновенно.

Данкан закутался в мантию, спрятал руки в рукава, закрыл глаза. Он вытер с лица какую-то влагу — кровь из носа? — и постарался заснуть. Теперь можно было не бояться — в дикой пустыне Кутата его стерегли два зверя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вокруг толпились молодые регулы, переговаривались свистящим шепотом. Изредка кто-нибудь из них тревожно смотрел вверх.

Сут расставался со своими товарищами. Сейчас они толпились возле его постели, предлагая пищу и различные услуги, и строили далеко идущие планы. Они оплакивали старшего регула и присутствовали при рождении нового. Сут Хораг-ги ломал руки и стонал от отчаяния. Он боялся Метаморфозы.

Он пока еще ничем не отличался от других юношей. Но в его организме уже начались мучительные изменения на гормональном уровне, сопровождаемые ростом аппетита. «Шируг» отдалился от кораблей землян, круживших возле Кутата, и не отвечал на их радиогаммы. На корабле регулов происходило таинство превращения юноши во взрослого. Земляне обстреливали «Шируг» вопросами, предлагали помощь, старались узнать хоть что-нибудь, но Сут приказал экипажу молчать.

Он много ел. С него уже начала сходить кожа, появлялась новая, темная, морщинистая. Сут ужасно страдал. Все его тело казалось одной сплошной раной. Ныли все суставы, голод и жажда не давали ни секунды покоя. Ему казалось, что он сойдет с ума от невыносимых мук.

Приблизился молодой регул с губкой — смачивать кожу. Сут едва выносил эту процедуру и непрерывно пил сой, вытирая пот полотенцем.

Внезапно резкая боль пронзила все тело. Сут закричал и отшвырнул поднос. Что-то хрустнуло, а когда серая пелена спала с глаз, Сут обнаружил, что молодые регулы уже вынесли труп. Сут довольно зашипел. Ему сразу полегчало.

— Докладывайте,— выдохнул Сут, сжимая в руках чашку соя. Он отхлебнул, глядя на перепуганных юнцов.— Докладывайте, безмозглые.

— Досточтимый, не о чем докладывать. На планете буря.

— Буря?

— Свирепая буря. Мы пытались вести наблюдение с помощью приборов, но ветер и пыль...

Сут вздохнул с облегчением.

— Может быть, Данкан погибнет?

— Возможно, досточтимый.

Сут страстно желал этого. Землянин по имени Данкан застрелил бая Шарн, капитана «Шируга». Командор «Сабера» отпустил Данкана, сочтя убийство высокопоставленного взрослого регула пустяком. Сут тогда был молодым, гибель Шарн застигла его врасплох, как и всех остальных. Но теперь он взрослый, его разум холоден и тверд. Теперь Сут желает, чтобы Данкан был мертв. Этот землянин — аномалия. Никто не знает, что им движет. Он убивал молодых регулов, когда те были союзниками мри, а теперь убил старого. Одна лишь мысль об этом злодеянии вызывала у Сута зубовой скрежет.

Сорок три года наемники-келы служили регулам в войне против землян. А теперь события приняли крайне нежелательный оборот: мри налаживают контакт с землянами.

Сейчас на «Шируге» необходим старший регул, способный принимать решения. Ведь от этого зависит будущее расы. И здесь, и на Кесрите, и на прародине регулов.

Шарн убита, бай Хулаг остался на Кесрите. Кто-то должен взять ответственность на себя.

Как больно...

— Досточтимый, успокойся,— пробормотал молодой регул, смачивая его кожу. Сут приподнялся со стоном и упал на дно тележки. До чего же он стал тяжелым! Закрыв глаза, он дышал глубоко и медленно, пока боль не отпустила.

— Наступает кризис,— печально сказал молодой регул.— Если он не закончится быстро, то досточтимый умрет.

— Тихо! — рывкнул Сут, и это помогло. Боль растаяла, мышцы расслабились, пульс участился, температура тела поднялась.

Да, положение было серьезным. Сут служил баю Хулагу, мужчине, и сейчас проходил Метаморфозу. С большей долей вероятности он может стать женщиной и служить Хулагу, но если окажется мужчиной, ему не останется ничего другого, как перейти в великий, могущественный род Аланей.

Заменить бая Шарн... Стать Шарн...— такие мысли бились в голове несчастного Сута.

Он выругался вслух, вспомнив землянина, который содеял зло. Негодяй Данкан добивается, чтобы мри стали союзниками землян. Сто двадцать три звезды... сто двадцать три... безжизненные... системы... И даже после того, как мри совершили этот страшный рейд по всей Галактике... земляне хотят заключить с ними мир.

Сут должен жить. Этого требует его долг. Этого требует сама жизнь. И даже не личные соображения помогут ему выжить. Он это сделает, чтобы возвысить род Хорагов, приблизиться к великому роду Аланей... он должен жить...

Кто-то дотронулся до него. Нань, самый старший из молодых регулов.

— Досточтимый! — воскликнул он.— Я горю!

Это случилось! Следующий регул приближается к Метаморфозе! Сут вздохнул с облегчением и закрыл глаза.

Боль опустилась ниже. Мускулы снова начали конвульсивно сокращаться, невыносимый жар охватил все тело. Молодые регулы принесли пищу и стали смачивать воспаленную кожу.

Поддерживаемый молодыми регулами, досточтимый Нань приблизился и лег рядом, с трудом сдерживая вопли. Шло изменение. И вот наконец один из регулов ахнул:

— Мужчина!

Логика природы. Сут улыбнулся, преодолевая боль. Рядом корчился в муках Нань, но его Метаморфоза происходила быстрее. И вдруг завопил Тиаг, затем Мокхаг — истерия охватила всех, кто становился старшим.

Боль постепенно слабела. Поддерживаемый молодыми регулами, Сут попробовал ходить. Теперь он всегда будет иметь помощь и поддержку. Тело увеличилось вдвое, ноги уже не в силах его удерживать. Скоро мышцы ног атрофируются, их заменят напластования жира. Но руки всегда будут сильными благодаря специальным упражнениям. Все чувства, кроме зрения, притупятся. Зато мозг будет господствовать над всеми органами. Память регулов абсолютна. Он проживет, если не случится ничего непредвиденного, лет триста и будет с необыкновенной ясностью помнить каждое событие своей жизни.

Лишь тридцать процентов регулов становятся взрослыми — и он оказался в их числе. Теперь он первый на корабле. Только один процент регулов достигает такого высокого положения.

И теперь, благодаря Метаморфозе, он станет не слугой бая Хулага... а его соперником из другого рода. Ему будут подчиняться и Нань, и Тиаг, и Мокхаг. Все они из рода Аланей, а он старший

среди них, и, следовательно, «Шируг» — гордость великого рода Аланей — стал территорией рода Хорагов. Хулаг из рода Аланей просчитался, с улыбкой подумал Сут.

Он посмотрел на трех регулов, которые проходили Метаморфозу. С ними она произойдет быстро. Это ему пришлось мучиться несколько дней.

— Прочь! — рывкнул он на молодых регулов.

Те повиновались. Сут поднялся. Он не сможет долго стоять на ослабевших ногах.

— Приветствую тебя, досточтимая Нань,— сказал он.

— Приветствую тебя, бай Сут.

Она попыталась сесть. Сут выгнал регулов, которые могли ей помочь. Но она стала женщиной, а женщины всегда более подвижны, чем мужчины.

Наконец она поднялась и подошла к нему. Нань была моложе, но для сроков Метаморфозы это не играло особой роли. Просто она была следующей по возрасту после Сута, и по логике природы должна была стать второй на корабле. А эти два регула, которые сейчас корчатся в муках, станут младшими офицерами.

Необходимо увеличить количество молодых регулов. Ведь теперь юнцам придется носить старших на носилках.

Для Сута страдания кончились, пришло время наслаждаться своим высоким положением. Теперь на корабле — его корабле — будет новый порядок. А род Хорагов успешно завершит миссию, в которой великие Алани потерпели поражение... Его захлестнула волна самодовольства.

— Землянам вовсе незачем знать, что на «Шируге» произошли перемены,— сказал он.

— Да,— согласилась Нань.— Пока они этого не поймут, будут действовать на свое усмотрение, не советуясь с нами.

— Если земляне погибнут,— произнес он,— то свидетелей не останется.

— Досточтимый, ты хочешь уничтожить их?

— Я хочу обеспечить нашу безопасность.

Эти слова заставили Нань задуматься. Ее ноздри возбужденно раздувались.

— Но их корабли маневренней наших.

— Если мри и земляне исчезнут, то исчезнет и угроза для регулов. Правда, на Кесрите у землян могут возникнуть вопросы, но регулам вовсе не обязательно на них отвечать.

Нань ухмыльнулась. Глаза ее сузились.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Звери снова зашевелились, чтобы стряхнуть песок. Утро уже наступило, Нэй'ай'ин сиял ярче, чем вчера. Данкан поднялся, размял затекшие ноги. Он выпался, хоть и тяжело было лежать с двух сторон придавленным дусами. Но иначе он бы, наверное, замерз насмерть.

Звери тоже проснулись и зафыркали, продувая ноздри. Данкан вздрогнул и обхватил себя руками. Холодный ветер быстро отнял у него тепло дусов.

Пора идти. Возникла тревога, когда он увидел тучи пыли на горизонте. Ведь если он так далеко видит, то недруги видят еще дальше. Надо было идти ночью, когда буря немного утихла. А он проспал до утра.

Смерть из-за собственной глупости вовсе не почетна, сказал бы ему сов-кел Ньюн.

Крикнув дусам «Хэй», он уложил пожитки в сумку, повесил ее на плечо и пошел, хотя каждый мускул отчаянно протестовал.

По дороге он съел кусочек сушеного мяса и остатки трубчатого дерева — это и было его завтраком. Острый голод ненадолго отступил. Дусы потребовали пищи, и Данкан поделился с ними. Его дус взял мясо, а когда Стен протягивал пищу второму, ощутил опасность.

Повернувшись, он увидел поодаль двух зверей, хаа — диких. На Кесрите дусы две тысячи лет

жили рядом с мри, и некоторые выбирали себе хозяев. Они признавали лишь келов, так как кат'ены не нуждались в них, а разум сен'енов был слишком сложен для этих зверей. А этот дус по какой-то неизвестной причине выбрал землянина, когда на Кесрите не осталось мри. Эти дусы, вероятно, тоже ищут себе кел'енов. Пускай, лишь бы не того, кто сейчас преследует Данкана.

Он шел, держась за спину зверя и изредка оглядываясь назад. Дусы уже превратились в смутные тени. Через некоторое время в душу Стена вновь закрались холод и страх. Между лопатками бежали ледяные мурашки. Он постоял, высматривая врагов в янтарном мареве.

Дус тоже остановился и стал прощупывать пространство мысленными импульсами.

— Тихо! — Данкан упал на колени и обнял дуса за шею. Он боялся, что преследователь может обнаружить их по этим посылам.

Так и вышло. Мри, который шел за Данканом, уловил излучение дуса.

Зверь стоял возле Данкана и мелко дрожал. Стен повернулся и снова побрел навстречу ветру. Беспокойство дуса давило на мозг.

Земля не давала права на ошибку. А он уже совершил одну, сегодня утром, из-за своей слабости.

«Повернуть, — подумал он, — встретиться с ними, убедить, что я должен дойти живым, что от меня зависит судьба мри...»

Им будет достаточно одного взгляда на его облик, на его оружие... В его глаза. Мри называют себя Народ. Люди иной расы и разумные животные для них ци'мри, им все едино, что землянин, что дус. И никакие слова их не убедят.

Данкана преследовал кел'ен. И вовсе не из простого любопытства, ведь его не остановила даже

буря. Данкан был уверен в этом, и разум его был полон тревоги и дурных предчувствий.

* * *

Хлил остановился перед развалинами города, полужасыпанными песком. Он смотрел на то, что оставили после себя ци'мри.

Ан-ихон. Его город. Он никогда не жил здесь, но это был его город. Здесь обитали его предки. Он приходил сюда, когда был еще юн, по требованию ши'пан. Он сидел под стеной Эдуна, а сены собирались в Святилище, и Мать изучала драгоценные Тайны города.

И вот теперь Ан-ихон, просуществовавший сто тысяч лет, погиб на его глазах. Погиб в одно мгновение. Он видел, как рушились башни, как умирали его родичи,— и, пока жив, он будет носить в памяти этот ужас.

Он вернулся сюда не только для того, чтобы раскопать склады и унести припасы, без которых племя вряд ли выживет. Он должен проникнуть в Святилище... и, думая об этом, Хлил испытывал страх.

Он не имел права касаться Тайн, но новая ши'пан дала четкий приказ. Наверное, она знает, что делает. Но он не был уверен в этом. Ан-ихон уничтожен, и племя вынуждено доверять этой пришлой, которая прибрала к рукам все Тайны, кроме тех, что остались в городе.

«Мирей! — подумал в отчаянии он. — Мирей, что мне делать?»

Он стоял, размышляя, перед утонувшими в песке развалинами. Когда началась буря, он отослал половину своего отряда назад — на всякий случай, вдруг джей'эном потребуется помощь. Он нарушил закон и приказ ши'пан. Возможно, она проклянет его за ослушание, прогонит в пустыню. Что

ж, это будет не слишком дорогая цена за спасение детей.

С тихим шелестом заструился песок. К нему подошла Рас. Затем появился кел Десаи, третий по рангу; один его глаз был слеп, зато вторым он видел очень хорошо. А вот и Мирин, один из Мужей, и юноша Тэйз, у которого еще нет ни одного шрама. Как он упрашивал, чтобы Хлил взял его с собой!

Рядом, в дюнах, ждали остальные. Хлил помнил предупреждения Ньюна о засадах и запрещал своим кел'енам сбиваться в одну группу. Он подождал, пока они немного передохнут, затем поднялся и двинулся вперед, стараясь прятаться в складках местности. Остальные двигались за ним редкой цепью, чтобы не стать легкой мишенью для оружия ци'мри.

Но, когда Хлил подошел к домам и увидел первый труп, гнев вынудил его остановиться. Черная мантия. Кел'ен. Хлил смотрел на обгоревшие лохмотья, на то, что оставили хищники от тела. Недавно пожиратели мертвечины славно попиروвали здесь, в Ан-ихоне.

Подошли мри, и Хлил двинулся дальше, не оглядываясь. Впереди виднелись развалины башен и домов. Мертвая пустыня.

— Это Эхан,— сказал Десаи, когда они обнаружили второй труп.

— Риас,— произнес Мирин над третьим. Знаки Чести позволяли опознавать мертвецов, изувеченных хищниками, ветром и песком.

Трупов было много. Не только кел'ены лежали среди развалин, но и сен'ены в золотых мантиях, чьи высохшие черепа недавно хранили мудрость Народа, и кат'ены в голубом — воспитатели детей, и сами дети — будущее Народа. Некоторые из них погибли мгновенно, задавленные обломками стен,

другие долго страдали от ран, прежде чем ушли во Мрак. Попадались старики, умершие от голода, — у них не оставалось сил, чтобы бежать из Ан-ихона. Многие келы встретили смерть, пытаясь закрыть своими телами детей и стариков.

— Торопитесь, — сказал Хлил, когда его горе стало невыносимым. Но Рас не послушалась. Она шла последней и все время озиралась. Она еще надеялась найти тела своих близких.

Он ничего ей не сказал, но сам больше не смотрел на мертвых, и другие келы, шедшие рядом с ним, не оглядывались.

И вот они вышли на широкую площадь, окаймленную валом песка. Здесь было особенно много полузасыпанных трупов. Напротив виднелся великий Эдун, Дом Народа, Эдун Ан-ихон; почти не пострадавший, он теперь печально возвышался среди развалин. Четыре башни наклонились друг к другу, образовав усеченную пирамиду. Темнел дверной проем, к нему с площади вела широкая лестница. Камни Эдуна были исхлестаны осколками, как и развалины всех остальных домов города. По стенам вились огромные трещины. Видимо, сюда пришелся главный удар нападающих, но здесь была и самая серьезная защита, поэтому Эдун пострадал менее всего. В душе Хлила вспыхнула надежда — у него есть шанс вернуться не с пустыми руками. Они быстро возьмут все необходимое и уйдут, и противник не успеет их заметить.

Он повел отряд к Эдуну не по площади, а в обход, по развалинам и дюнам. Когда до входа было рукой подать, он не выдержал и побежал, тяжело дыша и ожидая вспышки выстрела.

Но ничего не произошло. Он влетел в Эдун и прижался к стене. Здесь царил тишина, топот бегущих ног и завывания ветра остались снаружи.

Когда в зале оказалось еще несколько мри, остался лишь свист ветра.

— Свет,— сказал Хлил Тэйзу. Тот полез в карман за щепкой, зажег и поднял. Подошла Рас.

— Стой здесь,— приказал Хлил Тэйзу и обратился к Рас: — Посмотри, где остальные. Пускай идут сюда.

— Хорошо.— Она выскользнула на студеной ветер. Но там было лучше, чем в жуткой темноте Эдуна.

Тэйз зажег факелы для остальных, а снаружи Рас крикнула, что никого пока не видеть.

Хлил взял факел и пошел по темному коридору. Даже самые осторожные шаги вызвали гулкое эхо. Когда глаза привыкли к полутьме, он стал различать черные трещины на мраморных стенах и потолках с таинственными письменами.

Проход в башню келов был свободен. И в башне сенов, ши'пан и катов... У Хлила росла надежда на благополучный исход. Но, заглянув в Святилище, он упал духом: свод угрожающе просел, а поддерживавшие его колонны, казалось, не рухнули только чудом. Одного прикосновения может хватить, чтобы все обрушилось.

Он вошел в Святилище, постукивая легким жезлом по растрескавшимся стенам.

— Хлил...— робко предостерег Мирин.

Хлил заколебался, даже остановился, когда на плечо упал кусок штукатурки.

— Назад,— зашептал он Мирину и остальным.— Стойте тихо!

Здесь находились Святыни. Те, что хранил Народ, и та, которую принесли пришельцы. Его колени дрожали, когда он думал о приближении к запретному, но страшнее была мысль, что Народ может потерять Святыни навсегда. Ведь

они гораздо ценнее, чем его отряд, чем все его племя.

Он снова двинулся вперед. Келы нарушили приказ, пошли следом. Он это понял по колеблющимся теням на стенах.

Вот и решетка. Хлил боязливо дотронулся до нее и отодвинул в сторону.

Маленький ящик из позеленевшей бронзы, фигурки из изъеденного коррозией металла и нетленного золота, костяная статуэтка дуса и сверкающий эллипсоид величиной с младенца. Все это — пана, Тайны, на которые ни один кел'ен не смел бросить взгляд. Он собрал все эти вещи, прижал их к груди и повернулся. Ящичек он протянул Мирину, но тот с ужасом спрятал руки за спину. Тогда Хлил двинулся к выходу. Со страшным грохотом посыпалась штукатурка. Поднялся столб пыли. Хлил что было духу рванулся к выходу, руки Десаи подхватили его, и вот он в безопасности, и в его руках — Святыни Народа.

— Хлил? — послышался голос Тэйза.

— Все нормально, — отозвался Хлил, сгибаясь под тяжестью ноши. Он направился к выходу из Эдуна, а на лестнице встал на колени и положил Святыни на ступеньку, чтобы завернуть в ткань. Приблизившись, Мирин снял вуаль. То же самое сделали Рас, Десаи и сам Хлил. Он посмотрел в лица остальных, полные благоговейного страха; он не мог их за это судить, ведь они увидели запретное. По закону кел'ен, увидевший пан'ен, должен умереть. А если не умрет, то станет пан'ей-кан, тем, кто стоит между святыней и проклятием.

— У нас есть благословение ши'пан, — сказал Хлил.

Его мри тесно обступили Святыни, словно хотели заслонить их от опасности. Им казалось, что Святыни живые и хрупкие.

Среди них не было Тэйза.

— Тэйз, что с тобой? — крикнул Хлил в темноту эдуна.

— Я сохраняю огонь. Второй среди келов, обвал прекратился, но пыли очень много.

— Боги милостивы к нам,— пробормотал Хлил. От вещей, лежавших перед ним, казалось, исходил холод.— Только пусть они поберегут нас еще немного.

* * *

Данкан остановился у подножия небольшой гряды, которая мало-мальски защищала от ветра. Он обхватил руками шею дуса и спрятал голову от ударов песка. Его терзал кашель, ужасно болела голова, он почти ничего не соображал. Казалось, буря высосала весь кислород из воздуха. Он достал флягу и сделал глоток,— во рту было так сухо, будто туда натолкали бумаги. Он лежал, пока не перестала кружиться голова, а кашель слегка унялся. Затем приказал себе встать и идти дальше.

В мире осталось только одно яркое пятно — солнце. Даже при сильнейших порывах ветра его можно было видеть или хотя бы чувствовать. Когда же наступала тьма, Стена вел дус.

Но вот в этом царстве ветра и песка возникло что-то реальное — высокие тени, похожие на деревья с толстыми сучьями. Трубчатые деревья! Он поспешил к ним, мечтая о сладкой мякоти, утоляющей голод и жажду. Дус не отставал, приноравливался к его шагу. Тени все росли, они уже четко выделялись на фоне кроваво-янтарного неба и желтой земли.

Мертвые деревья. Ни одной живой ветви. Призраки леса. Он вытащил ав-тлен, чтобы срубить дерево, посмотреть, не осталось ли хоть немного влаги в сердцевине.

И получил от дуса предупреждение — так внезапно, что в душе всколыхнулся ужас.

Он бросился прочь, дус — за ним. Данкан спохватился и обругал себя. Он наделал уйму ошибок. «Не забывай о скрытности, — учил его мри. — Присматривайся к местности, используй ее, становись неотличимым от нее». А вместо этого Данкан все время искал признаки реального в этой нереальной пустыне. Он движется от одной реальной точки к другой: камни, теперь — мертвый лес. Его нельзя обнаружить, пока он в пустоте; но, как только приходит к чему-то вещественному, он становится уязвимым, видимым.

«Приспосабливайся к местности, — так говорил Ньюн. — Никогда не бросай вызов тому, что сильнее тебя. Не следует забывать о бурильщике, который дожидается тебя в засаде».

А еще не следует забывать о мри, который преследует тебя в своей стране.

Данкан остановился, осмотрелся, подслеповато щурясь, сжимая в руке нож. Вспомнил, что он ци'мри, что у него есть пистолет. Но ведь он пришел сюда спасти жизнь мри. Нет, лучше умереть, чем нарушить закон келов.

Он глубоко вздохнул и снова осмотрелся, но не увидел ничего, кроме мертвых деревьев, едва различимых в песчаной завесе. Дус прижался к нему, от него исходили предостерегающие импульсы. Данкан велел ему замолчать.

Дус повернул голову. Данкан повторил мысленный приказ умолкнуть, потом тоже оглянулся и упал духом — в песчаном тумане возник темный силуэт кел'ена.

— Ты из какого племени? — крикнул незнакомец.

— Джей'эном, — ответил Данкан хрипло из-за сухости в горле. Он успокоил дуса прикосновени-

ем руки и крикнул сам: — Ты на земле джей'э-ном. Почему?

Тишина. Дус попятился назад, излучая угрозу.

— Я — Риан с'Тэйфа Ма-Эддин, кел'ант и дайтон племени хао'нат. И ты ошибаешься относительно принадлежности земли.

Теперь Данкан должен был назвать свое имя, этого требовал древний ритуал. Далее последует вызов. Данкан перевел дыхание, как можно небрежнее вложил ав-тлен в ножны и опустил руки. Но держал их на виду. Он не хотел поединка.

— Возможно, это моя ошибка,— сказал он.— Прошу разрешения пройти, кел'ант.

— Ты не назвал своего имени. Не показал лица. Кто ты?

— Идем со мной,— решил на отчаянную попытку Данкан.— Спросишь у моей ши'пан.

— Прилетали корабли. Уничтожили город.

— Все вопросы к моей ши'пан.

— Кто ты?

Дус взревел и прыгнул. В руке Данкана вспыхнула боль, а потом мри упал.

— Нет! — крикнул Данкан, когда дус приготовился к следующему прыжку. Дус повиновался. Мри не двигался. Данкан дотронулся до раненой руки и ощутил теплую кровь.

Все произошло мгновенно. Он вздрогнул, понимая, что едва не погиб. Нападение дуса, бросок ас'ея — все случилось в мгновение ока. Дус понял намерение мри.

Данкан подошел к дусу, нашел второй клинок, воткнувшийся в плечо зверя. Для человека такая рана была бы смертельна, но для дуса с толстым слоем жира — просто царапина. Предводитель келов пал на своей земле.

Данкан наклонился над ним, прижал к горлу пальцы. Пульс еще ощущался, но в крови кел'ена

хозяйничал яд дуса. На мантии умирающего рос слой песка. Данкан выругался, схватил кел'ена под мышки и подтащил к сухому дереву.

— Дус! — хрипло позвал он и снова двинулся против ветра. Дус пошел рядом. Преследователь остался сидеть под трубчатым деревом.

Теперь, без сомнения, будет погоня. На Данкане — кровь кел'анта, она вызывает к отмщению.

Он закашлялся и бросился бежать, глотая пыль. Но сил хватило ненадолго. Он снова пошел медленно, сгибаясь от боли в легких. Импульсы дуса показывали его мозг. То ли дус просто тревожился, то ли чувствовал нового врага. Данкан взялся раненой рукой за его шею и прибавил шаг, стараясь не задерживаться даже на склонах дюн. Две ошибки совершил он сам, а третью — роковую — дус.

* * *

— Буря стихает, — доложили с «Флауэра», — но высаживаться все еще опасно.

— Не надо высаживаться, — сказал Кох. — Не рискуйте людьми понапрасну. Дождитесь хорошей видимости.

— У нас своя работа, — возразили с «Флауэра». Кох узнал по голосу Эмиля Льюиса, главного хирурга. — Мы сами знаем, что нам надо и чего не надо.

Кох поморщился. Формально ученые подчинялись ему, но с ними всегда было трудно, так как они подчинялись еще и плару.

— Мы приказали «Сантьяго» следить за поверхностью. Будьте предельно осторожны. Не отпускайте далеко экипаж. Пусть держится в непосредственной близости от корабля. А ключевые сотрудники вообще не должны покидать борт. Все очень серьезно, доктор Льюис. Я понимаю всю важность ваших задач, но будьте осторожны. Ясно?

— Хорошо. Мы будем осторожны.

— Какова, по вашей оценке, возможность выживания на планете?

Последовала пауза.

— Очевидно, тем, кто здесь живет, это удастся.

— Без убежища?

— Если и есть убежища, мы не знаем, где они.

Кох выругался про себя.

— Мы предлагаем еще подождать,— сказал Льюис.— Никто не предвидел бурю.

Кох промолчал.

— Мы настаиваем на ответе. Команда «Флауэра» рекомендует ждать.

— Рекомендация принята.

— Контр-адмирал, мы просим, чтобы это было официально зарегистрировано. Мы просим временно прекратить облеты Кутата, иначе мри могут счесть их провокацией. Сейчас экипаж «Флауэра» в безопасности, и мы надеемся на мирный исход событий. Своими полетами вы можете развязать военные действия, и тогда мы окажемся в самой гуще этой каши.

У Коха участилось сердцебиение. Он долго молчал, наконец промолвил:

— Мы обдумаем предложение и дадим ответ. Ждите.

Снова наступила пауза.

— «Флауэр», есть еще новость. Скоро мы выйдем из зоны связи, но вышлем «Сантьяго», который будет передавать наши сообщения. Конец связи.

— Конец связи.

Кох вытер губы и вызвал Сильвермена. «Сантьяго» был на связи и немедленно ответил.

— Это контр-адмирал Кох. В случае необходимости немедленно обращайтесь ко мне.

Затем он вызвал Дела Дегаса из службы безопасности. Тот прибыл почти мгновенно.

— Сэр?

— Какой-то корабль пролетел над «Флауэром». Лицо Дегаса было непроницаемым.

— Никто из наших не получал такого задания.

— Я знаю. А как насчет союзников?

— Постараюсь выяснить, сэр.

— Дел... если это регулы... Теоретически молодые регулы не проявляют инициативы. Но если мы заблуждаемся на их счет, если экипаж «Шируга» решит действовать на свой страх и риск, у нас появится серьезная проблема. По соглашению над планетой могут летать только их безоружные шаттлы.

— Как и наши,— заметил Дегас.

— Дел, обеспечить, чтобы «Сантьяго» полностью контролировал околопланетное пространство. Мы должны сделать все возможное, чтобы обеспечить благополучный исход дела.

Регулы никогда не лгут, так утверждали ученые. Такова особенность памяти регулов — любая ложь может катастрофически сказаться на душевном здоровье.

Кроме того, регулы строго соблюдают законы. Землянину при общении с ними нужно тщательно взвешивать свои слова, заботиться о точности формулировок, не допуская двусмысленных интерпретаций.

Дегас медленно кивнул.

— Попытаться войти в открытый контакт с регулами?

— Нет. Пока не надо. Я не хочу их волновать. Достаточно маневров «Сантьяго».

— А если летают не регулы?

— Я учитываю и такую возможность.

Кох нахмурился. У Дегаса есть свой интерес во всем этом деле. Возможно, подозрение... или месть... Человек, потерявший жену и сына, мог пойти на что угодно.

— Данкан — дезертир, — продолжал Дегас, не спросив разрешения высказаться. — Либо его акция спланирована планетарной разведкой. Однако его поведение не подтверждает этого. Он отключил и трассер, и передатчик в каньоне. Его поведение совершенно недвусмысленно: он отождествляет себя с мри и утверждает, что у мри нет кораблей. Возможно, он подвергся психологической обработке, когда летел вместе с мри. А может быть, роль разведчика Данкана исполняет настоящий мри.

Данкан отказался иметь дело со службой безопасности и согласился лишь на беседу с персоналом «Флауэра». Дегас был вне себя, когда узнал, что начальство дало на это разрешение.

— Данкан — фанатик, — продолжал Дегас, — и, как фанатик, он видит ситуацию так, как ее показывают мри. Я настаиваю, чтобы мы вели наблюдение за планетой... Мы, военные. Группа Галея...

— Галей не может отвлекаться на это.

— Тогда кто-нибудь другой.

— Ты требуешь невозможного.

Дегас глубоко вздохнул и посмотрел сначала на пол, а затем на потолок, всем своим видом демонстрируя крайнее неодобрение. Кох вспомнил: они с Дегасом росли вместе, однако пути их разошлись. Правда, ум Дегаса и его понимание событий всегда стимулировали работу мозга Коха.

— Мы не можем задействовать Галея, — продолжал Кох. Он помедлил, взвешивая аргументы. — Надо учитывать регулов. Очень подозрительно, что они держатся в отдалении от нас. Вполне возможно, среди них есть те, кто может принимать решения, а значит, они способны на месть.

— Это всего лишь предположение.

— Кто у нас эксперт по регулам? — спросил Кох и тут же вспомнил: Элдин. Но он уже мертв. Он

был стар, как «Сабер». Он был первым капитаном рейдероносца.— Кто принял его отдел?

— Шеф ксенологов, доктор Боаз.

— Боаз, друг Данкана, эксперт по мри.— Кох пожевал губу.— Я не вызову ее сюда. Она нужнее внизу.

Дегас пожал плечами:

— После смерти Элдина регулами занимался доктор Симеон Эверсон. Он изучил весь информаторий Кесрита. Пожалуй, после Элдина и Боаз он самый осведомленный специалист.

Дегас прекрасно знал весь штат экспедиции. Сам Кох редко общался с гражданскими, он их не любил. В самом начале, когда приходилось вести переговоры с регулами, Мэйл Элдин здорово выручал его. Но потом началась будничная работа, все вошло в норму, и острая нужда в советах Элдина отпала.

— Вы хотите, чтобы доктор Эверсон был доставлен сюда? — спросил Дегас.

— Пожалуй.— Кох откинулся на спинку кресла.— Галей спустился на планету. Вслед за ним — Гаррис. Два шаттла. Мы бросаем камни в омут, рискуя разбудить чертей. Мне это не нравится.

— Но, пока от брошенного камня расходятся круги, мы получаем информацию...

Кох глубоко вздохнул. Какая долгая экспедиция...

— Все, Дегас,— сказал он.— С этой минуты — ни одного шевеления без моей санкции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вот подошли и остальные. Они пересекли площадь, поднялись по ступеням. Хлил собрался с силами, чтобы встретить их.

— Святыни в безопасности, — сказал он, обращаясь к кел'е'ен Диас, которая привела отряд, и посмотрел на сен'енов, пришедших вместе с келами. Ученые в золотистых мантиях тоже закрывались от ветра и песка вуалями. — Мне было приказано сначала спасти пана, — объяснил он им.

Сены одобрительно склонили головы, и у него сразу отлегло от сердца. Они забрали Святыни, спрятали под мантиями.

Хлил прошел внутрь здания, к кел'енам. Тэйз разжигал и раздавал факелы.

— Работайте быстрее, но осторожно, — сказал Хлил. — Уже был один обвал.

Они пошли, не бегом, но быстро. Он смотрел, как мри вслед за своими предводителями входили в башни келов, катов, сенов, в кладовые, в башню ши'пан. Весь Эдун наполнился тихими звуками шагов. Мри пришли тайком — забрать то, что им принадлежало по праву.

Хлил повернулся к Тэйзу и велел найти лампы и повесить в коридоре. Тот подчинился немедленно и беспрекословно.

Вскоре начали возвращаться кел'ены. Они спотыкались в потемках — пришлось бросить факелы, чтобы взять побольше груза. Хлил встречал их и

вел к прямоугольнику света — дверному проему. Они выносили все, что попадалось под руку, без разбора. Но он сам так распорядился, опасаясь нового обвала и желая вынести как можно больше.

Тэйз наконец установил лампы, и, к облегчению Хлила, мри стали выносить действительно полезные вещи — палатки, металлические шесты для них, посуду, емкости с пищей и маслом, тележку, свернутые подстилки.

В Эдун зашли два сен'ена, взяли лампу и направились в свою башню.

Хлилу это не понравилось. Он даже двинулся было за ними, но остановился и проводил их тревожным взглядом. На сенов его власть не распространялась. Но ведь он отвечал за них.

Он вернулся к двери, где росла грудa имущества племени, затем вышел на лестницу, где ждали двое сенов, пряча Святыни под мантиями. Он помог уложить Святыни на тележку, со всех сторон прикрыть их подстилками. Мирин, Диас и Рас сортировали вынесенные вещи и раскладывали на множество кучек — для каждого носильщика. Они не хотели ничего оставлять.

Хлил стоял возле них, не вмешиваясь в работу. Его положение не позволяло самому трудиться руками. Он думал о возвращении. Предстоял долгий путь, а шквальный ветер не ослабевал.

Правда, он уже был не столь яростен, как ночью. Но, быть может, надежды напрасны — скоро буря накинется на них с удвоенной силой. Он задумчиво взирал на руины города, которые толком не разглядел по дороге сюда.

И мертвых, которые во множестве лежали на площади.

— Надо бы их похоронить.

Хлил оглянулся: Тэйз. Мальчик потерял в городе всю родню.

— Нет. У нас хватит сил только на то, чтобы выполнить поручение ши'пан.

— Да,— согласился Тэйз, единственный среди келов, кому не доставало шрамов.

— Прости, кел Тэйз.

Тэйз отвернулся и принялся копать в горе вещей.

Такова была судьба многих из них. Рожденные келами часто теряли своих родственников. Хлил взглянул на Рас, целиком ушедшую в работу. Он всей душой надеялся, что труд убавит ее скорбь.

Стоять сложа руки было стыдно. Хлил вернулся в Эдун. Келы уже почти опустошили кладовые.

— Не убирайте лампы,— сказал он.— В башне сенов двое наших.

— Хорошо,— согласился кто-то.

Хлил пересчитал кел'енов. Все здесь. Он приказал нести вещи вниз, на площадь.

— Рас,— позвал кто-то с площади.— Кел Рас...

— О, боги! — подумал Хлил и про себя обругал неосторожного.

Рас без спешки и страха спустилась по ступеням. Хлил увидел тело возле лестницы. Нелан с'Элил... Да, это она, вне всяких сомнений. Рас опустилась на колени возле матери, сняла с ее тела пояс с прекрасным мечом, служившим Нелан, а прежде — Кову, ее отцу.

— Рас,— позвал Хлил. Она выпрямила спину, меч остался на коленях, песок попылся на черные лохмотья Нелан. Некоторое время никто не шевелился — ни Рас, ни кел Тос'ан, который подозвал ее.

— Рас...— снова позвал Хлил.

Она повернула к нему голову, прижала меч к груди. На лице ни один мускул не дрогнул. «Надо увести ее отсюда,— подумал Хлил.— Как можно скорее».

— Идем,— сказал он.— Мы не можем оплакивать одного павшего и не оплакивать остальных. Помни о своем долге, Рас.

Она вложила меч Нелан в свои ножны, а свой положила на тело матери.

И вернулась к остальным келам, и никому не сказала ни слова.

Хлил двинулся вверх по лестнице, бросая гневные взгляды на кел'енов, прекративших работу. Нужно было торопиться. Когда он поднялся на верхнюю площадку, в эдуне слышался грохот.

Все замерли в ожидании обвала.

— Бегите! — крикнул Хлил, и все бросились вниз, спасаясь от клубов пыли, хлынувших из дверей.— Всем оставаться на месте! — скомандовал он внизу.

Он опустил козырек зайдх, закрыл лицо вуалью и осторожно вернулся в Эдун. Где-то впереди тускло светила лампа, но в облаках пыли от нее было мало толку.

Всматриваясь в сумрак до боли в глазах, он увидел то, чего боялся. На полу темнело пятно.

— Рас! — позвал он, но ответа не было. Не слышно было и дыхания, а когда Хлил потянулся к неподвижному телу, пальцы окунулись в липкое. Он посмотрел на рухнувший потолок, перевел взгляд на вход в башню сенов.

— Сен Кадас! — крикнул он и услышал в ответ лишь эхо да стук упавшей штукатурки.

Он оставил труп кел'ена и вошел в башню сенов, кашляя от пыли. Стены спирального коридора были сплошь в трещинах. Градом сыпалась штукатурка. Хлил осторожно проник в зал сенов. Сюда через окна попадал. И не только свет, но и ветер, гоняющий клубы пыли.

— Сен Кадас! — позвал он.— Сен Отэй!

Ответа не было. Он робко вошел в комнату, где рядами стояли машины. Это был сам город, мозг ши'пан и сен'енов. Это тоже была Святыня, Тайна, запретная для кел'ена. Он двинулся дальше, убеждаясь, что и здесь все мертво, что умерло само сердце города.

— Сен'ены! — снова позвал он.

Ближайшая машина ослепительно полыхнула белым.

— Кто? — произнес голос с металлическим тембром.

— Хлил с'Сочил,— ответил он, стараясь подавить дрожь.

— Почему ты здесь?

— По приказу ши'пан Мелейн с'Интель.

Сквозь белое сияние пробились красные и янтарные сполохи.

— Где ши'пан? — последовал вопрос.

Хлил в ужасе отступил, и свет погас. Надо было немедленно бежать отсюда, но где-то здесь — двое из его отряда. Хлил пошел вдоль стены, чтобы держаться подальше от машин. А они все мигали огнями. Иногда лампы гасли, но тут же вспыхивали вновь.

— Сен'ены! — хрипло крикнул Хлил.

Внезапно пол у него под ногами резко двинулся вниз. Хлил упал, едва успев за что-то уцепиться.

Посмотрев вниз, в провал, он увидел золотое пятно мантии. На сена свалился каменный блок весом в полтонны. Последняя надежда увидеть ученых живыми исчезла. Спуститься вниз он не мог, да это было бы бесполезно.

— Боги! — прошептал он, содрогнувшись.

— Я воспринимаю! — пророкотал Ан-ихон и полыхнул белой лампой.— Кто ты?

Хлил попятился, повернулся, выбежал в зал сенов, пошел по спиральному коридору и на первом же повороте наткнулся на Десаи. Одноглазый кел

не подчинился его приказу. Хлил схватил его за руку, радуясь, что увидел живого мри.

— Быстрее,— сказал Хлил, и они поспешили к выходу.

Снаружи Хлил перевел дыхание, откашлялся, вытер лицо белыми от пыли руками.

— Уходим,— решил он.— Здесь нам больше делать нечего. В городе остались только мертвые.

Он распределил тюки, взяв один себе. Сен'енам досталась тележка с пана.

— Пошли,— сказал он и постоял, дожидаясь, когда все тронутся в путь. Он заметил, что Рас взяла слишком тяжелый для женщины тюк. Странно, Хлил не испытывал жалости — все чувства отступили перед ответственностью, которая была возложена на него.

Пока его преследовали неудачи. Он потерял одного кел'ена и двух сен'енов и даже не мог задержаться, чтобы похоронить их, а уж тем более забрать с собой.

Хлил оглянулся назад. Из города он выходил последним. Щурясь от ветра, он смотрел на руины. Нет, не таким он хотел запомнить этот город.

Трое погибли... К тому же он не был уверен, что племя благополучно переживет эту бурю. Но он сам вызвался прийти сюда и унести все, что можно, из владений мертвых.

Но здесь он понял, что пустыня — это смерть. То, что ей досталось, она уже не отдаст.

Он делал все, что от него зависело, не прячась за чужие спины. Но что, если его риск, его труд бесполезны?

* * *

Кровотечение возобновилось, заныла рана. Данкан прижимал руку к бедру и старался как можно меньше ею шевелить. Кашель рвался из горла,

сдерживать его не было сил. Стен шел вперед, тяжело дыша. Во рту был привкус меди.

Данкан знал, что за ним гонятся. Давно это понял, хотя песчаные дюны не позволяли видеть преследователей. Солнце клонилось к западу, его лучи с трудом пробивались сквозь пыль.

Дус бежал рядом с ним, порой излучая гнев. Ветер шевелил песок, и казалось, что земля ожила.

Но кроме иллюзорного по пути встречалось и реальное. Однажды его ногу вдруг оплели щупальца. Данкан выхватил меч и обрубил их... На него напала песчаная звезда, еще совсем маленькая, иначе бы она добралась до лица. Дус съел звезду, и Данкан быстро, чуть ли не бегом, двинулся дальше. Теперь он шагал с обнаженным мечом в руке, это придавало ему уверенности. Приближался вечер. Темнело. Данкан поднял вуаль и сразу пожалел об этом — песок яростно хлестнул по глазам. Он опустил вуаль и пошел дальше, почти ничего не видя, полагаясь только на дуса и меч.

Наконец солнце скрылось за горизонтом, наступила ночь. Светили ли звезды на небе — Данкан не знал. Увидеть их мешала вуаль и поднятая бурей пыль.

Данкан решил остановиться и подумать, что же делать дальше. И тут дус послал импульс предупреждения, такой мощный, что Данкана пошатнуло, как от порыва холодного ветра.

«Идем», — мысленно отозвался Данкан.

Он едва не бежал, хотя соревноваться с мри в ходьбе — чистое безумие. Самое верное — остановиться и принять бой. Они дадут ему возможность сразиться один на один.

Но Данкан продолжал идти дальше. Внезапно дус бросился влево, покинул его. Данкана охватил ужас, опасность грозила со всех сторон. Дусы!

Импульсы угрозы сотрясали тело. Данкан повернулся, вскинул меч, изготовился к бою. В темноте появился черный силуэт, метнулся к Данкану, не дав ему возможности нанести удар. Крепкая рука сжала его запястье.

Ньюн.

Данкан перевел дыхание. Импульсы угрозы все еще доходили до него.

— Кто это? — спросил Ньюн, держа в руке меч.

— Другое племя. — Данкан хватал ртом воздух, крепко держа меч и стараясь увидеть то, что скрывала тьма: силуэты врагов. Приближались не только мри, но и дикие дусы. Их было много, во всяком случае больше двух. Данкан поднял вуаль, чтобы лучше видеть их.

— Кто вы? — крикнул Ньюн.

— Хао'нат, — ответил хриплый мужской голос. — Кто вы?

— Кел'ант джей'эном. Прочь с моей дороги, хао'нат! Вы не имеете права находиться здесь!

И вдруг не стало ничего: ни звуков, ни темных силуэтов. Посылы дусов стали слабеть, как угасающее пламя, и Данкан обмяк, сообразив, что смертельная опасность миновала.

Сталь с шелестом скользнула в ножны. Ньюн поднял вуаль, показывая свое лицо. Данкан тоже вложил меч в ножны и повернулся к нему. И с радостью обнял брата-мри, чувствуя свою крупную дрожь и жар тела Ньюна.

— Идем. — Ньюн обнял его за плечи и подтолкнул вперед. Они пошли, и две гигантские тени двинулись за ними: дус Ньюна и дус Данкана. Стен пытался приноровиться к шагу Ньюна, но у него совсем не осталось сил. Опасность скрылась позади. Ньюн вел его к югу, в каменистые равнины. Время от времени он переходил на бег. Данкан лез вон из кожи, чтобы угнаться за ним, но

приступ кашля согнул его пополам, и после этого он мог только идти. В конце концов у него подогнулись колени, он без сил опустился на песок.

Ньюн сел рядом, положил руку Стену на плечо. Их заслонили собой дусы.

— Сов-кел? — произнес Ньюн

Данкан перевел дыхание и сжал руку мри.

— Ньюн, я добрался до них. Я был там, наверху, на кораблях.

Ньюн промолчал. На лице не дрогнул ни один мускул, но Данкан чувствовал напряжение брата — мри.

— Я это понял, — наконец сказал Ньюн, — потому что прекратился обстрел. Но... но ты не остался с ними. И они отпустили тебя.

— Здесь регулы, — сказал Данкан.

В глазах Ньюна сверкнула такая ненависть, что Данкан едва не вскрикнул, ощутив ее всем своим существом.

— Регулы и земляне?

— И те, и другие.

— Союзники, — сказал Ньюн с гневом и отчаянием.

— Больше не будет огня. Регулы не стреляют, а земляне поняли... Ньюн, они выслушали меня. Ши'пан... они предлагают контакт, переговоры.

Снова — ярость в глазах. Данкан вздрогнул.

— Тебя наняли? — спросил Ньюн. Это был оправданный вопрос. Келы всегда были наемниками.

— Меня никто не нанимал.

Ньюн потрогал раненную руку Данкана, увидел кровь.

— Я встретил кел'анта хао'нат. Они с моим дусом вступили в бой раньше меня.

— Он мертв?

— Я оставил его возле трубчатого дерева. Яд дуса... Думаю, он умер.

— Боги! — Ньюн сплюнул.

Он взял сумку Данкана, повесил себе на плечо, и они снова пошли. Данкану стало легче идти, но он с трудом поспевал за Ньюном. Тот останавливался, ждал, поддерживал его.

— Что они будут делать? — спросил Данкан.

— Меня вызовут на дуэль, но беда не в этом. В опасности племя.

— Мелейн...

— Я не знаю. — Ньюн старался идти быстрее и торопил Данкана. — Лишь боги знают, кто сейчас рядом с ши'пан. Я здесь, Хлил — в городе... Хао'нат отправились к своей Матери, они не могут вызвать меня на поединок без ее разрешения. Но много времени это не займет. Если... — У него перехватило дыхание. — Если они догонят нас, то я буду драться по очереди со всеми. Но встреча с ши'пан... это другое дело. Ши'пан — наша защитница, а мы — ее защитники.

Больше он ничего не сказал. Перевесив сумки поудобнее, пошел дальше. Данкан побрел за ним, почти ничего не видя, ориентируясь по звукам, по ощущениям дуса; в конце концов он был вынужден ухватиться за руку Ньюна.

* * *

Они нашли место для отдыха — гряды каменистых холмов среди бескрайних песков. Данкан рухнул на землю; во всем его теле не осталось ни капли сил, только боль. Он прижал флягу к губам, чтобы смягчить хотя бы жжение в горле. Затем протянул флягу Ньюну, тот осушил ее и выбросил.

Дусы прижались к хозяевам, чтобы защитить от ветра. Пока не было никаких признаков погоны. Данкан чувствовал, что в жизни ему не надо больше ничего: лежать бы вот так и спокойно

дышать. Ньюн растолкал его, чтобы осмотреть рану, оторвал полоску от своей вуали, смочил слюной дуса и перевязал Данкану руку. Стен не задавал вопросов. Ньюн знал, что делает.

— Ци'мри на кораблях,— сказал Ньюн.— Твои знакомые?

— Да.

— Ты долго говорил с ними?

— Нет. День и ночь.

— Значит, ты медленно шел.

— Я сбивал их со следа. Но шел я действительно медленно.

— Ай.— Ньюн посидел неподвижно, затем толкнул ногой сумку Данкана. Это был немой вопрос.

— Пища.— Данкан потянулся к сумке, чтобы показать, но Ньюн перехватил его руку.

— Твоего слова достаточно.

Но Данкан взял сумку, достал пакет сушеного мяса. Он положил кусок в рот, сдвинув вуаль в сторону, и протянул пакет Ньюну.

— Ты, конечно, скажешь «ци'мри». Но если они предлагают, я беру. Пищу. Воду. Ничего больше.

Ньюн взял мясо, и по движению его руки Данкан понял, что Ньюн сам на пределе, ужасно устал, очень голоден. Данкана охватил страх. Он надеялся, что джей'эном уже близко. Но если путь так вымотал Ньюна, то...

Он с трудом разжевал мясо и с не меньшим трудом проглотил.

— Выслушай меня. Я расскажу, что случилось. Лучше, если знать будем мы оба. Когда мы приземлились, я оставил на корабле включенные передатчики, которые предупреждали, что для нападения нет причин. Но регулы прибыли раньше землян. Они уничтожили корабль, решив, что зем-

лянам вовсе ни к чему слышать мое обращение.

Глаза Ньюна, не отрываясь, смотрели на Данкана.

— Регулы открыли огонь,— продолжал Данкан,— и город стал защищаться. Когда прибыли земляне, они были вынуждены поверить регулам и вступить в войну. Но теперь они знают, что регулы обманули их, и это им совсем не нравится. Старший регул пытался заставить меня замолчать, и я его убил. Молодые регулы остались без руководства, и теперь здесь все решают земляне.

Я сказал... Ньюн, я сказал, что не подчиняюсь им, что я теперь кел'ен. Они послали меня к ши'пан с предложением встречи. Им нужны гарантии, что мри никогда не нападут на планеты землян.

— Они хотят говорить с ней?

— Или с кем-нибудь, кто будет ее голосом. Они разумные существа, Ньюн.

Ньюн молчал, погруженный в раздумья. По выражению его лица Данкан понял, что Ньюн хотел бы никогда не видеть землян.

— Они ждут ответа,— добавил Данкан.— Ньюн, подумай, ведь это конец кошмару, выход из положения.

— Хао'нат! — сказал Ньюн.— Хао'нат.

— Я не думаю, что земляне выйдут из корабля без всякой защиты,— сказал Данкан.

— Сов-кел! Корабли над планетой, обстрел Ан-ихона! Неужели ты думаешь, что племена слепы и глухи, что они не обращают внимания на все это? Каждое племя на Кутате сейчас думает о своем выживании. Ан-ихон — в руинах! Это может случиться с любым городом. Теперь хао'нат знают, что на территории джей'эном творится неладное.

Данкан понял, что может случиться, и прикусил губу. Если какой-нибудь город другого племени откроет огонь по кораблям, все пропало!

— Что ты предлагаешь? — спросил Ньюн.

— Надо вернуться на корабль. Нам обоим. Нам не убедить машины городов, что мы не враги.

— Не убедить, — подтвердил Ньюн.

Данкан собрал все силы и стал подниматься. Ньюн взял сумку, тоже встал и протянул руку Данкану. Но тот не воспользовался его помощью.

— Путь долгий, — сказал он. — Ты лучше иди вперед. Я пойду следом.

Ньюн промолчал. Он поднял вуаль, поскольку ветер немного ослабел. Появились звезды на небе — первые за несколько дней.

Они двинулись в путь, и через некоторое время Данкан спросил:

— Далеко отсюда джей'эном?

— Мне бы тоже хотелось это знать, — ответил Ньюн.

Теперь они шли по песчаной равнине. Изредка впереди возникали песчаные фонтаны, — это бурильщики, потревоженные дусами, спешили убраться с их пути.

— Попробуй внушить дусам образ ши'пан. Буря, сов-кел... Я очень обеспокоен. Я знаю, что перебрались в другое убежище. На прежнем месте они остаться не могли.

— А палатки...

— У них нет палаток.

Данкан глубоко вздохнул и подумал о детях, о стариках. Он нарисовал в мозгу изображение Мелейн и взамен получил от дусов что-то непонятное и страшное. Непонятное ждало их впереди, а страшное — преследовало.

— Я чувствую опасность, — сказал Ньюн. — Можно было бы укрыться в буре, но уже поздно,

нам не успеть. Сов-кел, мне еще никогда не было так страшно.

— Здесь бродят дикие дусы,— сказал Данкан и сразу вспомнил о том, что ему пришлось пережить. Он вздрогнул, споткнулся. Где-то вдали раздался протяжный вой.

«Мелейн,— твердил дусам Данкан.— Мелейн».

Дусы шли вперед, и Ньюну с Данканом не оставалось ничего другого, кроме как идти за ними.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В дверях лаборатории «Флауэра» появился Люис. Он прислонился к косяку, вид у него был крайне встревоженный.

— Спускаются шаттлы,— сказал он.— Два. Летят друг за другом.

— Доклад почти готов.— Боаз быстро запечатала конверт, сунула в маленький переносной сейф и закрыла его на кодовый замок. Все эти предосторожности были ей противны. За пятьдесят лет своей жизни она научилась презирать военных. Ее век большей частью пришелся на войны — сорок три года шла война с мри. И вся деятельность ее как ученого была так или иначе связана с войной. Последнее время на «Флауэре» она занималась расшифровкой письменных источников мри, эти записи и привели ее сюда, из-за них рушились города и гибли дети. И сознание своей причастности к этим злодеяниям причиняло ей невыносимые душевные муки. Она, ученый, принесла мри гораздо больше вреда, чем все оружие «Сабера», чем все военные корабли землян. Но ведь ей не приходилось выбирать, это была ее работа.

Когда-то у нее были иллюзии, она верила в чистоту науки, в знания ради знаний. Она надеялась, что высокая должность шефа ксенологического отдела даст ей независимость от тех, кто делает политику и войну.

Она передала сейф Льюису и взглянула на вошедшего в лабораторию сотрудника. Сим Эверсон, лысоватый мужчина, с такой походкой, что кажется, будто он вот-вот развалится. Боаз протянула ему руку. Три года Эверсон работал на «Флауэре» — с самого начала экспедиции на Кесрит, — и теперь он был старейшим членом экипажа научного корабля. Он считал свою работу самой важной в мире и не мыслил своей жизни без нее; он самоотверженно трудился, чтобы пополнить копилку знаний землян. Специализировался он на регулах. В работе был методичен и кропотлив и буквально наслаждался копанием в залежах информации, которой делились с землянами долгожители Вселенной — регулы. После смерти Элдина он принял его лабораторию, унаследовал весь его архив и еще больше увлекся систематизацией данных и составлением картотек. Вряд ли Эверсон считал, что его достижения могут хоть в какой-то мере заинтересовать военных. Он был настолько далек от всего мирского, что не испытывал никаких моральных страданий. Но сейчас даже он нервничал, ведь его отрывали от работы.

— Сим, необходима осторожность, — сказала Боаз. — Происходит что-то непонятное.

Темные глаза посмотрели на нее. Эверсон не привык обращать внимание на людей. Он всегда глядел вниз. Он пожал сутулыми плечами.

— Что я могу сделать? Вся информация в жутком беспорядке. Я уже говорил об этом. Пройдет не меньше недели, прежде чем я мало-мальски разберусь и смогу отвечать на вопросы.

— Сим, я сейчас говорю о регулах. Они ведут себя странно.

Лоб Эверсона прорезали морщины. Несмотря на преклонный возраст, соображал он быстро.

Льюис сложил руки на груди и прислонился к стене. В последние дни у него болели ноги. «Он

уже стар,— подумала Боаз.— Стар, как и Эверсон. Мы все — старики. Никто из нас не вернется к людям. Мне под шестьдесят, Льюису — семьдесят пять, Коху — не меньше семи десятков... Кое-кто уже умер — к примеру, Элдин...»

— Кох срочно требует информацию о регулах,— сказал Льюис.— Боаз права, с нашими союзниками творится что-то странное.

Эверсон медленно моргнул.

— Метаморфоза... Мы считали, что на это требуется много времени.

— Стрессовая ситуация? — предположил Льюис.

— Возможно.— Эверсон нахмурился, взгляд устремился куда-то вдаль, словно вдогонку за мыслью.

— Сим,— повторила Боаз.— Сим, будь очень осторожен.

Эверсон глянул на нее.

— Не доверяй военным,— сказала Боаз.— Думай, прежде чем отвечать. Старайся предугадать, как они истолкуют твои сведения. Они не бывают объективны. Им нельзя доверять. Им нужны твои данные только для того, чтобы придать видимость справедливости своим поступкам. По другим причинам они к нам никогда не обращаются.

— Боз! — Льюис бросил предостерегающий взгляд на аппаратуру внутренней связи.— Не забывай, экипаж «Флауэра» — в основном военные.

— А чего мне бояться? Чем я рискую? Карьерой? Никто из нас уже не получит новой должности. А здесь мы незаменимы.

— Но наше влияние, Боаз...

— Какое влияние? Вспомни, что бесценные города уже обращены в руины, что разумные существа безжалостно уничтожаются... А мы только

наблюдаем, только фиксируем... И наша информация используется лишь для того, чтобы регулы и мри могли уничтожать друг друга. Может, и земляне скоро вступят в эту войну. Данкан все бросил и ушел, и знаешь, я теперь считаю, что он прав. По крайней мере...

Из коридора на пол упала тень, и Боаз замолчала. Это был Галей с «Сабера», еще один военный. Боаз удивилась. Она давно знала этого человека, еще с Кесрита. Сейчас ему уже за тридцать, и вид у него довольно озабоченный, отметила Боаз. В родные края он вернется глубоким стариком. «Все мы смертны», — подумала она, и эта мысль не принесла радости.

— Доктор Эверсон? — спросил Галей, входя в лабораторию. Он протянул Льюису кассету, подписанную Кохом. Затем представил своего спутника: — Лейтенант Гаррис. Поведет шаттл с доктором Эверсоном. Я со своими людьми останусь здесь. Все распоряжения — на пленке. Доктор, вам пора собираться.

Наступила тяжелая пауза.

— Что происходит? — нарушила ее наконец Боаз.

— Не знаю, — ответил Галей, избегая ее пытливого взгляда. — Сэр, — обратился он опять к Эверсону, — у нас мало времени. Вам нужно побыстрее собраться.

Льюис протянул Гаррису конверт и получил от него расписку.

Галей посмотрел на Гарриса, движением руки позвал Эверсона за собой, и трое мужчин вышли из лаборатории.

За ними затворилась дверь.

— Черт побери! — выругалась Боаз.

— Мы ничего не можем поделать, — сказал Льюис.

— Вся его жизнь, — грустно качая головой, про-
бормотала Боаз. — И моя, и твоя — отданы этой
экспедиции. Больше, чем просто годы. Мы можем
улететь отсюда. Но зачем? Где уверенность, что
Ставрос еще жив и распоряжается на Кесрите? Вдруг
там уже новый губернатор и новая политика? И с
чем мы вернемся? Что мы расскажем об увиден-
ном здесь? И кто задаст нам тот вопрос, который
нужно задать? Никто, Эмиль.

Льюис обхватил себя за плечи тонкими стари-
ковскими руками и посмотрел на нее.

— А теперь мы втянуты в военную авантюру.

— У меня нейдет из головы, что здесь мы край-
не уязвимы. Боз, я хочу попросить Коха об эвакуа-
ции всего персонала. Мы не можем рисковать
жизнью пятидесяти восьми человек.

— Нет! — Она резко поднялась. — «Флауэр» ос-
танется здесь. Мы останемся. Мы будем ждать
Данкана, пока есть хоть капля надежды. Это наша
единственная цель. Больше мы ничем не в силах
ему помочь, и пятьдесят восемь жизней здесь ни
при чем. Забудь об эвакуации.

Она направилась к двери и обернулась на пол-
пути.

— Здесь гибнет цивилизация, и ты это знаешь.
И нам не выиграть у регулов войну нервов.

— Можно слегка нажать на них. Это все, что
мы способны сделать.

— А они прикинутся, что ничего не понимают.
Они привычны к таким играм. Регул живет го-
раздо дольше землянина. Что наш век по сравне-
нию с тремя сотнями лет регула? Если ты прав и
среди них появился взрослый, то они спокойно
переживут нас. И даже если у них нет сейчас
взрослого, он появится в будущем году. Рано или
поздно «Сабер» будет вынужден отозвать нас отсю-
да. Мы смертны, Эмиль. Мы мыслим такими ка-

тегориями, как недели, месяцы. У регулов им соответствуют годы и десятилетия. Неужели ты не понимаешь, что регулам ничего не стоит потерпеть лет пятьдесят — сто и потом окончательно расправиться с мри? Для нас этот срок слишком долг. Через пятьдесят лет все мы будем мертвы.

Темные глаза Льюиса смотрели на нее из-под полуопущенных ресниц, его рот превратился в тонкую линию.

— Не нужно так говорить, Боаз. Мы потеряли многих, кто думал так же. Я не желаю тебя слушать.

— Четыре самоубийства? О, нет! Это выход для молодых, вроде Галея, кто еще не утратил иллюзий насчет своего будущего. Мы с тобой слишком стары для этого. Но зато у нас есть то, чего нет у молодых, — прошлое. Многие из них еще вернутся домой, а мы навсегда останемся в космосе.

Она пожала плечами, это движение больше напоминало судорогу.

— Этот мир, Эмиль, — одна большая могила. Моря высохли, города вымерли — цивилизация угасает. О Боже, да разве можно здесь жить молодым? Я даже рада, что я — старуха.

Льюис подошел к ней, взял ее за руки, и она прижималась к нему, пока не унялась дрожь.

— Эмиль, — попросила она. — Обещай мне кое-что. Поговори с людьми. Позволь, с ними поговорю я. Мы можем и должны остаться здесь, всем экипажем. Мы не должны облегчать задачу ни для землян, ни для регулов.

— Нельзя, Боз. Я не знаю, что решил Кох относительно нас, но мы не имеем права мешать ему, мы должны воздержаться от незапланированных действий. Мы обязаны беречь экипаж, а потому стартуем, как только поступит приказ эва-

куироваться. У Коха всего два межзвездных корабля, и мы не можем рисковать.

— Если сбежим, регулам будет легче разделаться с мри.

— Давай прекратим этот разговор.

— Как хочешь. — Боаз отвернулась, глубоко вздохнула, снова посмотрела на него. — Что прислал нам Кох?

Льюис достал из кармана кассету и посмотрел на нее, как на гремучую змею.

— Надеюсь услышать, что вокруг планеты летают не наши шаттлы.

Боаз затворила дверь.

— Послушаем вдвоем.

Он с сомнением посмотрел на нее, нахмурился, но все же обошел вокруг стола и вставил пленку в плеер.

По экрану побежали цифры, условные знаки, появилась эмблема «Сабера».

Боаз присела на край стола, сложила руки на груди, ее сердце билось учащенно.

— ...Просим ксенологов сотрудничать с военной экспедицией. Ваш корабль — база для операций. Начальник экспедиции — капитан-лейтенант Джеймс Р. Галей. Все оперативные решения принимает Галей, включая отбор кандидатов из персонала «Флауэра» для проведения операции под кодовым названием «Данте». Предлагаем Д. Тенсио принять участие в операции. Единственная цель «Данте» — познакомиться с цивилизацией, изучить, насколько это возможно, города мри. Если экипаж «Флауэра» откажется сотрудничать, нам придется искать другие средства.

Боаз вскочила со стола и направилась к двери.

— Боз! — окликнул ее Льюис.

Она остановилась. Плеер еще работал.

— Боз, — уже спокойнее повторил Льюис. Брови его насупились. — Тебе пятьдесят два года! У нас хватает молодежи.

Боаз взглянула на него, затем на свое раздавленное тело, яростно сопротивляющееся любой диете. Она понимала, что ей не влезть в стандартный скафандр. Она вела неправильный образ жизни — сплошная писанина, чтение, просиживание за столом.

Но молодой, сильный, поджарый военный, в отличие от нее, толстухи, не знает обстановки на планете.

— Эмиль, я собираюсь поговорить с мистером Галеем. И ему придется выслушать меня.

— То есть хочешь, чтобы операция была согласована с тобой?

Она бросила на него злой взгляд и напомнила себе, что надо держать себя в руках.

— Я собираюсь ознакомить его с ситуацией. Ты должен признать: в том, что здесь происходит, я разбираюсь гораздо лучше Дэймона Тенсио и Сима Эверсона.

Он не стал возражать. Боаз пошла по коридору самым скорым шагом, на какой была способна. По дороге она обернулась, ожидая увидеть Льюиса в дверях. Там он и стоял. Он медленно кивнул ей. Да, сам он слишком стар, но разделяет ее опасения, у него тоже есть душа и сердце. Если бы не ответственность за весь экипаж, он бы сейчас шел впереди нее.

От жалости в горле встал ком. Льюис кивнул и отвернулся, а она пошла дальше — искать Галея.

* * *

Гаррис включил двигатели и бросил взгляд на приборы. Мыслями он уже был на «Сабере», где его ждали чашка кофе и день отдыха — награда за сегодняшний полет. Меньше всего он думал о маленьком человеке, что сидел справа от него и нервно ерзал в кресле.

— Все в порядке,— успокаивающе произнес Гаррис. Он решил стартовать с минимальными перегрузками, ведь пассажир — глубокий старик.

Эверсон выглядел жалко: взгляд затравленный, на лбу крупные капли пота. Гаррис снова посмотрел на приборы и начал плавный подъем.

На альтиметре появилась отметка шесть тысяч метров. Эверсон заметно волновался.

— Все в порядке, сэр,— повторил Гаррис и поправил наушники, чтобы не пропустить невзначай вызов «Сабера». Сейчас они летели над пустыней. Ярko-желтые пятна песчаных долин перемежались белыми клочьями облаков. Луч радиолокатора просматривал весь маршрут, приборы показывали: по курсу нет городов, а значит, провокация исключена.

Гаррис покосился на пассажира. Тот, похоже, успокоился. Он склонился к экрану и внимательно рассматривал местность.

Покой. Песок, небо и покой. Гаррис облегченно вздохнул и снова взглянул на приборы.

Внезапно усыпляюще-ровный гул в наушниках перешел в вой, и Гаррис бросил взгляд на экран. Сердце бешено заколотилось. Он включил форсаж и резко отклонился от курса. Эверсон ахнул.

— У нас кто-то на хвосте,— сказал Гаррис.— Проверьте ремни,— добавил он только для того, чтобы отвлечь Эверсона от мыслей об опасности. Сам же он не отрывал глаз от экрана, на котором виднелись две светящиеся точки.

В животе возник холодок: ведь преследователи могли в любую секунду открыть огонь. Гаррис увеличил скорость. Сердце очутилось где-то под горлом. Он включил рацию, нарушив приказ о радиомолчании.

— «Сабер», «Сабер»! Это «НАС-Шесть», меня преследуют.

Он выключил радию, сорвал головные телефоны, и тут же по барабанным перепонкам ударил вопль Эверсона. Светящиеся точки снова приближались. Гаррис закончил разворот и снова нарастил скорость до максимума.

— Просите помощи! — крикнул Эверсон.

— Никого не слышу! — ответил Гаррис.

Он снова вышел на связь:

— Меня преследуют два неизвестных объекта. Кто-нибудь слышит меня?

Он совершал немыслимые виражи, стараясь оторваться от преследователей, но так, чтобы они не исчезли с экрана.

Эверсону стало совсем плохо. Гаррис достал гигиенический пакет и сунул пассажиру. Послышались звуки рвоты, от них затошнило и Гарриса.

— Вода во фляге, — сказал он. И со злостью добавил: — Только не испачкайте все вокруг. Нам еще долго лететь.

Под ними была дневная сторона планеты. «Сабер» висел за горизонтом, радия безмолвствовала. Где-то неподалеку от них сейчас находился корабль регулов «Шируг», а внизу, на планете, стояли города мри, которые в любую минуту могли открыть огонь по шаттлу.

Гаррис стер пот с лица. Он озирался, высматривая «Шируг», боясь обнаружить его на переднем экране.

— Возвращаюсь на курс, — сказал он в пустоту эфира. — Кажется, внизу никто не собирается по нам стрелять.

Эверсон промолчал. Гаррис изменил курс, и на экране переднего обзора возникла поверхность Кутата.

Все мышцы Гарриса охватила легкая дрожь. Он знал, что за горизонтом находится «Сабер», и капи-

тан волнуется, потому что шаттл нарушил расписание. А где-то поблизости барражирует «Сантьяго», который присматривает за кораблем регулов.

Снова зажужжали головные телефоны, и на экране, на самом краю, появилась точка. Гаррис впился в нее взглядом. В висках стучало так, что он почти перестал слышать наушники. Эверсону он ничего не сказал. Может, еще раз нырнуть в атмосферу?

По лицу струился пот, Гаррис размазал его тыльной стороной ладони. Точка не приближалась, и он подумал, что, возможно, ему позволят лететь по заданному маршруту.

— Еще долго? — спросил Эверсон.

— Не знаю. Только не волнуйтесь. Пока никакой опасности.

Точка исчезла с экрана так же внезапно, как и появилась. Но это не успокоило Гарриса. Неопознанный объект был где-то рядом, в любую секунду он мог появиться вновь.

Желтые пески Кутата остались позади, и на экране появились полярные снега. Приближался терминатор.

«Будь там! — молил Гаррис про себя. — «Сабер», «Сабер», ради Бога, будь там!»

Эверсон достал из кармана пузырек, вытряхнул таблетку, положил в рот. Он был бледен как мертвец.

— Все идет нормально, — сказал Гаррис. — Успокойтесь, сэр.

— Мы живы, — пробормотал Эверсон.

— Да, сэр, мы живы.

В три часа на экране появилась светящаяся точка. В наушниках ритмично зажужжало. Частота импульсов непрерывно увеличивалась по мере приближения объекта к шаттлу. Значит, объект большой.

Вспыхнул экран, по нему побежали цифры — кодированные сигналы, запрос.

«Шаттл «НАС-Шесть», — послышался голос землянина. — Это «Сантьяго».

Сразу ослабев от радости, Гаррис включил передатчик.

— «НАС-Шесть». Меня преследовали два непознанных объекта.

— Понял, «НАС-Шесть». Дальше по курсу вас ведем мы. «Сабер» ждет.

Гаррис произвел необходимую коррекцию курса, вспомнил об Эверсоне, взглянул в его круглые от страха, вопрошающие глаза и кивнул с улыбкой.

Они летели дальше в ночь под защитным полем «Сантьяго». Теперь Гаррис ясно видел на экране силуэт «Сантьяго», а впереди вспыхнула новая светящаяся точка: «Сабер».

* * *

Гаррис на негнущихся ногах подошел к столу и по кивку контр-адмирала остановился. Прежде лицо героя Элага-Хэйвена и Эдэвана ему доводилось видеть только на фотографиях.

Кох обошелся без формальностей.

— Эверсон? — угрюмо произнес он.

— Его забрали врачи, сэр. Легкий шок.

— Сейчас служба безопасности занимается вашим «черным ящиком». Садитесь, лейтенант. Вы видели нападающих?

Гаррис опустил в указанное ему кресло, посмотрел в костистое, мрачное лицо.

— Нет, сэр. Я пытался рассмотреть. Небольшие корабли, не очень быстрые, но с высокой маневренностью. Пожалуй, они могли меня сбить.

— Иными словами, вам показалось, что это были регулы?

Гаррис молчал. Что, если его предположение окажется ошибочным?

— Не уверен на сто процентов, сэр. По величине эти корабли соответствуют регульским. Они избегали резких виражей. Я воевал с мри, они действуют совсем не так. Быстро. Предугадывают твой маневр и смело идут наперерез.— Он смущенно умолк, вспомнив, что говорит это человеку, который воевал с мри, когда Гарриса еще на свете не было, и который сейчас рассматривает его холодно и оценивающе. Все это Кох знает и сам. Что нового может сказать Гаррис старому солдату?

— Я просмотрю ваши пленки,— сказал Кох, и Гаррис с тревогой подумал, не упустил ли он чего-нибудь существенного.

— Вы были готовы к бою?

— Да, сэр.

— Маневрировали для захода на цель?

— Нет, сэр. Они зашли снизу, мне пришлось заложить вираж и уйти, не открывая огонь.

Кох кивнул. Это могло означать похвалу, а могло быть лишь подтверждением того, что контр-адмирал понял. Кох повернул тумблер на консоли. Вскоре экран засветился. Но со своего места Гаррис ничего не увидел.

— Доктор Эверсон сейчас в лазарете,— сказал Кох, и Гаррис сразу понял, что попал в щекотливое положение. У военных и штатских всегда трения, и он — между жерновами.

— Врачи утверждают, что здоровье Эверсона вне опасности, но сразу отпустить его не могут. Потом мы с ним поговорим. Во время полета он делал какие-нибудь замечания?

— Нет, сэр. Он мало что мог видеть.

— А корабли?

— Не думаю.

— Откуда они появились?

— По-моему, с востока. Зашли снизу и пристроились в хвост.

Кох медленно кивнул и откинулся на спинку кресла.

— Я доволен вашей работой, лейтенант, вы свободны. Все.

— Есть, сэр.— Гаррис поднялся, отдал честь и вышел.

Похоже, от полетов не отстранят, подумал он. Он прошел через ужасы войны, но она вот-вот кончится. Гаррис верил в это. Как и все остальные земляне.

Гаррис зашел в кают-компанию, ожидая увидеть там много флотских — и мужчин, и женщин. Хотелось побыть среди людей, пока не успокоятся нервы. В кают-компанию приходили перед заданиями, чтобы развеяться, и после заданий — чтобы отдохнуть. Автомат круглосуточно выдавал горячий кофе, никто никому не лез в душу, каждому было нужно лишь одно — побыть среди людей.

Гаррис приблизился к автомату, получил чашку горячего кофе, плеснул в нее эрзац-сливок. И вдруг понял, что в кают-компании необыкновенно тихо. И мужчины, и женщины собрались в центре вокруг. Одни сидели, другие стояли. На Гарриса никто не обращал внимания. Странно. Джеймс, Монтонья, Хэйл, Суонава — он знал всех... знал слишком хорошо, чтобы не насторожиться.

Он подошел к ним, преодолевая смутение. Суонава ногой пододвинул к нему стул. Гаррис сел, глотнул кофе.

Тишина действовала на нервы. Все молчали. Почти никто не шевелился.

— Что-нибудь случилось?

— «НАС-Десять» не вышел на связь,— ответил кто-то.

У Гарриса бешено забилося сердце. Он вспомнил яркие точки на экране, сделал еще глоток, поставил чашку на стол, переплел пальцы, чтобы не было видно, как дрожат. Вана он знал. Вместе летали на Хэй-вене. Ван был одним из лучших. Гаррис посмотрел, нет ли здесь еще кого-нибудь из тех, кто служил раньше с Ваном. Никого...

— Подробности? — спросил он.

— Просто не вышел на связь, — ответил Монтонья.

— Мри, — бросил Суонава. — Мри!

Гаррис поднял голову.

— Не спеши с выводами, — внятно произнося слова, попросил он. — Я так не думаю. Нет, это не мри.

Никто не возразил ему, наступила тишина. Люди с мрачными лицами стояли вокруг стола. Ван погиб. Это могло случиться с каждым из них. Сегодня ты живешь, служишь, думаешь о карьере, а завтра...

Время от времени кто-нибудь отходил от стола к кофейному автомату и возвращался с чашкой в руке. По-прежнему все молчали. Гаррис смотрел, как в его чашке отражаются лампы, и думал о том, что ему довелось пережить совсем недавно.

* * *

Было очень отрадно видеть кел'ена, стоящего на высоком валуне перед лагерем. Хлил помахал рукой, часовой восторженно закричал. Его крик подхватили.

Казалось, ожили камни. Сначала появились мри в черном, затем в голубом и золотистом. Колонна прибавила шагу, кел'ены вмиг забыли о натруженных спинах и боли в ногах. Братья и сестры спешили к ним на помощь, и даже дети в голубых мантиях с радостным гомоном хватались за тяжелые тюки.

Только сен'ены, несшие пана, отказывались от помощи, пока к ним не подошли братья по касте. Хлил, у которого кел'ен взял его груз, проводил сен'енов с их драгоценной ношей в лагерь.

Смех и счастливые крики стихли, когда колонна достигла середины лагеря. Там, на плоском камне, сидела в ожидании ши'пан в белой мантии. Сен'ены, принесшие пана, остановились перед ней, и Хлил, забыв об усталости, почувствовал, как все его мышцы дрожат от волнения, когда Владычица подняла на него взгляд.

— Второй среди келов,— сказала она, и он, не открывая лица, подошел к ней и преклонил колени.

— Трое погибли.— Его тихий и спокойный, но ясный голос услышали все.— Сен Отэй, сен Кадас, кел Рос. В Ан-ихоне... под обвалом. Эдун разрушен.

Она опустила глаза на пана и снова подняла.

— Кто спас Святыни?

— Мы,— ответил он, подняв вуаль.— Я, Мирин, Десаи и Рас... по моей просьбе...

— А энергоснабжение города... уцелело при обвале?

— Уцелело,— ответил он.— Я видел... прости.

— Что ты видел?

Хлил потупился, хотя закон келов требовал от него в любой ситуации держаться гордо. Он стал вспоминать то, что хотел бы стереть в памяти. Едва он закрыл глаза, как перед ними встали картины, поразившие его в Эдуне: шеренги машин, полыхание красных, золотых огней... и голос...

— Я назвал свое имя. И твое...

Ши'пан некоторое время молчала. Хлил смотрел в ее лицо — юное, холодное, украшенное шрамами касты келов...

— Пана пострадали, кел Хлил?

— Нет...

— Ты отправил назад половину из тех, кого я послала с тобой. Это было очень мудрое решение. Нам пришлось нелегко, но никто не погиб. Мы благодарим тебя.

Он в замешательстве смотрел на нее, с трудом понимая, что эта юная, гордая ши'пан благодарит искренне.

— Ты достоин джи'тэя,— сказала она.— Каждый из вас достоин джи'тэя.— Она встала, приблизилась к нему, поцеловала в лоб и потянула за руки, заставляя подняться.

— Ши'пан,— пробормотал он и шагнул назад, уступая место другим. Келы подходили по очереди, она целовала каждого. На лицах всех без исключения кел'енов было замешательство — они не подозревали, что равнодушная, высокомерная Мать способна на такое проявление чувств.

Только Рас отошла в сторону и, когда осталась последней, спросила:

— Кел'ант не вернулся? Где он, ши'пан? Будет ли дозволено келу задать вопрос?

— Пока не вернулся.

Рас повернулась и пошла прочь.

— Рас! — испуганно прошипел Хлил ей вслед. Он не знал, что делать: броситься ли за Рас или взмолиться к ши'пан, чтобы не наказывала ее за вопиющую дерзость.

Но Мелейн уже отвернулась, словно не заметила ухода Рас.

— Ставьте палатки,— нарушила она мертвую тишину, а затем хлопнула в ладоши и отрывисто приказала: — За дело!

— Живее! — эхом отозвался кел Сэйрас и тоже хлопнул в ладоши. Работа закипела.

Хлил стоял неподвижно, глядя на ши'пан, которая смотрела вдаль. Затем она повернулась к

Хлилу и некоторое время рассматривала его открытое лицо. Так и не сказав ни слова, она отвернулась.

* * *

Этой ночью они спали в палатках. В них горели костры, было тепло от множества тел, лежащих на подстилках. Но сильнее всего душу Мелейн согревали пана. Мелейн не отходила от них. Она лишь раз открыла эллипсоид — убедиться, что драгоценные пластины в целости и сохранности.

Она задумчиво сидела в кресле. В лагере царил безмятежный покой — впервые за много дней, полных страданий и лишений.

Мелейн думала о Ньюне, но не позволяла страху взять власть над рассудком. Ньюн задерживается... но ведь в пустыне был ураган. Она твердо знала, что кел'ант лучше приспособлен к суровому характеру этой планеты, чем любой из ее уроженцев.

Мелейн сидела, закутавшись в мантию, и время от времени нежно поглаживала пан'ен. Этот эллипсоид был с ней в долгом-долгом полете. В нем хранятся сведения о всех путешествиях Народа. В глубине души она боялась, хотя гордость не позволяла Матери сомневаться в себе... сомневаться в том, что она защитит сотни жизней, ответственность за которые сама взвалила на свои плечи. Она не могла позволить себе страх, иначе бы он свел ее с ума. В бытность свою кел'е'ен она научилась жить как келы — настоящим днем, а став сеном, она научилась охватывать мыслью века... Считалось, что Мать, великая и настоящая, обладает ясновидением, что могущество Тайны проникает в нее и позволяет ей мысленно перемещаться во времени и пространстве. Время для ши'пан — не

просто нить, на которую одно за другим нанизываются события и которую в любое мгновение мог перерезать Мрак. Нет, на самом деле время — это Сейчас, которое включает в себе и то, что было Раньше, что привело Кутат к столь печальному угасанию, и Потом, будущее, куда ведет свой Народ ши'пан.

Но иногда Мелейн забывала о своем предназначении и думала о себе. Кат Мелейн, кел Мелейн, сен Мелейн... больше всего ей хотелось надеть черные мантии кела и жить в стране, где нет ни прошлого, ни будущего. Только настоящее. Иметь свободу и право разить любого, кто оскорбит ее честь или честь племени, которое она защищает.

И тем не менее она стала сеном, Матерью, а долг Матери — постоянно думать о своем племени.

Она и думала. И эти мысли, казалось, вот-вот доведут ее до помешательства.

Верят ли Владычицы в свое ясновидение? Или только хотят верить? Этого она не знала. Мелейн стала ши'пан вымирающего племени, последних мри, затерянных на жестокой планете. Она не была готова принять такую ношу, ее не подготовила предыдущая Владычица, сама находящаяся на грани безумия.

Если она поддастся страху, то лишится рассудка, как прежняя Владычица. Станет безумной Матерью безумного народа, чей конец прост и ясен.

— Ши'пан...

Шевельнулась тень, золотистая мантия сверкнула, когда оказалась на свету. Мелейн подняла руку, разрешая приблизиться; старый сен'ен подошел и сел у ее ног. Мелейн как раз собиралась позвать ант'енов, предводителей каст; она глубоко вздохнула и посмотрела Сатасу в лицо.

Он не так давно стал сен'антом, ведь никто из прежних старейшин не выбрался из Ан-ихона.

Никто, кроме Ньюна. Смерть ант'енов — огромная потеря. Особенно жаль сенов, ведь они — тот оплот, на котором стоит Народ.

— Сатас,— тихо произнесла она,— почему ты пришел?

— Мы поняли, что ты хочешь посоветоваться с нами.

— Посоветоваться с джей'эном, Сатас.

Он нахмурился... Его лицо тоже было украшено шрамами касты келов, как и у нее; он — один из немногих сенов, кто прошел через касту воинов. И Мелейн ценила его за это, за здравый смысл, присущий любому кел'ену. Солнце, ветер и годы превратили его лицо в маску, на которой лишь глаза оставались быстрыми и живыми.

— Как ши'пан... или как Мать?

Мелейн опустила глаза и не ответила. Она заметила в просвете занавеса кат'ант и Хлила.

— Входите.

Кат'ант уселась на циновку и почтительно склонила голову. Пятидесятилетняя Антил сохранила свою красоту, лицо ее было умиротворенным — черта, присущая всем катам. Разительно отличался от нее юный Хлил с'Сочил. Мелейн поняла, что на его лице с годами появятся угрюмые складки, как у Сатаса.

Да, это Хлил... а не Ньюн. Но Мелейн постаралась не думать о брате.

— Ши'пан,— поприветствовали они ее.

— Ант'ены,— сказала она, соединив ладони.— Можем ли мы завтра перенести лагерь?

Головы тут же склонились. На лице Антил не отразилось радости, Хлил остался бесстрастным, как и подобает кел'ену.

— Поймите,— продолжала она,— мы должны уйти отсюда. Не на прежнее место, а на то, которое выбрала я.

В глазах кат'ант и Хлила мелькнула тревога.

— Будет ли дозволено келу,— хрипло сказал Хлил,— задать вопрос?

— Второй среди келов, мы потеряли Ан-ихон. Но ты принес подтверждение тому, на что я надеялась. За холмами стоит город, самый молодой из всех городов, он не пострадал в этой войне... Он даже не принадлежит мри.

— И'лии,— прошептал Хлил, и его черты обострились.

— Город И'лиит,— произнес Сатас.— Владычица, сены согласны. Мы должны сделать это.

— Ши'пан...— еле слышно прошептал Хлил.

— Я советовалась с сенами,— продолжала Мелейн.— Но если каты не хотят идти со мной, я отделю их от Народа и оставлю с ними кел'енов для охраны.

— Нет! — воскликнула кат'ант.

— Подумай, прежде чем решить.

— Мы идем с тобой. Я, разумеется, спрошу катов, но я уже знаю, каким будет их ответ.

Мелейн была довольна. Она склонила голову и взглянула на Хлила. Ничего, что она сначала обратилась к катам, ведь их предводительница — настоящая кат'ант, а не заместитель. На Хлила ее ответ должен произвести впечатление.

— Второй среди келов,— сказала Мелейн,— ты понял, какая задача стоит перед тобой? Ты слышишь меня, кел'ен Хлил? Над нашими головами — ци'мри, а ты сейчас Глава келов, моя Рука... Рука Народа. Сможешь ли ты вести джей'эном, второй среди келов?.. И, если понадобится, даже во Мрак?

Глаза кел'ена блеснули. Перед ней он был не в силах утаить волнение.

— Я прошу ши'пан назначить на мое место кела Сэйраса.

— Он опытен,— согласилась она, но в сердце ее родилась боль за юного кел'ена, даже страх. Она встретила его взгляд и поняла вдруг, что переживает юноша.— Ответь, почему кел'ант Мирей с'Элил назначил тебя вторым среди келов?

Хлил посмотрел на свои руки.

— Я был его другом, ши'пан. Вот и все.

— Да? — Не дожидаясь ответа, она спросила: — Не думаешь ли ты, второй среди келов, что твой отказ вызван какой-то личной причиной?

Это был удар в самое сердце. Рассчитанный удар. Хлил потупился и снова поднял голову.

— Я должен сказать, что среди нас нет одного из келов. Кел'е'ен Рас ушла из лагеря. Должны мы что-нибудь предпринять, ши'пан?

Она медленно вздохнула и увидела боль в глазах Хлила.

— Я не должна говорить, что следует делать келам. Возможно, я должна подумать об этой кел'е'ен, но я лучше подумаю о тех, кто остался. Пусть она поступает, как считает нужным. Мне все равно, уйдет она или останется. Мы уходим и оставляем только самое ненужное. Все пойдут с грузом, даже сен'ены. Распределите кладь среди членов касты. Разделите имущество тех, кто погиб, среди их родственников. Надеюсь, келы выдержат еще один переход?

— Да,— спокойно сказал Хлил. Сатас и Антил тоже кивнули.

— Тогда — до рассвета,— сказала Мелейн.

Ант'ены поднялись, соединили ладони перед грудью. Только Хлил задержался на мгновение, как будто хотел что-то сказать. Но промолчал.

Они вышли. Ши'пан откинулась на спинку кресла, коснулась рукой пан'ена и устремила взор вдаль.

Она думала о прошлом и будущем. Она отправила Ньюна в пустыню, сознавая жестокую необходимость этого поступка. Но для себя она выбрала иной путь и теперь будет ждать подходящего момента.

Вот только Рас... Мелейн вспомнила о ясновидении. Надо бы узнать, не попала ли Рас в беду... Но у ши'пан ничего не вышло. Пытаясь представить Рас с'Сочил, она видела только мглу.

Перед ней мелькали образы, но не приносили успокоения. Утешала только мысль, что впереди — будущее. Каким бы оно ни было...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Они были еще здесь. Данкан скатился с бархана и оглянулся на Ньюна. Тот на четвереньках медленно съезжал по склону. Животные были уже внизу. Им не требовалось зрение, чтобы узнать, где враги.

— Яй! — хрипло выкрикнул Данкан, чтобы по импульсам дусов враги не смогли узнать, где прячутся беглецы.

— Нам нужно двигаться дальше, — сказал Ньюн. — Если ты можешь.

Данкан лежал на песке, оценивая свои силы. В горле так пересохло, что пища вызывала тошноту, но он взял кусок мяса, протянутый Ньюном, и принялся с трудом жевать и глотать. Оно имело медный привкус крови, и не только мясо — даже воздух, которым Стен дышал. Все чаще он терял зрение или ноги отказывались повиноваться. Будь он один, давно бы уже забился в какую-нибудь расщелину и приготовился встретить смерть — от голода или клинка, не столь уж важно. Но Ньюн упорно тащил его вперед.

— Нам еще далеко? — спросил Данкан.

— Не очень. Может быть, дойдем сегодня ночью.

Данкан лежал и думал, что это лучше, чем он предполагал.

— А потом? Выйдешь на поединок? Но ведь ты дважды пересек пустыню.

— Да. Но ничего другого не остается. Если вызовут ши'пан, то поединок будет единственным. Но если мы сразимся здесь, то кровной вражде не будет конца.— Он со стоном вздохнул.— А их кел'анта, наверное, нет с ними. Придется драться второму среди их келов. Это только на руку нам.

— Давай ты пойдешь один,— предложил Данкан.— Они сейчас нас не видят. Я пойду по твоим следам и задержу их, и ты оторвешься от погони.

Дусы угрожающе зашевелились.

— Нет.— Ньюн коснулся вуали на лице, та немного сдвинулась и обнажила шрам.— У тебя нет сет'алов, и ни один кел'ен не посмеет вызвать тебя на дуэль. Но, если ты будешь один, лишь боги знают, что произойдет.

— Но это касается только меня, разве нет?

Ньюн лишь посмотрел на него в ответ.

— Хорошо,— сказал Данкан. Ньюн многому научил его на корабле. Главное правило: если захочешь, то сможешь. Данкан теперь умел переносить, как и мри, прыжки через подпространство, обходясь без наркотиков. Сейчас он медленно вдыхал воздух сквозь пальцы, согревая его. Наконец Данкан собрался с силами, встал и пошел по песку. Ньюн двинулся за ним. Поднялись и дусы.

— Береги силы,— сказал Ньюн.

Данкан шел вперед, не видя ничего вокруг. Он весь сосредоточился на дыхании и небольшом клочке земли, куда ступала его нога.

До ночи. Это так долго...

* * *

Корабль землян «Сантьяго» следовал за регулами по пятам, все их попытки оторваться оканчивались ничем. Бай Сут смотрел на экран. Хотя «Шируг» по размерам был больше, рейдер представлял несомненную угрозу. Командовал им бай

Сильвермен. Ситуация была сложная: у землян три корабля, а у регулов всего один, и результат вооруженного столкновения, если до него дойдет, предвидеть нетрудно. В открытом космосе «Шируг» превосходил «Сантьяго» не только в размерах, но и в скорости, но зато здесь, в гравитационном поле планеты, «Сантьяго» мог маневрировать более свободно.

Конечно, можно броситься наутек, чтобы выяснить реакцию землян чисто эмпирическим путем. Но не слишком ли рискован будет этот эксперимент?

Сомнений уже не осталось: земляне поняли, что среди регулов появился взрослый. Сут жалел, что это произошло так быстро. Правда, это давало некоторую гарантию безопасности, если исходить из предположения, что земляне уважают старших.

Может, и впрямь уважают, но бая Шарн это не спасло от смерти. Хотя убил ее Данкан, окончательно превратившийся в мри. Не следует делать вывод, что на такой поступок способен любой землянин. Нельзя исключать, что Данкан просто сошел с ума и не отвечает за свои действия. Но факт остается фактом: преступление Данкана не возмутило землян до глубины души. Хотя со смертью Шарн перед ними открылись великолепные перспективы — надо и это учитывать.

Земляне — странные существа. Они помнят то, что должно произойти в будущем. Они называют это воображением. Сут расхохотался, узнав об этом нелепом свойстве мозга — целая раса страдает от душевной болезни! Они вспоминают будущее! Причем каждый по-своему, в зависимости от того, как представляет себе это будущее. Какой удар для регулов — узнать, что их союзники психически больны! Но еще хуже было бы не знать.

Земляне способны на все, они за себя не отвечают. В этом они похожи на мри. И если эти две расы найдут точки соприкосновения, другим, нормальным расам, не позавидуешь.

Между землянами и регулами — громадная разница. Регулы помнят только прошлое, но — с абсолютной точностью. Земляне же привыкли искажать факты, они даже способны лгать! И это делает ненадежной как память о прошлом, так и память о будущем. Вероятно, так и должно быть с теми, кто вспоминает то, чего не было, и фальсифицирует то, что было.

Интересно, как они воспринимают настоящее? Может, у них сдвиг в восприятии?

Может, они забывают убийства старших землян, когда считают это выгодным?

Вот бы узнать правду! Как бы это помогло строить отношения с землянами!

Сут теперь обитал в тележке, ноги уже не могли передвигать огромное тело. Тележка была снабжена двигателем, и это позволяло Суту быстро перемещаться по всему кораблю. Но он редко покидал свой кабинет — не было необходимости. Управлять «Ширугом» он мог и со своего пульта. В полете за приборными досками постоянно следили молодые регулы из рода Аланей, и Сут уже убил нескольких за нерадивость... правда, выбрал самых старших, чтобы предотвратить появление еще одного взрослого на корабле.

Оставшиеся юноши тут же взялись за ум и стали работать лучше, независимо от того, следил ли он за ними или нет. Они поняли, что власть теперь в руках Сута, что соперников у него нет и в ближайшие годы не окажется.

Теперь Сут готовился к расправе над землянами. Его власть на корабле стала безграничной, так что он мог спокойно вести переговоры и тайком

готовить ненадежным союзникам смертельную западню.

Сут повернул внешние камеры, чтобы видеть не только «Сантьяго», но и «Сабер» у горизонта, и «Флауэр» на поверхности Кутата. Он видел еще четыре точки: два шаттла землян и два — регулов.

На пульте вспыхнула лампочка — кто-то претендовал на личное внимание Сута. Он отключил экран от скана, и на нем тут же вспыхнуло сообщение от Нань: «Срочно. Прямой контакт».

Он нажал кнопку «Разрешить».

— Двери! — крикнул он юноше, который дежурил в приемной. Это оказался Раг — умный, ревностный к своим обязанностям, трепещущий перед начальством.

Отворилась дверь, и в нее въехала не одна, а целых три тележки: Нань, Тиэг и Мокхаг со своими секретарями и помощниками. Раг вежливо приветствовал их, предложил напитки.

— Прочь! — рявкнул Сут, и Раг, торопливо сунув в его руку чашку, исчез с быстротой молнии, прихватив с собой всех остальных молодых регулов.— Докладывайте, что за спешка?

— Важные новости,— сказала Нань.— Анализ данных говорит о том, что в городах вновь начали функционировать энергетические установки.

Сут тихо зашипел, сделал глоток, чтобы успокоить забившиеся чаще сердца.

— Подробности.

— Следы очень слабые... Можно было бы настроиться на них, но излучение «Шируга»...

Сердца забились вразнобой, потом снова в едином ритме. «Мри с оружием, мри с оружием...»

Нань показала карту, на которой светящиеся точки означали присутствие жизни.

Сут с содроганием смотрел на карту, на города. В них хранились знания древней расы, расы, спо-

собной забывать. Шарн пыталась уничтожить их, но не довела дело до конца. Эти знания недоступны регулам. Они не смогли выучить язык мри. Эти знания важны лишь для самих мри... и для тех, кто способен овладеть их языком, кто способен стать мри.

Это удалось землянину. Данкан заговорил на языке мри, надел их одежду, принял их законы и обычаи. Землянин отказался от своего прошлого, пересек черту, которую регулы не смогли пересечь за две тысячи лет.

Когда падет цивилизация мри, землянам достанется вся ее мудрость, весь опыт миллионолетней расы, хранящийся на этой планете... Они могут стать... мри, как Данкан. Вот он, пример, перед Сутом — юнец Данкан.

Допустить, чтобы это случилось... чтобы сохранилась информация, которой не смогут воспользоваться регулы... отдать ее в руки врагов, расе, способной забыть свое прошлое... способной стать мри со всеми вытекающими отсюда последствиями...

— Бай Нань, нас ожидают огромные трудности. Одна из них касается политики. Слушайте, я вам кое-что расскажу. Однажды спор между старейшинами рода Хорагов был разрешен поединком между кел'енами мри. Один мри убил второго.

— Это безумие! — пробормотал Тиэг.

— Нет. Регул, который проиграл ту дуэль, лишился своих территорий, юношей, власти. Таким вот образом убитый мри был отомщен. Хотя убийцей был кел'ен, который вышел живым из поединка. Мри прекрасно понимают, что такое месть. Не верьте, что они глупы. Многие регулы жестоко расплатились за подобную ошибку.

— Бай, с ними сейчас землянин. Он опасен. Он делает опасными мри. Земляне способны запоминать события, пусть с помощью бумаги и магни-

тофонных лент, но — способны. Надо устранить этого землянина, и тогда мри будут дезорганизованы.

— Нет,— ровным тоном возразил Сут.— Нет. Шарн и род Аланей ошибались, потому что не понимали мри. Они никогда не имели дел непосредственно с этими существами. А Хораги в колониях две тысячи лет общались с мри. Я помню.

Это вынудило умолкнуть всех офицеров. Они были из рода Аланей, а теперь служили Хорагам. Они почтительно смотрели на Сута, ожидая продолжения.

— Я поделюсь своими знаниями,— пообещал он,— когда это будет необходимо. Алани ошиблись. Бай Хулаг Алань-ни на Кесрите не потрудился задать вопросы своим предшественникам. Я не допущу подобной ошибки. Если у кого-либо из вас есть полезная информация, передайте ее мне. Это приказ.

Один за другим трое регулов подтвердили свою полную неосведомленность о мри.

— Но ведь это не Кесрит,— сказала Нань.— Бай...

— Какая разница?

— Здесь есть города, машины. Разве мри могли самостоятельно построить такую сложную технологию? Судя по нашим наблюдениям за ними, не могли.

— Мри всегда блюли свою выгоду. Они бы и пальцем не шевельнули ради нас бесплатно, но для себя они работали, строили Эдуны, конструировали машины. Разве Алани считают, что Эдун Кесритун построен регулами? Разве Алани не знают, что мри прекрасно водят регульские корабли, чье управление слишком сложно даже для землян? Алани никогда не умели наблюдать.

Трое Аланей смутились.

— Далее,— продолжал Сут,— мы не должны упрощать. Мы не должны делать скороспелые выводы, не проанализировав информацию должным образом.

Тиаг раздул ноздри — у регулов это было проявлением сарказма.

— Бай, но ведь эта планета вооружена. Недооценка подобного обстоятельства может пагубно отразиться на нашей безопасности.

Сут сдержал ярость. Этот Тиаг всегда логичен, хоть и возмутительно прямолинеен.

— Бай Тиаг, мы способны уничтожить города. Но ты не учитываешь присутствия землян. Мы в такой же опасной близости от их кораблей, как города мри — от нашего.— Он небрежно тронул пальцем кнопку на пульте, и на экране замелькали кадры, запечатлевшие события на Кесрите. Сут специально распорядился, чтобы для молодых регулов была подготовлена эта хроника.

Вот на экране появилось лицо землянина: Данкан. Дымящиеся руины, развалины башен Эдуна, зависшие над ними корабли землян.

Сут посмотрел на взволнованные лица.

— Мы не знаем языка мри,— сказал он.— Но для видеопленки языковых барьеров не существует. Кто увидит, тот поймет.

— Бай...— прошептала Нань.

— У нас десять шаттлов. Четыре будут летать на виду у землян, остальные — действовать тайно. Должен вам сказать, что при Аланях земляне захватили на Кесрите много ценной информации. Мы потеряли все банки данных. Ваш великий Алань спасал машины и молодых регулов, но позволил информаторию попасть в руки землян. Конечно, вы скажете, невелика потеря: что для нас бедный информаторий удаленной колонии? Но вспомните, как быстро Данкан превратился в мри! Регулы по-

теряли мало, зато земляне очень много приобрели. Вспомните, что в первые дни оккупации земляне совершенно не интересовались нашими машинами, но зато набросились на информаторий, как хищные муравьи.

— Это наша ошибка,— сказала Нань.— Бай, мы совершенно не обратили на это внимания.

— Бай Нань Алань-ни, это случилось потому, что у бая твоего рода не было такого опыта, как и у Шарн. Я давно это понял, но, будучи юношей, не мог советовать великому Аланю. Он всю жизнь провел дома, на своей планете, в безопасности. А род Хорагов постоянно занимался колониями. Нам приходилось сталкиваться с землянами, с мри, с их животными. Мы строили модели их поведения в самых разнообразных ситуациях. А у Аланей нет подобных моделей. Алани мудры... но в известных пределах. Хораги же две тысячи лет имеют дело с другими расами.

— Мри, дусы, земляне! — с отвращением воскликнул Тиаг.— Что могут найти они из того, что не обнаружили и не открыли регулы?

— Безмозглый! Подумай. Что за планета перед нами?

— Прародина мри. Города, хранилища информации...

— ...К которым Данкан уже получил доступ. Мри... Им знакомо понятие «месть». И я не хочу, чтобы месть, которую они предназначили для Аланей, пала на мою голову. Но не только этого мы должны бояться. Что за сведения хранятся в городах, которые стоят на берегах давно исчезнувших морей?

— Мри...— с презрением сказал Тиаг, и его ноздри закрылись.

— Когда у них появились корабли,— заговорила Нань,— мри превратили в безжизненную пус-

тыню весь космос от своей планеты до наших владений. И повернули назад лишь тогда, когда некому стало воевать.

— Но мы не можем их уничтожить! — воскликнул Тиаг.

— Мри — загадка для нас, — сказал Сут. — Мы не знаем их языка. Но заметьте, что разум мри сходен с разумом землянина.

— Что же нам делать, бай?

— А что мы делаем, когда сталкиваемся с иррациональностью? Устраняем ее из нашей жизни. Чужой разум способен перебросить мостик через иррациональность. Нам это не по силам. Для нас сейчас представляет опасность не оружие мри, не их враждебность, нет — нам страшна способность наших недругов к перевоплощениям. Помните, как мы впервые встретились с землянами? Тогда Ставрос полностью перенял наш образ жизни. А первый контакт мри и землян? Данкан полностью перевоплотился в мри. Это биологический механизм, с помощью которого выживают слабоумные расы. В критический момент всегда находится индивид, который перевоплощается во врага, переходит к врагу... перебрасывает мостик через иррациональность, получает знания врага. Всего одна жертва. Всего одно перевоплощение. Кто из нас способен превратиться в землянина или мри? Может быть, ты, Тиаг?

Тиаг вздрогнул.

— Мы никогда не станем землянами, — с горечью сказал Сут. — Алань сделал ошибку, приблизив к себе одного из них. Но мы можем позаботиться о том, чтобы зло не покинуло пределы этого мира, чтобы здесь ему настал конец. Мы можем вырвать его с корнем. И сделать так, чтобы земляне здесь увязли. Это позволит нам выиграть время.

— У нас один корабль,— возразил Мокхаг.— Один против трех. Что мы можем сделать?

— До меня здесь правил род Аланей. Но с моим приходом сменилась власть. Мы должны извлечь из ситуации максимальную выгоду.— Он поставил на стол пустую чашку и угрюмо посмотрел в лица троих помощников.— Да, нужно действовать. И действовать быстро.

* * *

Племя ушло.

Ньюн это понял, как только миновал большой круглый камень, отмечавший границу земли джей-эном. Дусы не излучали ничего, кроме тревоги. Они чувствовали погоню. Она была совсем близко.

Они прошли длинный путь. Данкан сделал все, что мог. Он шагал без привала с самого полудня, а теперь солнце почти скрылось за горизонтом, и тени стали исчезать. Стен оступался, хрипел, кашлял. Иногда он шел с закрытыми глазами. Ньюн брал его за руку и вел, отгораживая свои мысли и чувства от дусов, чтобы его отчаяние не передалось Данкану.

Мелейн предупреждала, что племя может перейти в другой город или на другую равнину. Хлил уже должен был вернуться из Ан-ихона.

Нужно найти укрытие. Данкану необходимо отдохнуть.

Ньюну было не по себе. Пустая стоянка, ни души, насколько охватывает глаз... Может, это означает, что Хлил не вернулся, что весь его отряд погубила песчаная буря? Дусы не чувствуют смерти — у покойников мозг не излучает.

— Сов-кел,— сказал он наконец,— они ушли.

Данкан промолчал, ценой невероятных усилий переставляя ноги.

— Нам... придется обогнуть пропасть,— продолжал Ньюн.— Наши преследователи не знают местности, это нам на руку. Идти будем целый день. Не отходи от меня ни на шаг.

— Хорошо,— еле слышно ответил Данкан.

Солнце утонуло за горизонтом. В предательском полумраке они прошли по тропе мимо того места, откуда их окликнул бы часовой, если бы племя не покинуло лагерь. Песок уже засыпал тропу. Камни, которые запомнились Ньюну, были похоронены почти целиком.

Дусы шли впереди, не проявляя тревоги, не предупреждая о близости мри.

Но вот тропа привела к крутому обрыву, озаренному последними лучами янтарного света. Ньюн приказал дусам держаться рядом, чтобы не сорвались в пропасть.

Данкан при виде этой бездны ахнул, и Ньюн поспешил к нему, обхватил рукой за талию и повел по краю обрыва. Дусы нервно озирались, поглядывали вниз и шли за хозяевами.

Пустой лагерь, где теперь обитали лишь тени, остался позади. Ночь брала свое.

— Мы перейдем ущелье здесь,— сказал Ньюн.— Не бойся и не останавливайся.

Он отдал приказ дусам, взял Данкана за руку, и они побежали вниз по песчаному склону. Песок срывался, бежал впереди огромными волнами, спасал от ударов о валуны. Наконец Данкан упал и покатился вниз. Ньюн еще некоторое время держался на ногах, но потом тоже рухнул. Несколько секунд они катились рядом, но вот впереди появился небольшой уступ. Ньюн с превеликим трудом удержался на нем и, схватив Данкана за руку, подтащил к себе. Данкан ткнулся лицом в песок и зашелся в мучительном кашле. Ньюн сидел рядом, положив ладонь на его дергающееся плечо.

Дусы скатились на дно и уже карабкались на противоположный, менее крутой обрыв. Там они уселись ждать хозяев. После недолгой передышки кел'ены спустились на дно, а потом забрались к дусам. Ньюн очень надеялся, что их преследователи ринутся вниз, не дожидаясь рассвета. Это наверняка привело бы их к гибели, к вечному забвению. Но даже если враги решат обойти пропасть, Данкан успеет отдохнуть.

«Мелейн», — мысленно сказал он своему дусу. Тот не ответил. Ньюн ощущал лишь беспокойство, впрочем, оно не покидало его целый день. Он очень устал, но не позволял себе даже короткого сна. Ведь по пробуждении он мог обнаружить вокруг кел'енов враждебного племени хао'нат.

Все же он уснул.

Проснулся точно от удара и сразу взглянул на небо: сколько времени он проспал? Луна еще не зашла. Она быстро двигалась, но Ньюн сразу понял, что это ему мерещится.

Некоторое время он лежал, глядя в небо и чувствуя смертельную усталость во всем теле. Затем повернулся к Данкану. Очень не хотелось будить измученного спутника, но он тряхнул Стена за плечо.

— Идем. Пора идти...

Данкан зашевелился, с трудом поднялся на колени. Ньюн подхватил его за пояс, помог встать. Где-то наверху их ждали дусы, излучали смутную тревогу. Враги пошли в обход, понял Ньюн.

Начался мучительный подъем. Песок уходил из-под ног. Данкан, хоть и старался идти сам, все время висел на Ньюне. У кел'анта все мышцы ныли, в горле пекло. Если ему так тяжело, что же испытывает Данкан?.. Наконец-то они наверху. Данкан сразу упал на колени, его хриплое дыхание перешло в мучительный кашель. Дусы встретили

их спокойно. За ними расстилась озаренная луной равнина. Только вдалеке на юге темнели неразличимые гряды холмов.

И нигде ни следа лагеря... Пустота...

— Идем,— решительно произнес Ньюн, догадываясь, что хотел сказать, но не сказал Данкан.

Они двинулись дальше. Ноги утопали в песке, смертельная усталость давила на плечи...

И вдруг Ньюн ощутил что-то родное, близкое... Дом...

— Они рядом! — воскликнул он.— Сов-кел, ты чувствуешь?

— Да...— Голос был незнакомым, но это слово произнес Данкан.

Невесть откуда взялись силы, шаг стал шире, тверже. Путники уверенно шли через пески, прижимая ладони ко рту, чтобы согреть воздух.

Тут и там возвышались каменные столбы. Сейчас ветер дул в спину, помогал идти. На востоке уже начинало светлеть небо — занималась заря.

Но странное дело: чем дальше они уходили от пропасти, тем сильнее ощущалась враждебность. Она окружала со всех сторон, и только в центре этого темного сгустка угрозы было что-то свое, родное, любимое...

И вот впереди показалось нечто темное и неподвижное. Силуэт воина. Он выпрямился. В неверном свете блеснуло оружие и Знаки Чести. Ньюн остановился. Данкан тоже. Внезапно все стало ясно.

— Рас,— пробормотал Ньюн. Он пошел вперед, Данкан за ним. Настороженные дусы шли рядом

— Джей'эном,— прохрипел Данкан.

— Да,— ответил Ньюн. Он подошел к Рас совсем близко, чтобы говорить, не повышая голоса.

— Ты его нашел,— сказала Рас.

— Где остальные?

Она указала на юго-восток, куда они и держали путь.

— У них все в порядке? — спросил Ньюн, боясь услышать «нет».

— Когда я уходила, все было в порядке.

Данкан устало опустился на песок. Рас бросила на него холодный взгляд. Ньюн, забыв о гордости, опустился возле Данкана и подозвал дуса, чтобы тот согревал землянина. Он снова взглянул на Рас.

— Все живы?

— Кел Рос, сен Отэй, сен Кадас... мертвы.

Ньюн опустил голову: не было сил на расспросы. Он не знал этих сен'енов, да и о Росе помнил лишь, что он был тихим и спокойным, совсем непохожим на кел'ена.

Рас приблизилась, шурша мантией.

— За нами гонятся уже несколько дней, — сказал Ньюн. — Хао'нат.

Это встревожило Рас, хоть она и постаралась не подать виду.

— Тебя послал Хлил? — спросил Ньюн.

— Нет.

У Ньюна возникло ощущение опасности, которое он всегда испытывал, когда рядом бывала Рас. Ему даже подумалось, что хао'нат не так страшны для него и Данкана, как Рас.

— Идем, — сказал он. — Данкан, ты можешь идти?

Данкан попытался встать. Ньюн поднял его и, обняв за талию, повел за дусами.

Рас шла следом, непроницаемая даже для излучения дусов. Никто не знал, о чем она думает, что замышляет.

В бледном свете зари перед ними раскинулась долина с круглыми холмами на горизонте. И вновь — никаких признаков лагеря.

Ощущение холода и одиночества владело Галеем, когда он собирался в дорогу. Вместе с ним готовились еще трое.

Бен Шибо, Моше Кэдарин и Эд Лэйн. Все трое — военные; правда, Лэйн скорее инженер, нежели солдат. Он прекрасно разбирался в компьютерах. Шибо — пилот, Кэдарин — специалист широкого профиля; к тому же в его личном деле есть упоминание о том, что он не питает ненависти к регулам.

Сейчас все трое ждали Боаз, скрывая недовольство.

Галеею задержка тоже действовала на нервы. Он боялся, что в последний момент Кох даст «отбой».

Наконец она появилась. Льюис шел следом. Боаз захватила несколько приборов, и Галей не стал возражать, — как ни крути, это исследовательская экспедиция. Боаз остановилась и поцеловала старого хирурга в щеку.

Галей отвернулся, его всегда смущала сентиментальность штатских, особенно стариков.

— Готовьтесь, — сказал он остальным.

Кэдарин и Лэйн взяли свою ношу и вышли. Шибо задержался, чтобы помочь Боаз.

— Нет, — отрезала она, подтягивая ремни костюма. Ей было за пятьдесят, и комплекция не позволяла влезть ни в один пилотский комбинезон. Поэтому она надела брюки и куртку камуфляжной расцветки, что не сделало ее элегантней. Густые пепельно-серые волосы придавали странное величие ее облику. Она вопросительно посмотрела на Галея.

— Идем, — сказал он.

Она бросила прощальный взгляд на Льюиса и вышла.

Галея не оставляли тревожные мысли: знают ли на «Сабере» о его намерениях? Сообщил ли

Льюис Коху, что в состав группы включена Боаз? Капитан-лейтенант сомневался, что Коху это пришлось бы по душе; значит, теперь вся ответственность на Галее. Боаз — слишком ценный специалист, чтобы рисковать ее жизнью.

Но своими доводами она загнала его в угол.

— Что хорошего в помощнике, — говорила она, — который умеет быстро ходить, но совершенно не понимает того, что видит? Я изучаю мри, их обычаи, образ жизни. Я расшифровала их письменность. Я вам нужна хотя бы для того, чтобы вы не погибли из-за своего невежества.

И он решил включить ее в состав группы, потому что боялся кровопролития.

Тяжело вздохнув, он вышел следом за остальными.

Холодный разреженный воздух. Без дыхательных аппаратов даже короткий путь от люка до шаттла вызвал одышку. Но вот все разместились в тесной кабине, задраили люк. Галей уселся за пульт управления, включил двигатели.

Перед тем как взлететь, он осмотрелся. В зеленоватом свете внутреннего освещения все лица были спокойны. Даже Боаз волновалась не больше других.

Шаттл стартовал, подняв облако пыли. Галей не стал набирать слишком большую высоту, не желая потерять из виду поверхность планеты.

Он взял курс на ближайший город и повел корабль наименее опасным путем — ведь город, возможно, жив и готов сразиться с пришельцами.

Под ними проплывали песчаные равнины, каменные глыбы, бездонные пропасти... С каждой минутой все тревожнее становилось на душе у Галея. Ладони вспотели.

Все молчали. Он сбросил высоту, повел шаттл на бреющем. Тишина...

Развалины были видны очень хорошо. Галей проскочил над плато, посадил шаттл и выключил двигатели.

Все ждали, затаив дыхание.

— Выходим,— как можно спокойнее произнес Галей.

Ни вопросов, ни колебаний, ни сборов: все было готово. Группа потянулась к люку, выбралась на землю. Галей вышел последним. Снаружи был лишь холод, шепот песков, завывание ветра. Они подтянули лямки рюкзаков, надели маски дыхательных аппаратов.

И пошли, тяжело ступая по песку.

Боаз откуда-то вынула черные и золотистые мантии, их мгновенно расправил ветер.

— Возьмите черные,— сказала она.

Четверо военных облачились в черные мантии, а Боаз — в золотистую.

— Черные мантии носят келы,— сказала она.— Ученые ходят в золотистом.

— Ученые не воюют. Если повстречаем мри, у тебя будет шанс выбраться живой.

— Да, благодаря тебе.

Вдали перед ними лежал город, пустой и одинокий. Сейчас они представляли собой слишком маленькую мишень для кораблей, но были вполне уязвимы для оружия города.

Они шли вперед навстречу ветру, пронизывающему, как клинок, и ясно сознавали, что помощи ждать неоткуда. Они могли полагаться только на себя.

Мри не берут пленных. Об этом земляне узнали давным-давно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вдали, среди покатых холмов, в дрожащем вечернем воздухе показались палатки. Данкан выдохся окончательно, все чувства отказали, и с реальностью его связывали только прикосновения к теплой, мягкой спине дуса.

Он воспринимал мир только через восприятие дуса: вот здесь — Ньюн, а вот непроглядно-темное пятно... это Рас Ков-Нелан. Именно она наполняла его душу холодом, мраком и тревогой.

— Идем,— немного погодя сказал он.— Лагерь уже виден, неужели я не смогу до него добраться? Или вы идите вперед и пошлите мне навстречу кого-нибудь.

Ньюн пропустил его слова мимо ушей. Данкан обнял онемевшей рукой дуса за шею. В глазах наконец прояснилось. Ньюн стоял рядом с ним на коленях. Рас неподвижно возвышалась за спиной кел'анта.

— Данкан,— снова позвал Ньюн.

«Почему они не оставят меня в покое,— по-детски обиженно подумал Данкан.— Почему не позволят идти самому? Так, как мне хочется, как мне по силам?»

Но он и сам знал почему. Ньюн подхватил его под мышки и заставил подняться. И Данкан не упал, он даже двинулся вперед, неуверенно переставляя ноги. Он шагал с закрытыми глазами, повинуюсь импульсам дуса. Когда же утрачивал способность

воспринимать и их, то ощущал руку Ньюна у себя на локте. Во рту появился привкус крови. Стен закашлялся, кровь показалась на губах, и он испугался, смертельно испугался. Он бы упал, не подхвати его Ньюн. С другой стороны его тоже поддерживали. Приступ кашля согнул Данкана пополам, а когда совершенно измученный землянин выпрямился, то увидел впереди кел'енов.

В мозгу взорвались злоба и ярость дусов, и это подстегнуло Данкана, придало ему сил.

Между лагерем и путниками в дюнах виднелась тень. Она двигалась по направлению к ним. Ярость дусов заполняла все вокруг, как приближающаяся буря.

— Яй! — прикрикнул на них Ньюн. — Прогони их, Данкан! Прогони обоих!

Это было трудно. Так же трудно, как оторвать часть своего тела. Но все же импульсом воли он отогнал дусов, и внезапно холод пустоты охватил его. Сознание прояснилось. Звери отошли в сторону. Данкан старался стоять ровно, глядя на кел'ена, который остановился перед ним. Он узнал его, когда приподнялась вуаль. Хлил.

— Как она? — спросил Ньюн.

— Хорошо, — ответил Хлил, и Данкан понял, что она — это Мелейн. — Рас, — ледяным тоном произнес Хлил, наконец заметив девушку. Затем кел'ен покосился на Данкана, и в этом взгляде тоже не было теплоты.

— Хлил, — сказал Ньюн, — там хао'нат. — Он показал на север. — Между нами — путь и кровь. Скажи келам, чтобы внимательно наблюдали за этим направлением.

— Хорошо, — сдержанно ответил Хлил.

Ньюн снял с плеча и отдал молодому кел'ену сумку, а сам подошел к Данкану и, взяв под руку, потащил за собой. Данкан переставлял ноги, как

робот. Зрение то покидало его, то возвращалось. Они молча шли в сгущающихся сумерках, а впереди светились огни стана.

Как только они вошли в лагерь, появились кат'ены без вуалей. Они угрюмо смотрели на чужака, вернувшегося к ним. Возле одной из палаток перешептывались сены.

Путники приблизились к самой большой палатке, и тут вдруг Данкан понял, что там — Владычица, что сейчас он увидит ее и нужно срочно собрать все оставшиеся силы, вытряхнуть одурь из мозга, ведь испытание будет не из легких.

Когда они входили в палатку, навстречу ласковой волной хлынули тепло и золотистое сияние ламп. Они остановились у входа. Приятно пахло благовониями. За кисеей, в центре палатки, горела яркая лампа и тускло поблескивал металл эллипсоида.

Пан'ен. Он возвращен. Значит, мри снова получили самое драгоценное сокровище. Ньюн почтиительно поклонился Тайне. Данкан знал, как дорога эта вещь его братьям-мри. Он стоял позади Ньюна, склонив голову и сняв вуаль, ибо перед Святыней открывали лица все.

Затем Ньюн обернулся к нему, взял за руку и повел в правую часть палатки, где собрались все сен'ены.

Ученые образовали золотистый полукруг, в его фокусе стояла женщина в белых мантиях — Мелейн. Когда вдоль стен палатки, слева и справа от ши'пан, выстроились темные, как тени, келы, она опустилась в кресло. За спинами сен'енов появились несколько старших катов в голубых, как лоскутки чистого неба, мантиях.

Данкану удалось пройти вперед без поддержки Ньюна. Он лихорадочно вспоминал, что говорит закон келов о поведении в таких ситуациях.

Ньюн прошел на соответствующее его рангу место, взял Мелейн за руку, поцеловал в лоб, получил ответный поцелуй и тихим шепотом рассказал, что произошло с ним и Данканом, упомянул и о хао'нат. В ее янтарных глазах сверкнули искорки замешательства, затем она наклонила голову.

— Ну что ж,— тихо сказала она.— Пусть случится то, что должно случиться.— Ее рука едва заметно дрогнула.

Данкан сделал несколько шагов вперед, опустился на колени перед Мелейн и сдернул с себя вуаль, обнажив длинные, до плеч, волосы, так непохожие на бронзовые кудри мри.

Небритый, под носом запеклась кровь... Вдобавок от него дурно пахло, и он об этом знал. Земляне, у которых нет возможности заботиться о чистоте своего тела, всегда дурно пахнут. Стен догадывался, что краснеет.

— Кел Данкан,— мягким тоном произнесла Мелейн.

— Ши'пан,— выдохнул он, не поднимая головы и стискивая в руке вуаль.

Глубокую тишину нарушали только шелест мантий и спокойный голос Владычицы. В висках у Данкана стучало, горло будто тиски сдавили.

— Кел'ен, ты получал разрешение покинуть нас?

— У меня не было разрешения...— Он осекся. В горле запершило, из груди начал рваться мучительный кашель, и Данкан с большим трудом подавил его. Глаза слезились.

— И ты ходил...

— На корабли, ши'пан...

Впервые хоровой возглас неодобрения прозвучал в шатре. Мелейн подняла руку, и мгновенно вернулась тишина.

— Кел'ен?

— Три корабля,— с трудом говорил Данкан.— С землянами пришли регулы. Это они стреляли по городу. Я убил их старшего. Больше нет... больше нет регулов.

В глазах Мелейн отразилось беспокойство. Она прекрасно поняла, что сделал Данкан.

— Как это случилось, кел Данкан?

— Регул был на корабле землян... Когда я закончил беседу с кел'антом землян, произошла стычка с баем, и он погиб. У регулов больше нет лидера. Земляне не получили сообщений по радио и смогли выслушать их только из моих уст...— Данкан задумался, стараясь подыскать слова на языке мри. Он поднес руку к покрытому морщинами лбу — в последние дни шалила память, вот и сейчас он забыл, что хотел сказать. — Больше нет войн... нет смысла воевать, если так считают не только земляне, но и Народ. Но об этом земляне должны услышать от Народа.

На лицах собравшихся отразился гнев, но голоса никто не подал. Мелейн нахмурилась:

— О чем мри могут договариваться с ци'мри?

Этого и следовало ожидать. Бездна презрения к пришельцам, к другим расам. В хол'эйри целых четыре слова для обозначения понятия «мир», но все они не имеют ничего общего с миром, как его понимают земляне. Каждое из этих слов несет в себе потенциальную угрозу. Данкан почувствовал, что руки его дрожат, во рту появился горький привкус. Привкус поражения.

— Кел Данкан... сены рассмотрят твоё сообщение на совете. Ты сослужил большую службу. Народ благодарит тебя...

Он плохо различал ее слова. Видимо, остальные тоже не расслышали, так как никто не шевельнулся, не двинулся с места. Затем он понял: Мелейн не хотела, чтобы ее услышали собравшиеся. Она

наклонилась вперед, коснулась ладонями его грязных, небритых щек и поцеловала в лоб. Пальцы ее вложили в его руку маленький золотой медальон — джи'тэй.

Кругом перешептывались. А затем Данкан полностью потерял контроль над собой, взглянув на то, что оказалось в его руке. Брызнули слезы, и не было на его лице вуали, чтобы скрыть их. Он прижал Знак Чести к груди и опустил голову, пряча лицо и сиюсь проглотить комок в горле.

Он опять закашлялся. Кровь окрасила прижатую ко рту ладонь. Его всего трясло, и он бы упал, если бы его не поддерживал Ньюн.

Немного погодя он собрался с силами, с трудом поднялся и вышел из палатки в холодную ночь. Ньюн по-прежнему держал его за локоть. Данкан чувствовал, что его дус где-то рядом, во мраке. Он сделал несколько неуверенных шагов к нему, сам не понимая, что делает, куда идет. Кто-то его подхватил.

— Помогите мне,— услышал он гневный голос Ньюна.— Помогите мне!

И тут еще кто-то поддержал Данкана. Он старался не упасть, но тут раздражающий легкие кашель снова согнул его пополам, и он забыл обо всем.

* * *

Ньюн взял крохотный кусочек пищи с общего стола. Голода он не испытывал. Он сидел прямо, сложив руки на коленях и глядя в противоположный угол палатки, где лежали Данкан и его дус. Данкан был без сознания, остальные келы изредка поглядывали на него. Ци'мри был совсем плох, и они надеялись, что он умрет.

Возможно, Ньюн переживет его ненадолго, если утром враги пришлют им вызов. Ссоры между пле-

менами никогда не кончаются добром. К тому же в его племени кое-кто наверняка предпочел бы иметь другого кел'анта, другую ши'пан. Нет, ему нужно поесть и хорошенько отдохнуть, чтобы к утру полностью восстановить силы и ясность мысли.

Но кусок не лез в горло.

В палатке келов царила тишина. Почти никто не шевелился, ни одна рука не тянулась к еде. Он знал, что все наблюдают за ним, и старался вести себя естественно, забыть о физических и душевных муках, изгнать боль и тревогу.

«Бросьте мне вызов, хоть кто-нибудь, — мысленно просил он окружающих, в том числе и Рас. — Я убью любого с радостью».

— Кел'ант, — слышался голос Хлила.

Ньюн не обратил на него внимания.

Хлил помолчал; несомненно, высокомерие Ньюна оскорбило его. Он пододвинулся к Сэйрасу и Десаи, которые сидели рядом. Они зашептались, но Ньюн не прислушивался — пусть делают что хотят.

Он встал, подошел к Данкану, сел рядом с дусом. Животное почувствовало его горе, ткнулось носом в его руку, как бы прося помощи. Данкан дышал прерывисто, хрипло, с клокотанием. Глаза его были приоткрыты, в них, как в стекле, отражался свет лампы.

Остальные келы собрались вокруг Хлила и оживленно зашептались. Только Рас сидела особняком, возле центрального шеста палатки. На ее лице не было гнева или злобы, только тревога, запавшие глаза тонули в тенях глазниц.

Рас помогла Ньюну привести Данкана в лагерь. Кел'ант недоумевал, что ее к этому подтолкнуло. Может быть, просто раздражало, что Данкан слишком медленно идет? Ньюн поглядел на остальных, и в нем поднялась злость, но он постарался взять

себя в руки, ведь рядом был дус. Ньюн положил руку на плечо Данкана и слегка сжал его. У Стена едва заметно дрогнули веки.

— Я знаю, что ты здесь,— свистящим шепотом сказал Данкан.— Не волнуйся. Что-нибудь слышно о хао'нат?

— Ничего. Не думай об этом.

— Дус чувствует, что они близко.

— Скорее всего, так оно и есть.

— Их много... позади... справа, слева.. впереди...— Снова напал кашель. Ньюн сжал руку Данкана.

— Не думай об этом.

Данкан моргнул, и слезы потекли по его лицу, смешиваясь с грязью и кровью на небритых щеках.

— Но ведь ты думаешь. И я буду думать. Их много... с ними, наверное, дусы...

За спиной Ньюна раздался шаг. Зрачки Данкана расширились, на его лицо упала тень. Ньюн резко повернулся и увидел перед собой черные мантии. Дус шевельнулся, но стоящий впереди кел опустил на колени, и рука Ньюна отстранилась от оружия. Хлил... Сэйрас, Десаи и молодой Тэйз. Ньюн нахмурился и перехватил руку Тэйза, который хотел поставить перед Данканом дымящийся сосуд.

— Дым поможет ему,— сказал Сэйрас.

Это было маслянистое дерево, служившее обычно топливом для ламп. Еще в сосуде горели ароматные смолы и травы. Ньюн оттолкнул руку Тэйза и тут же устыдился. Но все-таки жестом показал, что не нуждается в участии кел'енов.

— Кел'ант,— холодно сказал Хлил,— мы знаем то, чего не знаешь ты, ведь мы здесь родились.

Данкан потянулся к сосуду. Тэйз пододвинул его ближе, и Данкан стал с удовольствием глотать

дым. Ньюн тоже заметил, как исчезает жжение в горле. Дусу дым не понравился, он с негодующим фырканьем повернул в сторону косматую голову. И вдруг Ньюн почувствовал, как мысленные импульсы дуса связали воедино мри Кутата и мри Кесрита.

— Яй! — резко сказал Ньюн, и кел'ены в замешательстве посмотрели на него. Ньюн покосился на Данкана, вдыхающего дым, и устремил взгляд на Хлила, и дождался, когда тот поднимет глаза.

— С'Сочил, — спокойно сказал Ньюн, — я благодарю тебя. Забудь то, что я говорил раньше.

— Ай, — пробормотал Хлил.

В проеме входа появился дус Ньюна, он наконец решился войти в палатку. Кел'ены его пропустили, и дус тяжелой поступью приблизился к Ньюну и лег рядом со зверем Данкана.

Ньюн положил руку на ухо дуса, боясь, что тот своим мысленным излучением соединит его разум с разумом Хлила. Он долго смотрел в лицо Хлила, покрытое шрамами, а рядом лежал Данкан и дышал благовониями, убивающими боль.

Ньюн снял один из своих Знаков Чести и протянул Хлилу. Он был уверен, что тот отвергнет дар, считая это оскорблением, и тем самым нанесет оскорбление Ньюну. Но Хлил не отверг.

— За какую службу? — спросил он.

— За то, что ты хорошо охранял племя в мое отсутствие. Вместе с Сэйрасом.

Сэйрас тоже принял Знак Чести. Оба эти Знака раньше принадлежали Мирею, о котором келы все еще скорбели.

— Мы выставили часовых, — сказал Хлил. — Мы знаем, что ты не искал ссоры с хао'нат.

— Не искал, — подтвердил Ньюн.

Хлил бросил взгляд на Данкана.

— Они преследовали его, — подтвердил Ньюн.

Хлил кивнул, еще раз посмотрел на Данкана, встал и отошел. За ним — остальные. Только Тэйз задержался. Он достал из складок мантии несколько кореньев и пучок травы и положил рядом с сосудом.

— Еще найду, если понадобится. — С этими словами он тоже отошел. Ньюн хотел спросить у Данкана, как он себя чувствует, но увидел, что у землянина закрылись глаза и дыхание стало ровным.

Ньюн прислонился к теплomu боку дуса и стал смотреть, как келы готовятся ко сну. Они улеглись на подстилки, погасили все лампы, кроме одной. Возле Данкана красновато сиял сосуд, над ним вился дым.

Только Рас осталась неподвижно сидеть на своем месте, но вот она шевельнулась. Ньюн подумал, что Рас ищет свою циновку, чтобы лечь. Но та поднялась и, как тень, скользнула к Ньюну и положила что-то рядом с ним. Длинный сверток.

— Что это? — спросил он. — Кел Рас?

Она ничего не ответила, растаяла в полумраке. Немного погодя она тоже улеглась спать.

Ньюн развернул сверток и увидел что — шелк. Это были ножны его меча, оставленного в Ан-ихоне. Он был уверен, что потерял их навсегда. Ньюн нежно провел по ним пальцами, вложил меч, наслаждаясь тихим шелестом.

Потом он положил меч на циновку и прислушался к дыханию Данкана. У землянина еще клекотало в груди и вырывался кашель, но все-таки Стен спал, на губах больше не пузырилась кровь.

Ньюн еще некоторое время просидел возле Данкана, и к нему подошел Тэйз.

— Я посмотрю за ним, — сказал юноша.

Ньюн был тронут. Он еще раз посмотрел на спокойно спящего Данкана, затем его голова опустилась на плечо дуса, и, в последний раз взглянув на уснувших келов, он смежил веки.

Лампа светила слишком тускло — глаза устали. Мелейн положила на колени золотую пластину и взяла вторую. Замысловатые письма выстраивались в цепочки, и перед мысленным взором Мелейн разворачивались картины путешествий, запечатленные много сотен лет назад стилем безымянного летописца. Хроники были неполны, много пластин пропало, а эти спасены ею, Ньюном с'Интель и Данканом Без Матери. Скоро наступит и ее пора чертать на золотых листах повесть о последнем странствии Народа.

Подумав об этом, она вздрогнула.

Руки ослабли, опустились на колени. Она думала о настоящем, глядя в мерцающий свет лампы.

Куда идти — уже решено.

Что делать — известно.

Но ответов на многие другие вопросы она не знала. Некоторые из этих вопросов касались земель, регулов и мертвых планет, другие — самого Кутата... и не было ответа еще на один, самый важный вопрос.

Кто-то коснулся ее плеча. Она вздрогнула и, повернувшись, увидела доброе лицо Кэйлис, юной сен'е'ен, которая ей прислуживала.

— Ши'пан, совет сенов ждет. Ты посылала за ними.

Мелейн улыбнулась.

— Да. — Она осторожно собрала и уложила золотые пластины в футляр.

Шевельнулся кисейный занавес, вошли члены Совета — сены первого и второго рангов. И расположились на циновках. Большинство — глубокие старики, с паутиной морщин на лицах. Они жили гораздо дольше, чем кел'ены. Среди них была Тэйнас, носившая, как и Мелейн, сет'алы, прамы касты келов. Шрамы украшали и лицо сен'анта Сатаса; он всегда был угрюм, но сегодня хмурился пуще обычного.

— Сены хотят о чем-то спросить?

— Мы видим нависшую над нами опасность, — сказал Сатас. — И хотим предупредить тебя, ши'пан.

— Да, я тоже ее вижу.

— Ты не встревожена?

— Встревожена. Хотела бы я, чтобы мои опасения были безосновательны. Но мы не властны над судьбой. Это и есть ваш вопрос?

— Ши'пан знает наши вопросы. Они касаются ци'мри.

— У нас есть выбор, сен'ены, и принес его нам кел Данкан.

— Ты посылала его за этим?

Она взглянула в глаза Сатаса, затаившие враждебность, и, улыбнувшись краем рта, подняла руку ладонью вверх.

— Он пошел сам. Но я не препятствовала ему. Глаза ученого сверкнули.

— Ты серьезно относишься к их предложению?

— Мы обдумываем его... и поступим так, как нам выгодно. Но присутствие Данкана в лагере не должно тебя беспокоить. Он дал нам возможность выбора и понимание угрозы, которая висит над нашими головами. Он служит Народу. Его жизнь нам нужна. Ты понимаешь меня, сен'ен?

— Понимаю.

— Но тебе это не нравится?

— Ши'пан, мы всего лишь твое оружие. А ты — наше оружие. Не свернула ли ты в сторону?

— Не сошла ли я с нашего пути, ты это имеешь в виду? Нет. Нет, сен'ены, верьте мне.

Все молчали. Выжидающе смотрели на нее. «Верьте мне» — так говорила Интель, прежняя ши'пан Эдуна Кесритуна, а она могла убедить Совет в чем угодно, умела опутывать сенов мягкими, как шелковые нити, и такими же прочными словами.

Мелейн переняла у нее это искусство. Останься Интель в живых, она бы сейчас гордилась, глядя на свою ученицу.

Может быть, все Матери обладают этим даром. Так это или нет, Мелейн не знала. Ведь Матери никогда не встречаются, за исключением момента, когда старая ши'пан умирает, а ее место занимает молодая.

Интель и в самом деле имела талант держать в повиновении своих детей и переубеждать старейшин, которые и сами обладали немалой властью в племени. В ее глазах светилась такая сила, что мурашки бежали по спинам самых дерзких. Ей покорялись все без исключения. А если кто и сомневался в правильности ее выбора, то не находил слов, чтобы возразить.

Интель все еще властвовала над Мелейн, а Мелейн... властвовала над Народом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Начальник службы безопасности вернулся, чтобы снова нарушить покой в лаборатории. Эверсон со страхом воззрился на него: этот человек всегда так настойчив и придирчив. Ученый опустил глаза на бумаги, лежащие перед ним, и инстинктивно прикрыл их рукой, но Дегас взял один из листов и стал читать.

— Ну что, есть успехи в расшифровке радиоперехвата? — спросил Дегас. — Время не ждет.

Эверсон протянул руку за листом, Дегас отдал и усмехнулся, глядя, как старик прячет бумагу.

— Это не шифр, — сказал Эверсон. — Это идиомы. Их можно понять, если знать язык Нурага.

— Нурага?

— Планета регулов, где говорят на этом языке, — ответил сухо Эверсон и поежился, когда Дегас присел на край стола. Офицер вынул из кармана и разложил перед ученым несколько кассет.

— Доктор Эверсон, я не удовлетворен. Мы теряем время. Наши люди на планете решили сделать вылазку. Есть шансы что-нибудь найти, но гораздо больше шансов дожидаться неприятностей. Только что регулы обратились к нам с официальной просьбой. Они хотят посадить свой шаттл рядом с «Флауэром».

Эверсон прикусил губу.

— Решения принимает контр-адмирал, — сказал Дегас.

Вероятно, он ждал от Эверсона каких-нибудь замечаний. Эверсону не нравилось соседство с регулами, но он не знал, что тут можно предпринять.

— По вашим докладам контр-адмирал понял, что регулы могут совершить посадку и без нашего разрешения.

— Могут,— подтвердил Эверсон.— Они знают, что мы не попытаемся их остановить.

Дегас наклонился к Эверсону. Начальник отдела безопасности носил темный мундир; знаки отличия и оружие сверкали. Впрочем, его манеры были далеко не блестящие. «Груб, как кел'ен»,— подумал о нем Эверсон.

— Доктор Эверсон, вы нас сбиваете с толку уклончивыми ответами. Вы не говорите ничего конкретного, за исключением того, что мы не должны ничего предпринимать. Постоянно требуете, чтобы мы ждали. Скажите, как, по вашему мнению, поступят регулы?

— Я ничего не могу сказать с полной уверенностью.

— Хотя бы предположите.

— Без достаточной информации...

— Доктор, я об интуиции практика. Зачастую от нее больше толку, чем от самых мудреных выкладок теоретика.

— Нет,— возразил Эверсон.— Это опасно.

— Выскажитесь.

— Я считаю, что у регулов... могло появиться несколько взрослых. Если это так, то следует ожидать, что один из них спустится на шаттле.

Дегас с присвистом выдохнул сквозь зубы.

— Голова гидры.

Дегас с недоумением взглянул на ученого.

— Старая легенда,— пояснил Эверсон.— Очень старая. Отруби гидре голову, и на ее месте вырастут две. Убей взрослого регула, и в результате метамор-

фозы появятся двое. Шок... этакий биологический спусковой крючок...

Дегас нахмурился.

— Меня беспокоит одно,— проговорил Эверсон.— Как они учатся?

— Это уже вопрос теоретика,— ухмыльнулся Дегас, поднимаясь.— Побейтесь над ним на досуге. Как насчет остальных материалов, которые мы вам предоставили?

— Погодите,— сказал Эверсон.— Выслушайте меня, это очень важно. Вы ведь знаете, что регулы ничего никогда не записывают.

Дегас пожал плечами:

— Я уверен, что вы найдете разгадку.

— Нет! Нет! Слушайте! Они помнят... они помнят. Зеркальная память — эдейтика. То, что знала бай Шарн, она унесла в могилу. Молодые регулы прошли метаморфозу самостоятельно, они ничего не получили от старших.

— Тем проще для нас. По-моему, нет причин для паники.

Эверсон в отчаянии замотал головой:

— Мне бы ваш оптимизм... Любезный полковник Дегас, вы требовали предположений. Я их высказал. Сейчас мы имеем дело с регулами, у которых нет связи с родиной, нет прошлого. Они не знают целей своей экспедиции, они могут действовать совсем не так, как планировало их начальство. Они опасны, вы понимаете меня? На Кесрите регулы выступили в роли агрессора. Эти юноши прилетели с Кесрита. Значит, они умеют воевать. Они могут напасть на нас.

— Докажите.

Эверсон лишь рукой махнул. Он не понимал этого человека, не видел смысла в его упрямстве. Он разбирался в психологии регулов и вдруг обнаружил, что душа землянина, соотечественника,—

для него потемки. Тут поневоле задумаешься, чего стоит твой опыт ученого...

Дегас наклонился к нему:

— Докажите, ведь наши аналитики ничего не смогли выяснить. Вы что-то знаете? Скажите.

Эверсон отрицательно покачал головой:

— Доктор, время не ждет. Когда что-нибудь придумаете, свяжитесь с моим адъютантом. Эти кассеты, доктор, — со сбитого шаттла. Пилот погиб. Как это укладывается в вашу схему?

— Я бы сказал, если бы вы слушали.

— Я выслушаю, когда вы будете вполне уверены в своем мнении. — Дегас взял кассету. — Здесь поверхность планеты. Сами проанализируете или лучше отправить на «Флауэр»?

— Вообще-то я не специалист в этой области. Но посмотреть хотелось бы... Отправите потом.

— Плохо, что вы, ученые, не собраны в одном месте.

— Что поделаешь...

— Значит, вы не специалист? Ладно, внизу есть специалисты. — Дегас достал лист бумаги и положил перед Эверсоном. — Сделайте одолжение.

— Что, неужели такая спешка? — Эверсон сделал глубокий вдох, стараясь подавить раздражение. — Полковник, я тоже занятый человек. Как только чуть-чуть освобожусь, просмотрю вашу...

— Доктор, мы теряем время.

Эверсону не нравился Дегас. Слишком вульгарен и нахрапист. Но если уступить, он сразу уйдет из лаборатории. Эверсон взял ручку и написал: «Отправить кассету специалистам для изучения».

Он посмотрел на Дегаса.

— Я тоже хочу кое-что послать на «Флауэр».

— Если будет возможность. — Дегас показал на бумагу. — Добавьте гриф «срочно» и подпишитесь.

Эверсон недоумевающе взглянул на Дегаса. Нет, ему не найти логики в поведении этого субъекта.

— Я должен проконсультироваться с контр-адмиралом,— запротестовал он.

— Доктор, у контр-адмирала хватает своих забот. На флоте есть правило: что можешь сделать сам — сделай сам, что не можешь — предоставь тому, кто может. Подпишите и поставьте гриф «срочно». Шаттл стартует через час.— Он наклонился совсем близко к Эверсону.— Доктор Эверсон, вы понимаете, что происходит? Наши шаттлы летают над старыми городами и гибнут. Вы же, ученые, не говорите ничего напрямик. Мы от вас слышим только сумбурные предостережения. Мы и сами не забываем об осторожности. Но нам нужна информация. Ведь мы находимся в радиусе поражения оружия регулов. Вы понимаете? Подпишите и поставьте «срочно».

Эверсон подчинился. У него дрожали руки. Он не понимал, при чем здесь служба безопасности, но чувствовал, что ему самому угрожает опасность. Дегас собрал бумаги и кассеты.

— Благодарю,— сказал он ехидно и вышел.

Эверсон сжал кулаки и заметил, что ладони вспотели. Война с мри дала огромную власть таким ничтожествам, как Дегас. Некоторые до сих пор верят, что власть у них осталась. Этот идиот не понимает, что земляне сейчас между молотом и наковальней. Внизу — мри, наверху — регулы...

Он взял чистый лист бумаги и авторучку.

«Эмиль, Боз права. Тут каким-то образом замешана служба безопасности. Политика или что-то личное, не знаю. Следи за регулами. Не пускай их на корабль. Пожалуйста, будь осторожен. Максимум осторожности. И отправь сюда Дэнни, если сможешь без него обойтись.»

Кажется, я начинаю понимать ситуации. Но не могу добиться от солдафонов, чтобы они руководствовались элементарной логикой. Сим».

Он сложил листок, сунул в конверт, запечатал. «Льюису,— написал на конверте.— Лично в руки».

Потом откинулся на спинку кресла и погрузился в раздумья.

Кассеты. Эверсон пожалел, что отправил одну из них на «Флауэр». Он вставил кассету в плеер, бегло просмотрел. Биосканирование планеты — не его специфика. Он торопливо сменил кассету. Еще непонятнее.

Он выключил плеер и откинулся на спинку кресла. Дегас сказал, что погиб человек. Эверсон знал его имя: Ван. Экспедиция потеряла пилота. А теперь Дегас получил у Эверсона бумагу, из-за которой еще один шаттл, еще один человек подвергнутся опасности. Дегас ведет свою игру, и получается, что Эверсон — его пособник. Скорее всего, Дегас знает, что на этих пленках ничего ценного нет, и то, что он оставил их Эверсону,— откровенная насмешка.

Эверсон вспомнил о Гаррисе. Хороший пилот. Он прекрасно знает оборудование шаттлов и мог бы помочь в изучении кассет. Эверсон включил интерком.

Ему ответил оператор.

— Доктор Симеон Эверсон. Прошу найти пилота Гарриса, пусть свяжется со мной.

— Хорошо, сэр.

Он поблагодарил, выключил интерком и снова задумался, постукивая кулаком о колено.

Через некоторое время вспыхнул экран.

— Доктор Эверсон?

— Да.

— Доктор Эверсон, с вами говорит лейтенант службы безопасности Мак-Грэй. Полковник Де-

гас отклонил вашу просьбу, так как она противоречит плану операции.

— Какую просьбу?

— Относительно Гарриса. Полковник считает, что разговор с ним нежелателен. Лейтенант Гаррис выполняет задание.

— Его нет на корабле?

— Он выполняет задание, сэр.

— Благодарю.— Эверсон отключил связь и опять стиснул кулаки.

Немного погодя он собрал кассеты и бумаги, подошел к двери и открыл ее.

За дверью, в коридоре, стоял юноша в форме службы безопасности. Часовой? Или оказался здесь случайно? Спрашивать Эверсон не стал, тут же вернулся в лабораторию, обливаясь потом от страха. Положил на стол кассеты и бумаги, достал из кармана пузырек, пососал таблетку, сердце успокоилось.

Затем он снова включил интерком.

— Доктор Эверсон. Соедините с контр-адмиралом.

— Для этого нужно переключить канал, сэр.

— Переключите.

Экран на мгновение погас.

— Доктор Эверсон,— послышался голос Дегаса,— вы чем-то недовольны?

— Соедините меня с контр-адмиралом, немедленно.— Эверсон с шумом втянул воздух и выдохнул.

Пауза затягивалась. Сердце болело все сильнее. Он сам был родом с Хэйвена. В ту войну такие, как Дегас, обладали властью, абсолютной властью.

— Немедленно,— повторил он.

Молчание.

— Встреча с контр-адмиралом требует предварительного согласования,— сказал наконец Дегас.— Я попробую ее устроить.

— Немедленно!

— Я встречу вас в приемной контр-адмирала. Если вопрос касается деятельности службы безопасности, мое присутствие необходимо.

Как болит сердце... Сильнее, чем при взлете.

— Должен вам сообщить, что больше нет необходимости в полетах на планету. Это слишком опасно. Я не могу рисковать людьми.

— Слышу,— отозвался Эверсон. Ему не хватало воздуха.

— Может, у вас появилась новая информация? Надеюсь, вы ею поделитесь.

— Жалоба. Жалоба на узколобость офицеров службы безопасности. Я хочу, чтобы от моего кабинета убрали часового. Я хочу разговаривать только с теми, кого выберу сам. Я хочу говорить с контр-адмиралом.

— Короче говоря, вы хотите, чтобы деятельность всех нас, всего экипажа, отвечала вашим пожеланиям. Я пытаюсь быть вам полезным, доктор Эверсон.

— И поэтому забрали у меня кассету с ценной информацией?

— Вы получите копию. Кроме того, у меня есть ваше заявление о том, что вы не специалист по планетарной съемке. Скажите, в каком направлении вы сейчас работаете? Контр-адмирал обязательно об этом спросит.

— Вы меня запугиваете? Я протестую.

— Оставайтесь в лаборатории, доктор Эверсон.

Снова Эверсона охватил страх. Интерком отключился. Неужели он теперь не может поговорить ни с кем, кроме офицера в коридоре? Конечно, тот не посмеет применить силу, если Эверсон выйдет из кабинета. Но слежка, надзор... Какая мерзость!

Он понял, что не осмелится выйти.

Он сидел и ждал.

Вскоре вошел офицер, затворил дверь, пересек лабораторию, подошел к Эверсону и сказал, спокойно глядя в глаза:

— Мы не понимаем друг друга. Нужно объясниться.

— Дегас, уберите своего бульдога от моей двери.

— Там никого нет.

Эверсон перевел дыхание.

— Я протестую.

— Это ваше право, а мое — поступать так, как требует обстановка.

— Господи, да что с вами? — воскликнул Эверсон. — Мы что, враги?

— Похоже, мы по-разному видим ситуацию. — Дегас опять устроился на столе. — Доктор, у нас обоих есть совесть. Вы видите сквозь призму страха. Я — в реальном свете. Вы встречались с мри? Говорили с офицером планетарной разведки, который перешел на их сторону?

— Мы все — с Хэйвена. Мы ничего не забыли. Но...

— Сейчас интересы дела требуют, чтобы мы пошли на конфликт с регулами ради спасения мри. Вы это понимаете?

Эверсон раскрыл рот от изумления. Политика снова совершила невероятный курбет.

— Я... я не понимаю... Нет, это безумие...

— Это необходимость.

Доктор поднял руку, чтобы вытереть пот со лба, и взглянул на Дегаса.

— Вы не советуете этого делать? — спросил тот.

— Нет. С ними трудно иметь дело, но можно, это я знаю. А в нынешней ситуации не просто трудно — опасно.

— Вы действительно не понимаете положения дел? Сейчас мы должны блюсти интересы мри. К такому выводу пришла исследовательская партия на планете. Начальник партии, доктор Боаз, хочет вступить в контакт с мри. Регулы нам не угрожают. Это не агрессивная раса, они не пойдут на конфликт. Вы согласны?

— Но мы в крайне опасном положении. Вы сами сказали...

— Доктор Эверсон, мы должны изучить ситуацию во всех аспектах, чтобы правильно вести политику. Сейчас получены новые данные, удостоверяющие, что города на планете функционируют. Мри не желают контакта с нами. Поэтому мы высадили на планету группу миротворцев. Союзники действуют сейчас независимо от нас... Причина — изменение нашей политики по отношению к мри или убийство их лидера агентом мри. Вы можете сказать, каковы их намерения? Какие меры безопасности мы должны предпринять?

Эверсон сидел молча. Затем он медленно скомкал конверт с письмом Льюису и сунул в карман.

— Значит, в старых городах есть жизнь? И тем не менее вы отправили группу...

— Насчет городов мы узнали только сегодня утром. И у нас нет связи с партией.

— Нельзя ее вернуть?

— Можно, но тогда регулы поймут, чего мы добиваемся. Как они это воспримут? Какой реакции нам ждать? Доктор, вы должны ответить. Что вы можете о них сказать?

— Мы не должны с ними ссориться. Да. Мы не можем потерять таких союзников.

— Конкретные меры, доктор.— Дегас поудобнее устроился на столе.— Нам нужны письменные ре-

комендации, применимые на практике. Ведь на нас сейчас нацелено оружие и мри, и регулов. Мы пытаемся защитить мри, рискуя порвать договор с регулами, стать врагами расы, от которой могли бы получить громадную пользу. Мне кажется, доктор, нам с вами предстоит серьезный и обстоятельный разговор.

— Хорошо, я подумаю.

— Прямо сейчас подумайте, не откладывая,— хмуро проговорил Дегас.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Кто-то шевельнулся рядом. Ньюн вздрогнул, поднял голову, с тревогой вспомнил о Данкане... Посмотрел на него и увидел, что тот спокойно спит.

Кел Рас сидела на корточках рядом, опираясь на меч и глядя на Ньюна из темноты.

— Они тут, — шепотом сказала она. — Кел'ант, я думаю, тебе нужно выйти и посмотреть самому.

Ее шепот разбудил келов. Они ворочались, вставали. Вот приблизились Хлил, Сэйрас, Десаи, Мирин, юные Тэйз и Диас и другие... По спине Ньюна побежали мурашки, он остро почувствовал одиночество. Еще раз взглянул на Данкана, а тот лежал, зарывшись лицом в шерсть дуса, уйдя от суровой реальности в сон.

Что бы ни произошло, мри должны оставить Данкана в покое, ведь он — кел'ен с Кесрита, что само по себе — высокая честь. Что же касается Ньюна и Мелейн...

Он поднялся на ноги, отбросив в сторону все сомнения и тревоги, взял меч, положил на плечо и вышел из палатки. Рас, Хлил и Десаи вышли за ним. Было раннее утро.

— Ши'пан сообщили? — спросил он.

Никто не ответил, и Ньюн жестом отправил Десаи в палатку ши'пан. Необходимо забыть обо всем второстепенном, сосредоточиться на том, что ему предстоит сделать. Рядом с ним нет друзей.

Только свидетели. Снова нахлынуло чувство одиночества.

В тусклом свете наступающего утра еще ничего нельзя было рассмотреть. Полутьма обманывала глаза, заставляла видеть то, чего не было на самом деле. Вероятно, тысячи врагов укрылись в складках песчаной равнины. Рас подняла руку, указывая на северо-восток, где каменная гряда нарушала однообразие равнины.

И там не видать ни души.

К кел'енам подошли каты. Должно быть, весть уже разнеслась по всему лагерю. Появились и сен'ены, но детей-катов не было видно. Они укрылись.

Знакомая кат'ен принесла Ньюну сосуд с напитком. Он вспомнил утро, когда эта женщина с симпатичным, добрым лицом подарила ему свои ласки, и тогда у него впервые возникла иллюзия любви и безопасности.

— Анарас, — прошептал он ее имя, сделал несколько глотков и вернул сосуд, снова ощутив одиночество. Еще явственней, чем раньше.

Кат'ены исчезли. И правильно: в том, что вот-вот может произойти, им не место. Сен'ены остались, и Ньюн, обернувшись, увидел среди них белый силуэт Мелейн, поймал ее взгляд. Она не сказала ему ни слова, только ободряюще кивнула. Он подошел к ши'пан, и она коснулась губами его лба. После этого он направился за круг палаток, и все келы последовали за ним.

Потом келы остановились, и он пошел дальше, на вершину холма, за которым простиралась пока еще пустынная равнина. На ней гулял холодный ветер.

Конечно, зря он после долгого и трудного похода не заставил себя отдохнуть как следует, а провел бессонную ночь возле Данкана. Ньюн накинул ву-

аль — перед чужими кел не может появиться с открытым лицом. Он перестал быть собой, Ньюном с'Интель, он отдал себя в руки Закона, в руки ши'пан, в руки Народа, в руки богов.

Он ждал.

* * *

Город действовал на психику угнетающе. Беспорядочные груды камней, трупы, улицы, по которым гуляют лишь эхо шагов, свист дыхательных масок и вой ветра. Галей внимательно следил за пустыми раковинами домов, которые казались давно покинутыми, и радовался, что оружие под рукой и с ним несколько надежных товарищей. Только Боаз не вооружена.

И облегчение, и разочарование испытал Галей, обнаружив, что в городе нет жизни и никто не нападет из-за угла. Ничего. Ветер, песок, развалины.

И мертвецы.

Сначала он видел только трупы кел'енов в черных мантиях. Затем стали попадаться золотистые мантии, голубые...

Голубые мантии носили женщины, и дети, и грудные младенцы. Боаз стояла над трупами и горестно качала головой. Шибо тронул ногой кел'ена, без грубости, но с отвращением.

— Здесь нет никого живого, — сказала Боаз, надрывно дыша. Она была очень грузной и к тому же несла довольно тяжелую ношу. — Если бы тут кто-нибудь остался, он бы похоронил мертвецов.

— Данкан утверждал, что города пусты, — заметил Галей. Он подумал, что Данкан мог солгать, и в душе родился страх — он требовал бросить все и бежать на корабль, стартовать и сообщить начальству, что задание невыполнимо и нужно улетать от этой проклятой планеты. Но он поборол эту сла-

бость. Он смотрел на убитых женщин и детей, и в нем поднималась волна гнева. Галей понятия не имел, что сейчас чувствуют Кэдарин, Лэйн и Шибо, но предполагал, что то же самое.

— Данкан говорил об убитых мри: женщинах, детях,— сказала Боаз.— Мы убедились, что он не сгущал краски.

— Он говорил и о машинах,— заметил инженер Лэйн, еще довольно молодой человек.— О действующих машинах.

— Я не сомневаюсь, что мы найдем здесь и их,— ответила Боаз. Она осмотрелась и выбрала подходящее, по ее мнению, направление.

— Идем,— согласился Галей.

И они пошли, держась за оружие, настороженно вглядываясь в черные арки непривычной конструкции, в развалины.

— Идите, как ходят мри,— посоветовала Боаз.— Держите руки подальше от оружия.

Это было непросто.

* * *

На пустынной равнине выросли черные силуэты. Ньюн стоял спокойно, хотя ноги гудели от усталости. Враг появился и теперь ждал, когда взойдет солнце. Легенды говорили, что Народ рожден от Солнца, и хао'нат не решились начать битву в темноте.

Становилось все светлее. Уже можно было различать цвета. На востоке засверкал Нэй'ай'ин.

И тут появилась вторая цепь кел'енов, в отдалении от первой. Сердце Ньюна тревожно забилося. Если бы за спиной стояли келы из племени джей'эном, он бы высказал им свои опасения. Но перед чужими воинами ни один мускул не дрогнул на его лице. Ньюн лишь слегка повернул голову и увидел третью цепь на юге...

Значит, они окружены. Три ши'пан объединились между собой. Три племени поднялись против них. Три кел'анта... пошлют ему вызов.

Как же быть? Драться с каждым по очереди или со всеми сразу? Он упал духом, как только подумал о Мелейн. Она умрет, если погибнет он. Поднялся гнев, когда Ньюн вспомнил, чем он пожертвовал, чтобы привести ее сюда... Неужели снова все будет потеряно?

От каждой цепи отделилось по одному темному силуэту. Это начало. Хао'нат решили выступить первыми. Ньюн выбросил все мысли из головы, успокоил дыхание. Приготовился...

Но вот появилось еще одно племя... Четвертое... А вот и пятое, на северо — востоке.

Они знали... все знали... что на планете чужие и где их можно найти. Ньюн ощутил импульсы своего дуса. Зверь чувствовал кровь, в нем росла ярость.

«Нет!» — мысленно приказал ему Ньюн. Сейчас он видел всех пятерых кел'антов. Название племен он не знал, хотя должен был бы знать. Мри этого мира... с вуалями на лицах, с блестящими Знаками Чести, каждый из которых означал вызов и победу. Возможно, они уже получили приказы от своих ши'пан, как он получил приказ от Мелейн... Если так, все кончится гораздо быстрее. Они все рисковали: ведь, если племя потеряет кел'анта на дуэли, оно перейдет под власть ши'пан-победительницы. А Владычица проигравшего племени умрет...

Они уже достаточно близко, чтобы напасть. Но он стоял неподвижно. Это было его право. Он ждал, когда они подойдут вплотную. А еще ждал удара в спину, обращенную к своему лагерю.

Позади раздался шорох, и Ньюн едва не содрогнулся. Измена? Шаги приближались. «Данкан», —

подумал он и, повернув голову, увидел, как слева от него остановился кел'ен.

Хлил. Ньюн не сдержал удивления, когда Хлил взглянул ему прямо в глаза. За Хлилом встал Сэйрас... «Слишком стар,— тревожно подумал Ньюн.— Он мастерски владеет оружием, но в таком поединке ему не победить». С его стороны это скорее проявление мужества, чем реальная помощь. Послышались шаги справа. Ньюн повернул голову и опешил, увидев Рас; взор ее, как всегда, был холоден. Внезапно рядом появился пятый: кел Мирин, один из Мужей, которого Ньюн едва знал.

Это в корне меняло ситуацию. Он повернулся к тем пяти, что шли бросить ему вызов. Сердце билось все сильнее. Неужели это ловушка, неужели кел'ены чужих племен и кел'ены его Народа сговорились между собой? Или же его кел'ены решили защитить право Ньюна на джей'эном? Теперь он мог вызвать всех сразу, расправиться сначала с сильнейшим, а четверых использовать, чтобы задержать остальных кел'антов.

Но это означает, что четверо из его племени погибнут.

Пятеро келов остановились перед ним.

— Кел'ант джей'эном! — крикнул тот, что в середине.— Мы — джей'эйри, ка'эйномин, пата, мэйри и хао'нат! Я — кел'ант Тиан с'Эдри Дэс-Пэйран, дайтон Эдри, ши'пан племени джей'эйри. До нас дошли слухи, и мы спрашиваем: даст ли нам ответ кел'ант джей'эном?

— Кел'ант джей'эном! — крикнул крайний справа.— Я кел'ант Риан с'Тэйфа Ма-Эддин, дайтон Тэйфы, ши'пан племени хао'нат. И мой вопрос тебе известен.

Наступила тишина. Все они говорили на хол'эйри, а не на му'ара своих племен. И кел'ант хао'нат остался жив... и сам бросает вызов Ньюну.

— Кел'анты! Я — Ньюн с'Интель Зайн-Абрин, дайтон Мелейн, ши'пан племени джей'эном и всего Народа.— Он глубоко вздохнул и сжал рукоять меча.— Я кел'ант Странников, тех, кто пришел из иного мира; наследник Ан-ихона и Ли'эй'хэйна, Цоухэйна и Зу'и'ай-шэя, кел'ант келов Народа, Рука ши'пан Тайн; во имя ши'пан Мелейн я завоевал джей'эном, от ее имени я защищаю его, бросаю вызов или принимаю вызовы. Путь, который мы избрали,— наш путь, и я буду защищать наше право идти по этому пути. Берегитесь!

Они некоторое время стояли молча. Кто-то шевельнулся. встревожив дуса, и Ньюн успокоил его.

За его спиной послышались шаги и шелест ткани, и в воздухе разлился запах священного бальзама. Ньюн лишь краем глаза заметил белую мантию — он не рисковал выпустить из поля зрения врагов.

Мелейн.

— Кел'ант джей'эном! — крикнул Риан из хао'нат.— Пусть твоя ши'пан скажет нам слово.

Любой вопрос враги могли задать ей только через него.

— Скажи им,— услышал он голос Мелейн,— пусть позовут своих Матерей сюда.

* * *

На большой площади лежало множество трупов, полузасыпанных песком. Но из-за соседства с Эдуном, что возвышался над руинами, они не бросались в глаза. Даже то, что здание было почти разрушено, не умаляло его величия.

— Идем через середину площади,— тихо сказал Галей и первым двинулся в путь. Боаз уверяла, что мри не нападут из засады; так говорил и Данкан. Что ж, таиться бессмысленно.

Сорок лет земляне воевали с мри, и весь опыт этих войн утверждал обратное. Мри нападали только из-за угла, из засады. «Как и сами земляне», — с неожиданной иронией подумал Галей. Никогда землянин не выходил на открытый бой с мри.

Мертвые... чужие... везде. Но мертвые дети — всегда трагедия. Вот лежит женщина, широко раскинув руки, стараясь укрыть трех детей, словно надеялась защитить их от страшного оружия. Там — воин, держащий в объятиях ребенка. Вот двое мри в золотистых мантиях, они обнялись перед лицом неминуемой смерти, полностью примирились с ней.

Пусть они — чужие, враги... Они мертвы. Их убили регулы. А может, они сами навлекли на себя эту кару. Ведь были Хэйвен, Килува, Асгард, Талос... и еще много-много зла, содеянного ими. Они воевали всегда — не с чужими, так со своими. И теперь этот город мертв... но Галей всем сердцем желал, чтобы хоть одна живая душа встретила его среди этих развалин.

Они подошли к лестнице. Галей направился вперед, к темному проему входа. Он бывал в таких Эдунах, которые служили крепостями и еще чем-то... Святилищем? Домом? Этого никто не знал. Сорок лет войны. И сорок лет никто не знал, что воины-келы — это еще не все мри, что есть каты и сены. Две трети расы мри не сражались, не проливали кровь.

Эдун поразил воображение всех. Они шли, изумленно глядя по сторонам, не веря своим глазам. Галей был военным, сражался, сколько себя помнил, и до сих пор был уверен, что мри умеют лишь воевать. Но теперь он понял, что ошибался.

Никто не проронил ни слова. Боаз остановилась возле узкого окна, чтобы посмотреть на площадь, по которой они пришли. Их обступил сум-

рак Эдуна, в нем слышались только звуки их шагов и шум дыхания.

Галей взял факел, зажег его и осветил заваленный обломками зал.

— Эй! — крикнул он, словно пытался вызвать хозяев. Но ему ответило только эхо.

— В левую башню, — сказала Боаз.

— Тут все может обрушиться, — возразил Галей, но пошел по спиральному коридору. Тьма встречала их впереди и оставалась позади. Самое подходящее место для засады...

Откуда-то сверху через пролом хлынул свет, и перед ними открылся широкий зал с рядами машин. Сердце Галея бешено забилося. Он уже видел подобное на Кесрите.

— Святилище! — воскликнул он.

Боаз остановилась в проходе, посмотрела по сторонам, на Галея и двинулась дальше.

В центре зала пол отсутствовал. Там зияла брешь, торчали искореженные стальные балки.

На панелях машин вспыхнули огоньки.

— Ни к чему не прикасаться, — тотчас предупредил Лэйн.

Он прошел вперед, осмотрелся, оттеснил Шибо и Кэдарина в сторону, нарисовал на полу черту, за которую нельзя заходить. Галей переступил черту, но Лэйн вытолкнул его обратно.

— Оружие, — сказал он. — Похоже, оно управляется отсюда.

— Ан-хи? — прогрохотал металлический голос. Боаз в страхе покачала головой, ничего не понимая. Голос не умолкал, задавал все новые вопросы.

«Оружие! — в страхе подумал Галей. — О Боже! Корабли на орбите... мы включили машины».

Лэйн шагнул за черту и остановился в призрачном свете лампочек машин. Он смотрел на экраны, где мерцали загадочные письмена мри.

— Хнэй'ми! — выкрикнул он единственное известное ему слово на языке мри. Оно означало «друг».

Снова — громовые голоса с вопросительными интонациями. А затем — удар. Лэйн с остекленевшими глазами рухнул на пол.

— Не стрелять! — крикнул Галей, увидев пистолет в руке Шибо.

Все машины ожили, экраны зловеще замерцали. Боаз хотела пощупать пульс у Лэйна, но передумала и отступила назад. Все застыли на месте. Галей бросил взгляд на Шибо и Кэдарина, не скрывавших тревоги, на Боаз, которая зачарованно смотрела на машины, на Лэйна, который лежал как мертвец.

Постепенно все затихло. Лампочки погасли. Галей схватил Боаз за руку и потащил к выходу. За ним бросились остальные.

И вот они на лестнице. Остановились у входа, прислушались.

Площадь, песок, солнце — все, как прежде. Пришельцы стояли, тяжело дыша, глаза сверкали, как у безумцев.

— Мы не можем ему помочь, — наконец заговорил Галей. — Сейчас не можем. Но мы вернемся за ним.

Никто не возразил.

— Данкан об этом рассказывал, — произнесла Боаз. — Машины. Все, как он описывал.

Город больше никак не проявлял враждебность. Самое страшное, чего ожидали земляне, не произошло. Возможно, машины ждали приказа мри. Возможно, поначалу они приняли землян за своих хозяев. «Кто вы? — должно быть, спрашивали они. — Что мы должны сделать?» Громадный безрассудный великан требовал указаний.

— Если между городами есть связь, то, возможно, о нашем визите уже знают в других местах.

Шибо и Кэдарин молчали и смотрели на Боаз, толстую и слабую Боаз, которая стала их единственной надеждой в этом мире.

— Да, не исключено,— согласилась она с Галеем.— Но ведь они не стреляют.

— Уходим,— скомандовал Галей.— Сейчас же.

Он быстро пошел вниз по ступеням, остальные — за ним. Мимо трупов кел'енов, через площадь. Это его ошибка, его вина. Конечно, Лэйн поступил храбро, но опрометчиво. Не надо было заводить разговор с машинами. Но ведь он, Галей, мог что-то сделать, запретить, оттащить его наконец...

— Мистер Галей...— Боаз задыхалась под маской, даже рискнула ее приспустить.— Нам ведь еще не о чем докладывать. Мы не можем вернуться... вот так.

Галей не ответил. Он шел, стараясь забыть о смерти Лэйна, думать о другом.

Наконец они пересекли площадь и остановились среди развалин.

— Возвращаемся на шаттл,— сказал Галей,— и попытаемся попасть в другой город.

— Сэр,— заговорил Кэдарин,— не подумайте, что мы против, но нельзя ли что-нибудь сделать здесь? Мри — это куда ни шло, но машины...

— Я о другом беспокоюсь,— сказал Шибо.— Какотреагируют машины на взлет нашего шаттла?

— Мри живут не в городах,— произнесла Боаз.— Данкан нам сказал правду насчет машин, значит, ему можно верить и в остальном. Нам нужно искать встречи с мри, а не с машинами.

— Полетим на бреющем,— сказал Галей.— Это все, что мы можем сделать. Ведь мы летаем только по определенным коридорам, зонам относитель-

ной безопасности; если повезет, наткнемся на мри. Я тоже считаю, что возвращаться на орбиту еще рано. Может быть, другие города не так сильно разрушены.— Он опустил голову и долго смотрел в землю, держа руки в карманах. Затем взглянул на спутников.— Думаю, пока не стоит докладывать об инциденте с Лэйном. У нас нет времени для объяснений, к тому же нас могут срочно отозвать. Уверен, что и сам Лэйн согласился бы со мной.

— Пока мы действуем,— сказала Боаз,— у начальства нет причин нас отзывать и нет повода возобновить вот это.— Она указала на трупы.— Если вернемся, кто знает, какое будет принято решение? А если останемся, глядишь, и сумеем доказать, что контакт с мри возможен. Давайте отбросим страхи и попробуем решить проблему мри, как этого требуют справедливость и здравый смысл.

Шибо и Кэдарин кивнули.

— Идем,— сказал Галей.— Впереди долгий путь.

* * *

Прошло немало времени, прежде чем все Матери собрались на песчаном склоне. Некоторые из них были очень стары, и все шли очень неохотно. Ньюн стоял неколебимо, хотя от усталости все мышцы дрожали. Он смотрел, как на что-то необычное, на белые силуэты, появляющиеся из-за холмов. Каждую ши'пан сопровождали кел'ант и несколько сенов.

Мелейн двинулась вперед, чтобы встретить их на склоне. Ньюн последовал за ней. К ним присоединился сен'ант Сатас. Ньюн молчал. Пусть говорит Мелейн, раз такова ее воля. Несомненно, она видит способ решить эту сложную и, на его взгляд, неразрешимую проблему. Он надеялся на это всей душой.

Скорее всего, она предъявит Матерям ультиматум, а потом он вызовет всех кел'антов. Так было с племенем джей'эном.

Они остановились на расстоянии, не превышающем броска камня, — этого требовал Закон. Кел'ены были в вуалях, Матери и сен'ены — с открытыми лицами, на которые годы наложили свою печать. Одна за другой Владычицы называли себя: Тэйфа, ши'пан племени хао'нат; Эдри, ши'пан джей'эйри; Хета'ин, ши'пан пата; Неф, ши'пан мэйри; Утан, ши'пан ка'эйномин. На лицах Тэйфы и Хета'ин Ньюн разглядел шрамы касты келов, и только Неф, женщина средних лет, выглядела сравнительно молодой.

— Назови свое имя, — сказала Тэйфа.

— Я — Мелейн с'Интель, Мелейн не-из-джей'эном, Мелейн с Кесрита, последнего пристанища Странников, наследница городов Кутата и Эдунов Нисрена, Элага, именуемого Хэйвеном, и Кесрита.

Все Матери хранили молчание и даже не переглянулись.

— Вы бросите мне вызов или выслушаете меня? — спросила Мелейн.

Ни слова, ни звука. Только ветер и шепот песков.

— Мне нужны кел'ейны, — сказала Мелейн. — Мне нужно сорок рук ваших келов. Тех, кто останется в живых, я отошлю обратно со Знаками Чести.

— Куда ты поведешь их? — спросила Хета'ин. — На какую войну? С какой целью? С твоим приходом начались наши беды, разрушение наших городов, появились ци'мри. Куда ты поведешь наших воинов?

— Мне нужны ваши дети, чтобы исполнить то, для чего мы были предназначены с самого начала. Матери, я построю вам Дом.

Они беспокойно зашевелились, стали переглядываться, хотя не имели права смотреть друг на друга, заключать союзы между собой.

— В твоём племени — ци'мри, — сказала Тэйфа.

— Матери, доверьтесь мне, во имя Тайны Тайн, дайте кел'енов, у которых хватит мужества вступить в эту битву, дайте сен'енов, которые будут свидетелями их подвигов и опишут их для ваших Святилищ.

— Для битвы с ци'мри? — визгливо произнесла Тэйфа. — С двуногими зверями?

— Тэйфа, ты знаешь, что я не с Кутата. Ты знаешь, откуда я родом. Сейчас мы все должны принять важное решение. Наш корабль погиб. Наших врагов не счесть. Из всех Странников в живых остались только двое: я и мой кел'ант. Мы двое... вернулись на Кутат, нашу прародину, и теперь вы хотите погубить нас, сделать то, что не удалось ци'мри. Но вместе с нами погибнете и вы. Садитесь и ждите смерти, Матери, или дайте мне силы, которые мне необходимы.

Тэйфа повернулась и пошла прочь, но была остановлена своим кел'антом. Холодок пробежал по спине Ньюна. Какое-то время он еще надеялся на невозможное, на то, что пять Матерей объединятся против общего врага, против пришельцев...

Навстречу Ньюну двинулся кел'ант хао'нат — Риан с'Тэйфа. Ньюн пошел вперед, встретил его взгляд поверх вуали; Риан был старше, чем Ньюн, выглядел усталым — он ведь тоже проделал большой и трудный путь. В глазах его не было враждебности, только сожаление. Такое же выражение было и в глазах Ньюна. Тогда, в поединке с Мирем, он тоже глядел с сожалением, и так же глядел Мирей. Он бы, наверное, запротестовал, но при вызове на поединок кел'ант не имел права говорить.

Кел'ены обоих племен должны были обступить кольцом единоборцев, чтобы схватки кел'антов не видели другие касты.

С легким шелестом мечи выскользнули из ножен, взметнулись над головами. Ньюн ждал, полностью отрешившись от всего, кроме меча.

Начался бой, удар за ударом. Ньюн отражал вражеский клинок и делал ответные выпады. Кровь еще не пролилась, лишь бряцал металл. Риан был хорошим воином. Еще удар. Глаза и разум Ньюна переместились в клинок меча. Еще выпад. Ньюн разгадал коварный трюк и легко уклонился от смертельного удара.

— Стойте!

Слово коротко прозвучало из уст Тэйфы, и оба застыли с поднятыми мечами. Ньюн подумал о предательстве. Глаза янтарного цвета, такие же, как у него, смотрели в ответ.

— Кел'ант хао'нат! — крикнула Тэйфа. — Прекратить поединок!

Ньюн спокойно сделал шаг назад, и теперь кел'анты были недосыгаемы друг для друга.

— Прекратить, — повторила Тэйфа. — Хао'нат просят остановить поединок.

Ньюн сделал еще шаг назад и подождал, пока Риан вложит меч в ножны. После этого спрятался и его собственный клинок. Остановить поединок — право вызвавшего, если он не желает смерти никому из единоборцев. Но вызванный может потребовать продолжения дуэли, и тогда чья-то гибель будет неминуема.

Ньюн с радостью понял: он выиграл, противник остался жив. Но успокаиваться рано. Его могут вызвать опять. Вполне возможно, что каждый кел'ант захочет испытать силу Ньюна.

— Мы дадим тебе две сотни кел'енов, — сказала Тэйфа, — и нашего кел'анта с ними. Ты можешь требовать больше, но мы дадим только их.

Пауза.

— Я принимаю,— сказала Мелейн. Ньюн медленно выдохнул. В ушах стучала кровь, он плохо слышал.

— Однако,— сказала ши'пан пата,— наши кел'анты и по две сотни воинов от каждого племени останутся с тобой, только если мы согласимся с твоими замыслами. Мы не можем присутствовать в твоём шатре, поэтому разреши нашим кел'антам быть на Совете и рассказать нам обо всем, что они услышат. После этого мы решим, что делать: дать тебе кел'енов или прислать вызов. Я думаю, это справедливо.

— Да,— в один голос согласились мэйри и джей'эйри.

— Мы, ка'эйномин, должны сначала посоветоваться со своими союзниками из Эдуна Цоухэйна. Эдун находится далеко отсюда, и нам потребуется несколько дней, чтобы сообщить о своём решении.

— Да будет так,— сказала Мелейн.— Жизни и Чести.

Она повернулась; остальные Матери тоже, вместе со своими сен'енами. Кел'анты задержались, прикрывая отход Владычиц.

Ньюн посмотрел на Риана. Лоскут материи лежал на песке. От чьей он мантии, Ньюна или Риана? Ньюн открыл лицо, чтобы кел'анты других племен смогли его рассмотреть. Те последовали его примеру, и Ньюн вглядывался в их лица, стараясь запомнить Риана из хао'нат, Тиана из джей'эйри; самым молодым оказался Кедрас из племени пата. На лице его красовался свежий шрам от угла рта до кончика подбородка. Эла, кел'ант мэйри, был старше Кедраса, но самым старшим был Калис из ка'эйномин. Сет'алы на его лице почти стерлись от времени.

Ньюн повернулся и пошел за Мелейн. Некоторое время они шагали порознь. Он взглянул на поджидавших его четверых кел'енов, тех, что совершенно неожиданно встали рядом с ним, и понял, что они поступили так не ради него самого, а ради чести племени джей'эном и Святыни. Они не хотели смешения племен после поражения Ньюна. Род Рас много лет защищал честь джей'эном, и поступок ее был обусловлен долгом памяти погибшему брату. И у Хлила, и у Сэйраса, и у Мирина... у всех были свои причины поступить так, как они поступили, и Ньюн был рад, что их интересы совпали с интересами Мелейн и его собственными. Рад и благодарен.

Он шел впереди, и вот они влились в черные ряды келов, вошли в лагерь, где встревоженные кат'ены и сен'ены ожидали решения своей судьбы, судьбы всего племени.

— Достигнуто соглашение, — произнесла Мелейн во всеуслышание. — Они пришлют кел'антов на наш Совет, а затем предоставят нам помощь. Дуэли не состоялись.

Все в лагере перевели дыхание. Но радость была омрачена, ведь над ними по-прежнему властвовали чужие, вели их к непонятной цели. И все же джей'эном остались племенем со своими обычаями и жизненным укладом, и за это спасибо богам.

Взволнованный дус Ньюна вышел из палатки. Ньюн успокаивающе коснулся его лохматой головы и проводил взглядом Мелейн, уходящую в окружении сенов.

Апатия налетела, как порыв холодного ветра. Он повернулся и вместе с дусом вошел в палатку, не глядя больше ни на кого, даже на тех четверых, к кому только что испытывал горячую благодарность. Вероятно, они подумали, что высокомерный кел'ант снова отвернулся от них. Он подошел к Данкану, сел рядом, — сов-кел все еще спал, положив голову

на плечо своего дуса; в слабом свете, проникающем сквозь полог, лицо его было спокойным, как у мертвеца. Ньюн скрестил ноги, опустил руки на колени и настроился немного отдохнуть.

Раздались шаги. Он открыл глаза и увидел Хлила.

— Ты не ранен?

— Нет, благодарю тебя, кел Хлил.

— Я поступил так, как должен был поступить второй среди келов.

— Да, конечно. Где Рас?

— Там, где ей хочется быть. Она не спрашивает меня, где ей находиться.— Он посмотрел на Данкана, нахмурившись. Ньюн заметил, что Данкан открыл глаза и глядит на обоих. Хлил коснулся его рукава с таким видом, будто перевозмог страх или отвращение.— Кел'анты других племен очень встревожатся, когда увидят его.

Ньюн положил руку на плечо Данкана, желая успокоить его. Землянин уже понимал разговор, хоть и не совсем очнулся от сна.

— Они придут,— сказал Хлил Данкану.— Ты сможешь посмотреть на них.— И отвел взгляд.— Никогда не думал, что такое может случиться.— Он поднял глаза на Ньюна.— Данкан — с тобой, и никто из чужих до него не дотронется. Но я уверен, что вовсе не его кел'антам хочется увидеть в первую очередь.

Данкан моргнул. Должно быть, понял, о чем говорит Хлил.

— Что ж,— сказал Ньюн,— проводи их сюда, когда они придут в лагерь.

Хлил нахмурился.

— Пусть увидят меня таким, какой я есть.

— Но ты совсем не такой! — воскликнул Хлил.— Чужие кел'анты увидят совсем не то, что ты есть на самом деле.

Эти слова рассердили и встревожили Ньюна.

— Хлил, ты совсем не знаешь меня. Слушай. Данкан — мой брат, а дус — часть моего разума. Я не с Кутата, я не из рода Мирея. Приведи сюда кел'антов.

— Хорошо. — Хлил встал и удалился с видом оскорбленного достоинства.

И вот они пришли — кел'анты пяти племен... Мягкий шелест мантий, гордое молчание. Каждого сопровождало несколько кел'енов, и всего их было шестнадцать. Хлилу они показались черной стеной. Он попятился и сел рядом с Ньюном и Данканом.

Ньюн повел рукой, приглашая гостей сесть на подстилки. Они уселись и подняли вуали. Полог шевельнулся, в палатку вошли кел'ены племени джей'эном.

Ньюн положил руку на плечо дуса и замер, предоставив чужим кел'енам смотреть на него сколько пожелают. Только Риану удалось сохранить бесстрастное выражение на лице.

— Я приветствую вас, — прервал наконец Ньюн сверх меры затянувшуюся паузу. — Сразу хочу предупредить: не давайте воли сильным чувствам, животные улавливают их и посылают вовне. Они могут причинить вам вред, если вы не будете держать себя в руках. Келы Кесрита, откуда я пришел, очень ценили дусов за эту способность. Они приручали зверей для своих целей. Дусы — преданные друзья, но могут быть злейшими врагами. Риан с'Тэйфа, я прошу у тебя прощения. То был миг смятения и замешательства.

Похоже, остальные ничего не поняли. Риан встретился взглядом с Ньюном, затем посмотрел на Данкана.

— Он из джей'эном, — ответил на безмолвный вопрос Ньюн.

Повисло тяжелое, гнетущее молчание. Дусы шевельнулись, но Ньюн успокоил их прикосновением.

Сейчас звери могли разрушить все, что с таким трудом было создано.

— Он с чужого корабля,— сказал Риан.— Мы проследили за ним. И ты с ним встретился. Это вопрос, который я хочу задать, кел'ант джей'эном.

— Я — Данкан-Без-Матери,— застиг всех врасплох хриплый голос. У Данкана открылись глаза.— Я прилетел на корабле мри, но ходил к ци'мри, чтобы спросить, что им здесь нужно.

— Сов-кел,— успокаивающим тоном сказал ему Ньюн и повернулся к Риану.— Он не лжет.

— Кто он? — спросил Калис.

— Мри,— сказал Ньюн,— но когда-то был землянином.

— Это касается только нашего племени, уважаемый кел'ант ка'эйномин из Цоухэйна,— вмешался Хлил.

Вновь наступила долгая пауза.

— Он болен.— Риан махнул рукой.

— Я вполне здоров,— возразил Данкан, которого задел презрительный жест чужого кел'анта. Ньюн предостерегающе положил руку ему на плечо.

По лицу Риана, казалось, прошла рябь.

— Пусть так,— согласился он.— Мы обсудим этот вопрос позднее.

— Несомненно,— сказал Калис,— у нас с вами разные боги. Некоторых мы приемлем. Но что принесли нам вы? Мы видели, как садились и взлетали корабли. Хао'нат говорят, что Ан-ихон уничтожен. Мы не знаем судьбу Цоухэйна. Ци'мри не впервые появляются в нашем мире, но — боги! — еще никогда мри не приводили их с собой!

— В том мире, откуда мы пришли,— заговорил Ньюн,— мы оставались последними. Мы служили ци'мри, которые наняли нас. Но не расе Данкана. И теперь бывшие наши хозяева прилетели сюда, чтобы покончить с нами. Впрочем, это дело ши'пан,

а не мое. Разделите с нами огонь и пищу, разделите катов, если они придутся вам по душе. Вы окажете им честь своим вниманием. Что же касается остального, то прошу, не спешите с выводами.

— Когда твоя ши'пан будет говорить с нами? — спросил Элан, кел'ант мэйри.

— Не знаю, она позовет меня и скажет. А пока устраивайтесь поудобнее.

— Нам не уместиться в твоей палатке, мало места, — заметил Кедрас.

— Мы уберем стенку и поставим рядом еще одну палатку.

Наступила тишина, а затем отчетливо прозвучал голос Кедраса:

— О боги, мы — под одной крышей с ци'мри!

— Келы моей родины служили ци'мри, — медленно заговорил Ньюн. — И перелетали от планеты к планете на кораблях ци'мри. Тем самым они защищали мри, живущих на других планетах, в том числе и на Кутате. Это было в те времена, когда Народ жил в больших городах.

— Келы этого не знают, — сказал Кедрас. И другие подтвердили кивками.

— Мы принесем палатки, — сказал Тиан, кел'ант джей'эйри, — и разместимся порознь.

Остальные вновь кивнули.

Ньюн почтительно встал, прощаясь с гостями. Кел'ены джей'эном тоже поднялись, затем опустились на подстилки. Хлил и несколько келов проводили иноплеменников до выхода — им могло что-нибудь понадобиться.

Ньюн сидел, глядя на опустившийся полог палатки.

— Чужие, — услышал он голос Данкана и понял, что тот еще ничего не знает. — Здесь не только хао'нат...

— Я потом объясню. Отдыхай. Не волнуйся. Все хорошо. Даже лучше, чем могло быть.

Он погладил дуса, посмотрел на кел'енов, не сводивших с него глаз. Странное выражение застыло на них — может, неприязнь, а может, замешательство. Здесь были Рас, и Сэйрас, и Мирин...

— Обращайтесь с ним, как с одним из вас, — сказал Ньюн. Он извлек меч из ножен и положил рядом с собой на подстилку, и что Тэйз подносит ему сосуд.

— Каты прислали, — пояснил юноша.

Ньюн кивнул и выпил, хоть и знал, что Данкан нуждается в этом напитке больше, чем он. Возвращая сосуд, он вспомнил об Анарас и подумал, не провести ли этот вечер у катов. Там и отдохнуть можно, и получить удовольствие. Воинское мастерство Риана заставило его вспомнить о смерти, а любовное искусство кат'е'ен, он знал, позволит о ней забыть. Ньюн лишь изредка встречался с Анарас и ничем не платил ей за ласку и заботу. Впрочем, она была счастлива. Ее ребенок пережил налет, и кел'ант иногда приходит к ней.

Но сегодня вечером в лагере чужие, и Анарас вряд ли дождется Ньюна. Он закрыл на миг глаза, вздохнул и сказал:

— Я сам отнесу сосуд.

— Но... — запротестовал Тэйз. Это было не по обычаю, неправильно.

Ньюн поднялся, взял сосуд и вышел из палатки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Льюис глядел на экран, по которому бежали строчки сообщений. Он просматривал пленку снова и снова.

«В первом городе подтвердилась информация Данкана,— утверждал экран.— «Данте» переходит в другой город для получения новых данных».

Связи нет. Экспедиция «Данте» действует абсолютно самостоятельно.

«Боз»,— подумал он, качая головой. По губам скользнула улыбка; он вспомнил, как она была счастлива... сбывалась ее мечта попасть к мри с видеокамерой, магнитофоном, записной книжкой. Она же сойдет с ума, если военные решат вернуться слишком рано.

На столе лежала другая кассета, ее содержание совсем не обрадовало Льюиса. «Предостережение: в городах еще функционируют машины. Полеты кораблей осуществляйте в зонах, недосягаемых для оружия мри».

Льюис смотрел на бегущие по экрану строчки, повторяющие весточку от Боаз. Он бы с удовольствием связался с нею, будь у него такая возможность. Экспедиция действует на свой страх и риск. Очевидно, она тоже знает о существовании машин и источников энергии в городах. Знает, но не предостерегла военные корабли о возможной угрозе, предпочла умолчать.

Он прикусил губу, вспомнив о способности Боаз убеждать, и подумал, о чем же еще решила умолчать группа Галея. Слишком много оптимизма сквозило в ее последней радиограмме. Льюис переслал сообщение на «Сабер», но не сопроводил комментариями и теперь чувствовал себя виноватым.

«Ничего,— подумал он,— на «Сабере» сами разберутся и сделают выводы».

* * *

Этот отсек, как частица голограммы, отражал всю жизнь на «Сабере». Во всяком случае, обладатель острого глаза и чуткого уха, посидев здесь час-другой, составил бы достоверное мнение о том, что творится на рейдероносце. Гаррис смотрел, слушал и с тревогой думал о том, что группа Галея до сих пор не вышла на связь. Он сидел, ощущая бешеный ритм жизни корабля: прилетали и улетали шаттлы, группы возвращались с заданий, другие отправлялись выполнять приказы командования. С каждым прибывшим Гаррис обменивался двумя-тремя фразами.

Гаррис вставил в автомат карточку и получил чашку кофе и пакетик сухофруктов, сунул его в карман и снова прилип взором к экранам, на которых то и дело появлялся текст.

Кроме «Сантьяго» сейчас в полете было два корабля и еще два наготове: четыре названия на табло. Это нормально. Будничная работа.

Он прошел к экрану и прочел надпись под одной из светящихся точек: «Флауэр». Глотнул кофе и стал ждать, как ждал все эти дни. С терминала он связался с информаторием, откинулся на спинку кресла и через некоторое время понял, что прочел уже четыре страницы, даже не осознавая, что делает. Он поднял голову: на задание отправлялась следующая группа.

В отсек вошли двое: Норт и Мэйги, люди из его группы. Гаррис подобрал ноги и предложил вновь прибывшим сесть. Мэйги сел, а Норт прошел к экрану, чтобы узнать новости. Внезапно все изображения застыли: кто-то заблокировал систему оповещения. Гаррис вскочил, за ним Мэйги. Но вот экраны снова ожили, только теперь расширился сектор обзора. От большой красной точки — корабля регулов — отделилась маленькая.

— Ну вот, — пробормотал Мэйги. В отсеке повисла гнетущая тишина. Гаррис проглотил комок в горле. Красная точка двигалась не к планете, а сюда, к их кораблю.

На экране вспыхнули слова: «Зеленый режим».

— Просится на борт, — истолковал Норт. Все они прекрасно знали кодовые сигналы. Значит, регулы летят сюда.

К горлу Гарриса подступила тошнота. Он выругался.

— Видимо, союзники снова хотят действовать заодно с нами, — сказал Норт.

— Регульский специалист, — сказал Мэйги, — вот кто сюда летит. Это доктор Эверсон нам его сосватал.

* * *

Кох отпил из чашки соя, отдавая регулам дань уважения, и обвел глазами каюту, где собрались его люди и делегация союзников. Старший регул сидел в тележке, молодые регулы устроились прямо на ковре за его спиной. Впрочем, для обладателей таких коротких ног не было особой разницы, сидеть или стоять. Со стороны землян кроме Коха присутствовали Дегас, Эверсон и два помощника. От первых двух контр-адмирал ждал полезных советов, а остальные играли роль обыкновенных статистов. Один из них, правда, вел протокол совещания.

— Бай Кох,— почтительно сказал старший регул Сут; его рот, похожий на ножевую рану, растянулся в подобии улыбки,— я очень рад, что кризис миновал и мы встретились на переговорах.

— Бай Сут...— Кох смотрел на регула искоса, будучи не в силах поверить, что видит его не впервые, — настолько регул изменился. Теперь Сут был огромен, хотя еще не достиг размеров бая Шарн.— Мы рады,— проговорил Кох и тут же поправился: — Мы будем рады, если эта встреча окажется продуктивной. Примите наши добрые пожелания новому руководству регулов.

Ноздри дрогнули, улыбка сменилась шипением: эксперты утверждали, что это означает смех.

— Между нами было некоторое непонимание, расхождение во мнениях. В частности, между нашими подчиненными...

— Вы говорите о нашем пропавшем шаттле?

Глаза сверкнули. Нет, бай Сут говорил вовсе не об этом, однако одарил контр-адмирала новой улыбкой.

— Я говорю об отношениях между нами и командой вашего корабля «Флауэр», куда мы бы хотели получить доступ. Я считаю, что мы должны наладить более тесное сотрудничество... в целях общей безопасности.

— Бай, вы не ответили на мой вопрос.

Ноздри закрылись — регул рассердился.

— Зачем нам отвлекаться на выяснение отношений между юношами? Разве мы несем ответственность за шаттлы, которые взлетают и садятся без наших непосредственных указаний? Я хотел бы поговорить о более важных делах, но если вы предпочитаете настаивать...

— Бай, вы забываете о том, что вам сообщалось неоднократно: наши юноши становятся взрослыми гораздо раньше, чем ваши. Мы не убиваем

своих юношей и не считаем потерю корабля, который пилотировался нашим юношей, незначительным событием.

— Я повторяю, бай Кох, мне бы хотелось обсудить более важные дела.

Сейчас было самое время прервать встречу. Кох задумался.

— А мне все-таки хотелось бы услышать ваш ответ, бай Сут.

— Нет, бай. Я игнорирую ваш вопрос. Вы вмешиваетесь в наши дела, но обижаетесь, когда мы вдруг вмешиваемся в ваши.

Регул с трудом пошевелился в своей тележке, протянул руку к ближайшему юнцу. Тот сразу вложил в руку бая чашку с соем.

— Бай Кох,— сказал Сут, глотнув напитка,— нас обоих должно беспокоить, что наше сотрудничество постепенно сходит на нет. Я полагаю, что причина этого — смерть бая Шарн и доктора Элдина, между которыми установился плодотворный контакт.— Он перевел глаза-щелочки на Эверсона и изобразил улыбку.— Но мы возлагаем надежды на появление в совете нового члена — доктора Эверсона.— Он перевел глаза на Дегаса и тут же отвел их.— Мы очень заинтересованы во взаимопонимании. Мы союзники, не следует забывать об этом. И пока мы союзники, необходимо устранять все трения между нами. Я не говорю об убийстве взрослого регула — бая Шарн. Я не говорю о том, что с ее телом обошлись без должного почтения. Я не говорю о нарушении договора между землянами и регулами. Я уверен, что упоминание обо всем этом не улучшит наших отношений. Однако нужно сделать все возможное, чтобы впредь ничего подобного не происходило. У нас хорошая память, но мы можем забыть обо всем, если сейчас придем к соглашению. Бай Кох, как относятся мри к тому, что вы сейчас делаете?

Кох не позволил чувствам отразиться на лице.

«Многое ли ему известно?» — с тревогой подумал он, а вслух сказал:

— Бай Сут, мы надеемся мирным путем устранить разногласия с мри.

— Да? Опыт регулов говорит, что подобные надежды напрасны.

— Наши эксперты утверждают обратное.

— У нас двухтысячелетний опыт общения с мри. Он намного превышает ваш опыт. Их поведение невозможно предсказать. Они вообще не понимают некоторых слов, в частности слово «переговоры» в их словаре отсутствует. А если не бывает переговоров, то о каком мире может идти речь?

Кох задумчиво посмотрел на Эверсона и снова взглянул на Сута.

— Вернусь к вопросу, которого вы, бай, избегаете. Среди ваших подчиненных есть специалист по мри?

Послышалось шипение — Сут смеялся.

— Он сидит перед вами, бай Кох. Я — специалист по мри. Я принадлежу к роду Хорагов, которому наемные солдаты из расы мри служили в течение двух тысяч лет. У рода Аланей нет подобного опыта. Алани — дилетанты. Поскольку я теперь взрослый регул, по всем вопросам, касающимся мри, можете обращаться ко мне.

— И вы знаток их языка?

— Который из двух вы имеете в виду? Они упрямо отказываются обучать чужих своим языкам и предпочитают общаться с ними на языке регулов, исковерканном до крайности. Да и чего еще можно ждать от расы, обладающей столь несовершенной памятью?

— Это означает, что они не желают допускать в свою среду чужих.

— Бай, что это означает, известно только им. Ни вы, ни даже я не можем знать, что у них на уме, поскольку мы не мри.

— Нет. Нет, бай Сут. Вы же специалист по мри, вы знаете о них все.

Ноздри закрылись и открылись.

— Бай, у меня много информации. Без нее я бы мог наделать роковых ошибок. Уверяю вас, что нам так и не удалось перевести слово «переговоры» на язык мри. У них просто не существует такого понятия. Вспомните, когда мри служили нам, они всегда сражались до победы или до своей гибели. Мри можно убить, но ничто не заставит его сложить оружие. Торговля тоже не относится к числу понятий, которыми они пользуются. Мри — наемники, но слово «наемники» — наше, в их языке оно тоже отсутствует.

— Бай прав,— вступил в разговор Эверсон.— Они себя называют по-другому и понимают под этим совсем не то, что мы.

Ноздри Сута расширились. Кох смотрел и думал, какие эмоции регул научился читать на лицах землян.

— Бай, вы прилетели сюда с определенной целью. Не сообразовали ли сказать нам, что это за цель?

— Пожалуйста. Общая безопасность.

— Мы не предаем своих союзников, если вас беспокоит именно это. И не убиваем их.

Удар достиг цели. Ноздри затрепетали.

— Бай, мы рады это слышать. А как вы намереваетесь прийти к мирному соглашению с мри? Ведь они никогда не отступают, а регулы никогда не забывают.

— Зато мри забывают, а регулы могут отступить.

Снова — трепет ноздрей.

— Что вы имеете в виду, бай Кох?

— Допустим, мри забудут о том, что вы сделали на Кесрите, если получают гарантию, что на Кутате ничего подобного не случится.

— Я вас не понимаю, бай. Я всегда считал, что забвение — это процесс, независимый от личности.

— Бай Сут, это слово имеет много значений.

Ноздри Сута расширились. Он потянулся за новой чашкой соя. Слуга был наготове. Сут стал пить большими глотками.

— Простите,— сказал Кох.— Кажется, я вас чем-то обеспокоил.

— Да, я обеспокоен. Мой опыт утверждает, что ситуация очень опасная, а мои союзники, как бабочки, летят прямо в огонь.

— Ситуация — под нашим контролем. Мы не верим, что существует явная угроза. Все говорит о том, что мы имеем дело с разрозненными кочевыми племенами.

— Племена кочевников — это нестабильные общества.

— Стабильные, но часто перемещающиеся.— Кох подумал, что это слово трудно понять представителю расы, для которой ходьба — сущая пытка.— У них нет опасного для нас оружия, кроме того, которым оснащены города.

Сут хлопнул ноздрями.

— Надеюсь, бай землян не рассердится, если я спрошу: мри способны лгать? Или это свойственно только вашей расе?

— Я не знаю.

— Но что вы предполагаете?

— У нас недостаточно информации, чтобы делать выводы.— Кох подумал секунду-другую и нанес удар.— Наш опыт, бай Сут, позволяет предположить, что даже регулы бывают нечестными.

— Нечестными... не обладающими честью... нет: не правдивыми...

— Что такое правда, бай Сут?

Ноздри хлопнули.

— Соответствие фактам.

Кох медленно кивнул.

— Доктор Эверсон, есть ли в языке регулов слово «честный»?

— Только в бизнесе. Оно означает взаимную выгоду.

— Взаимная выгода,— сказал Сут.— Честный, нечестный... Эти словесные упражнения ни к чему не приведут. Давайте вернемся к делу. Мы находимся в пределах досягаемости оружия городов мри. Подумайте об этом.

— Что же хотят регулы?

— Устранить угрозу с этой стороны.

— Соображения морали запрещают нам идти на подобные меры. Или у этого слова тоже нет аналогов в языке регулов?

Наступила пауза. Кох взглянул на Эверсона. Тот пробормотал слово на регульском языке.

Кох нахмурился.

— Бай беспокоится о нашей общей безопасности. Мы тоже.

— Но сколько это будет длиться, бай Кох? Ваш Данкан... сколько времени вы ему дали?

— Бай, это наше дело.

— Мы союзники.

— Сейчас мы предпочитаем ждать.

— Земляне быстро ходят. Прошло уже немало времени, гораздо больше, чем требовалось Данкану, чтобы добраться до «Флауэра». Это должно означать, что Данкан не желает сотрудничать с вами. Верно?

— Вы располагаете информацией о нем?

— Нет. А вы? У вас тоже нет о нем сведений.

— Мы ждем.

— И сколько еще будете ждать?

— Какая разница?

— Вы позволяете мри выиграть время. Разве это мудро? У них есть оружие.

— Мы в этом не уверены.

— Бай, вы бросаете на весы случая безопасность всех землян.

— Мы не желаем бессмысленной бойни.

— А если они ударят?..

— Тогда мы изменим политику.

Сут замолчал и стал дышать глубже, спокойней.

— Мы ваши союзники. Мы не воины. Мы будем хорошими соседями, удобными во всех отношениях. И вы отдаете предпочтение мри? Возвращайтесь в зону Кесрита, бай. Оставьте все это нам, если так называемые соображения морали не позволяют вам взглянуть правде в лицо. Вы знаете, что регулы не лгут. Я говорю совершенно честно: у нас нет намерения нанимать мри для войны с вами.

— Да сейчас вам это и не удастся.

Сут сделал глубокий вздох.

— У нас есть еще о чем поговорить. Я приглашаю вас на наш корабль.

— Вынужден отказаться.

— Почему?

— Бай, я не могу оставить свой командный пункт.

Ноздри Сута расширились. Поверил ли он или нет?..

— Компромисс,— сказал Сут.— Мы будем поддерживать контакт. Можно даже установить связь между «Флауэром» и нашей экспедицией на планете.

— Вашей экспедицией?

— А почему нет, бай? Почему? Мы заинтересованы в более тесном сотрудничестве.

Кох нахмурился.

— Мне нужно посоветоваться с помощниками. Что делают регулы на планете?

— Когда мы получим данные с «Флауэра», вы получите наши.

— Баш на баш? — Кох задумался. — Что вы можете предложить? Данные планетарной съемки? У нас есть свои. Что-нибудь еще?

— Возможно. — Сут заворочался и добавил: — Никто не может знать, что есть у другого.

— Бай Сут, я посоветуюсь с помощниками. Несомненно, вы хотите посоветоваться со своими.

Сут зашевелил ноздрями, улыбка исчезла.

— Хорошо, бай. До скорой встречи, на которой, я надеюсь, будут приняты наши предложения.

— До встречи. — Облокотясь на стол, Кох смотрел, как тележка с массивным регулом движется к двери, как следом гурьбой семян юнцы. Затем он перевел взгляд на своих помощников и жестом выпроводил их.

Регулы оставили после себя специфический запах — исчезнет он не скоро. Ненависти у Коха от этого не прибавилось, разве что омерзения...

Он вызвал Дегаса и локтем отодвинул чашку с соем, вкус которого для него был неразрывно связан с запахом регулов.

Вернулся Дегас в сопровождении Эверсона. Кох взглянул на них.

— Ваше мнение?

— Мой совет, — поправил Эверсон и пощупал карман, будто хотел убедиться, что не потерял важную вещь. — Я уже дал его, сэр.

— Ваше мнение о том, что вы слышали.

Эверсон облизал губы.

— Маневры их корабля... это маскировка. Они пытаются отвлечь наше внимание, скрыть какие-то свои действия. Провоцируют нас, изучают реакцию.

— Доктор, но при этом гибнут люди.

— Род Хораг-ги только что вышел на сцену. Раньше он прозябал. Регулов беспокоит наше молчание. Они потеряли своего старшего и с ним — все договоры, потому что новый старший принадлежит другому роду. Сейчас им необходимо изучить нас, чтобы выработать новую политику. Не забывайте, что у регулов нет воображения. Они действуют, опираясь лишь на содержимое своей памяти. А мы не знаем, что помнит род Хорагов.

— Какая разница? — нетерпеливо спросил Кох. — Один регул погиб, другой занял его место...

— Разница большая. Со смертью Шарн они потеряли всю информацию. Этот Сут принадлежит к другому роду, у которого своя информация, свои представления о реальности.

— Пусть этим занимаются психологи. Меня же интересует, как быть нам. Особенно с «Флауэром».

У Эверсона заметно дрожали руки. Он вытащил из кармана пузырек с таблетками. Кох нахмурился.

— Можем предоставить им кое-какие данные, чтобы склонить к сотрудничеству, — сказал Эверсон, проглотив таблетку. — Но они поверили в вашу угрозу. Если испугались, то могут улететь отсюда и объявить о союзе мри с землянами. Но не знаем, нет ли у них контактов с другими расами, кроме нас и мри. Мы изучили только малую часть космоса; что находится за территорией регулов, нам неизвестно.

Кох опустил подбородок на сплетенные пальцы и нахмурился. Эверсон не знал многого из того, что было известно контр-адмиралу.

— Доктор Эверсон, я внимательно выслушал вас и хотел бы, чтобы все ваши соображения были изложены письменно.

— Хорошо, сэр.— Теперь Эверсон выглядел гораздо спокойнее.

— До свидания, доктор,— сказал Кох и терпеливо дождался, пока тот не спеша выйдет из каюты.

— Твое мнение? — спросил он Дегаса.

Дегас сцепил руки на животе и откинулся в кресле.

— Сэр, должен заметить, что на все наши действия накладывается предубеждение.

— То есть?

— Регулы отвратительны. Никто их не любит. Это чисто эмоциональная реакция. Но они — удобные соседи. Мри — более привлекательны для нас. Нам импонирует их абсолютизм. Их нравы чем-то схожи с нашими. Но мри опасны. Это хладнокровные убийцы. Сколько раз мы в этом убеждались за сорок лет? Регулы нам не симпатичны, но они будут хорошими соседями. С ними можно найти общий язык. Для них превыше всего торговля, это краеугольный камень всей их цивилизации. А что такое цивилизация мри? Мертвые планеты...

Кох соорудил гримасу. Дегас говорил правду. Горькую правду.

— Ты помнишь, что сказал Данкан? От того, что мы сделаем здесь, будет зависеть, кем нас сочтут на родине.

Лицо Дегаса окаменело.

— Если перебить мри, война закончится навсегда.

— Чтобы остановить убийц, надо самим стать убийцами? Парадокс. Можно умыть руки, и тогда о мри позаботятся регулы. А можно перебить мри на глазах регулов и стать для этих торговцев тем, чем для них были мри, — расой, способной убивать. Снова парадокс? Как же быть?

— Уйти отсюда,— сразу ответил Дегас. Видимо, он долго вынашивал эту мысль.— Отозвать группу

Галея и «Флауэр». И вообще, наше решение должно зависеть от того, кого мы хотим видеть своими союзниками.

— Ты сказал, что регулы — раса торговцев. Так вот, если сейчас мы их вынудим уйти, они обязательно вернутся, чтобы заключить новые договоры... но уже на наших условиях.

Дегас задумался.

— Ну, если у них не будет возможности выбора...

— Регулы способны найти других наемников. Может быть, даже среди землян. У нас хватает всякого сброда. И тогда они не будут удобными соседями.

Дегас нахмурился.

— Здесь регулы больше неприятностей найдут, чем выгоды. Впрочем, на мое мнение это не влияет. Мы не можем торчать тут до скончания века. Надо возвращаться.

— Нет.

— Тогда надо высадить на планету войска, уничтожить города с машинами и источниками энергии. Можно это предоставить регулам в качестве компромисса. Если регулы правы в том, что города опасны, их нужно уничтожить, а если не опасны, это тем более никому не принесет вреда, даже мри. Пусть мри живут без оружия и городов. Это самое приемлемое решение как для нас, так и для регулов. Оставить тут все, что необходимо мри для естественной жизни...

Кох задумался. В предложении Дегаса было рациональное зерно. Скорее всего, регулов бы оно устроило.

— Ты обсуждал эту идею с Эверсоном?

— Нет, но он может спрогнозировать реакции регулов, прежде чем мы начнем переговоры.

— Возможно, такое решение устроит и «Флауэр»...

— Возможно,— блеснул глазами Дегас.

— Мне нужно мнение Эверсона по этому вопросу. Пусть изложит письменно и как можно скорее.

— Хорошо,— кивнул Дегас.

* * *

Назад, на «Шируг»... Сут вздохнул с облегчением, когда тележка переползла из шаттла на корабль, подключился к ближайшему компьютерному порту и набрал код своего кабинета.

Сработала автоматика: высший приоритет. Тележка понеслась по темным коридорам. Подушки позволяли легко переносить торможение на крутых поворотах. Два сердца бились ровно.

В кабинете уже собрались все помощники. Мокхаг предложил чашку соя. Сут поблагодарил и с удовольствием выпил. Все-таки визит на «Сураг» отнял немало сил.

— Докладывайте,— приказал он.

— Выпущено два шаттла,— с радостью сообщила Нань.— Земляне вряд ли их засекли.

Сут откинулся на подушки и с самодовольным видом заявил:

— Я тоже действовал успешно. Своими требованиями вывел землян из равновесия. Они заговорили.

— На шаттлах десятидневный запас пищи для молодых регулов,— сказал Мокхаг.

Сут осушил чашку и задумался. Значит, через восемь дней молодых регулов на планете охватит паника: вода и пища подойдут к концу. Чем сильнее тревога, тем лучше аппетит. Страх голодной смерти подтолкнет их к необдуманным, нерациональным поступкам...

Надо позаботиться о том, чтобы это случилось как можно позже.

Молодые регулы и на борту «Шируга», и на планете знают, что их жизнь не представляет никакой ценности. Все юнцы живут без уверенности в завтрашнем дне, мечтают лишь о том, чтобы заслужить милость старших регулов и тем сохранить себе жизнь. А не договориться ли с землянами? С их помощью можно было бы доставить на планету воду и провиант...

Он вспомнил убийственную аргументацию Коха и содрогнулся.

* * *

— Пицца,— прошипел Мелек, разрывая пакет. Пальцы совсем онемели от холода. Стужа была вездесуща, хоть они и надели все, что можно, и не казали носу из биодома с прозрачными стенами. Над куполом биодома кружились шаттлы, едва различимые в молочном утреннем тумане. Те, кто жили в биодоме, еще не дошли до крайности, но вечная пустота вокруг, песок, чужая планета... все это поистине ужасно! Мерный стук компрессора, нагнетающего воздух под купол, тоже не способствовал хорошему настроению. Предполагалось, что будет тепло, но эти надежды не оправдались... А страшнее всего — по ночам, когда прячется солнце... На смену его лучам приходит стужа, пробирающая до костей. Иногда, наводя ужас, шевелится пол. Это неизвестные твари — обитатели Кутата — являются, привлеченные влагой и теплом.

Мелек сидел и жевал концентрат. Его дрожь понемногу улеглась. Пегаг пил подогретый сой, а вновь прибывшие регулы сидели рядом. Их было двое: Магд и Хаб, оба из рода Аланей, как и Пегаг. Сам Мелек был из рода Гелег и посматривал на своих товарищей по несчастью косо. Нет, не случайно его здесь высадили вместе с Аланями. Скорее всего, это означает, что его не ценят. Конечно,

такими подозрениями не поделишься с чужаками... Да и вообще, кому пожалуешься, даже если останешься жив?

Все они надеялись, что останутся живы, вернутся на родину, где вдоволь пищи, где тепло.

Всего на корабле десять шаттлов, и четыре уже здесь. С каждым шаттлом прибывает пилот, а это уменьшает шансы на возвращение. Значит, поставок продовольствия больше не будет! Мелек подсчитывал в уме и холодел от страха.

Нет! Не думать об этом.

Просто четко выполнять приказы.

Надеяться на милость старших и ждать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В дневном свете Данкан выглядел довольно жалко. Раздевшись догола, он черпал ладонями песок и счищал с себя грязь и засохшую кровь. Ньюн делал то же самое. Они устроились на краю лагеря, на пологом склоне, создававшем иллюзию уединения. Данкан помотал головой, чтобы вытряхнуть песок из волос, тщательно, до покраснения кожи, протер все тело, а затем, дрожа на ветру, торопливо облачился в чистую одежду.

Ньюн управился быстрее, потому что на его коже совершенно не было волос. Покончив с чисткой, они сели на бугорок и принялись зашнуровывать ботинки.

Данкан закашлялся и сплюнул. Ньюн с тревогой посмотрел на него, но Данкан, не обратив внимания на кашель, стал ас'еем сбривать щетину с лица. Ньюн с усмешкой наблюдал за ним. Ему всегда казалось странным, что земляне, у которых волосы растут по всему телу, стараются убрать их только с лица.

Он щади́л чувства Данкана, который не хотел, чтобы эта черта несходства между ним и мри стала известна всем. Правда, Данкан совершенно не стыдился своих волос, хотя они доставляли ему много хлопот.

Ньюн не спрашивал, почему Стен не стыдится, — у каждого есть свои тайны. Данкан выжил, и сейчас этого было достаточно. Землянин устал,

двигался медленно, как старик, но он был жив и в это утро даже не кашлял кровью... По пробуждении он позаботился о своем внешнем виде и чистоте тела. Это добрый знак.

И вообще, утро выдалось доброе.

Дусы исчезли в утреннем тумане — наверное, отправились на охоту. Они понимали, что в лагере, среди чужих, им делать нечего. Кел'ены других племен установили палатки между палатками сенов и келов. Было тихо, никаких ссор. Все знали, что любой конфликт может привести к убийству, а они были посланы сюда наблюдать, а не драться. Даже присутствие Данкана в лагере не вызывало у них никаких эмоций. И это тоже был добрый знак.

У палатки катов громко смеялись дети. Они поймали змею. Незадачливая рептилия заползла в лагерь, привлеченная теплом и влагой. От острых глаз детей ничто не могло укрыться, и теперь они с торжествующими криками внесли свою добычу в общий котел. Детский смех размягчал самые черствые сердца, и даже угрюмые кел'ены других племен не могли не улыбаться, глядя на детвору.

— Почему только лицо? — спросил вдруг Ньун.

Данкан от неожиданности вздрогнул и порезался. Тонкая струйка крови потекла по подбородку. Он с недоумением взглянул на Ньюна.

— Почему только лицо, а не все тело? — Для большей доходчивости Ньун сопроводил слова жестом.

Данкан улыбнулся. Странно было видеть улыбку на этом изможденном, обветренном, обожженном солнцем лице.

— Это бы заняло слишком много времени.

Ньун ожидал совсем не такого ответа. Он смутился, нахмурился и коснулся лба.

— Вот мри, сов-кел. Все остальное закрыто вуалью. Ты и я — одинаковы.

Данкан сел и натянул ботинки. Потом глубоко вздохнул, поднялся, застегнул пояс с оружием и Знаками Чести, опустил вуаль, и теперь между ним и Ньюном не было никакой разницы, разве что в росте.

— Ты думаешь,— спросил Данкан неуверенно, будто о запретном,— ты думаешь, чужие кел'ены пойдут с нами?

— Келы не думают. Это не их дело.

— Ши'пан сказала, что она будет думать. Что она решила?

— Что она решила, знают сены,— ответил Ньюн.— Разве я не учил тебя терпеливо ждать и не спрашивать?

— Сены молчат уже второй день.

— Сов-кел!

Данкан отвернулся. Ньюн собрал грязную одежду в мешок, положил руку на плечо Данкана и повернул его лицом к лагерю. Данкан взял у него из рук мешок и понес с таким видом, словно был рожден для этого. Ньюну стало неловко.

— Ты сомневаешься в мудрости ши'пан? — спросил он.— Ты боишься, что она примет не самое верное решение?

— То, что я думаю, я не могу выразить на хол'эйри, я слишком плохо знаю этот язык.

Они шли медленно, глядя на свои следы, которые уже заносило песком.

— Если бы ты согласился ненадолго выучить язык землян, я смог бы тебе объяснить...

— Не дыши без вуали,— оборвал его Ньюн.— Ты болен.

Данкан замолчал.

— Данкан, мы с тобой провели на корабле годы. Ты уже нам все сказал.

Утренний туман окутывал палатки, дарил ощущение покоя. Даже черная ткань палатки келов

была окрашена золотом. В центре стана было шумно, там суетились каты, бегали дети, горели костры, на которых готовилась пища. Но не было видно золотистых мантий. И черную мантию они заметили только одну, да и та скрылась в палатке при их приближении. Но тотчас оттуда вышли все кел'ены. Они столпились возле входа, и нехорошие предчувствия овладели Ньюном... Он хотел предупредить Данкана, но промолчал: Данкан и сам не глуп, сообразит, что к чему.

Они подошли к палатке, вход в которую загородили келы. Среди них стоял Хлил.

— Ши'пан собрала Совет,— сказал он.— Представители всех племен.

«Вот оно что»,— подумал Ньюн и устыдился своих подозрений.

— Хорошо,— коротко сказал он и пошел прочь. Хлил последовал за ним.

Внезапно Ньюн остановился, дурное предчувствие не оставляло его. Он посмотрел назад и встретился взглядом с Данканом.

— Дусы,— сказал он ему.— Они меня беспокоят... Я не знаю, где они. Позови...

«Они могут понадобиться»,— подумал Ньюн. Он знал, что Данкан понял его просьбу. Это всего лишь предосторожность, для страха нет причин.

Он повернулся и пошел дальше.

* * *

Кел'ены собрались возле полога, но не изъявляли желания войти в палатку. Здесь были не только джей'эном, но и кел'ены из других племен; толпа все росла и росла. В палатке было темно, хоть глаз коли.

Данкан уселся на песок среди остальных, прислонился спиной к матерчатой стенке, чтобы защи-

титься от ветра. Он опустил голову и сосредоточился, стараясь войти в контакт с дусами. Но постепенно его вниманием завладело то, что происходило вокруг. Он хотел понять, на чьей стороне кел'ены джей'эном. Вот старый Перас, всегда спокойный и благожелательно относящийся к нему. Нет, не надо ждать зла от Пераса. Тэйз... бесстрашие на юном лице вызывало тревогу. Тэйз, всегда оживленный, был сейчас необычно тих и сосредоточен. И Рас... Рас и Ньюн всегда относились друг к другу холодно. Чтобы почувствовать неприязнь кел'е'ен, Данкану не требовались дусы. Рас тоже пришла сюда и расположилась так, чтобы видеть его...

В воздухе повисла тишина. Некоторые кел'ены вошли в палатку, в том числе и воины из других племен, что было необычно. Другие оставались снаружи. Данкан смотрел вниз, стараясь не обращать на них внимания. Хранить молчание — это самое лучшее в его положении. Он слишком мало времени провел в племени джей'эном, познакомился с очень немногочисленными келами, не знал, о чем они думают, что намерены делать... и если ночью они помогли Данкану остаться в живых, то сделали это не от любви к нему. На этот счет Стен не строил иллюзий.

Сидящий справа кел'ен коснулся его рукава.

— Ци'мри,— сказал он, вовсе не стараясь оскорбить,— ци'мри, ты ничего не говоришь.

Данкан скользнул взором по окружающим лицам, мужским и женским, молодым и старым, но одинаково бесстрастным. На всех были шрамы касты келов, сет'алы. У одних — свежие и яркие, у других — застарелые, поблекшие, сгладившиеся.

— Многие не желают мне добра. А чего желаете мне вы, кел'ены?

Они переглянулись, и Данкан постарался не выдать своего беспокойства.

— Ты всегда стараешься держаться в тени,— сказала кел'е'ен.

Рядом не было Ньюна, и поэтому Данкан казался себе голым. Он посмотрел в сторону палатки ши'пан, куда вошел Ньюн, но не увидел никого, кроме чужих кел'енов. Он поднялся и пошел к палатке келов, чтобы скрыться в ее уютном сумраке, но кто-то придержал его за рукав. Данкан обернулся. Старая кел'е'ен, на чьем лице почти исчезли шрамы касты, коснулась его щеки.

— Ты ци'сет'а, не имеющий шрама. Кто может вызвать тебя, кроме кел'ена без шрама? Таких среди нас нет.

— Что случилось? — спросил Данкан, понимая, что кел'е'ен обратилась к нему неспроста, но не зная, кто среди этих мри из разных племен старший по рангу. Он переводил взгляд с одного лица на другое, и наконец остановился на лице старого Пераса. На этом морщинистом лице он увидел нечто похожее на сочувствие.

— Что случилось? Совет...

Сзади слышались шаги мягких лап по песку. Встревоженный дус торопился к хозяину. Он ощущал враждебность, окружающую Данкана.

Данкан подозвал его жестом и сказал келам:

— Не нужно ненависти.

Это было все равно что обратиться к ветру с просьбой не дуть, но головы согласно закивали. Дус спокойно прошел между келами и занял место рядом с Данканом. Последовала долгая пауза, и в тишине Данкан снял с пояса тяжелые шнуры кэй'ислэй и начал плести сложный узор стар-мандала.

Плетение успокаивало взбудораженную душу, а это был один из самых сложных узоров. Данкан знал, что он превосходит в этом искусстве очень многих, даже украшенных шрамами. Ведь у него была долгая практика на корабле. Пальцы быстро

бегали по узлам, он не смотрел на сидящих вокруг, но чувствовал их взгляды.

— Кел'ен,— обратился к нему Перас.

— Да?

— Совет затягивается. Ты играешь в шон'ай?

Сердце Данкана бешено забилося. Шон'ай — Игра Народа, и, будь рядом Ньюн, он бы категорически запретил Данкану принимать в ней участие. Данкан аккуратно распустил узлы, повесил кэй'ислэй на пояс.

— Я — мри, хоть вам это и не по душе. Да, я играю в шон'ай.

Последовало перешептывание — келы довольно бурно отреагировали на его слова. Старый Перас вынул из-за пояса ас'еи.

— Я буду партнером кела Данкана,— сказал Перас.

В этой Игре, учил Ньюн, жизнь зависит от расположения игроков. Если сильный сядет против слабого, то слабый может погибнуть. Но сильный игрок, сидящий рядом со слабым, может послужить защитой слабому, если тот будет действовать с умом.

Образовался круг из шести келов. Остальные приготовились смотреть. У Данкана полегчало на душе, когда он увидел, что против него сел Диас, друг Пераса, а остальные участники совсем молоды. Но вот подошла Рас, наклонилась, тронула Диаса за рукав. Данкан ни слова не разобрал из их перешептывания, но затем Диас поднялся и отошел, а Рас села напротив Данкана и Пераса.

И тут Данкан вспомнил слова Ньюна о том, что причиной гибели чаще всего бывает глупость.

Они убьют его, если захотят. Данкан не знал толком, хорошо ли он играет в шон'ай, ведь он упражнялся только с Ньюном, другом, не желавшим ему зла.

А Рас — вовсе не друг.

— Развлечение,— сказал Перас.— Просто чтобы убить время.

Но келы играют острой сталью, и это «развлечение» нередко заканчивается смертью.

Участники Игры, из которых Данкан знал только Рас и Пераса, называли свои имена. Данкан снял вуаль — играть в ней было не принято, это считалось проявлением недружелюбия. Положение Стена было и без того достаточно опасным.

Начал кел Перас, по праву старейшего. Он бросил ас'еи Рас. Ладони выбивали ритм игры, в него вплеталось имя, и метательные ножи снова пересекали круг.

Миная Данкана. От мужчины к женщине, от старого кел'ена к молодому, образуя сложный узор — Игру Пяти. Тонкие, золотистые, удивительно быстрые пальцы мри ловили в воздухе острую сталь и посылали ее дальше, сообщая об этом хлопком ладони по колену.

Данкан не мог расслабиться ни на секунду, ведь в любой миг ас'еи, брошенные руками Рас или чьими-нибудь еще, могли устремиться к нему.

Внезапно он поймал взгляд Рас. Сейчас! Он кивнул, не понимая, почему она его предупредила — непредумышленно или нарочно.

Клинки блеснули на солнце и замерли в его пальцах, ожидая нового полета. И тут же Данкан послал их молодому кел'ену. Узор сменился, теперь это была Игра Шести, со своим ритмом.

Перас улыбнулся, заметив уловку Рас. А ее глаза возбужденно блестели. Она ловила ас'еи и виртуозно бросала, заставляя ножи вращаться то в одном, то в другом направлении.

Темп снова изменился, чтобы менее искусные игроки могли отдохнуть. Снова вступил в игру Дан-

кан. Он поймал ас'еи, которые бросила Рас, и отправил их юному Сетану.

Клинки вернулись, он их поймал, бросил сидящему слева Дэй'ону, потом Рас, Перасу...

Тут Перас дал знак остановиться. Данкан ослабился и вдруг зашелся кашлем. Холодный воздух проник глубоко в легкие. Он вдруг понял, что мог бы умереть, если бы старый кел'ен не прекратил игру.

— Надень вуаль,— посоветовал Дэй'он.

Данкан прижал ткань ко рту. Дус приблизился, чтобы согреть его.

— Тот, у кого нет шрамов,— сказал Дэй'он,— никогда не должен играть в Игру Шести.

— Да, кел'ен,— ответил Данкан,— но когда предлагает тот, у кого есть шрамы, надо подчиниться.

Головы склонились в молчаливом одобрении.

— Ты играешь в полную силу,— произнес Перас.— Это хорошо, кел'ен-землянин.

Шевельнулся полог. Из палатки вышел чужой кел'ен и сел на песок спиной к ветру. За ним вышли другие келы, среди них были мужчины из племени джей'эном, и у всех были подняты вуали, и Данкан поднял свою, стараясь дышать осторожнее.

Нельзя бояться. Дус может почувствовать его страх, и тогда случится непоправимое. И злить его тоже нельзя. Кутатские мри могут не таить своих чувств. Данкан улавливал их благодаря дусу. Не было открытой вражды, разве что обыкновенное любопытство.

Теперь келы окружали его плотной стеной.

— Расскажи нам, кел'ен,— проговорил Перас.— Расскажи нам о кораблях и врагах.

Данкан бросил взгляд на палатку ши'пан, надеясь, что Совет закончился и можно под этим предлогом уклониться от ответа. Но его надежда была напрасна.

— Я — с другой стороны Мрака,— возразил Данкан.— И я забыл все, что знал.

— Мы — кел'ены, Лицо, Обращенное Вовне,— сказала Рас.— Наши глаза видят по Мраке. К нам прибыли враги, брат ци'мри. Может, тебя заставила молчать ши'пан? Или ты сам решил держать все в тайне?

Он посмотрел на Рас, кел'е'ен второго ранга, сестру покойного кел'анта, связанную кровными узами со многими кел'енами. По спине побежали мурашки.

— Я слышу тебя,— сказал он. Затем склонил голову, положил руку на голову дуса... и почувствовал, как ее рука тоже легла на дуса. Зверь вздрогнул.

Такой контакт — ловушка для обоих; теперь ложь или полуправда невозможны. Он решительно прижал ладонь к голове дуса.

И начал вспоминать все подряд, с самого начала.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ши'пан смотрела на собравшихся в палатке. Рядом с ней сидел на подстилке Ньюн, кел'ен Владычицы и предводитель келов. Он вдвойне имел право на это почетное место. Мужья ши'пан сидели чуть поодаль, а за ними — кел'анты других племен. Были тут кат'ант Антил и все сены джей'эном. В палатке горела лампада, которую не гасили даже днем. Перед одетыми в золотые мантии сен'енами восседал сен'ант Сатас, а рядом с ним — сен'анты других племен, пришедшие вместе со своими кел'енами.

— Среди джей'эном было немало споров, — сказала Мелейн, — относительно того, как нам жить дальше. Но сены согласились с моим решением. Так, сен'ант?

— Да, — словно эхо отозвался Сатас. — Ты убедил сенов.

— Наш путь домой был нелегок. Нас вел драгоценный пан'ен... Но что он значит для вас? Незнакомые имена, неизвестные события, которые произошли далеко-далеко от вас... А Святыни Кутата? Можем ли мы с моим кел'антом понять их? Мы старались понять ваши Святыни, как вы старались понять наши. Мы — Странники, и мы хотим найти Дом, место, где сможем жить. А вы — те, кто остался защищать Кутат от врагов тысячи лет назад... Возможно, вы ненавидите нас?

— Ши'пан, каты не обвиняют никого,— слышался голос Антил.— Мы лишь скорбим о погибших детях.

— Но вы учите детей балладам, в которых есть надежда на возвращение тех, кто ушел, когда мир был молод, а моря полны воды.

— В этих песнях — наша надежда.

— Когда я вернулась в этот мир,— сказала Мелейн,— я не нашла своего племени, но нашла город, где родились мои предки... Джей'эном — мои дальние родственники, дети Ан-ихона... и все вы мои родичи по крови. Враги преследовали нас, они убили почти всех Странников, они уничтожили наш корабль и наш город... но боги не позволили им убить нас. Мы с Ньюном сделали то, что должны были сделать. И вот мы здесь. Ци'мри тоже здесь, до них рукой подать. И они дают нам надежду.

И тут Ньюн понял, почему Мелейн разрешила ему отправиться на поиски Данкана, даже зная, что может остаться одна. Понял, почему она молчала, пока он не привел Данкана с посланием землян, пока она не узнала, что это за послание.

— Мы хотим знать,— произнес кел'ант Риан,— с чем обращаются к нам ци'мри, чтобы рассказать нашим ши'пан.

— Да,— хором подтвердили остальные кел'анты.

Ньюн поймал взгляд своей ши'пан — холодный, расчетливый, острый, как лезвие.

— Кел'анты,— сказала она.— Ци'мри предлагают нам встретиться для переговоров... Скажи нам, кел'ант джей'эном, что сделают ци'мри, если мы отклоним предложение о встрече? Нападут на нас?

— Разве я ци'мри, чтобы отвечать на такой вопрос?

— Ты лучше всех нас знаешь ци'мри. Что они сделают, если их ожидание окажется напрасным? Как поступил бы кел Данкан, если бы остался ци'мри?

Ньюн смотрел себе под ноги. В его глазах отражалось беспокойство, и он не хотел, чтобы это заметили окружающие.

— Я думаю... сначала они будут разочарованы, даже разозлятся. Но все же земляне постараются наладить с нами контакт, а не уничтожить. Регулы... это совсем другое дело. Ведь они тоже здесь. Правда, Данкан утверждает, что между землянами и регулами есть трения.

— А если все же война?

Ньюн помолчал, вспоминая то, что ему было запрещено вспоминать: ночь, огонь, искореженные корабли...

— И земляне, и регулы воюют числом. Они не признают поединков. Народ потерял тысячи воинов, прежде чем мы это поняли. Но...— Он решительно поднял голову и обвел взглядом келов и сенов.— Но среди них есть и другие, такие, как Данкан. Когда на Кесрите все было кончено, когда регулы перед приходом землян все превратили в руины, Данкан пришел к нам один, как не приходил никто из ци'мри. Он сам пришел к нам, сражался за нас, добыл корабль, на котором мы и прилетели сюда. Спросите его, почему он это сделал. Он не сможет ответить. Инстинкт? Зов крови? Он не знал ответа, когда был землянином. Сейчас он мри. Может, Совет спросит его, почему он нам помог? И как поступил бы на его месте другой землянин? Спросите. Спросите его.

— Нет,— тихо возразила Мелейн.— Нет. Разве может мри сказать, как поступят ци'мри? Мы все — мри, кал'ант. Не заглядывай так далеко во Мрак, иначе утратишь душевное равновесие.

Ньюн взглянул на нее, и сердце мучительно сжалось.

* * *

Дус шевельнулся. Данкан ощутил нечто похожее на глубокую печаль. Он оборвал фразу, посмотрел на келов, поежился от холодного ветра.

Келы не понимали, почему он замолчал. Данкан посмотрел на палатку ши'пан, и ему стало страшно.

— Кел'ен... — Перас дотронулся до дуса и тоже ощутил беспокойство, что охватило Данкана. И прищурился.

— Что случилось? — спросил старик Дэй'он. — А, Перас?

Страх и тревога исчезли, растаяли. Данкан потрепал дуса по косматой холке, поднял глаза.

— Ци'мри, что зовется регул, — напомнила ему Рас.

— Мертва, — хрипло сказал Данкан. — Я ее убил. Она добивалась войны с вами, и я ее застрелил, чтобы инициатива перешла к землянам. Только... — Он вдруг понял, что сказал гораздо больше, чем хотел, но ничего не мог с собой поделать. Дус связал его со слушателями, не позволяя ничего утаить.

— Братья мои! — Всего лишь идиома, но как кстати она пришлась! — Мрак велик, он заполняет все пространство между маленькими планетами. И во Мраке нет жизни. Земляне это видели. И они боятся.

* * *

— Мы пойдем, — сказала Мелейн, — как ходили всегда. Я больше ничего не скажу, не хочу ослеплять себя словами. Я поступаю, как требует время. Скажите вашим Матерям, что мы выходим на рассвете. Две руки кел'енов будут охранять колонну и добывать Народу пищу. Если кто-нибудь из Матерей решит отказаться, я брошу ей вызов. Я уверена, что боги встанут на мою

сторону, я подчиню себе племя строптивой ши'пан. Имя тех, кто пришлет ко мне своих детей, я запишу в Святыни; мри, которые пойдут со мной, завоюют начало новой жизни. Все начнется завтра. Когда я выполню свое предназначение, я верну Матерям их детей с благодарностью и почестями. Хотя Закон запрещает нам, ши'пан, встречаться лицом к лицу, я сделаю все, чтобы они почувствовали мою благодарность. Я Владычица Странников и Матерей, ши'пан всех мри. Передайте это своим Матерям. У кого-нибудь есть вопросы?

Повисла напряженная тишина.

— Идите,— сказала она шепотом, похожим на свист меча.— И возвращайтесь ко мне.

Келы стояли молча, а кат'ант уже покинул палатку. Кел'ены ждали.

Ньон шевельнулся, поняв, что сейчас все зависит от него. Он поднялся и вышел из темного чрева палатки в слепящий дневной свет. За ним вышла толпа своих и чужих кел'енов. Они расходились молча, без слов. Ньон направился было к тому месту, где оставил Данкана, но чья-то рука задержала его.

— Кел'ант,— сказал Хлил.

Ньон хотел уйти, но Хлил был решителен.

— Кел'ены? — спросил Ньон.— Кел'анты?

Хлил еще сильнее сжал рукав.

— Да,— ответил он.— Ты никогда не показываешь свое лицо, даже когда на нем нет вуали. У тебя есть свои тайны. Но мы хотим объяснения тому, что сказала ши'пан. Она обладает ясновидением? Да или нет?

— Может быть,— хрипло ответил Ньон.— Иногда мне кажется, что — да.

— Ты ее родственник.

— Был.

— Здесь кел'анты других племен; ты наш кел'ант, и мы знаем твои привычки. Ньюн с'Интель, ты выскальзываешь между пальцами, как песок. У тебя, как у ветра, нет лица, даже для нас. Ты молчишь перед чужими, когда должен говорить. Мы понимаем ши'пан. Может, мы поймем и тебя. Но чужие?.. Как им тебя понять? Ты — Рука Владычицы. Ты должен поговорить с чужими келами. Иначе что они скажут своим Матерям? Что кел'ант джей'эном предпочитает другую компанию?

Ньюн сразу все понял. Стало трудно дышать. Он взглянул на Хлила.

— А... Мое упрямство. То, что я защищаю кела Данкана. Вот в чем дело.

— Ответь.

— Мы в своем Доме чтим закон келов. Я не умею ни читать, ни писать, и я никогда не знал Тайн. Мне лишь известно, что в странствиях прошло два тысячелетия. Но мой Дом пал. Мои келы погибли. И я пронес в своих руках пан'ен через все Мраки. Вместе со мной был один кел'ен. Он знает Закон, как его знаю я, он пел песни моих келов, он видел то, что видел я, он пережил то, что пережил я. Да, у меня есть недостатки, но ты выбрал неудачное время для ссоры со мной, Хлил, второй среди келов.

Он было повернулся, чтобы уйти, но Хлил не отпустил.

— Я слышу тебя,— сказал Хлил.— Тишина глубока, я слышу тебя.

Кровь ударила Ньюну в голову. Но тут он подумал: «Ведь это мои келы. Мои келы...»

— Прости,— вымолвил он, стараясь согнать гнев с лица, чтобы не заметили остальные кел'ейны.— Прости меня за оскорбление.— Он просил прощения, как ребенок, хоть и знал, что за это его будут осуждать.

Ньюн сдвинул плечо Хлила, почувствовал, как тот отпустил его руку, и повернулся.

В глаза ударило яркое солнце, пришлось сощуриться. Возле палатки келов он увидел множество мри в черных мантиях, они стояли плечом к плечу.

Сердце упало.

— Данкан,— прошептал он и прибавил шагу. Он ворвался в темную толпу, расступилась перед ним. Он боялся увидеть кровь, растерзанное тело...

И остановился, увидев, что в середине толпы спокойно сидит Данкан рядом с дусом, а напротив него — Рас. И Данкан о чем-то рассказывает келам.

Ньюн на мгновение закрыл глаза и понял, что Данкан повествует о себе.

И что все кругом слушают с сочувствием и пониманием.

Данкан поднял глаза, увидел Ньюна, вскочил на ноги и приблизился. Во взоре застыл вопрос.

— Сов-кел,— сказал Ньюн, взяв его за руку,— я очень беспокоился за тебя, а ты, как я погляжу, устроил тут целое представление.

— Все в порядке? — спросил Данкан.— Все в порядке?

Ньюн смутился. То, о чем спрашивал Данкан, и то, о чем говорилось на Совете,— разные вещи. Он положил руку Данкану на плечо.

— Укройся от ветра, сов-кел.

Данкан молча отошел, Ньюн посмотрел на лица остальных келов. Все они хотели и не решались задать ему один и тот же вопрос.

— Спрашивайте своих кел'антов,— сказал Ньюн.— Мы выступаем утром. Я бы хотел, чтобы вы пошли с нами. А сейчас, келы... сейчас дайте мне немного времени, прошу вас.

Они ответили глухим ропотом. Ньюн прошел в палатку, за ним последовали только дусы. В палатке не было никого, кроме Данкана, едва различимого в свете, который падал через верхнее отверстие.

— Я не должен был спрашивать тебя при всех, — сказал Данкан.

— Не думай об этом. Все правильно.

— Я догадываюсь, произошло что-то неприятное, — тихо произнес Данкан. — Что-то не так. Но не с тобой и не со мной. Я прав?

«О, боги, — подумал Ньюн, — хотелось бы самому знать, сколь верна твоя догадка».

— Кому ты служишь? — спросил он.

— Ши'пан.

— А если придется воевать?

— Мы не можем воевать! — проговорил Данкан еле слышно. — Ты же знаешь все, чего не знают остальные. Ты знаешь, что у нас нет шансов. Тебе нужен второй Кесрит?

— Если придется воевать... ты будешь мри?

— Да, — отозвался Данкан через мгновение.

— Ты уверен?

— Да.

Ньюн обнял его, прижал к груди, отстранился и посмотрел в его встревоженные глаза.

— Сов-кел, если ты ошибаешься...

— Что они решили?

— Решение обычное: путь мри. Ты понимаешь? Ши'пан уже решила, каким путем поведет нас... Возможно, она учла то, о чем ты ей рассказал... но не так, как ты предполагаешь.

— Я понял тебя.

Дусы приблизились, глухо заурчали.

Данкан глубоко вздохнул и безнадежно пожал плечами. Его дус ткнулся ему в колени, и Данкан стал почесывать шею зверя так истошно, словно это было самое увлекательное занятие на свете.

— Вы выбрали свой путь,— наконец сказал он.— Я надеялся показать вам выход из тупика, чтобы вы остались живы и при этом не изменили себе. Если вы откажетесь, то моей вины тут не будет.

— Нет. Ты не понимаешь. Я не спрашиваю тебя, согласен ли ты умереть за нас. Я говорю о приказе ши'пан. Твоя честь... это честь мри?

Данкан посмотрел на Ньюна, чье лицо в полумраке было суровым. Стен испугался, затем страх отступил.

— Я предупредил их. Я им все сказал.

— Они поверили?

— Некоторые — да, некоторые — нет. Но я им рассказал абсолютно все. И всем.

За стеной палатки слышались тихие голоса. Это расходились чужие кел'ены. Ньюн прошел к пологу, выглянул. Кел'ены джей'эном хранили угрюмое молчание. Ждали. Ближе всех к палатке стоял Хлил.

Ньюн жестом пригласил их в палатку, и они молча, торжественно вошли. Данкан, не заслуживший сет'алов, должен был бы сесть в отдалении, но Ньюн указал ему на подстилку рядом с собой.

— У кого еще есть вопросы? — спросил Ньюн.

Все молчали. Но вот во втором ряду зашевелились. Поднялась Рас; к ней повернулись все головы. Она попросила прощения у кел'енов первого ранга и прошла в центр. Ньюн тоже встал, за ним поднялся Данкан. Рас подошла к нему и обняла, потом обняла Ньюна.

— Я клянусь быть первой,— сказала она.

Стали подходить и другие: Перас, и Десаи, и Хлил, и Мирин; Диас и Сэйрас, и все остальные, от первого ранга до последнего. Все сначала обнимали Данкана, а затем Ньюна. Данкан сначала

онемел от изумления, но к концу этой странной церемонии его сердце оттаяло. Но вот все вернулись на свои места. Сели и Данкан с Ньюном, а рядом с ними — дусы.

Ньюн долго молча смотрел на кел'енов и боялся, что комок в горле не даст ему говорить. Наконец он решился:

— Теперь о том, что было на Совете. Вы ведь хотите знать.— Ему казалось, будто его собственный голос доносится издалека.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Здесь тоже не было жизни. Боаз смотрела на город слезящимися от ветра глазами: разрушенные дома, засыпанные песком улицы... В ее сердце истаивали надежды, его удары гулко отдавались в ушах, руки и ноги болели, как при лихорадке, каждый шаг причинял мучения. Спутники предлагали взять ее груз, но она упрямо отказывалась — у них хватало своих вещей. Дыхание со свистом прорывалось сквозь фильтры маски, воздуха не хватало. Если бы можно было сорвать с лица маску, скинуть с плеч тяжелый ранец... но без них не выживешь. Она изредка поворачивала вентиль, усиливая подачу кислорода, хотя от него сохло горло и шла кругом голова.

По крайней мере, трупов в городе не было. Видимо, мри не бывали здесь с тех пор, как ушло море. Но город вел огонь. И земляне, и регулы засекли места, откуда били орудия, надолго пережившие своих создателей и хозяев.

Галей, шедший впереди, остановился, скинул ранец, уселся на камень. Руки повисли плетью между коленями. Боаз обрадовалась привалу и села рядом. Возле нее стал неторопливо, осторожно усаживаться Кэдарин. Да, их осталось трое. После гибели Лэйна Галей решил отправить Шибо на корабль, чтобы упростить связь и, как подозревала Боаз, рассказать обо всем, если экспедиция не вернется.

— Пожалуй, нужно подойти к центральной площади,— сказала Боаз.

Галей кивнул. Они с Кэдаринном выглядели ужасно: кожа иссушена жестоким холодом и ветрами; на лицах красные следы от противогазов, губы потрескались; глаза — как у больных зверей; ногти обломаны, кожа на суставах шелушится. Просторная одежда была отлично приспособлена к местному климату, она хорошо защищала от ветра, холода и песка, даже закрывала ноги. Боаз подумала о Данкане, который гораздо раньше их ступил на эту землю, вспомнила его изможденное лицо, всегда прищуренные глаза. Казалось, Стен начисто утратил облик землянина.

Она осмотрелась. Здесь все напоминало о мри: камни, улицы, дома. Наверное, это был большой город. Наметанный глаз скользил по развалинам и обломкам, воображение реконструировало все, что было здесь раньше: непривычные линии, причудливую геометрию, сверхточную симметрию...

«Треугольники,— подумала она,— здесь преобладают треугольники. Три касты. Три башни в каждом Эдуе. На перекрестках сходится по три улицы. Триада...» Она вздрогнула при мысли, до чего же эта раса, мри, не похожа на землян.

Цивилизация землян дуалистична во всем: верх-низ, право-лево, черное-белое. Две альтернативы. Раса, которая создала культуру, основанную на цифре три, должна быть абсолютно непостижимой... Значит, в любой ситуации... три альтернативы?

Но что же это за здания, расположенные вокруг Эдунов? Как выглядела жизнь в этих домах с наклонными стенами и приземистых, широких Эдунах?

— Не мри,— вслух произнесла она.— Эти дома построили не не мри.

Галей и Кэдарин посмотрели на нее, как на сумасшедшую.

— Нам не нужны эти развалины. Данкан был прав, когда говорил, что города не мертвы, просто в них никого нет. Я предлагаю вернуться на шаттл.

— Что значит — дома построили не мри? — спросил Галей. — Боз, что ты имеешь в виду?

— Данкан сказал правду. В городах мы не найдем мри. Что общего у мри с этими машинами, домами? Для нас города бесполезны. Они говорят на непонятном нам языке, у них непостижимая для нас логика.

Галей долго смотрел на нее, потом перевел взгляд на город. На лице появилась гримаса разочарования. Вероятно, он все видел совсем не так, как Боаз.

— Боз, ты уверена?

— Ни в чем я не уверена. Просто считаю, что мы взялись за дело не с того конца. Но еще не поздно все исправить. Если останемся в городе, то вполне можем обнаружить что-нибудь интересное. Но зачем оно нам сейчас? У нас ведь другая задача.

— А что будем делать, если найдем мри?

— Установим контакт. Давайте переберемся на территорию, где кочуют мри Данкана, и попробуем их найти.

У Галея блеснули глаза.

— Но это совершенно противоречит инструкциям.

— Я знаю.

— Мы переночуем здесь и пойдем утром.

— Сейчас. — Боаз вздрогнула. — Мои старые кости против ночных прогулок, но времени в обрез.

Галей долго сидел молча, размышлял. Затем взглянул на Кэдарина.

— А ты что скажешь?

— Нужно сделать то, что нам поручено, и вернуться.

— Что мы должны сделать, знаю только я,— сказал Галей.— Переходим. Считай, что это мой приказ.

* * *

— Кел'ант,— прошептал Диас,— часовые говорят, что они идут.

Ньюн оторвался от завтрака, встал и пробрался между келами, которые просыпались и хватались за оружие. Он вышел из палатки в предрассветную мглу, пронизанную холодным южным ветром. Его меч висел на поясе, дус шел сзади. Он накинул вуаль и понял, что второй дус где-то неподалеку. Слышны были торопливые шаги посыльных, которые заходили в палатки и сообщали о появлении чужих.

Хлил догнал его и пошел рядом. Они добрались до первого восточного поста. Часовой укрылся за большим камнем на дюне. Он узнал подошедших и молча показал на восток.

Келы вглядывались вдаль, а там шевелились какие-то тени, но далеко, очень далеко. Ньюн оказался в середине цепи кел'енов. Справа от него лежал Хлил, слева — дус. Данкан был неподалеку, ни он, ни его дус не имели права находиться в середине первой цепи. Чуть дальше, в ряду кел'енов второго ранга, виднелся силуэт Рас. Ньюн снова повернулся к востоку и вгляделся в сумрак. Дус отзывался на чувства мри глухим урчанием, почти на пределе слышимости, но пробиравшим до костей. Ньюн подумал о Данкане, о Рас, о Мелейн, проснувшейся в своей палатке; о спокойных, мудрых сен'енах, о ласковых кат'е'ен, о спящих детях. За них за всех отвечают келы,

защитники. А старший по чину среди келов — Ньюн.

И вот тени стали различимы в неярком свете звезд. Замерцали оружие и Знаки Чести.

Приближались хао'нат. Шаг их был широк, намерения — ясны, ибо никто не держал в руках оружия и они не соблюдали боевых порядков.

— Ай,— прошептал кто-то. Сердца келов наполнились радостью.

Близился урочный час, на горизонте возникали все новые тени. На юго-востоке, на севере...

Хао'нат уже поднимались по склону дюны. Их вел Риан с'Тэйфа, и Ньюн, скинув вуаль, вышел навстречу. Он с радостью обнял старого кел'анта. Две черные толпы смешалась, келы разных племен узнавали друг друга.

Ньюн оглянулся на Данкана, который тоже снял вуаль.

Дус не отходил от землянина ни на шаг. Ньюн снова посмотрел в долину и увидел, что остальные племена движутся, как и хао'нат, быстро, но не проявляя враждебности.

— Идут все племена,— с радостью сказал он Хлилу и вдруг, ощутив посыл дуса, повернулся к Данкану. Как будто ледяная рука схватила его за плечо.

Риан замер, глядя на Данкана, и Данкан не сводил с него глаз... Старик повернулся и пошел прочь.

— Я не болен,— громко сказал Данкан, чтобы все слышали.

Риан снова повернулся, и сердце Ньюна забилось. Риан окинул Данкана взглядом с головы до ног.

— У тебя нет шрамов,— сказал кел'ант, и это исключало всякую возможность вызова.

— Мне очень жаль, кел'ант,— ответил Данкан.

Снова — долгая пауза. Ведь на карту была поставлена гордость кел'анта.

— Ты хорошо бегаешь, кел'ен,— наконец сказал Риан.

Он повернулся и отошел, больше не оглядываясь. Послышался шепот, в нем были и облегчение, и сожаление. Риан пожал плечами, улыбнулся и ласково протянул руку одной из своих кел'е'ен — возможно, дочери.

Данкан угрюмо смотрел ему вслед.

И вот уже пришли джей'эйри во главе с Тианом с'Эдри, ка'эйномин с Калисом из Цоухэйна. Хлил, Ньюн и Риан встретили двух кел'антов и поднялись на вершину дюны, чтобы дожидаться еще одну группу, которая тоже шла быстро и бодро.

— Мэйри,— сказал Тиан, хорошо знавший это племя. Действительно, это были мэйри во главе с Эланом. Снова — радостная встреча, дружеские объятия.

— Остались только пата,— произнес Тиан. Но на быстро светлеющем горизонте больше не показывался никто. Постепенно все кел'ены приумолкли и стали смотреть на пустынные равнины. Время шло, и радость в сердцах мри уступала мрачной подозрительности.

Лучи солнца уже заливали песчаные равнины золотым светом.

— Может, они решили встретить нас в пути? — сказал Элан.

Тиан и Риан что-то проворчали себе под нос.

Но вот на горизонте появилась темная полоса. Она приближалась, и уже вскоре можно было сказать, что это мри. Они шли быстро, пропадая среди песчаных волн и появляясь вновь.

Они исчезли в последний раз, а когда показались на глаза, до них было рукой подать. Пятьсот

кел'енов шли беспорядочной толпой, тем самым демонстрируя миролюбивые намерения.

Среди келов союзных племен слышались вздохи облегчения и смех.

— Эти пата не умеют определять время,— пошутил кто-то.

— Да нет, они просто проспали! — раздался другой голос, сопровождаемый смехом.

Ньюн заметил, что келов племени пата вели сразу два предводителя: Кедрас и еще один, незнакомый.

— Я — Мэйд с'Кэйфаи Сэйк-Мэйд,— представился кел'ант.— Я из пат'андим и привел своих кел'енов к Матери Матерей. Кто здесь кел'ант Ньюн с'Интель?

— Они опоздали,— сказал Ньюн,— но зато их гораздо больше, чем мы ждали.— Снова раздался взрыв смеха, его подхватили вновь прибывшие. Ньюн обнял Мэйда, затем Кедраса, с гордостью посмотрел на черную тучу. Больше полутора тысяч кел'енов — столько он не видел ни разу в жизни, и еще ни у одного кел'анта не было столько воинов. На его плечи легла громадная ответственность.

— Пойдем в лагерь,— пригласил он всех.

Он двинулся к лагерю, и вся черная туча поплыла за ним, навстречу круглым от изумления глазам детей и поклонам сенов.

Мелейн ждала их у своей палатки, без вуали; в ее глазах светились радость и возбуждение.

— Мои джей'эном,— сказала она,— и дети моих сестер!

Мелейн протянула руки, и Ньюн подошел поцеловать их. Его примеру последовали остальные кел'анты.

— Она такая молодая,— пробормотал кел'ант пат'андим и, заметив, что Ньюн услышал его, поклонился и быстро отошел.

— Снимаемся с лагеря! — распорядилась Мелейн.

И тут же закипела работа: мри разбирали палатки, укладывали вещи в тюки... Сен'ены бережно закутывали в вуали пана. Дети бегали по стану, путались под ногами у взрослых.

Данкан работал вместе с Тэйзом и другими кел'енами, у которых еще не было шрамов. Ньюн подошел к нему и тронул за руку.

Стен последовал за ним. Дус сопровождал его, как тень.

— Сегодня ты пойдешь налегке, — сказал Стену Ньюн.

— Я не могу идти с пустыми руками.

— Ты играл в Игру Шести?

— Да, — сознался Данкан с виноватым видом.

— Значит, твой ранг не низок и ты пойдешь без ноши.

Сформировалась колонна. Данкан с Ньюном не могли идти рядом — не позволяли ранги. Мелейн назвала себя Матерью Матерей, и, следовательно, Ньюн стал кел'антом всех келов.

— Куда мне теперь? — спросил его Данкан.

— Пока иди в хвосте колонны. Не торопись, не трать напрасно силы, сов-кел. — Ньюн коснулся его плеча и пошел в голову колонны. Данкан остался.

* * *

— Два, — прохрипел Кэдарин.

Но Галей уже и сам увидел. Не один, а два корабля поблескивали рядышком на солнце в песчаной пустыне.

Переход выдался тяжелый, усталость накопилась в мышцах и костях. Они посидели несколько минут на песке, но этого отдыха явно не хватало.

— Идем. — Галей обхватил одной рукой Боаз за талию.

Она шла спотыкаясь и тяжело дыша, даже слишком тяжело. Галей ждал злых протестов, но на этот раз она приняла его помощь. Видимо, у нее совсем не осталось сил. Кэдарин поддерживал ее с другой стороны. Но и мужчины вскоре выдохлись не меньше, чем Боаз.

«Регулы», — подумал Галей, вспомнив кошмар, увиденный на Кесрите.

Бежать некуда, только в пустыню, а там — верная смерть. Защищаться тоже нечем — у них лишь стрелковое и холодное оружие, а на корабле — пушки.

Галей скривился и сощурил глаза, чтобы лучше рассмотреть, что их ждет впереди.

— Наверное, это один из наших шаттлов, — пробормотал Кэдарин.

Они по-прежнему вели Боаз, а та едва передвигала ноги. Их вдохи-выдохи соединялись в хриплом хоре. Галей рассматривал шаттл и постепенно убеждался, что это копия их собственного.

Значит, случилось что-то плохое. Возможно, принято решение эвакуировать партию.

Он шел, а его мозг лихорадочно перебирал возможные причины появления шаттла. Самого Галея ждали неприятности. Один из его людей погиб, а он даже не сообщил об этом. Значит, теперь ему не будут доверять. Он пошел на поводу у Боаз, забыв инструкции...

Он спросил ее, не отдохнуть ли. Она отрицательно покачала головой и упрямо двинулась вперед.

Ни один люк не открылся при их приближении.

Они подошли к глухому борту корабля, и лишь в этот момент сработала автоматика: заурчали двигатели, открылся люк, выдвинулся трап — такой узкий, что подниматься можно лишь пооди-

ночке. Первым взошел Кэдарин, за ним Боаз и последним — Галей.

Их поджидали двое. Галей узнал Шибо, а разглядеть второго было невозможно — из кабины бил яркий свет. Галей стянул дыхательную маску, попытался усадить Боаз, но та отказалась и осталась на ногах.

— Гаррис, сэр,— представился незнакомец.— Приказ с орбиты.

Гаррис. Галей заставил себя успокоиться, уселся в кресло второго пилота и посмотрел на Гарриса. Тот достал из кармана листок бумаги и протянул Галею. Кэдарин включил верхний свет. Галей попытался прочесть, но руки дрожали, и буквы прыгали перед глазами.

Код экспедиции и код отправителя. Кох.

«Переговоры с союзниками о сотрудничестве ведутся на самом высоком уровне. Найден взаимоприемлемый способ избавиться от оружия мри...» И дальше...

— Что они хотят? — нетерпеливо спросила Боаз.

— Нам приказано уничтожить машины.

— Компьютеры?

Он расправил листок и прочитал вслух:

— «...Приказываю уничтожить машины в городах и источники энергии. Восстановление сделать невозможным. Союзники одобрили это решение и проведут инспекцию городов после завершения нашей фазы операции. «Флауэр» должен оставаться на планете, в недостижимости для оружия городов. Корабли перейдут на другие орбиты, связь с ними станет невозможной. Действуйте с чрезвычайной осторожностью, обеспечьте безопасность экипажа и оборудования. Не вступайте в контакт с наземными группами союзников. Не провоцируйте их наблюдателей. Второй шаттл и команда поступают в ваше распоряжение. Если возникнет

необходимость, переправьте гражданский персонал на «Флауэр».

Боаз грубо выругалась.

Галей сложил листок и некоторое время сидел молча.

— Сколько у вас человек? — опросил он Гарриса.

— Мэйги и Норт. Брайта пришлось оставить из-за груза.

— Взрывчатка?

Гаррис кивнул.

Галей взглянул на Боаз, на ее постаревшее лицо с красными следами дыхательной маски, на пепельные волосы.

В ее глазах была боль. Кэдарин положил руку ей на плечо, его лицо ничего не выражало.

— Мы потеряли Майка Лэйна, — сказал Галей. — Из-за неосторожности. Машины снабжены защитой.

Тишина.

Галей провел рукой по спутанным волосам. Такое чувство, будто он попал в западню.

— Они хотят взять все, что мы собрали, и поручить нам уничтожение городов, — сказала Боаз, обжигая его взглядом. — Они хотят отнять у этой планеты ее прошлое и запасы энергии.

Все молчали. У Боаз подергивалась щека.

— А с городами связаны не только мри. Мы не знаем, кто еще. Мы не знаем, на что поднимаем руку.

Она не сводила глаз с Галея.

— Откажись выполнять приказ...

Галей задумался над этим предложением. Действительно задумался. Это же безумие. Взглянув на Гарриса, он спохватился.

— Я не могу. Да это ни к чему и не приведет. Нас заставят.

— Уничтожить их прошлое?

В тесной каюте стало трудно дышать. Ее заполняла ярость Боаз, вытесняла воздух.

— У нас нет выбора.— Галей дал Гаррису знак сесть. От глядения снизу вверх заболела шея.

— Доктора отправим на базу? — спросил Гаррис.

Галей поднял руку, предостерегая готовую взорваться Боаз.

— Она с нами. Вернется, если сама захочет.

— Не захочет,— буркнула Боаз.

— Не захочет.— Галей медленно вздохнул, потер слезящиеся глаза, обвел взглядом людей в каюте.— Мы проберемся в города. Это несложно. Принесем мины, установим, вернемся на шаттлы, отведем их на безопасное расстояние... Но существует возможность, что мы нечаянно включим какую-нибудь систему, которая уничтожит нас всех. Поскольку «Сабер» и другие корабли отошли подальше, значит, командование допускает такую вероятность. Мы в самом пекле. Но «Флауэру», возможно, ничто не угрожает. Боаз, ты понимаешь, к чему я клоню? Вряд ли ты сможешь здесь что-нибудь сделать.

Она упрямо мотнула головой.

— У меня и для вас письмо.— Гаррис выудил из кармана измятый конверт.

— Льюис,— сказала Боаз, даже не взглянув на надпись. Она вскрыла конверт, прочла письмо и поджала губы.— Благословляет меня,— сказала она,— только и всего.— Боаз спрятала письмо в карман.— Кому это выгодно? А, Галей?

— Мри. Они останутся в живых.

— А если подумать как следует?

— То есть?

— Наши корабли далеко от планеты. На Кутат высадилась экспедиция регулов с неограниченными полномочиями. Кому это выгодно?

Галей почувствовал, как его сердце забилося чаще.

— Боз, решение принято на очень высоком уровне. От нас уже ничего не зависит.

— Прекрати! Контр-адмирал получил консультацию Сима Эверсона, этого ему хватило.

— Боз...

Она больше ничего не добавила. Галей облизнул губы и повернулся к Гаррису.

— Ты останешься здесь. Мы пойдем в город, и мне нужна уверенность, что сюда не проникнут регулы.

— А как мне их остановить?

— Стреляй! — рявкнул Галей и стал ждать протестов Боаз. Но она промолчала. — Вы с Боз останетесь здесь. Гаррис, слушайся ее. Она знает регулов, и, если она решит, что необходимо стрелять, действуй не раздумывая. И постоянно осматривай местность. Если Боз прикажет тебе идти, ты пойдешь и будешь убивать. Ясно?

Гаррис кивнул, не выказывая удивления.

— Вы скоро вернетесь?

Галей, не ответив, встал, потер небритый подбородок и дал знак собираться. Гаррис помог им уложить взрывчатку.

После недолгого отдыха Галей махнул рукой Боаз и стал спускаться по лестнице. За ним пошли Кэдарин, Шибо и люди Гарриса. Галей надел дыхательный аппарат. Было ужасно холодно. Ноги не слушались. А ведь он бы мог послать Гарриса.

Да, мог бы...

Данкан потерян для землян. Теперь это можно считать доказанным. Мертв или с мри — разницы нет. Чудес ждать не приходится. Остается только взорвать машины.

Жестоко, но выбора нет.

Прошлое планеты... Боаз сказала: «уничтожить прошлое планеты». Он сориентировался на местности. Теперь немного влево.

Он сокрушенно покачал головой и пошел к городу, чьего названия даже не знал.

* * *

Перед ними возвышались стены. Они были такого же цвета, как и холмы, на которых стояли мри. Можно было бы подумать, что это творение природы, но колонн было много и все одинаковые.

И'лиит.

Данкан смотрел на него поверх плеч кел'енов, стоящих перед ним. Он был на голову ниже самого низкого из них, а ведь среди землян он считался рослым. Здесь же он выделялся, напротив, малым ростом. А еще — плотным телосложением. Коренастый, широкоплечий...

— Здесь живут и'лии,— обратился он к Тэйзу, который шел рядом с тяжелым мешком на плече.— Ты знаешь, как они выглядят?

— Я не видел ни одного,— ответил Тэйз и добавил: — Они — ци'мри.

Тема была исчерпана. Ци'мри юношу не интересовали.

Данкан больше ни о чем не спросил. Оставалось только идти, дыша сквозь вуаль и едва переставляя больные ноги. Рядом шел дус. Благодаря животному Данкан ощущал присутствие Ньюна, и это приносило облегчение.

Данкан боялся.

Зачем они пришли сюда? Что хотят получить у неизвестной расы? Источники энергии? Оружие? Поди догадайся. «Воевать»,— сказал Ньюн. И он, Данкан, дал им повод для войны — убил регула.

Сейчас они отдыхали. В пути было несколько остановок, ведь с ними шли каты. По колонне передали приказ: ставить лагерь.

Кел'ены удивились этому, но тем не менее взялись за дело, помогая катам. Данкан хотел последовать их примеру, но вспомнил приказ Ньюна и сел на камень, обняв дуса. Его не покидала тревога. Мри вели себя как обычно, но с помощью дуса Данкан ощущал что-то чужое, окружающее их. Ему было страшно.

Ньюн тоже должен это чувствовать. Данкан поднялся и пошел между кел'енами, вонзающими в песок шесты, растягивающими палатки. Бежавший навстречу малыш замер как вкопанный, посмотрел на Данкана с изумлением и шарахнулся в сторону.

Данкан проводил его взглядом и пошел дальше — искать Ньюна.

И вдруг он понял. Дусы! Хаа — дикие дусы! Они рядом!

Ньюна он нашел неподалеку от того места, где сены возводили свои палатки. Вокруг него стояли другие кел'анты, и келу, не имеющему шрамов, там было не место.

«Ньюн!» — позвал Данкан друга с помощью дуса, но тут же ощутил прикосновение другого разума и обернулся.

Рас. Данкан тронул ее за рукав, посмотрел в глаза и отвернулся. Рас глянула в ту же сторону, что и Данкан, туда, откуда исходила угроза.

— Они идут, — сказал Данкан. — Кел Рас, они идут.

Ощущение угрозы все усиливалось. И вот Данкан увидел на песчаном гребне первого дуса.

— Боги! — с дрожью в голосе прошептала Рас и попятилась.

— Он хочет к нам, — сказал Данкан. — Его не остановить.

— Я убью его!

— Не нужно. Сейчас его привлекают эмоции кого-то из кел'енов. Может быть, даже твои, раз ты его ощущаешь. Тебе страшно?

Рас отвернулась и между смолкшими кел'енами прошла на край лагеря, навстречу зверю. Данкан шел за ней, сердце его учащенно билось.

Теперь он ощущал не ненависть, не враждебность, а что-то совсем другое. Хаа приник к земле грудью, его дыхание вздымало клубы пыли. От него так и веяло настороженностью.

Рас дотронулась до него. Опустилась на колени, обняла за шею. Разумы дуса и мри слились воедино.

В лагерь входили другие дусы. Кел'ены попятись, а дети с криками бросились к палаткам.

Дусы выбирали себе кел'енов: Хлила; юного Тэйза, который давно мечтал о четвероногом друге, Риана, который боялся, но смог победить страх...

И вот келы со своими дусами собрались вокруг Ньюна: Хлил, Рас, Тэйз, Риан, Данкан... Они переглядывались. Тэйз очень смущался, ведь теперь у него был дус, как у самого Ньюна, кел'анта.

— Я прошу прощения,— пробормотал он, как будто его вина была в том, что дус выбрал именно его.

— Никто не может повлиять на выбор дусов,— сказал Ньюн.— Что они находят в нас... знают лишь боги.

— Дусы ощущают чужих,— тихо сказал Данкан.— Они пришли сюда, чтобы защищать. Один хаа не пришел в лагерь, он где-то там.— Он указал на дюны.— А почему, я не знаю.

— Мы идем в город,— сказал Ньюн.— Каты и часть сен'енов остаются здесь, в лагере.

Данкан посмотрел в сторону Мелейн, которая стояла среди сенов, а затем перевел взгляд на стены И'лиита.

Нападение, сверкнула в мозгу даже не мысль, а чувство. У мри нет союзников.

— Ты не понимаешь? — спросил Ньюн. — Мы возьмем этот город.

Звери поняли... Они заняли место по краям колонны, как это делали дусы на Кесрите.

У мри есть союзники. У немногих из них, в которых звери нашли что-то особенное.

«Возможно, безумие», — подумал Данкан.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

(ут наблюдал за экранами. Корабли действительно улетали. Он улыбнулся и отдал приказ экипажу.

«Шируг» стал медленно удаляться от планеты, не упуская из виду «Сантьяго» и «Сабер».

На экране появилось лицо бая Дегаса.

— Мы начали, — сказал Сут. — Как условлено, мы будем все время поддерживать связь друг с другом.

— Я буду вызывать вас по мере надобности.

— Разумеется. — Сут изобразил улыбку. Ему нравился этот бай. Его твердость в решениях так приятно отличалась от уклончивости остальных землян.

Но по той же причине следовало и побаиваться Дегаса. Он слишком глубоко вникал в суть событий.

— Сейчас я переключу связь на молодых регулов, — продолжал Сут. — Глубочайшая признательность за сотрудничество. — Он опять улыбнулся, выключил экран и откинулся на подушки.

Позади раздался шум — приехали другие тележки. Нань, Тиаг, Мокхаг...

— Все время находиться на связи. Спать по очереди. Один постоянно должен бодрствовать.

— Города мри функционируют, — сказала Нань. — А земляне утверждают, что их уничтожение идет полным ходом. Информация землян не во всем точна.

— Ложь, Нань. Это называется ложь. Земляне говорят неправду так же часто, как ошибаются... Но мы будем работать с ними.

Мокхаг обеспокоенно раздул ноздри.

— Мне это не нравится. Существует угроза: города мри. И я не вижу у землян желания устранить ее.

— Значит, они лгут,— сказала Нань.

— Если мри останутся без источников энергии, они будут вынуждены наняться к кому-нибудь на службу. Или умереть от голода.

— У меня вопрос,— произнесла Нань.— Земляне считают, что мри будут им служить?

Сут зашипел от злости. Подумать только, взрослые регулы сидят и обсуждают землян, гадают, что в их словах и поступках правда, что полуправда, а что — ложь! Абсурд, безумие! Неужели они заразились безумием, алогизмом землян? Он взял с пульта стило, покатал между ладонями.

— Разум землян ориентирован сразу во многих направлениях,— сказал Сут.— Они поглядывают и в сторону мри, и в нашу сторону...

— Действовать во всех направлениях нельзя,— сказал Тиаг.

— На самом деле их интересует лишь собственное благополучие. Что для них выгодно?

— Выживание! — сказала Нань.

— Знание! — поправил Сут.— Они заявили, что уничтожат города мри.

Его ноздри раздулись и закрылись.

— Земляне — это раса, способная забывать и обладающая воображением,— сказал Сут.— Я решил действовать простейшим образом. Постарался удовлетворить их минимальные требования. Земляне сказали, что уничтожат города. Они утверждают, что собирают информацию. Для этой цели на «Флауэре» работает дополнительный контингент ученых.

Так мне сказали, и не вижу причин, по которым можно считать это ложью.

— Мы что, позволим им уничтожить оружие, которое может пригодиться нам? — спросил Мокхаг.

— Нет, — сказал Сут. — Мы этого не сделаем.

* * *

— Ничего, сэр.

Льюис оперся на подушку и грустно покачал головой. Браун растерянно смотрел на него. Корабль стартовал, но паники на борту не было, разве что... тревога.

Сейчас только шаттлы могли садиться на Кутате. Для военных кораблей это слишком опасно.

Экспедиция Галея не выходила на связь. Гаррис должен был ее отыскать, если Галей придерживался разработанного плана. Но докладов ни с одного из шаттлов не поступало. Чего теперь ждать? Их выхода на связь? Или собственной гибели?

И Боаз — внизу. Она наверняка отказалась вернуться на «Флауэр». Льюис включил карту планеты. Отыскал второй город, где, скорее всего, сейчас находилась экспедиция. Он всей душой надеялся, что она там.

Если она не попала в беду.

— Я думаю, они не скоро выйдут на связь, — подал голос Браун, решив, видимо, что следует что-то сказать. — У них сейчас много работы, сэр. Надо подождать.

Это была слабая попытка успокоить Льюиса. Тщетная попытка.

* * *

За резными каменными колоннами стоял город И'лиит, скопление фантастических построек из стекла и камня, сверкающих в лучах закатного

солнца. Кел'ены ахнули от удивления, а Ньюн вспомнил о своей юности, когда он проводил вечера, глядя на город регулов, на россыпь его огней в ночи. Он тогда мечтал о кораблях, путешествиях, войнах, Знаках Чести...

Он взглянул на Мелейн, окруженную сенами. Ши'пан молчала, но было ясно, что она сделает все от нее зависящее, чтобы выполнить свое предназначение. Святыня — в безопасности, тысяча с лишним келов охраняют ее и сен'енов. Мелейн привела сюда пятнадцать сен'енов, в том числе и Сатаса.

Ньюн поздравил кел'енов с дусами. Подошли все, даже Тэйз, безмерно гордый и счастливый.

— Держитесь поближе ко мне, — велел им Ньюн, а потом обратился к Данкану: — У тебя есть пистолет, сов-кел. Я прошу тебя быть поближе к ши'пан. Это ци'мри.

— Ай, — пробормотал Данкан. «Нас всего двое, — подумал он, — имеющих опыт настоящей войны, хоть мы и сражались на разных сторонах. Мы оба знаем закон келов Кесрита: использовать оружие, убивающее на расстоянии, только против тех, кто его применяет».

— Должно быть, они знают, что мы здесь, — сказал Ньюн.

— Несомненно.

Город был уже совсем близко, перед их глазами вставали причудливые конструкции из стекла и камня.

— Боги! — прошептал Ньюн. Внезапно ему показалось, что кел'енов всего лишь горстка, а врагов — тьмы и тьмы.

Дусы излучали импульсы тревоги. Над песком взлетали фонтанчики: бурильщиков здесь было так много, что казалось, шевелится вся пустыня. Бурильщики разбегались в стороны.

— Не выпускайте дузов из-под контроля, — предупредил Ньюн кел'енов.

— Келы, — сказала Мелейн, — захватите для меня этот город, не разрушайте его, не убивайте жителей без необходимости.

— Иди в середину строя, — прошептал Ньюн Мелейн. — Ты должна быть осторожна.

К его удивлению, она повиновалась беспрекословно. Ньюн глубоко вздохнул и стал рассматривать город, где не было видно улиц — только лабиринт стеклянных стен.

Он повел кел'енов вперед, сквозь ветер, не обращая внимания на высокие преграды, не думая о странностях и'лийской архитектуры. Перед ними выросла стеклянная стена города. Прямо из пола поднимались резные каменные столбы и скульптуры.

Ньюн достал пистолет, из которого стрелял давным-давно... и нажал на спуск. Стекло с оглушительным звоном разлетелось на куски. В лицо ударил теплый и влажный воздух.

Они вошли в город. Осколки стекла хрустели под ногами. Дусы тревожно фыркали. Зверь Ньюна испустил охотничий вой, который отозвался жутким эхом в обширных пространствах. Ньюн стиснул рукоять пистолета и жестом приказал кел'енам рассредоточиться по всему зданию. Эхо их шагов гулко звучало под высокими сводами.

А в дальнем конце холла стояли ци'мри... ослепляя буйством красок. Боги, какие удивительные цвета! Кел'ены остановились, как по команде, глядя на зеленые, голубые, алые мантии; многим цветам и названия не было в языке мри... Кожа у и'лии была бледная, светлее, чем у Данкана, волосы белые, длинные, бесстыдно распущенные...

Ньюн в одиночку ходил в город регулов, где все было чужим для мри, противоречило самой сути Народа. И теперь он смело шагнул вперед. Дус был рядом, товарищи — за спиной. «Что сейчас будет? — подумал Ньюн. — Битва? Или паническое бегство?»

Мри устремились вперед.

Тысяча мечей со свистом выскользнули из ножен.

— Нет! — крикнул Ньюн. — Но держите оружие наготове.

Он пошел вперед, храня спокойствие. Миновал одну арку, другую, вошел в ратушу, где каменные стены переплетались между собой, точно корни... Город сдавался, даже не попытавшись нанести удар.

* * *

Впереди виднелся вход в большой Эдун. Коричневые стены, аскетичная архитектура — пример разумной простоты среди безумного разгула причудливых конструкций.

Галей уже с трудом дышал через фильтры маски, но, собрав последние силы, первым поднялся по ступеням и оказался в спасительном убежище, где ветер не хлестал в лицо песком.

Они зажгли принесенные с собой факелы, чтобы ничего не трогать и не включить ненароком систему охраны. Галей осмотрелся: письма на стенах, сумрачные коридоры между башнями. Разруха не тронула Эдун.

— Заметьте, — сказал он хриплым голосом, не снимая маски, — это место святое для них. Это их история, их дом. Мы находимся на планете мри, а Эдун — святыня. И мы собираемся уничтожить их прошлое. Не забывайте об этом.

Двое подчиненных Гарриса с удивлением посмотрели на него. Их лица в масках при свете

факелов казались демоническими. Только Кэдарин... Кэдарин, который был с Боаз... он понял.

— Нельзя уничтожать то, чего не знаешь,— сказал Галей.— А мы здесь не знаем ничего.

— Он хрипло выдохнул и повернулся ко входу в машинный зал. Вернее, в ту сторону, где он должен находиться, если все Эдуны одинаковы.

В недрах этой башни расположен источник энергии. Во всяком случае, это наиболее вероятное место. Такие башни уцелели и в других Эдунах, хотя все остальные пострадали.

— Надо заложить взрывчатку здесь,— сказал Галей, указывая на стену.— Простая работа. Уничтожив мозг, мы уничтожим все связи. Тогда не будет опасности для кораблей на орбите. Можно, конечно, обыскать и остальные башни, но я уверен, что самое главное — здесь.

Что-то упало на пол. Серебряная пластина. Норт вырвал из кобуры пистолет, но Галей перехватил его руку и указал вверх, на серебряный купол. Из него выпал кусок.

— Черт возьми,— дрожащим голосом произнес Кэдарин.

— Идем,— сказал Галей.— Не касайтесь ничего и не стреляйте.

Они разошлись по разным башням, как приказал Галей. Осмотрели их, проверили коридор за коридором, лестницу за лестницей... И снова собрались у входа в машинный зал.

— Ничего нет,— сказал Кэдарин,— только служебная техника.

Остальные подтвердили.

— Тогда минируйте эту башню, каждый этаж. Кэдарин, идем со мной.

Кэдарин последовал за Галеем по винтовой лестнице. Они шли осторожно. Свет факелов вы-

хватывал из мрака маленькие участки лестницы, и тут же их съедал мрак за спинами идущих.

Лестница привела в комнату, похожую на те, которые они уже видели. Даже решетки на окнах были такие же. Видимо, здесь поработал один архитектор. Эта комната почти не пострадала. Как будто чья-то заботливая рука заделала все трещины.

Галей погасил факел и дал Кэдарину знак сделать то же самое. Он боялся, что фоточувствительные датчики могут привести в действие системы обороны.

— Может быть, здесь есть чуткие звукоулавливатели? — прошептал Галей. — И Лэйн включил их, когда пересек этот круг? Давайте заложим здесь мины и уйдем. А через пятнадцать минут рванет.

Галей проворно и бесшумно установил заряды и пошел вниз по лестнице. Кэдарин, как тень, скользил за ним.

На каждом этаже Галей оставлял взрывчатку и наконец прошептал Кэдарину:

— Уходим!

Внизу они встретились с остальными.

— Все готово, сэр! — услышал Галей, и они сразу бросились бежать, выскочили на лестницу, пересекли небольшой двор и укрылись в переулке среди домов.

Взрыв не должен быть слишком сильным. Необходимо лишь отключить мозг, разорвать связь с источниками энергии.

И вдруг рвануло! Башни отделились друг от друга, и промежутки между ними заполнились пламенем. Далекий взрыв отозвался дрожью в человеческих костях, клубы пыли окутали башни, и Галей инстинктивно вжался в землю, ожидая, что за этим взрывом последуют другие, гораздо страшнее. Эти взрывы спасут город, уничтожат

корабли, сотрут в пыль дерзких пришельцев, ввергнут космос в бездну войны.

Но этого не произошло.

Пыль постепенно осела. Тишина. Галей услышал, как выругался Норт.

— Мы живы! — прошептал Галей. Из-за пыли он не видел весь Эдун, но знал, что башня превратилась в грудку щебня.

— Эти машины больше ничего не смогут сделать, — сказал Кэдарин. — Мы уничтожили их, сэр. А сами остались живы.

У Галея дрожали мышцы. Он собрался с силами, усилил подачу кислорода, и голова закружилась. Снова показалось, что они здесь вовсе не одни, как было по пути сюда.

— Мы наверняка включили систему оповещения, — сказал он. — Лучше побыстрее убраться на шаттле.

Никто не спорил. Все его люди побывали на войне с мри и знали бесстрашие кел'енов, их готовность жертвовать собой. Четыре человека с пистолетами для мри — ничто. И Боаз нет с ними...

Галей с тревогой подумал, что до корабля они, скорее всего, добраться не успеют.

* * *

И'лии собрались вокруг своих монументов. Они что-то щебетали звонкими голосами. Высокие, бледные, они казались чересчур массивными в широких мантиях, украшенных драгоценностями. Волосы, словно белый шелк, струились по плечам и спине до самой талии. У иных и'лии волосы были ровно подстрижены, у других заплетены в косы, а у третьих уложены так, что оставались открытыми уши. Ньюн даже покраснел от такого бесстыдства. И'лии в ужасе жались друг к другу, глядя на келов, что стояли перед ними.

— Ты,— Ньюн ткнул пальцем в высокого и'лии, приняв его за мужчину. Мантия скрывала очертания тела, а лица были одинаковы, как две капли воды.— Ты, выйди и говори.

Белое лицо исказилось ужасом. И'лии судорожно вцепился в ближайших соплеменников. Но затем все-таки вышел вперед — коротенькими, неуверенными шажками, как напавший ребенок. Лицо имело некое сходство с лицами мри, но все же выглядело более чем странно: все белое, даже губы; глаза голубоватые, почти бесцветные, вокруг ресниц синие тени. Краска, решил Ньюн. Эти тени, казалось, оживляли лицо, придавали его чертам утонченность.

— Уходите! — сказал и'лии слабым голосом.

Ньюн чуть не рассмеялся.

— Где ваша Мать? — спросил он, ожидая взрыва негодования.

Любой мри возмущился бы, если бы такой вопрос задали ему. Но и'лии взглядом показал на один из коридоров, и келы презрительно зашептались.

— Иди с нами,— приказал Ньюн. И когда и'лии напрягся, будто хотел убежать, кел'ант добавил:

— Мы не берем пленных. Иди с нами.

И'лии взглянул на него с ужасом, затем попытался изобразить улыбку и жестом выразил согласие.

Ньюн посмотрел на своих товарищей, на Мелейн, которая закрылась вуалью перед ци'мри.

— Спроси, как его зовут,— сказала она.

— Меня зовут Иллатаи, Мать мри.

Вскинулись мечи — ци'мри оскорбил ши'пан, обратившись непосредственно к ней. Но она жестом остановила кел'енов и посмотрела на Ньюна.

— Скажи Иллатаи: я хочу, чтобы он провел нас к ши'пан и'лии.

Иллатаи тревожно оглянулся на своих соплеменников. В его глазах застыло отчаяние. Дусы зашевелились и заворчали.

«Ци'мри,— подумал Ньюн.— Они многие годы не видели мри. Они почти забыли о нашем существовании».

Он взял Иллатаи за руку и повел. И'лии послушно шагал рядом с ним, заглядывая в лица кел'енов. Кривая нелепая улыбка не сходила с его лица, даже когда он смотрел на дусов. Ньюн отпустил его, давая возможность идти самому.

Это был сон, кошмар... Стеклянные стены, причудливые конфигурации, диковинные конструкции, необыкновенные скульптуры, украшенные драгоценными камнями и металлами. Белизна волос, оскорбительная в присутствии облаченной в белое Мелейн... Келы не говорили ни слова, ведь перед ними были ци'мри. Попадавшие навстречу и'лии вскидывали белые руки, прятались за монументы и колонны. Столбы здесь поднимались очень высоко, отлитые из золота змеи поддерживали своды.

За стеклянными стенами находилась оранжевая. По стеклу струилась вода. Ньюн с изумлением рассматривал настоящее царство растений: гроздь ягод, спелые фрукты...

— Боги!— в изумлении произнес кто-то рядом.

«Таким был весь Кутат, пока не высохли моря»,— подумал Ньюн.

— Насосы...— задумчиво пробормотал Данкан.

Снова — прозрачные стены, статуи, цветные призмы. Ньюн сразу вспомнил радугу, которая была хорошо известна на Кесрите и давно забыта на Кутате. Двери послушно подчинились слабой руке Иллатаи. Улыбка его замерзла на лице, движения ни ускорялись, ни замедлялись. Но вот за одной из дверей Ньюн увидел множество и'лии, ярких,

как ящерицы. Казалось, их мантии весят больше, чем они сами. Одежды были расшиты разноцветными рисунками: цветы, звери, рептилии...

Ньюн не мог не признать, что и'лии красивы. Он остановился. И все келы остановились перед удивительными созданиями с расprostертыми белыми руками, с голубыми глазами, в которых не было угрозы, только страх и мольба.

Иллатаи метался между и'лии и мри, как будто пытался их примирить.

— Мы должны пройти,— сказала Мелейн.— Скажи им, кел'ант.

— Нет,— возразил Иллатаи.— Поручи это мне. Я передам все, что ты скажешь.

Ньюн нахмурился и сделал знак Хлилу. Сверкнула сталь, и осколки хрусталя посыпались на пол. И'лии негодуяще вскрикнули, ярость дусов поднялась, как штормовая волна.

— Мы пройдем,— сказал Ньюн.

Но и'лии стояли непреклонно, загораживая вход. Клинки покинули ножны. Риан и Элан приготовились первыми броситься в атаку. И'лии закрыли глаза.

— Нет! — сказал Ньюн.— Оттесните их.

Это никому не понравилось. Не в обычае мри прикасаться руками к мужчинам и женщинам, которые готовы умереть, не защищаясь. Но кел'ены низшего ранга послушно двинулись вперед. Иллатаи суетился перед мри, указывая, куда идти.

Зал, в который они вошли, был отделан золотом и драгоценными камнями. Они увидели и'лии: один из них был в мантии из золотистой и серебристой тканей, другой — в мантии цвета чистого золота, а третий — в мантии цвета чистого серебра. Одежания остальных были расшиты камнями. Увидев кел'енов, и'лии ахнули и попытались остановить пришельцев, голыми рука-

ми хватая острую сталь: их кровь была такого же цвета, как у мри и землян.

— Нет! — раздался громкий голос, и и'лии в золоте и серебре воздела руки, останавливая своих защитников. Это была пожилая женщина, ее мантия отличалась от других покроем. В золото был одет мужчина, а в серебро — красивая девушка; оба остались рядом с пожилой женщиной. Юные и'лии в сверкающих драгоценными камнями мантиях толпились перед ними.

— Кто она? — спросил Ньюн.

— Мать, — ответил Иллатаи, кланяясь обоим сторонам. — Эбоутэй, и вторая из Матерей — Хи'лии, и первый из Мужей — Т'хесэйфайл. Ты говоришь с ними, принц мри.

Он оглянулся с таким беспокойством, что оно передалось дусам. Общество и'лии было устроено подобно обществу мри, но имелись и различия. У и'лии была не одна Мать.

Мелейн невозмутимо сложила руки на груди и заговорила так, будто выступала на Совете.

— Эбоутэй, ты догадываешься, зачем я пришла сюда?

— Требовать от нас службы, — сказала старая и'лии, и морщины прорезали ее лоб. — Ты ввергла мир в хаос и теперь пришла, чтобы подчинить нас себе. Ну что же, увлекай и нас за собой в бездну.

Мелейн внимательно осмотрела зал, причудливые каменные изваяния, узоры из драгоценных камней.

— Кел'ант джей'эном, скажи Несущим Бремя, что их жизнь в опасности. И что Ан-ихон в руинах, как и многие другие города. Сюда явились ци'мри. И она, несомненно, знает об этом..

— И'лии слышит? — холодно спросил Ньюн, не сомневаясь, что и'лии прекрасно все поняли.

— Ты не знаешь меня? — спросила Мелейн.

— Я знаю тебя,— ответила Эбоутэй. Ее голос срывался от негодования.

— И ты позволишь мне войти?

— У меня нет выбора,— мрачно произнесла и'лии.— Я прошу тебя, не приноси сюда войну.

— Восемьдесят Мраков странствий... и теперь нам говорят: подите прочь.

— Ты погубишь нас! — закричала вторая из Матерей.

— Слушайте,— снова заговорила Эбоутэй и дрожащей рукой махнула своим приближенным.— Покажите им. Покажите.

Молодая и'лии что-то сказала ближайшему мужчине. Кивнула белая голова, сверкнули драгоценности. Ньюн сжал в руке пистолет, готовый ко всему... Но тут часть стены отодвинулась, померк свет и появился экран, на котором ожили изображения. Тьма... огонь... мертвые мри, Эдун в развалинах... Эдун в огне, падающие силуэты... Обнаженные лица землян, корабли над руинами... ландшафт Кесрита... и лицо человека во весь экран, молодое и знакомое всем...

— Нет,— сказал Данкан, и Ньюн положил руку на его плечо.— Нет. Земляне здесь совсем ни при чем.

— Регулы,— громко сказал Ньюн, чтобы услышала Мелейн, с лица которой сразу слетела маска бесстрастности.

— Дайте мне ваши машины,— потребовала она.

— Нет,— ответила мать и'лии.— Уходите, отстреливайтесь из мертвых городов.

— Мы пришли сюда не для того, чтобы уходить. Если нам придется воевать, то мы начнем здесь.

Губы старой ши'пан задрожали. Она поднялась, и тотчас встала вторая из Матерей и Муж. Эбоутэй обреченно взмахнула рукой. И'лии открыли двери

в противоположной стене, и у Ньюна аж дух захватило: машины... такие и не такие, как в Ан-ихоне. Форма та же, но консоли трудно разглядеть под украшениями.

— Идем,— сказала Мелейн своим сенам. К машинам пошли только они.

Ши'пан и'лии хотела последовать за ними, но Ньюн твердо сказал «нет», и кел'анты моментально перестроились, преградив чужой Матери и остальным путь к машинам, которые назывались И'лиит.

— Они убьют вас! — крикнула Эбоутэй.— Наши машины не говорят на хол'эйри!

Мелейн обернулась: маленькая белая фигурка на фоне громадных, сложных конструкций.

— Да? Мать И'лиита, ты напомнила мне о том, что я забыла. И'лии знают, что такое ложь.

Наступила пауза.

— Не препятствуйте ей,— сказала Мелейн келам.— Пусть войдут все, кто хочет.

Ньюн после секундного колебания дал знак остальным келам и вместе с Данканом, Хлилом и Рас направился к Мелейн. Больше никто из мри не отважился войти в машинный зал.

Мелейн шагнула в белый круг, и ее тут же залило белым сиянием. Сердце Ньюна тревожно забилося, когда он услышал рокочущий голос машины.

— Нэй мри,— ответила ей Мелейн.— Ли'эй'-хэйн! Ан-ихон! Цоухэйн! Зу'и'ай-шэй!

Пульты вспыхивали один за другим.

— Эй'он! Ти'э'мэ-кэ! Као! — продолжала Мелейн.

Города, понял вдруг Ньюн, и волосы зашевелились у него на затылке. Мелейн включила машины всех городов во всем мире! Она вызывает планетарную систему обороны!

И когда все пульты засветились и загомонили все машины, Мелейн резко повернулась и торжественно крикнула Эбоутэй:

— А теперь скажи мне, Мать и'лии, что я здесь чужая, что мне нужно уйти, что все это не мое! Отбери у меня машины, И'лии!

И'лии двинулась вперед, но остановилась на границе белого круга. Белое лицо, белые волосы, белая ткань мантии...

— Машины,— продолжала Мелейн, раскинув руки,— подчиняются моей воле, как и должно быть. Они помнят все то, что в них заложили мои предки. Они знают Тайны тех, кто ушел давным-давно. И они говорят на хол'эйри, ши'пан и'лии.

— И'лиит! — воскликнула Эбоутэй.

— Я здесь,— ответила одна из машин, но ответила на хол'эйри, и это сразило Эбоутэй.

— Данкан! — позвала Мелейн.

В наступившей тишине слышался только гул машин.

— Сов-кел,— прошептал Ньюн, встретив взгляд Данкана и кивком указал на круг, куда звала его Мелейн.— Оставь дуса, сов-кел.

Данкан приказал дусу остаться и вошел в круг.

— Я здесь,— сказал он.

— Это тень, что сидит у нашей двери,— ответила машина.— Ан-ихон помнит.

— Кел Данкан,— сказала Мелейн.— Ты мой?

— Да, ши'пан.

— Кел'ен, мне нужен корабль. Отсюда можно связаться с землянами. Они придут сюда по твоей просьбе?

— Ты хочешь захватить корабль?

— Ты поможешь мне?

Тишина. Пятеро кел'енов ощущали все, что происходило в душе Данкана. Наконец он кивнул. Мелейн что-то включила на ближайшем пульте.

— Тебе нужно только говорить,— сказала она.— Ан-ихон, включи для кела Данкана передачу.

— Он может говорить,— произнесла машина.
Наступила гробовая тишина.

— Стен Данкан. Плар. Пароль «Феникс». Любому кораблю землян. Пожалуйста, ответьте.

Он говорил на языке землян. Ньюн понял все, Мелейн тоже. Остальные — и келы, и и'лии,— были в замешательстве. Данкан снова и снова повторял вызов.

— Это «Флауэр»,— отозвался голос землянина.— Данкан, мы слышим тебя. Сообщи твои координаты.

И тут же другой голос, женский:

— Данкан, это Боаз. Где ты?

Данкан взглянул на Мелейн, та кивнула.

— Шаттл «Единица», это «Флауэр»,— слышался голос человека, привыкшего отдавать команды.— Боаз, не выдавайте своих координат. Молчите. Иначе можете вызвать на себя огонь.

— Скажи им, что это не так,— проговорила Мелейн.

— Это Данкан. Города не будут стрелять, если вы их не спровоцируете. Я могу сообщить свое местонахождение. Боаз, шаттл вне корабля?

— У нас их два. Галей на планете, ты его знаешь, Стен. Мы прилетим, если ты позволишь. Без стрельбы. Где ты?

— Условия? — снова слышался голос с «Флауэра». — Какие гарантии безопасности? Данкан, ты говоришь под принуждением?

— Вы Эмиль Льюис. Вам прекрасно известно, что меня никто не может принудить ни к чему. Боз, от развалин вблизи лагеря «Флауэра» — на юго-восток, к холмам. Увидите колонны и город среди скал. Боз, ты знаешь это место?

— Найдем. Мы обязательно прилетим. Жди, Данкан.

— Понял, Боз. Лети и ничего не бойся.

— Стоп,— сказала Мелейн.

— Передача окончена,— отозвалась машина.

— Чужие! — прошипела Эбоутэй.— Вы говорили с чужими!

Данкан сдвинул вуаль в сторону и взглянул на Мелейн.

— Что-нибудь еще, ши'пан?

— Они прилетят?

— Да,— сказал Данкан.

Кто-то коснулся плеча Ньюна. Хлил. Ньюн ощущал их всех: Рас, Риана, Тэйза... Только не было Данкана, хотя он уже вышел из круга и встал рядом с ним.

— Надень вуаль, сов-кел,— сказал Ньюн.

Данкан подчинился и в сопровождении дуса вышел из машинного зала.

* * *

Они живы... пока. Галей жадно глотнул воды и отвернулся, даже не взглянув на пищу, которую ему предлагали товарищи. Он снова положил руки на колени и опустил голову. Колени болели, в висках стучало. Он потер непрестанно слезящиеся глаза.

Город мри мертв... чья теперь очередь?

— Сэр,— слышался голос Кэдарина.— Сэр...

Галей посмотрел вверх, поднялся на ноги. Превозмогая усталость, поднялись и другие. Корабль. Галей смотрел на него с ужасом. Скрыться в этой песчаной пустыне негде.

Корабль снижался.

Их шаттл. Галей смотрел на него, и беспокойство не проходило.

Корабль прилетел за ними.

* * *

— Предательство,— прошипела Нань, и ноздри ее побелели.

Сут хранил внешнее спокойствие, но его сердца стучали вразнобой. Он смотрел на экраны, где двигались точки: «Сантьяго» и шаттлы. Земляне разрушали все его расчеты.

— Бай! — взмолился Мокхаг.

Сут развернул тележку. Его секретарь скорчился в углу, стараясь казаться невидимым. Сут подумал, глядя на своих помощников, ожидавших решения... и ткнул кнопку на пульте.

— Бая Коха,— сказал он и принялся успокаивать дыхание.

На экране появилось лицо землянина: морщины, коротко подстриженные седые волосы...

Кох.

— Бай Сут? — спросил землянин.

— Бай, вы больше не согласовываете с нами ваши операции.

— Это не операции, бай. Маневры. У вас есть наблюдатели на планете, у нас тоже. Мы меняем диспозицию, чтобы лучше их слышать. Мы удивлены столь бурной реакцией, бай Сут. У вас нет никаких поводов для протестов.

— Бай, что вы делаете?

— Повторяю, мы улучшаем условия радиообмена.

— Что делают на планете ваши подчиненные?

— А ваши?

— У меня нет связи с ними. Они выполняют полученные ранее инструкции. И ничего сверх этого.

— Наши люди тоже выполняют инструкции, бай Сут.

Сут с шумом выдохнул. Сердца опять застучали вразнобой.

— Мы требуем срочного совещания...

— Пожалуйста, жду вас на борту.

— Кроме того... нам нужна связь с нашей экспедицией.

Лицо Коха осталось бесстрастным.

— Мы вам настоятельно советуем находиться на безопасном расстоянии от Кутата. Мы не хотим, чтобы с вами произошло что-нибудь непредвиденное.

— Мы пошлем к вам шаттл.

— Я сказал, что жду вас лично.

— Бай Кох, я хочу, чтобы вся добытая вами информация поступала к нам.

— Согласен.

Сут выдохнул и отключил связь.

— Он хочет видеть меня на своем корабле.

— Бай...— встревожился Тиэг.

— Уведите «Шируг» на безопасную дистанцию,— сказал Сут. И добавил: — Оставьте экспедицию на планете, уведите корабль. Здесь «Сабер».

* * *

— Довольно! — сказал охваченный ужасом Мелек. Магд, без конца прокручивавший пленку с инструкциями, выключил магнитофон. Наступила тишина. Лишь какие-то ночные твари царапались в пластиковый пол биодома.

Их осталось двое, оба — начальники. Двух своих помощников они убили, исходя из соображений экономии. Из-за страха голод не ослабевал ни на миг. Магд все время с опаской поглядывал на Мелека. Ведь он, Магд, младше, и если снова придется решать, кому умереть... Мелек — начальник партии, а Магд — его заместитель.

— Есть выход,— сказал Мелек.

— Слушаю.— У Магда сжались внутренности. Регулы уже вдвое сократили свой ежедневный рацион, надеясь прожить подольше. Кожа у Магда шелушилась, суставы побелели. Он жил в постоянном страхе, в кошмаре наяву: если не голод и не Мелек, то Сут прикончит его, когда он

покинет свой пост. Магд не хотел умирать, он изо всех сил цеплялся за жизнь.

— Нам приказано вести наблюдения и найти Данкана,— продолжал Мелек.— Мы должны разыскать его и убить. Это наш единственный шанс спастись. Слушай, юнец, слушай. Когда мы его прикончим — вернемся на корабль, и старейший сделает нас фаворитами, накормит из своей чаши. Обоих. Такая услуга не оставит его равнодушным.

Сердца Магда стучали вразнобой. Во рту пересохло. Магд чувствовал подвох, но у него уже не было сил сопротивляться.

— Там,— сказал Мелек, указывая на холмы.— Он там. Нужно тщательно подготовиться, разработать подробный план. Ты это сделаешь, юнец.

— Да.

Это не противоречило ни одной инструкции.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Было время сна. Может, кто-нибудь и спал в городе и'лии, но не те, кто находился в зале их Матери. И не те, кто остался во дворе. Ньюн сидел в ногах у Мелейн, рядом были его дус и товарищи. Кел'ены по двое и по трое ходили по городу, удивлялись роскоши. Никто не устраивал им засады, никто не вызывал на поединок. Ничья кровь не проливалась в коридорах и залах, и кел'ейны чувствовали себя спокойно.

— Ты должна держать их при себе,— сказала Эбоутэй о кел'енах, слоняющихся по городским коридорам.— Что, если они... причинят ущерб И'лииту?

— Они не причинят,— спокойно сказала Мелейн и жестом велела сенам и келам не вмешиваться.— Мы должны были прийти сюда, и мы пришли.

— Понимаю.— У Эбоутэй дрожали губы. Она сжимала руку Мужа, сидевшего рядом.— Я говорю не о народе и'лии, ши'пан мри... я говорю о ценностях.

— О чем?

Эбоутэй повела вокруг себя рукой, указывая на статуи, на картины с изображениями зверей, цветов, давно исчезнувших с лица Кутата.

— Это вечные ценности, произведения искусства, достояние всего Кутата, нетленная красота... Смотри, ши'пан, смотри...— Эбоутэй вытащила из

мантии одно из украшений и протянула Мелейн. Это оказалось булавка. Ньюн перехватил ее и стал рассматривать. Цветок был вырезан столь мастерски, что даже жилки просвечивали сквозь камень, а на одном из лепестков висела капля воды. Ньюн передал булавку Мелейн.

— Очень красиво,— сказала она и через Ньюна вернула булавку Эбоутэй.— Как живой. Но на что он нам?

— Это жизнь и'лии,— сказала Эбоутэй.— Скульптор всю жизнь делал этот цветок. И все, что ты здесь видишь, даже плиты пола,— произведения искусства. И'лиит — кладовая произведений искусства, созданных на всем Кутате за миллионы лет.

— Но для чего все это?

— Мы спасаем прошлое.

— Для кого? — прошептала Мелейн.— Солнце угасает, последнее море высохло, мир засыпан песком. Для кого, Мать и'лии?

— Для Мрака. Когда придет Мрак... весь мир исчезнет... но эти вещи останутся. Они всегда будут здесь. После нас!

— Но для кого? Скоро иссякнет энергия, и даже ящерицы не уцелеют, чтобы пробежать по драгоценной мозаичной плитке.

— Останутся камни.

— Ветер источит их. Песок — засыплет.

— Они переживут любой ветер.

— Зачем?

— Они были и будут.

Келы зашептались.

— Неужели таков конец всех цивилизаций и рас? — спросила Мелейн.— Неужели мы существуем только для того, чтобы оставить после себя несколько камней, напоминание Мраку о том, что мы здесь были? Оставь этот пан'ен себе, ши'пан и'лии, нам он не нужен.

— А что оставите вы? — Эбоутэй указала на Данкана. — Его и этих зверей? Чужих, которые придут сюда, чтобы разграбить или уничтожить Кутат?

Мелейн невозмутимо ответила:

— Данкан ближе Кутату, чем ты и твои дети или все эти побрякушки, которые ты хранишь, чтобы позабавить Мрак. Ты показала мне каменный цветок — жизнь и'лии... Данкан, кел'ен, тень у моей двери... иди сюда. Подойди ко мне.

«Нет!» — мысленно взмолился Ньюн, ведь Данкан и без того перенес немало.

Но Данкан встал, подошел к Мелейн, сел у ее ног. Дус устроился рядом. Мелейн положила руку на плечо Данкану, и тот склонил голову.

— Он гораздо ценнее, чем все твои побрякушки, — сказала Мелейн.

— Это чудовищно!

— Мать и'лии, есть те, кто строит, и те, кто движется. И в великом Мраке от тех, кто строит, остаются только камни. Мы ушли во Мрак, чтобы найти путь для всех. Раньше корабли летали очень медленно, в пути на них сменялись поколения. Это был не выход... Но корабли землян... Они могут перепрыгнуть через Мрак в одно мгновение. Может быть, останутся глаза, которые увидят твои прекрасные вещи, твои любимые камни. Останутся руки, которые разнесут их по всей Вселенной, чтобы все разумные существа восхитились их красотой и искусством их создателей.

— Нет! — прошипела Эбоутэй.

— Тогда закрой глаза, Мать и'лии. Иначе тебе придется увидеть то, что тебе не понравится. Больше мы не служим Мраку. И самое ценное для нас — корабль. Да, кел'ен, брат моего брата?

Данкан поднял глаза. Вуаль на его глазах намокла, в глазах стояли слезы.

— Да,— ответил он.

Мелейн наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Наш Данкан,— прошептала она.— Если земляне придут, я подарю тебе их жизнь. Что хочешь, то и делай. Мне от тебя нужно не больше, чем нужно Народу. Но ты и сам не захочешь дать меньше.

— Ши'пан...— тихо произнес Данкан.

Время шло. Один из и'лии принес пищу и предложил мри. Но те не были здесь гостями и поэтому ничего не взяли. И'лии утолили голод и жажду. Те из Народа, кто очень проголодался, достали свои припасы; они гордо отказывались даже от чашки чужой воды.

И внезапно раздался голос машины, она сообщила, что в небе над Кутатом появился движущийся объект. Мелейн и кел'ены вскочили на ноги.

— Оставайтесь здесь,— приказала Мелейн и в сопровождении сенов направилась к машинам. И'лии испуганно зашептались.

— Они летят,— сказал Ньюн, слышавший разговор Мелейн с машиной. Он коснулся рукава Данкана.— Сов-кел?

На душе Данкана стало вдруг легко и спокойно.

— Мы должны выйти отсюда.— сказал он.— Не нужно, чтобы земляне видели и'лии. Иначе я ни за что не ручаюсь. Мне надо выйти.

— Да,— согласился Ньюн.

— И тебе, если можно.

— Я попрошу разрешения у ши'пан.

К ним подошли обеспокоенные Тэйз и Риан. Появилась Рас.

— Все в порядке? — спросила она, тронув Данкана за рукав. Тот молча кивнул.

«Странно,— подумал Ньюн,— между ними есть какая-то связь».

Подошел и Хлил, который очень не любил ци'мри, но к Данкану относился далеко не так неприязненно, как поначалу.

«На Кесрите,— подумал Ньюн,— келы и дусы сидели вместе, когда возникала опасность, и никто этому не удивлялся. В душах келов звучала песня дусов, медленная, спокойная. А затем — тревога, слабая, как отголосок далекого грома...»

— Дикий дус,— прошептал Данкан.— Предупреждает нас. Нужно идти.

— Не всем,— заметил Ньюн.— Я хочу, чтобы несколько дусов осталось здесь. На всякий случай.

Он поднялся, направился к машинному залу и остановился в дверях, ожидая, когда Мелейн обратит на него внимание.

— Действуйте на свое усмотрение,— сказала Мелейн, повернувшись к нему.— Ты и Данкан.

* * *

И'лии робко жались к стенам и смотрели, как мри проходят по залам. Кел'ены не обращали на них внимания. В их руках не было оружия. Данкан на ходу бросил только один взгляд на бледные лица. Голубоватые глаза взирали на него со страхом и мольбой. И'лии боялись не за свои жизни, а за собранные ими сокровища.

И когда выход был совсем рядом, толпа и'лии в драгоценных мантиях преградила путь кел'енам. И'лии не собирались сражаться. Они только показали потайной выход, надежно скрытый среди каменных изваяний.

— И'лии очень боятся за свои стеклянные стены,— презрительно сказал одноглазый Десай, когда мри вышли во тьму ночи. Кел'ены вздохнули с облегчением. Им было не по себе среди стен, запертых дверей, колонн и изваяний.

Рассветало. Время вполне годилось для встречи. И место — широкая песчаная равнина между городом и колоннами.

Данкан пошел к колоннам, а Ньюн и другие остались позади. В песке извивалась, ползала, шипела кутатская живность. Но дусы надежно охраняли Данкана. Наконец он остановился и стал ждать.

Немного погодя Ньюн приблизился и встал так, чтобы заслонить Данкана от ветра. Подошел и Десаи, и все остальные келы, вышедшие с ними из здания. Все они создали преграду ветру. Они заботились о Данкане, как о ребенке. Ведь он очень тяжело переносил холод планеты.

На северной стороне небосвода появились две яркие точки.

* * *

— Шаттл на борту, первый шлюз, — доложил вахтенный.

Кох поморщился. Его больше интересовали новости с «Сантьяго», который висел низко над Кутатом, в опасной близости от поверхности. Регулы на борту не ко времени. Но они уже здесь, и их надо встретить честь по чести. С минуты на минуту подойдет Эверсон с информацией, которая должна удовлетворить любопытство регулов, успокоить их. Во избежание недоразумений Дегас тщательно просматривает все материалы. Это спешная и ответственная работа, ее следует закончить до появления регулов.

Кох набрал код Дегаса.

Внезапно вспыхнул экран: тревога.

— Сэр, авария в первом причальном шлюзе.

Кох ударил по кнопке ответа, не обращая внимания на мигание остальных огней.

— Шаттл регулов? Его работа?

— Так точно, сэр. Подробности неизвестны. Шлюз полностью разрушен, причины аварии не установлены. Бригада ремонтников и врачи уже там. Отсек разгерметизирован.

— Сэр,— послышался голос Захади,— к нам приближается «Шируг».

Внезапно Коха охватил страх.

«Открыть огонь!» — требовал инстинкт, но осторожность взяла верх.

— Свяжитесь с ним,— сказал он.— Потребуйте, чтобы держался подальше. Скажите, что мы сделаем все возможное для спасения шаттла.

Время шло. Дегас соединился с Кохом.

— Прими командование кораблем,— распорядился контр-адмирал и снова отключил связь. Его глаза не отрывались от экрана, на котором сближались два светящихся пятна. Перед большим пятном — «Ширугом» — плясало маленькое, шаттл.

«Шируг» не останавливался.

— Бай Кох,— раздался голос регула,— к вам обращается юноша Раг. Что случилось с нашим шаттлом?

— «Шируг», остановитесь! Остановитесь сейчас же! Мы еще не знаем, что случилось. Не смейте приближаться к нам. Остановитесь или мы примем меры безопасности!

— Бай Кох, кто-нибудь погиб?

Кох бросил взгляд на экран, нажал кнопку вызова «Сантьяго».

— Юноша Раг, мы еще ничего не знаем. Кто командует на «Шируге»? Бай Сут на шаттле?

Тишина.

Регулы уже совсем близко. Если шаттл подойдет на максимально допустимую дистанцию... нужно будет или стрелять, или разрешать дальнейшее сближение. Шаттл, сопровождавший корабль, был уже опасно близко от рейдероносца землян.

Мир или война? Все зависит от слова! От действия!

— Сэр...— Это Дегас прорвался по аварийному каналу.— Сэр...

— Отводи корабль! — приказал Кох Захади.— Включи защитное поле!

Они начали маневр без предупреждения. Дюзы хлестнули огнем.

— Мы не можем включить полную защиту,— доложил Захади.— Авария в первом шлюзе...

Весь корпус «Сабера» содрогался. Экраны и лампы на пультах бешено мигали. Шаттл регулов был совсем близко от корабля землян.

— Огонь по шаттлу! — скомандовал Кох.— Огонь!

На всех приборах дрогнули стрелки. Корабль качнулся, как от сильного удара.

— Столкновение! — слышался доклад.— Повреждены...

— Загерметизировать командную рубку! — крикнул Кох в микрофон. И в изнеможении опустил голову на стол.

Экран погас.

И тут невыносимой тяжестью навалилась перегрузка. Красный цвет на экране сменился белым.

Они погибли — Кох успел это осознать.

* * *

Один за другим сели корабли. Келы смотрели на них, не проявляя никаких чувств. Первый раз они так близко видели ци'мри, которые разрушили Ан-ихон и убили многих из их расы.

Два корабля. Они ждали один.

— Позволь мне пойти одному,— откликнулся Данкан на легкое пожатие руки Ньюна.

— Сов-кел, мы решим, как действовать, когда увидим их.

Открылся люк первого корабля. Из него вышли земляне с черными повязками на рукавах

голубых комбинезонов. Странное сочетание цветов. Последней вышла женщина с золотым шарфом на рукаве.

— Ай,— пробормотали кел'ейны. Ни один из них не вызвал бы сен'ена на поединок.

— Это Боаз,— сказал Данкан.— Вторая среди сенов. Я знаю ее.

Он приказал дусу остаться и вышел вперед. В открытом люке корабля стоял еще один мужчина. Данкан видел его впервые. Из всех прибывших он знал только Боаз и мужчину, что стоял возле нее. Его шевелюру цвета соломы Стен заметил сразу.

— Боз,— сказал он, подходя к ним,— Галей...

— Данкан,— сказала Боаз, сняв дыхательную маску.— Состоится ли встреча, ради которой мы сюда прибыли?

— Идем со мной. Зови всех.

— Мы оставим часовых,— сказал Галей.

— Нет,— ровным тоном произнес Данкан.— Не оставите. И не задраивайте люки.

— Выполняйте,— сказала Боаз Галею.

— Но...

— Здесь нельзя поступать по правилам землян,— сказал Данкан.— Может, тебе удастся поговорить с ши'пан. Я сделаю, что смогу, чтобы встреча состоялась. Но упрямство только уменьшит твои шансы. Не задерживайся.

— Можно им верить? — Галей кивком указал на келов.

— Можно. Если сумеешь объяснить им свои намерения. Я и сам — мри, поверь. Шон'ай, говорят они. Бросай и лови. Нельзя играть в Игру рукой, сжатой в кулак. И никогда не запирай от них двери, иначе они не пожелают иметь с тобой дела. Понять это очень важно, Галей. Идем со мной.

— Разве не для этого мы сюда прилетели? — спросила Боаз Галея.

Галей подумал и кивнул.

— Пистолеты отдать?

— Нет. Идемте. Держите руки подальше от оружия. И если вы знаете кого-нибудь из мри... не называйте их по именам.

— Ньюн здесь? — спросила Боаз. — И ши'пан?

— Ньюн здесь, но он постарался обо всем забыть. Он вовсе не испытывает благодарности к землянам за помощь. Тем более что они вовсе не ставили перед собой цели помочь мри. Боаз, ты сама знаешь, что они сделали. Так что на благодарность не рассчитывай. Идем.

— Гаррис! — крикнул Галей. — Выходи и не задраивай люк!

После некоторых колебаний Гаррис спустился на землю.

Данкан повел землян по песчаной равнине к темной шеренге келов. Те не проявляли ни радости, ни враждебности. Руки они держали на виду.

— Это Ньюн с'Интель, — сказал Данкан Боаз. — Кел'ант племени джей'эном и ши'пан Мелейн. Город принадлежит и'лии, но вы не должны разговаривать с ними. Кел'ант понимает язык землян, но не думаю, что он будет говорить с вами. Достаточно того, что он вышел встретить вас.

— Передай ему и ши'пан спасибо за любезный прием, — сказала Боаз.

Ньюн наклонил голову, и кел'ены направились к кораблям.

— Эй! — крикнул Галей, и оба его подчиненных потянулись к пистолетам.

— Нет! — рявкнул Стен и прежде, чем Галей успел что-либо сказать, добавил: — Галей, вам придется расстаться с ними. Смирись с этим. Ты можешь вызвать мри на поединок за право обладать кораблем. Или уйти в пустыню, но я сомневаюсь, что ты там выживешь. У мри нет понятия

«право собственности», вернее, есть, но оно распространяется лишь на одежду и оружие. Если ты не глуп, то пойдешь со мной и будешь говорить.

Галей взглянул на Боаз, та кивнула. Галей дал своим товарищам знак не сопротивляться.

— Машины не принадлежат отдельным людям, — сказал Данкан на хол'эйри. — Они принадлежат обществу землян. Поэтому Галей чувствует себя оскорбленным. Но их послали для переговоров, и они готовы идти в город.

— Это перевод? — сухо спросил Ньюн, который прекрасно понимал каждое слово. — Если да, то они очень уступчивы.

— Я знаю этих двоих, — сказал Данкан, — Боаз и Галея, и они знают тебя. Они понимают, что переговоры необходимы.

У Ньюна сверкнули глаза. Возможно, он вспомнил Кесрит.

— А остальные?

— Если Галей выбрал их, значит, они ему подходят. К тому же здесь Боаз. У мри нет лучших друзей, чем Галей и Боаз.

— Ай, — сказал Ньюн и добавил на языке землян, взглянув на них. — Идемте. Мы просим.

Боаз почтительно опустила глаза и жестом предложила остальным идти с мри.

Наконец они подошли к городу, к открытым дверям. Данкан остановился, Ньюн тоже, ему было не по себе. Келы тоже остановились, тревоги они не испытывали, скорее любопытство.

— Данкан? — сказала Боаз.

— Ньюн, — проговорил Данкан обеспокоенно, — к нам приближается кто-то чужой. Но ши'пан спокойна. Это идет извне.

— Фокусы ци'мри, — сказал Ньюн.

— Что это? — громко спросила Боаз и остановилась. На востоке в небе уже можно было рассмотреть две точки.

— Корабли! — воскликнул Галей. — О боже, Данкан, это регулы! Они снижаются!

— Быстрее! — крикнул Ньюн и подтолкнул Галея по направлению к шаттлам. Галей побежал, не задавая вопросов. За ним бросились его люди. — Десаи! — крикнул Ньюн. — Беги! Скажи, чтобы кел'ейны пустили землян на корабли.

Данкан смотрел, как земляне с ужасной медлительностью приближаются к шаттлам. Чужие корабли были уже близко.

Десаи добежал раньше землян, затем Галей вскочил в кабину одного из шаттлов, а еще один землянин — в другой. Люки закрылись. Кел'ены бросились в стороны.

Включились двигатели. Корабли окутались облаками пыли, но через мгновение вырвались в небесный простор.

Один шаттл сразу устремился навстречу вражеским кораблям, второй взмыл вверх и исчез из виду.

— Он полетел за помощью! — крикнула Боаз. — Данкан, это не наши корабли! Скажи им!

— Это правда? — спросил Ньюн.

— Боаз можно верить, — ответил Данкан.

Ньюн резко повернулся и приказал:

— Быстро! В город!

Они побежали. Боаз задыхалась под маской. Данкан схватил ее за руку и поволок, Мирин поддерживал ее с другой стороны. Так они ворвались в город и побежали по коридорам мимо перепуганных и'лии.

Данкана охватил страх. Не зря дусы предостерегали... У мри слишком много врагов и слишком мало времени. Катастрофа неотвратима.

И вдруг раздался страшный взрыв. Кругом взметнулись осколки стекла и камня.

Удар нанесен.

— Бежим! — крикнул Ньюн.

Они бросились сквозь дым, мимо окровавленных тел и'лии, к Мелейн и остальным келам, находившимся в самом центре города.

* * *

— Ши'пан! — воскликнул Риан.

Мелейн стояла в центре круга и неотрывно смотрела на экраны.

— Ши'пан, — слышался голос И'лии'ита — бесполой, величественный, равнодушный. — Ши'пан, ты здесь? Ты слышишь?

— Я слышу, — отозвалась она.

«...Под огнем. Прошу разрешения... огонь...»

Слова были едва различимы среди грохота разрывов и звона стекла.

— Еще раз.

«Это регулы, — повторил голос. — Ты понимаешь? Военные корабли регулов».

«Я — Гаррис, — слышался голос из другого динамика. — Преследую корабль. Галей полетел за...»

Голос оборвался.

«Гаррис! Гаррис!» — раздался другой голос.

Экран погас, снова загрохотали разрывы.

— Уничтожь воздушные цели, — сказала Мелейн. — И'лиит, уничтожь корабли!

Те исчезли. Экраны были пусты.

«Стреляют регулы, — продолжал голос землянина. — Корабль на орбите. Если сможете... их...» — Снова молчание.

Мелейн огляделась.

Испуганные лица, разбитые стекла, рухнувшие колонны и скульптуры...

— Ответный огонь,— сказала она машине.— Всем городам! Огонь по любому кораблю, который стреляет по городам!

Надежды больше не было. Мелейн понимала, что все города погибнут.

— Цели находятся вне зоны поражения,— бесстрастно доложила машина.

— Это все ты! — закричала Эбоутэй, не входя в круг.— Выключи нас! Выключи нас из системы обороны! И'лиит гораздо ценнее любого из ваших городов. Отключи энергию И'лиита, чтобы враги не могли обнаружить нас!

— Странно,— сказала Мелейн.— Тебе выпала возможность встать в ряды последних воинов мира, а ты стараешься уклониться от этой чести.

— И'лиит! — крикнула Эбоутэй и бросилась в круг, на Мелейн. Ши'пан отскочила в сторону, с удивлением заметив вспышку огня в руке Эбоутэй.

Кел Мэйд прыгнул вперед, приняв своим телом огненный сгусток, а Эбоутэй распростерлась на полу со сломанной шеей.

Среди и'лии поднялась настоящая паника. Одни разбежались, другие вооружились осколками стекла. Келы мгновенно образовали живую стену, оцепиненную мечами. Хлил, и Рас, и Диас... Дусы были тут же. Гибель и'лии от когтей и зубов дусов была менее мучительной, чем смерть остальных.

Один ряд панелей потемнел: этот город уничтожен.

Под обломками погибли вторая из Матерей и Муж.

— Цель входит в зону поражения,— заговорила машина.— Запрос: защита или огонь?

— Защита,— мгновенно решила Мелейн. Она, носящая белую мантию, была вынуждена убивать. Только сейчас она заметила, что ранена. Кровь стекала по руке.

Она подняла глаза. Появился Ньюн, Данкан... и рядом с ними странная маленькая женщина. Мелейн смотрела на нее, а вокруг грохотало, сыпались осколки камня и стекла. Мелейн стояла спокойно и с достоинством. Но вздрагивала при каждом разрыве. Как, впрочем, и остальные.

* * *

— Ваш корабль под огнем,— сказала Мелейн женщине с повязкой сен'ена — золотистым шарфом.— Я говорила с вашим сен'антом. Он обвиняет регулов. Я позволила двум кораблям взлететь. Но один уничтожен.

— Еще можно уйти.— Ньюн подошел к Мелейн и взял ее за здоровую руку.— Идем. Пожалуйста, пока еще есть время.

Она колебалась. Разум подсказывал, что Ньюн прав, но если Предвидение не обманывает... Она думала.

— Идем,— умолял Ньюн.— Если этот город можно спасти, земляне его спасут. А нам это не по силам.

— По силам,— упорствовала она, сама не веря в это. Она повернулась к машине.— И'лиит, где враг? Покажи мне его.

Экраны ожили. Она увидела планету и над ней мигающую яркую точку. И вторую точку, светящуюся ровно. И третью, едва различимую.

— Огонь по кораблям, которые обстреливают Кутат.

— Они выходят из моей зоны поражения,— отозвался И'лиит.— Приближаются к Ли'эй'хэйну. Запрос Ли'эй'хэйна: защита или огонь?

— Огонь,— сказала Мелейн. Мигательные перепонки на ее глазах на секунду закрылись, а потом она снова посмотрела на экраны, на удаляющегося врага.

На пультах запылали лампы.

Все исчезло, остались лишь мрак и звезды. Галей пытался расстегнуть ремешок шлема — сложная задача в тесной кабине шаттла. Он не отрывал глаз от экрана.

Сидевший рядом Шибо тоже снимал шлем.

На экране появилось злое темное пятно. Судя по размерам, это был «Сантьяго».

— Где же «Сабер»? — спросил Кэдарин. — Почему он бездействует? Ведь он должен был не пускать сюда регулов.

Галей оставил ремешок в покое, нажал кнопку вызова. Компьютер связи молчал.

— Связи нет, — сказал Галей. — И мы ничем не в силах помочь. У нас слишком малая огневая мощь.

Теперь уже было ясно видно, что перед ними «Сантьяго». Черный металл корпуса тускло светился в лучах солнца. Громадный корабль беспомощно висел на орбите Кутата.

— Мертв, — прошептал Шибо. — О Боже, мы остались одни. Ни «Сабера», ни «Сантьяго»...

— Зато здесь наши союзнички регулы, — зло произнес Кэдарин. — Могу поклясться, что они кружат где-то рядом и методично взрывают города на планете. «Флауэр»... Теперь это наша единственная надежда.

— Что будем делать, сэр? — спросил Шибо. — Летим вниз?

Галей часто дышал, стараясь одолеть тошноту.

— Если регулы стреляют по планете, значит, «Шируг» спустился на небольшую высоту... — Он с трудом поднял руку и взялся за рычаги управления. Шаттл медленно подплывал под огромное днище «Сантьяго». Через несколько мгновений скорости кораблей сравнялись.

— Мы проникнем на корабль, — прошептал Шибо. — И что дальше?

Галей встал, протянул руку к затвору люка.

— Я хочу посмотреть, можно ли запустить аварийные системы.

— Допустим, можно, ну и что?

— Направлю корабль на «Шируг».

Ни Шибо, ни Кэдарин не могли оспаривать решение командира, хоть и явно были не согласны с ним.

Вскоре из-за горизонта должен был появиться «Шируг».

Галей всегда боялся высоты. Он выбрался из люка, включил ранцевый двигатель и подплыл к «Сантьяго». Открывать люк не было необходимости, в корпусе зияла огромная пробоина. Большие корабли не предназначались для посадок на планеты, поэтому их обшивка была не так прочна, как у шаттлов. На борту «Сантьяго» царила крошечная мгла. Луч фонаря выхватывал из нее следы разрушений, катастрофы... но не было тел... и воздуха... и энергии... лишь безжизненный металл. Галей медленно продвигался вперед, стараясь не задеть рваные края обшивки. Еще один люк. Галей без труда раздраил его. Вопреки ожиданиям, воздух не рванулся навстречу. Здесь тоже — обломки, холод, тьма. Только справа на одной из консолей тускло светилась красная лампочка.

— Что-то еще работает, — передал он на шаттл. — Индикатор аварийных систем. Может, удастся их запустить. Когда включатся двигатели «Сантьяго», отчаливайте и спускайтесь на планету.

Услышав «Есть, сэр», Галей взялся за работу. По телу струился холодный пот. Происходящее казалось кошмаром. В голове шевелились предательские мысли — бросить все и спуститься на планету. Правда, он не знал, цел «Флауэр» или нет. Может, все его муки не имеют смысла?

Когда-то он был пилотом на «Сантьяго», и теперь опыт пригодился. Только бы удалось запустить двигатели!

«Думай о работе!» — напоминал он себе время от времени.

Нажатие кнопки — и вот на консоли замелькали огоньки. В мертвой тишине родился гул автоматики.

Ждать — вот что труднее всего. Галей смотрел на бегущие огни.

— Нужна помощь? — спросил человеческий голос — только эта слабая ниточка и связывала его с реальностью.

— Вы наведете меня на цель, а все остальное я сделаю сам.

Долгая пауза.

— Шибо, ты все понял?

— Так точно, сэр.

И чуть позже:

— На экране корабль, сэр. Это «Шируг».

Галей от всей души надеялся, что внимание регулов целиком поглощено планетой, что они не будут рассматривать мертвый корабль и не заметят шаттл.

Однако он не предполагал, что ожидание дастся ему такой ценой.

На экране мерцали звезды. И вдруг его охватил страх: он не мог понять, где верх, а где низ. И только взяв себя в руки, Галей сориентировался в пространстве, нашел «Шируг».

Пора... Вниз, вниз... как можно быстрее.

Звезды на экране сместились.

— Нет! — раздался голос Кэдарина. — Боже, помоги нам!

Галей включил резервные двигатели. Искалеченный корабль пошел в свой последний рейс.

— Приближаемся, сэр, — раздался шепот Кэдарина.

— Отчаливайте! — закричал Галей в микрофон.— Прочь!

Из дюз вырвалось ослепительное белое пламя.

Черная стена закрыла от него звезды. «Шируг».

Огромная сила швырнула Галея назад. Все затопила тьма.

* * *

— Быстрее! — крикнул Сут. К его горлу подступил мерзкий комок. «Шируг» маневрировал, чтобы уклониться от столкновения.

— Огонь их не остановит,— слышался голос молодого регула.— Они не реагируют...

Грохот. Столкновение. Хаос.

— Уйти с орбиты! — крикнул Сут.— Безмозглые! Уйдите с орбиты!

Ответа не было. Во всем теле Сута вдруг появилась зловещая легкость.

Молодой регул пытался приблизиться к нему с противоположного конца каюты, отчаянно цепляясь за привинченную к палубе мебель.

Не было связи с командной рубкой.

— Проверь, в чем дело,— распорядился Сут, взглянув на Нань. Раг наконец добрался до него, поправил подушки под спиной.

Сут сидел спокойно, но сердца бились, как очумелые. Внезапно наступила тишина. Отключилась вентиляция. Свет стал постепенно меркнуть. Сут лихорадочно нажимал на кнопки, но в ответ раздавались только бессмысленные шумы.

— Юнец! — заорал он, и Раг, съезжившись от страха, ринулся прочь.— Юнец!

Сут жал на кнопки, пока не осознал, что никто ему не ответит.

Эта страшная мысль привела его в чувство, но тут же захотелось спать, замедлился пульс, снизи-

лась активность мозга. Было ощущение, что корабль падает, но проверить, так ли это, он не мог. Да и не хотел в этот момент знать правду.

Если корабль в самом деле теряет высоту, то упадет еще очень не скоро.

* * *

Все утонуло во тьме, кроме нескольких огней на пульте. Ньюн сидел, обхватив колени руками, в полутемном зале, который они удерживали ценою собственных жизней. Данкан был рядом. И дусы, и остальные кел'ены — его товарищи из разных племен. Возле дверей стояли часовые. И'лии внезапно обрели мужество, чтобы защищать себя, свои владения и сокровища. И у многих нашлось оружие, поражающее на расстоянии.

Мелейн наконец отвернулась от машин, слабо махнула рукой. Молодые кел'ены поспешили к ней с креслом, и она уселась, опустила голову и прижала к груди раненую руку. Никто не осмеливался нарушить тишину.

Землянка по имени Боаз тоже была здесь. Она сидела в углу, где до этого лежали мертвые и'лии... и мри... Но трупы уже вынесли из зала, поскольку ши'пан не могла находиться там, где смерть. Боаз куталась в мантию одного из и'лии, которому она уже не была нужна. Землянка выглядела очень утомленной. Она была немолода, да и воздух Кутата был слишком холоден и резок для ее легких.

Близилась ночь. Тьма окутала зал и коридоры, где суетились и'лии, убирая свои сокровища. Многие из них были вооружены, правда мало кто умел стрелять.

«Мы не уронили своей чести,— говорил Ньюн келам.— Если ци'мри стреляет в тебя, без колебаний стреляй в него. И стреляй лучше, чем он».

Кое-что из оружия и'лии досталось кел'енам, и теперь они усиленно тренировались.

Снова загрохотало. Боаз закрыла руками лицо, но через секунду подняла голову.

— Может, стоит поговорить с ними? Я могу попытаться.

— Ци'мри,— пробормотал Ньюн.

— Ци'мри,— подтвердила Боаз.— Неужели переговоры невозможны?

— Успокойся, Боаз,— сказал Данкан.— Не спорь.

— Я спрошу, что им надо. И добьюсь ответа. Я хочу знать, почему сто двадцать три планеты уже мертвы и кому необходимо, чтобы к ним прибавилась еще одна. Я хочу знать, в чем тут дело. Вы воюете с регулами, но убиваете и и'лии, и нас. Почему?

Ньюн нахмурился, но взял себя в руки.

— Я отвечу,— сказала Мелейн, удивив Ньюна.— Спроси меня, Боаз, о мертвых мирах.

— Почему? — без страха спросила Боаз.— Почему? Неужели разумные существа способны на такое?

Ньюн хотел заговорить, но Мелейн подняла руку, призывая к молчанию.

— Ты была на Кесрите?

— Да, конечно.

— Что там случилось с мри?

— Регулы... они на вас напали. И мы ничем не могли помочь.

— Почему они это сделали, хотя сами никогда не воюют?

— Из-за страха.

— Боялись, что мы уйдем?

Боаз сидела неподвижно. Думала.

— Регулы были уже не властны над вами. Боялись, что вы вступите в союз с землянами. Вы стали слишком опасны для них.

— Когда Народ соглашается служить кому-либо,— заговорила Мелейн,— он взамен требует только одно: место для жизни. Место, куда не ступит нога ци'мри. Когда договор расторгается, мы уходим... Мертвые планеты, Боаз, это наши планеты. Ты видела Кесрит. Там мы защищались как могли. Мы должны были расторгнуть договор с регулами еще на Нисрене, но, к сожалению, этого не случилось. Наверное, потому, что тогда мы не могли спасти самое драгоценное наше сокровище... Нисрен — мертвая планета. Кесрит — тоже. Кто в этом виноват? Мы? Нет. Это вы погубили сто двадцать три планеты, а теперь пришли, чтобы погубить и эту.

Наступила тишина. Мало кто мог узнать слова, сказанные ею на языке землян, но смысл поняли все, и гневные взоры обратились на Боаз, на Данкана...

— Мы беззащитны,— заговорила Мелейн теперь уже на хол'эйри.— Мы можем пережить обстрел, потому что надежно прикрыты скалами. Но я думаю о лагере, о катах и сенах. И некого послать к ним, потому что все выходы и'лии держат под прицелом.

— Позволь нам послать гонцов в наши племена,— сказал Риан.— Мы не знаем, что там происходит, и волнуемся.

— Нет,— возразил Ньюн, поднимаясь.— Мы пойдем все с оружием в руках. Мы будем защищать ши'пан.

— Ай,— сказали кел'ены.— Мы слышали.

Ньюн поднялся на ноги, встал Данкан, за ним — остальные. Боаз тоже нерешительно встала.

— Мы покидаем город,— перевел для нее Данкан.

— Наши корабли прилетят,— заговорила Боаз, переводя взгляд с Данкана на Мелейн.— Мы должны ждать здесь. Они помогут.

— Значит, нам нужно дожить до их прилета, — сказала Мелейн, оказав ей честь прикосновением. — Иди с нами, Боаз. Иди с нашими сен'енами.

Боаз открыла было рот, чтобы возразить, но промолчала и опустила голову. Она закуталась в мантию и'лии, натянула дыхательную маску и подошла к сен'енам, окружавшим Мелейн внутри кольца келов.

Мечи с тихим шелестом выскользнули из ножен. Ньюн приготовил к бою и меч, и пистолет. Данкан и те, кто добыл оружие и'лии, тоже изготовились. Келы подошли к дверям, которые охраняли пат'андим и пата.

— Они там, — сказал Кедрас, — спрятались за колоннами и камнями. Много убитых и раненых.

— Ай, — сказал Ньюн.

— Мы идем с тобой, — сказал Риан. — Веди нас.

— Ай, — подтвердил Калис. Все остальные молча кивнули.

— Тогда вперед, — сказал Ньюн.

Он бросился вперед, и остальные — за ним. Послышались выстрелы. Рядом кто-то упал. Дус зарычал и бросился вперед, в темноту зала. Ньюн начал стрелять туда на вспышки. Другие келы тоже стреляли. И Данкан. Его дус рычал и рвался вперед, когти скользили на мраморном полу.

Рухнула стеклянная стена. И'лии палили из укрытия, но вот, не выдержав натиска, они побежали. Кел'ены ринулись за ними, но у следующих дверей их снова встретил огонь. Один из дусов зарычал от боли и бешено рванулся вперед. Его безумие передалось остальным зверям. Тэйз с окровавленным мечом врубился в гущу и'лии и успел уложить нескольких, прежде чем упал, сраженный выстрелом.

Обезумевший дус Тэйза обрушился на и'лии, как буря. Ньюн побежал за ним. Он сунул в кобуру

беспольный пистолет и прокладывал себе путь мечом.

В здании были двери, но кел'ейны не обращали на них внимания. Ими овладела ярость. Тэйз и многие другие погибли, их кровь звала к отмщению. И'лии не устояли под свирепым натиском. Они бежали, крича от ужаса, теряя оружие, сбрасывая тяжелые мантии. Келы преследовали их, топча осколки стекла, разбрызгивая кровь.

— Всем наружу! — закричал Ньон, желая остановить это безумие. Он знал, откуда оно хлещет: из мозга умирающего дуса Тэйза. Зверь выбрал свою судьбу: решил умереть и последовать за своим избранником во Мрак.

Ньон остановился. Он указал на проход, на ближайший пролом в стене. Вскоре они оказались среди ветра и песка. Дусы догнали их. Постепенно мри и животные перешли на шаг. Ньон отступил в сторону, чтобы осмотреть колонну. Белая мантия Мелейн... Данкан... кел'ены... Сена Боаз несли двое кел'енов. Мантия и'лии на ней была забрызгана чьей-то кровью. Одежда Мелейн тоже в крови. Они шли вперед, вверх по склону, к нагромождению камней, где можно укрыться и перевести дух.

Дусы и их хозяйка сбились в плотную толпу. В воздухе витала тревога. Они еще не оправились от умопомрачения.

— Он мертв, — хрипло сказал Данкан о дусе Тэйза.

Рас, Хлил и Риан прижались к своим дусам, боясь за них.

— Мьюк, — сказал Ньон. — Бешенство дуса. Оно чуть не увлекло нас всех во Мрак. Боги... боги... боги...

Из головы исчез туман. Разум восторжествовал над безумием. Ньон встал, подошел к Мелейн,

опустился на колени, беспокоясь за ее рассудок. Но от нее исходила умиротворенность. Она посмотрела на него ясными глазами, сжала его пальцы.

— Какие у нас потери?

— Кел Тэйз, его дус...— Он обернулся к кел'е-нам и услышал еще несколько имен.

Погибли Диас и Десаи... Ньюн прикусил губу, с горечью принимая тяжесть потери. Лучшие из лучших навсегда ушли во Мрак.

— Мое благословение павшим,— сказала Мелейн. Лицо ее вдруг осунулось, усталость наложила тяжелую печать на его черты. Мелейн крепче прижала к груди раненую руку.— Сейчас нужно выяснить, как обстоят дела в лагере.

— Лучше, чем здесь,— сказал очень молодой женский голос. Через ряды келов пробралась юная кел'-е'ен без шрамов и вуали. Девушка преклонила колени перед Мелейн, опустила голову. Мелейн пальцем приподняла ее подбородок, и юные глаза с трепетом мигательных перепонки взглянули на ши'пан.

— Ты...

— Кел Туас, Мать. Кел Сэйрас послал нас, когда начался обстрел. В лагерь не попали ни разу. Мы пришли и, прячась за камнями, смотрели, чем можем помочь. Мой брат пошел в город. И я думаю...

— Он не дошел до нас,— сказала Мелейн.

— Я так и знала,— печально сказала девушка.— Я ждала, ждала. Могу я сообщить Сэйрасу, что вы в безопасности?

Мелейн, притянув к себе голову девушки, поцеловала ее в лоб.

— Ты. можешь идти, кел'е'ен?

— Да, Мать.

— Тогда беги.

Кел'е'ен поднялась и побежала, но Ньюн схватил ее за руку, снял Знак Чести со своей мантии и вложил в холодную ладонь.

— Кел'ант,— прошептала девушка.

Она была из джей'эном; теперь Ньюн вспомнил ее, юную, стройную, невинную, как Тэйз. Значит, племя живет. Гибнут опытные воины, закаленные в боях, но на смену приходят молодые, полные сил.

— Беги,— сказал он.— Жизни и Чести, кел Туас.

— Да,— шепнула она и, гибкая, как змейка, проскользнула сквозь ряды кел'енов и исчезла. И не только она — юные кел'ены других племен, легкие и быстрые, как тени, побежали к своим станам.

А те, кто остался, немного успокоились, узнав о том, что весь огонь обрушился на И'лиит, не задев их становища.

Теперь келы занялись собой. Данкан перевязал рану Ньюну. Хлил трудился над раной Рас... Ни один не вышел из боя невредимым. Ожоги, порезы... Никто не остался невредим. Дусы печально подвывали, зализывая свои раны.

Сен Боаз неподвижно сидела на камне, завернувшись в мантию и'лии. Драгоценные камни играли в свете звезд.

— Ты цела? — спросил Данкан. Она кивнула.

— Смотрите! — Риан указал на город, откуда выходила толпа и'лии. Бледные лица, белые шеvelюры, сверкающие драгоценности среди серых камней.

— Пусть идут,— сказал кел Кедрас,— если они совсем спятили.

Но и'лии не удалялись от города, среди них было много детей.

Ярость келов улеглась. Они переговаривались между собой, но не о возмездии.

Ньюн опустил голову на своего дуса и почувствовал его боль, боль ран всех кел'енов. Ньюн постарался успокоить зверя поглаживанием, облегчить его страдания.

— Они не прилетят,— сказал он Данкану.— Ни регулы, ни земляне. Боги! Я не знаю, что делать, совкел. Я думаю...— Он не посмел сказать, что в его душе поселилось отчаяние. Вокруг сидели келы. Он взглянул на сен'е'ен из землян.— Она говорит, что земляне прилетят, но она не может знать этого наверняка.— Он тяжело вздохнул.

А через секунду Ньун с Данканом посмотрели на небо с надеждой и страхом.

На западе в пески упала звезда.

И все.

— Они прилетят,— сказала Мелейн, и все кивнули, надеясь, что так и будет.

Данкан, Риан и Рас опустились на песок подле своих дусов, ища тепла и покоя. Они снова чувствовали друг друга, только не было среди них юного и беззаботного Тэйза с'Сочил.

* * *

Наступал рассвет. Громкое «Ай!» слышалось с утеса, где находился часовой.

Ньун вскочил на ноги, за ним все келы и сены. Поднялась и Мелейн. Последней, с трудом, встала Боаз. Все взоры устремились в небо.

Там вспыхнул яркий свет, затем появилась светящаяся точка... и раздался невообразимый грохот.

— «Флауэр»! — воскликнула Боаз. И хотя келы ничего не поняли, они уловили ее радость. Возбуждение охватило всех, даже дусов.

И'лии, коротавшие ночь под открытым небом, тоже увидели огонь в вышине. Многие бросились в город, другие побежали прятаться в камнях.

«Флауэр» снижался. Он выпустил длинные опоры и уподобился огромному диковинному зверю. Дусы попятились и тревожно завывали.

Но вот грохот смолк, пыль улеглась. Открылся люк, спустился трап.

Пауза.

— Позвольте мне к ним пойти,— попросила Боаз.

Молчание.

— Если мы скажем «иди»,— наконец заговорила Мелейн,— ты поднимешься на борт и корабль улетит. В каком положении окажемся мы, Боаз? Без корабля, без машин...

— Вам угодно торговаться?

Снова — пауза, подлиннее прежних.

Ньюн так прикусил губу, что ощутил привкус крови. Его охватил жар. Впервые мри оказывались в таком унижительном положении.

— Нет,— сказала Мелейн.— Иди. Иди и пришли сюда своего кел'ена, который примет вызов и будет драться за корабль.

— У нас так не делается,— возразила Боаз.

Мелейн сложила руки на груди.

— Тогда иди и сделай, что сможешь.

Боаз нерешительно двинулась к кораблю, поминутно оглядываясь. Но затем ускорила шаг.

— Она ци'мри,— сказал Данкан.— Ты не должна была отпускать ее. Верни.

— Иди к ним сам,— тихо сказала Мелейн,— если ты понимаешь их лучше, чем я. Но мне кажется, она такая же, как ты, Данкан. Разве нет?

Он промолчал.

Боаз подошла к кораблю, оглянувшись, затем выкрикнула какое-то слово, должно быть имя.

В отверстии люка появился человек. Он стал спускаться по трапу. Боаз пошла к нему навстречу. Из корабля вышли еще двое.

Они долго стояли и разговаривали: Боаз и старик, что вышел первым, и двое молодых, таких же, как те, что были с Галеем.

Затем старик и Боаз пошли к Народу. У них не было с собой никакого оружия.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пришла Боаз. Данкан был рад тому, что в это утро — последнее утро — пришла именно она. На сегодня он закончил работу — переноску камней для строительства Эдуна вблизи города, где машины еще действовали и давали воду. Покинул строительную площадку, вытер пыльные руки о мантию. Он был без оружия — сюда, на место встречи, все приходили без оружия. Джей'эном, хао'нат, джей'эйри, ка'эйномин, мэйри, пата, пат'андим, а еще хоумэй'ан, кесрит, и бихэй'и, и тэс'уэй, и ай'осей — все племена собирались здесь, многие пришли издалека, чтобы построить новый Эдун в древнем мире; и Мелейн, Мать Матерей, Владычица Обещанного.

Даже и'лии, которые не могли оставить руины своего города, которые не переносили солнца и считали, что ветер слишком суров для их нежной кожи, трудились здесь. Днем они прятались, а на работу выходили по ночам. Они покрывали равнину каменными столбами, стенами, статуями, похожими на них самих. Этим они утверждались перед мри и землянами: и'лии были, есть и будут. Они не приближались ни к палаткам мри, ни к Эдуну, но строили, таков был их удел.

Шесть рук дней. Стены Эдуна уже достигли в высоту роста кел'енов. Мри делали насыпь из песка, чтобы облегчить работу. Ведь наступит день, когда Дом будет таким же высоким, как Эдун Ан-ихона. Он будет стоять в долине среди статуй, бросая вызов Мраку.

— Боз,— приветствовал Данкан ксенобиолога, и они пошли рядом. Она — в одежде цвета хаки, он — в черном. Подошел дус, ткнул носом в бедро Боаз. Она погладила его, посмотрела по сторонам.

— Жаль, что Галей этого не видит,— сказала она.

— Я хочу сказать тебе кое-что... но только тебе. В священных записях, что хранятся в Святилище мри, есть имена землян; один из них — Галей.— Он заложил руки за спину: сейчас они шли мимо детей — катов, подносящих песок к стенам.— Второе имя — твое.

Боаз промолчала. Впереди возвышались палатки: временное пристанище, пока не будет возведен Эдун.

— Стен, возвращайся с нами.

— Нет.

— Там ты сможешь принести больше пользы мри, чем здесь. Ты задумывался над этим?

— Ши'пан против.

— Это твое окончательное решение?

— Боз...— сказал Данкан и остановился. Он опустил вуаль, и Боаз увидела на его лице свежие шрамы, шрамы касты. И поняла все.

— Между друзьями,— сказал он,— не может быть вуали. Поверь, я рад, что ши'пан отказалась меня отпустить.

— Ты останешься совсем один.

Он улыбнулся:

— Нет. Я останусь один, если улечу отсюда.

Они направились к палаткам. На ходу Данкан погладил дуса, прижавшегося к его ноге.

— Я верю, что ты сделаешь для Народа все, что от тебя зависит.

Она печально вздохнула:

— Мы засекретили всю информацию, касающуюся регулов. Поэтому вы можете жить спокойно.

Вряд ли Совет землян откроет регулам тайны того, что случилось на Кутате. Скорее всего, союзу землян и регулов не бывать.

— Мы надеемся.— Стен опустил вуаль, потому что они уже шли по лагерю. Сен'ены и кел'ены ждали их возле палатки ши'пан. Боаз и Данкан вошли.

Мелейн сидела в окружении нескольких сен'енов. Здесь же были Ньюн, Хлил, Сэйрас и дусы.

Когда земляне вошли, Хлил поднялся, приблизился к ним и склонил голову.

— Я не отдаю его на службу вам,— заговорила Мелейн,— но он полетит с вами и будет выполнять ваши приказы. Он — моя рука, протянутая землянам. Хлил с'Сочил, второй среди келов. Его дус тоже будет с вами.

— Мы благодарны за то, что ты посылаешь его. Мы сделаем все, чтобы ему было хорошо.

— Кел Хлил,— сказала Мелейн, поцеловав его и получив ответный поцелуй.— До свидания, сен Боаз.

Вот и все. Боаз бросила последний взгляд на Данкана, коснулась его плеча, повернулась и вышла. Хлил обнял Ньюна, позвал дуса и тоже направился к выходу.

За стеной палатки Хлил остановился и посмотрел на Рас.

— Жизни и Чести,— произнес он и, немного помедлив, вышел.

Ньюн поднялся на ноги.

— Ши'пан,— тихо произнесла Рас.

— Кел Рас, ты хочешь задать вопрос?

— Можно мне лететь с Хлилом? Мы с ним старые друзья.

— Подойди сюда,— сказала Мелейн. И когда Рас подошла, она взяла ее за руку.— Ты знаешь все. Ты понимаешь, почему я посылаю Хлила?

— Да.

Мелейн поцеловала ее и позволила идти.

— Торопись.

Рас из почтения к Святыне вышла медленно, шагом. Она была уверена, что догонит землянку и Хлила. Ведь маленькая полная женщина не умеет быстро ходить.

Мелейн опустилась в кресло, посмотрела на Ньюна, на Данкана, на остальных кел'енов.

— Спросите всех келов, не хочет ли кто-нибудь полететь с Хлилом к землянам и там создать новый Дом? Кел Рас права: не нужно, чтобы Хлил оставался один среди чужих.

* * *

Кел'е'ен Туас прибежала в последний момент перед стартом корабля землян, чтобы отправиться с ними. Весь лагерь пришел к стоянке «Флауэра», чтобы пожелать счастливого пути. Мри долго стояли, провожая взглядом удаляющуюся светлую точку.

— Они увидят Кесрит,— пробормотал Ньюн. Уже была ночь, и келы укладывались спать в своей палатке.

— Ты тоже хотел бы лететь? — спросил Данкан.— Разве ты мало скитался?

— Часть моего сердца полетела вместе с ними,— печально вздохнул Ньюн, укладываясь на подстилку. Дус лег рядом, прижался к его спине.

— Я нередко думаю: как выбирают нас дусы? Почему они выбрали меня, тебя, Риана, Рас, Хлила, Тэйза? Я думаю, сов-кел, им больше нравятся те, кто способен выйти Вовне, кто не боится встреч с чужими, кто глубоко заглядывает во Мрак. Я думаю, они выбирают именно по этому признаку.

Данкан задумчиво посмотрел на Ньюна.

— Может быть...

Город был огромен: высоченные здания, циклопические купола, широкие улицы... А у ветра был кисловатый запах, запах пыли. И свет... красный свет Арайна.

Должно быть, утром шел дождь. Площадь перед Номом была покрыта лужами. Боаз остановилась, чтобы оглядеться: нет ли где перемен?

Трое кел'енов шли рядом с нею, стараясь не проявлять любопытства. С них достаточно и того, что они оставили дузов на корабле и пришли сюда по просьбе землян.

Губернатор Ставрос умер уже давно. Боаз об этом узнала еще до посадки «Флауэра». Так что перемены были велики, и не только в облике города.

— Идем,— сказала она спутникам, когда возле них построился военный эскорт. Они вошли в двери Номы и по знакомым Боаз коридорам добрались до зала, где ее ждали распростертые руки и нервные улыбки, а ее спутников — косые взгляды.

— Губернатор ждет вас,— сказал кто-то, указывая на дверь, так хорошо знакомую ей. Она пошла вперед, кел'ены — следом.

Умер не только Ставрос. Изменилась форма чиновников, изменились эмблемы. У Боаз внезапно появилось ощущение, что она попала не туда, не в то время. Кесрит превратился в административный центр большого региона галактики. Новая конституция, новая структура административного новые правила... Восстановленны и старые организации, распущенные во время войны.

Боаз с тоской вспомнила о Льюисе. Он тоже умер в пути, близ желтой звезды, названия которой земляне не знали. И мри не знали. Льюис скончался во время прыжка через гиперпространство. Он всегда пользовался наркотиками. И она тоже, до последне-

го времени... В тот раз она и еще несколько человек из команды решили последовать примеру мри — обойтись без наркотиков. В гиперпространстве она играла с мри в шон'ай.

«Твои руки не для оружия», — сказали ей.

Она моргнула и протянула руку мужчине средних лет, который поднялся ей навстречу. Губернатор Ли.

Ли нерешительно подал руку кел'ейнам. Боаз хотела предостеречь его, но не успела. Хлил, пряча улыбку под вуалью, коснулся пальцами ладони губернатора. Туас сделала то же самое. Рас заложила руки за спину, но это не выглядело оскорблением.

— Мы получили депешу, — сказал Ли, — что с остальными нашими кораблями и кораблем регулов случилось несчастье.

— Несчастье? Да, — ответила Боаз. — Но я вижу, сейчас тут нет регулов.

Ли отвел глаза. Он предложил Боаз и мри сесть и сам устроился за столом. Боаз опустилась в кресло, а кел'ены — прямо на пол возле стены, откуда они хорошо видели губернатора.

— Всем известно, что регулы отступили, — сказал Ли. — Покинули не только Кесрит, но и все ближайшие планеты. Правда, мы не знаем причин. Они теперь вообще избегают соседства с землянами. Вы можете объяснить почему?

— Мы им не нравимся, — сказала Боаз.

— Да, это, конечно, так. Многие из тех, кто здесь остался... кто был в тесном контакте с землянами, покончили с собой. — Он поерзал в кресле. — Послы мри... понимают нас?

— Каждое слово.

— Они согласны на мир?

Боаз пожала плечами:

— Они согласны на сотрудничество. На совместное освоение космоса, столь масштабное, что вам и не

вообразить, сэр. И регулы их боятся, как огня. Боятся не меньше, чем наши колонисты. Мри — разведчики, покорители космоса...

— И наемные солдаты,— добавил Ли.— На нашей стороне? Таково их предложение?

— Мы действительно наемники,— сказал Хлил,— если вы понимаете под этим словом то, что мы предлагаем.

— Наверное, ваша цена очень высока.

— Очень,— подтвердила Рас.

— И какова же она? Что вы хотите в награду за службу?

— Место для Дома,— сказала Рас.— Келы будут служить вам, пока это место будет принадлежать мри. И еще, конечно, нам нужна пища, ведь мы не фермеры. И корабли нужны.

Ли почесал нос.

— Это вы и регулам предлагали. Какую же пользу извлекли они?

— Губернатор, вы неправильно ставите вопрос,— вмешалась Боаз. Ее ладони вспотели.— Спросите «зачем вам это?», и вы получите ответ.

— Зачем? — произнес Ли и после некоторых колебаний добавил: — Зачем вам нужна такая сделка?

— Мы разведчики космоса, губернатор,— сказала Рас.— Мы нашли для регулов много планет. Мы — Лицо, Обращенное Вовне. Мы — те, кто торит пути, кто ходит против ветра. Именно этой цели мы всегда служили. Этой цели, а не регулам. Используй нас мудро, губернатор, и ты получишь выгоду.

Боаз поджала губы, вспомнив о мертвых мирах, на которых когда-то обитали мри. Эти миры были уничтожены из-за страха перед мри.

Взять на службу мри — все равно что играть в Игру Народа: бросить нож и ждать, когда вернется.

Боаз верила в человечество.
Она играла в Игру Народа.

* * *

Было тихое утро в долине среди изваяний, где стоял Эдун Народа, где гуляли ветры, внушающие надежду на удачную охоту дусам и ужас — и'лии.

Мирей Ньюн-Тэйз часто охотился в этой долине по утрам. Он никогда не упускал случая посмотреть на нее с высоких каменных скал, посмотреть на север, где песок засыпал высохшие моря, на запад, откуда прилетали сильные ветры.

Мирей был мечтателем. Терпение, внушала ему ши'пан. Юноше еще предстояло заслужить шрамы касты келов. А пока у него был только один шрам, от раны, что нанес ему отец в Игре, желая приучить к дисциплине. Ему еще предстояло научиться виртуозному обращению с клинком.

Каждый вечер он слушал баллады келов, и эти баллады были правдивы. Молодые кел'ены нередко упрашивали Данкана рассказать о былом. И он рассказывал, а их сердца учащенно бились в груди, и кровь быстрее бежала по венам, а глаза с надеждой смотрели на звезды.

С тех пор как Мирей покинул башню катов и надел черную мантию келов, он часто бывал здесь и грезил о далеких мирах и страстно мечтал, чтобы его выбрал дус, один из потомков от пары дусов племени джей'эном.

Один из хаа часто приходил сюда. Мирей мечтал приручить его, оставлял куски мяса, но напрасно... Юноша поднялся и снова пошел, выматривая добычу. Живности вблизи И'лиита было много, ее приманивала повышенная влажность.

Мирей взглянул на небо. Даже в свете дня была заметна вспышка звезды. Она все разгора-

лась, и вот уже можно различить контуры летящего корабля.

Мирей бросился к Эдуну. Сердце его бешено колотилось в груди, но он опоздал с новостью. Все уже смотрели на небо. Мирей замедлил шаг, увидев отца, Данкана, ши'пан, — даже Мать вышла из своей башни. Здесь были сены джей'эном и гости из других племен.

Корабль совершил посадку, подняв тучи песка. Вскоре песок улегся, в борту корабля появилось отверстие и спустился трап.

Кел'ены. По трапу спускались кел'ены в черных мантиях. И дусы. Трое келов, три дуса. Они сошли на песок и направились к поджидавшим их мри.

Мирей знал их имена; они часто повторялись в балладах, которые он слушал всю жизнь. И келы Эдуна сначала нерешительно стояли на месте, а затем бросились навстречу прибывшим. Они бежали все быстрее и быстрее, но где им было угнаться за кел'антом и Данканом...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

(Интервью Даррела Швейцера с Кэролайн Черри)

Д.Ш.: *Приоткройте для наших читателей завесу над таинственным процессом создания вымышленного мира.*

К.Ч.: Я часто работаю на археологических раскопках и имею представление о ходе развития, вероятно, пары десятков культур от зарождения до упадка. Поэтому я выбираю наиболее яркие особенности какой-нибудь культуры, смешиваю их с чертами другой, а когда набираю полный ящик, то встряхиваю его и наблюдаю за тем, какие кусочки соединились. Так мне удастся сконструировать достаточно правдоподобную социальную систему. Затем я добавляю кое-что из астрономии и биологии, о которой я слышана от моего квартиранта, генетика по образованию, и укрепляю полученное своими небогатыми научными познаниями. Так создаются новые миры...

Д.Ш.: *А как возникают в Ваших произведениях странные существа с других планет, загадочные восточные королевства, поражающие своим правдоподобием,— как в романе «Паладин»,— и прочие нереальные реальности?*

К.Ч.: Я стараюсь охватить внутренним взором весь воображаемый мир, всю планету со всеми странами, их природными и национальными особенностями, системой международных отношений. Затем я пытаюсь представить, какие контакты могут быть между этими культурами и как это зависит от уровня развития той или иной цивилизации. Ведь на низком технологическом уровне взаимосвязи минимальны — мешают религиозные и культовые различия, а также отсутствие транспортных средств. Однако, если вы задумали описать более развитую цивилизацию, вы должны принимать в расчет, что, как Вы выразились, «странные существа с других планет» также имеют свои национальные особенности, политические, религиозные отличия и, возможно, что-то еще особенное, недоступное человеческому восприятию.

Я стараюсь *системно* выстраивать свои миры, создавать стройную картину сложной, многогранной культуры или единой страны, непротиворечивой даже в деталях. Несмотря на то что этот кропотливый труд зачастую остается за страницами моих романов, читатель чувствует, что автор знает о чем пишет.

Д.Ш.: *В научно-фантастических романах часто встречаются миры не более экзотичные, чем Гонконг. А достоверность их описания ниже всякой критики. Я думаю, что эта тенденция пошла со времени публикации третьей книги Гарри Гаррисона из цикла «Мир смерти». Несмотря на то что ее герои высаживаются на другую планету, они находят там цивилизацию явно списанную с земных империй Востока. Фантазия автора настолько бедна, что даже главного варвара-инопланетянина зовут Темучин. Как Вам удастся избежать этого, не усложняя текст настолько, чтобы он заславил в ужасе отшатнуться не слишком эрудированного читателя?*

К.Ч.: Изобретая иноземные существа, я стараюсь понять для себя ту причуду эволюции, которая могла породить эти виды в альтернативу человечеству. Часть из них может «ужиться» с людьми в пределах одной экосферы, другая возможно не сможет биологически вынести таких соседей по планете. Я стараюсь избегать проведения определенных исторических или биологических параллелей с Землей. Однако, даже описывая нашу планету следует задать себе вопрос, может ли цивилизация развиваться по другим законам, нежели это происходило в реальной истории. Обязательна ли фигура Гитлера в Германии 20—30-х годов, или культура и политика этой страны могла идти по другой стезе?

Д.Ш.: *Я бы предположил, что выдумывать абсолютно неземные существа легче, чем описывать создания, похожие на человека. Расскажите, насколько сложно изобретать биологические виды, которые сильно напоминают Хамо Сапиенс, но при ближайшем рассмотрении ритительно отличаются от последнего?*

К.Ч.: Это делать, конечно, не так просто, но я не пропускаю ни одной мелочи, постоянно обдумывая все детали. Каждый читатель, как правило, находится во власти образа, который изображен на обложке книги, и он пытается отыскать его в тексте, если он понравился или захватил воображение. Зачастую мы смотрим на мир глазами фотографа или художника. Однако, если посмотреть на героя произведения глазами автора, попытаться понять и прочувствовать все то, что автор знает, но умышленно недоговорил читателю, то

картина будет совершенно иная. Многие говорят, что персонаж моего романа *«Охотник миров»* Амант очень напоминает человека, хотя таковым не является. Если же вчитаться в текст чуть повнимательнее, то есть попытаться взглянуть на него моими глазами, то в телосложении и биологическом устройстве Аманта мы увидим очень явные отличия от людей. Вся проблема в воображении, и не только писателя, но и читателя.

Д.Ш.: *Один эпизод в Вашем романе «Братья Земли» меня потряс. Помните, когда один парень высаживается на чужую планету и сталкивается с аборигенами, которые путешествуют на посудине, напоминающей ладью викингов? Сначала меня оттолкнула такая схожесть с земными реалиями, а потом я сказал себе: «Это не Земля, это чужая планета, которая эволюционирует параллельно с Землей». Когда я понял это, то стал упиваться чтением, не переставая поражаться, как можно не только изящно подчеркнуть инаковость чужой культуры, но и настолько глубоко проникнуть в ее земной аналог. Как Вам удастся проводить тонкий культурологический анализ и вдобавок рассматривать все это со стороны?*

К.Ч.: На самом деле все гораздо проще. Не я описала скандинавский драккар, а вы себе его представили. Ваш личный опыт, Ваше образование «дорисовали» детали, недостающие в моей картине. Этот эффект достаточно хорошо изучен в психологии, и я часто им пользуюсь. Я отпускаю поводья Вашей фантазии, и Вы дописываете в своем воображении текст за меня. Порой я настолько увлекаюсь этой игрой, что слишком рано вовлекаю в нее читателя и он теряет ориентацию. Тогда я спохватываюсь и вновь возвращаюсь на круги своя, чтобы у читателя не было чувства неудовлетворенности. Но когда читателю кажется, что он все понял, у меня наготове новая загадка и он вновь обескуражен. Это дает возможность убедить его, что не все так просто, как ему кажется. Я постоянно борюсь с обыденностью восприятия моих вещей, пытаюсь предугадать ход мысли читателя. Что же касается устройства корабля, то любое судно, передвигающееся по некоторой жидкости, весьма ограничено в формах. Поэтому я не собираюсь ставить моих героев в сложное положение, предлагая им построить квадратный корабль. Конечно, теоретически возможна форма раковины, но она совершенно не приемлема для тех географических и метеорологических условий, которые я вообразила для среды обитания данной культуры. Поэтому я пыталась мысленно сконструировать корабль, наиболее эффективный для заданных условий, но, создавая его, никогда не думала о ладье викингов. Там, где хороши весельные суда, вряд ли может появиться такой продукт цивилизации, как гребное колесо.

Д.Ш.: *Нос судна был в виде головы дракона. Я истолковал это как намек на древнескандинавскую культуру...*

К.Ч.: Дракон или змея один из наиболее распространенных языческих символов. Когда я придумывала корабельный декор, мне и в голову не приходили никакие параллели. Я выбрала змею, как символ неистовых сил природы, что часто использовалось и в земной мифологии. Кстати, первоначальное название романа «*Дети Змеи*». Потом я решила его поменять и выбрала фразу из книги, которая и стала заглавием, выражая приблизительно ту же самую мысль.

Д.Ш.: *Во всех культурах мы находим понятия, которые можно считать универсальными. Об этом много писал Юнг. Но многие люди думают иначе. Вы читали «Заметки о всепланетарных понятиях» Говарда Лавкрафта?*

К.Ч.: Нет, не читала. Я предпочитаю литературной критике труды по антропологии. Полагаю, что такие универсалии все же существуют. Зная земную культурологию, мы можем говорить о пяти основах любой цивилизации, таких как производство пищи, арена соприкосновений или рыночное место. Имея эту отправную точку, Вы можете создать собственную версию построения мира. Религия — лишь один из ее аспектов. Создавая свои произведения, я иногда прибавляю или наоборот сокращаю духовный план, могу и совсем его игнорировать, если уверена, что это не скажется на развитии сюжета. Но все базисные элементы обязательны для любой реальной культуры. Однако при моделировании непротиворечивого мира всегда необходимо учитывать социальную психологию, которая возникает у того или иного этноса. Например, Правитель в романе «*Дети мрака*» не имеет такого психологического свойства, как воображение, и познает мир исключительно посредством сенсорных механизмов — органов чувств. Такое существо безусловно может обладать собственным взглядом на религию, но его концепция устройства мира, конечно, далеко расходится с человеческой. Ведь культура основывается на физиологии и разнится в зависимости от биологического устройства каждого вида.

Д.Ш.: *Как Вы думаете, что делают другие писатели, чтобы разрешить эту проблему?*

К.Ч.: Мне сразу вспоминается мой коллега Джек Вэнс. Он обладает схожей с моей структурой воображения, особенно мы совпадаем в области восприятия окружающего мира и его вербального выражения. Его концепция восприятия основывается на собственном представлении о взаимосвязях языка с другими

сигнальными системами. Ему интересно понять, как сигналы, которые мы не можем воспринять органами чувств, фиксируются в знаке. Небезынтересны миры Ларри Нивена, его тщательно продуманная идея Мира-Кольца заставляет по крайней мере удивиться, что уже неплохо. Читая фантастику, я всегда пытаюсь заглянуть за кулисы произведения, понять, как автору удалось сконструировать тот или иной мир.

Д.Ш.: Когда Вы начали писать? Много ли времени прошло между первой пробой пера и первой публикацией?

К.Ч.: Я пишу с десяти лет. Первая вещь, которую я написала, был роман, название которого я уже не помню. На протяжении последующих двадцати лет я писала по роману в год, и все их спускала в унитаз. Конечно, впоследствии многие из них были переписаны заново. По мере того, как я приобретала мастерство, я начинала все снова. Я всегда хотела быть писателем. По правде говоря, я даже еще не закончила свою первую настоящую книгу, но надеюсь это рано или поздно сделать.

Д.Ш.: Нужно обладать завидным терпением, чтобы написать двадцать книг только для унитаза.

К.Ч.: Для меня творчество — это мечтания и расплата за них. Я испытываю огромное наслаждение, перенося свои грезы на бумагу. И хотя здравомыслящие люди говорят, что только идиот может писать задаром, я, видимо, могу смело причислить себя к их числу, потому что испытываю такое наслаждение от письма, что забываю о материальном удовлетворении.

Д.Ш.: Я пишу короткие рассказы и продаю их, но я не уверен, что смогу пристроить куда-нибудь большую вещь. Поэтому мысль о возможной бесполезности моего труда, точит меня задолго до того, как я сажусь за письменный стол.

К.Ч.: Мне трудно это понять. Во-первых, потому что я не люблю рассказы, ведь в них нет пространства для создания целого мира, а во-вторых — роль демиурга настолько сладостна, что затмевает мысль о хлебе насущном. Что касается коротких текстов, то я никогда их не писала и потому мое имя никогда не появлялось на журнальных страницах. После того, как я продала три романа, меня загнал в угол Харлан Эллисон и спросил, почему я не пишу короткую фантастику, намекая на мою явную ненормальность в этом смысле. Я стала размышлять и пришла к выводу, что в коротких рассказах есть своя прелесть. Они заостряют ум и учат думать над конкретной ситуацией. Поняв, что это неплохо для овладения мастерством, я начала развивать эту

тому дальше. Мне понравилось писать короткие вещи, но у меня постоянно возникали сложности с композицией. Поэтому лучше дайте мне какую-нибудь идею и через шесть часов я составлю Вам сюжет романа. Если, конечно, в самой идее есть простор для моего воображения.

Д.Ш.: *Вероятно, Харлан Эллисон написал свой рассказ «Последние опасные мечты» именно в то время.*

К.Ч.: Первый раз я увидела Эллисона, когда он пришел в университет штата Оклахома. Мы пообедали вместе и разговорились. Он, конечно, ориентировался только на короткие рассказы и заявил, что любой мой рассказ редактор вернет обратно, не дочитав до конца. Разозлившись, я решила доказать обратное, но в какой-то момент подумала, что не стоит вторгаться на чужую территорию. С тех пор я продала не больше двух коротких вещей.

Д.Ш.: *Поделитесь секретами писательского творчества. Как из маленьких разрозненных кусочков составляется единое полотно?*

К.Ч.: Мои приемы весьма эксцентричны и это трудно объяснить. Я могу начать роман с какой-то определенной точки, не представляя чем он кончится. Я не всегда знаю с чего он начнется и часто то, что я придумываю, в конце концов становится серединой. В этом случае приходится дописывать начало и конец. Но внезапно, когда через какое-то время я достигаю конца, персонажи выходят за его рамки и отказываются принимать мой финал. Я сама придумала их и поэтому уверена в благоразумии своих героев. Пока я думаю, с чего бы начать, они выстраиваются в ожидании, затем кто-то начинает двигаться, а остальные — реагировать на это. Я также немного занимаюсь живописью и, когда мне нужна идея и я чувствую, что фантазия на пределе, я сажусь перед чистым холстом и начинаю писать пейзаж, пользуясь намеренно ограниченным набором цветов. А затем представляю себе создание, которое могло бы жить в окружении всего того, что получилось на полотне. Когда образ становится отчетливым, я размышляю над тем, что оно там делает? Хорошо ему или плохо и как оно там очутилось? Этот странный творческий прием срабатывает безотказно.

Д.Ш.: *Вы разрабатываете детали и сочетание фраз в уме и потом записываете готовый текст, или вы сочиняете, водя пером по бумаге?*

К.Ч.: ...водя пером. По правде говоря, я никогда не позволяю роману покинуть пределы этого дома до тех пор, пока я не

отосплюсь после бессонных творческих ночей и не напечатаю по крайней мере две строчки нового романа. Я никогда не прекращаю писать. И буду вымучивать хоть две страницы в день до тех пор, пока не найду достойного продолжения. Отыскав его, я могу вернуться назад, чтобы раз пять переписать роман. Закончив, я буду дотошно, по многу раз перепечатывать одно и то же, внося дополнения и изменения. Я именно такой тип писателя. Я могу работать только так и не могу настроить себя по-другому. Творческий процесс напоминает складывание мозаики, когда из отдельных кусочков получается целостная картина.

Д.Ш.: Вы не находите, что с годами стиль письма меняется? Некоторые писатели переходят от резкого и контрастного изображения к очень осторожному набрасыванию контуров, что заметно на примере позднего Спрэга де Кампа. По-видимому, в молодости он писал по-другому.

К.Ч.: Наверное, я еще не вошла в ту пору творческой зрелости, когда «набрасывают контуры». Я делаю нечто похожее, когда пишу короткие вещи, но этот прием мне не нравится. Может быть, из-за некоторой косности своей творческой манеры я не развиваюсь в должной мере. Я просто стараюсь рассказать о чем-то, неважно — происходит это мысленно или сразу ложится на бумагу. Но после того, как это написано, мой текст, обретая материальное воплощение, застывает и мне становится неинтересно работать с ним дальше. Все мои сюжеты имеют определенный алгоритм — обычно в них не больше десятка событий. Я вплетаю в придуманные сюжетные ходы персонажей и ищу подоплеку тому или иному их действию, ищу что ими движет — зависть, вражда, а может симпатия или любовь... Мой сюжет — стрелы, летящие во всех направлениях.

Д.Ш.: А чем объясняется успех Ваших книг? Поделитесь секретом, что нужно сделать для того, чтобы роман получил признание читателей?

К.Ч.: Я стараюсь сделать так, чтобы в книге обязательно присутствовала некая идея, а не просто пересказывался вымышленный или реальный случай из жизни. А еще текст должен быть целостным, а не представлять собой разнородные фрагменты, искусственно соединенные в единое целое. Несмотря на то что книга должна быть обязательно о чем-то, сюжет не должен выпирать из текста, а текст не должен растворяться в сюжете. Плюс ко всему произведение не должно быть чересчур онаученным, в конце концов я пишу фантастику, а не трактаты на тему социального устройства общества. Автор должен

свято соблюдать принцип «поучая развлекай». Правда, мне редко удастся удержаться, чтобы не вставить немного своих собственных рассуждений. Вы можете считать это недостатком, но я стараюсь не забывать, что писатель у читателя в долгу.

Д.Ш.: А что говорит Вам об этом Дональд Уоллхейм¹? Если мне не изменяет память, когда Сэмюел Дилени принес ему свою первую книгу, она имела ужасный вид — в ней отсутствовали знаки препинания и заглавные буквы, а мистер Уоллхейм привел ее в порядок. С этого романа и началась его слава. Имел ли Дональд какое-то влияние на Вас?

К.Ч.: Я никогда не получала никаких указаний от тех, кто редактировал мои рукописи. Они издавались так, как я их написала, исключая орфографические ошибки. Я нахожу, что Дон — очень легкий редактор, но есть несколько человек, которые немало потрепали мне нервы. Они требовали от меня чего-то такого, что я не могла им дать, поэтому мне было эмоционально тяжело работать с ними, ведь я не выношу ни малейшего давления на себя. Дон Уоллхейм производит благоприятное впечатление, он не настаивает на своем мнении, но помогает стимулировать мою творческую активность. Мне приятно работать с этим редактором.

Д.Ш.: Как Вы думаете, ограничена фантастика в своих возможностях или нет? Лет двадцать назад установленные рамки были очевидны, читатели просто не были готовы к полету идей многих авторов.

К.Ч.: Я ни с чем подобным не сталкивалась. Порой я находила определенное сопротивление у читателей, когда чересчур увлекалась своими любимыми лингвистическими изысками. Ведь очень часто пишутся книги, где сложный язык не средство, а цель. Что же касается присутствия различного рода научных постулатов в моих книгах, то, на мой взгляд, нет ничего плохого в том, что от читателя потребуются чуть больше внимание, чтобы разгадать некую загадку физического или астрономического характера. По сути, я не встречалась с другими трудностями, но не забывайте, что я достаточно молодая писательница. От своих более маститых коллег я знаю, что в один «прекрасный момент» может возникнуть некая психологическая преграда, когда уже не можешь полноценно писать «о любви и страсти». Пока я, слава Богу, с этим не сталкивалась. Я чувствую себя достаточно свободной, чтобы делать то, что мне нравится.

¹ Д. Уоллхейм — главный редактор издательства DAW books (США), в котором опубликовано подавляющее большинство произведений К. Черри. (Прим. ред.)

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТИ МРАКА

ШОН'ДЖИР

Глава первая	9
Глава вторая	24
Глава третья	35
Глава четвертая	51
Глава пятая	64
Глава шестая	70
Глава седьмая	81
Глава восьмая	86
Глава девятая	104
Глава десятая	123
Глава одиннадцатая	141

КУТАТ

Глава первая	169
Глава вторая	180
Глава третья	199
Глава четвертая	203
Глава пятая	209
Глава шестая	224
Глава седьмая	238
Глава восьмая	261
Глава девятая	279
Глава десятая	292
Глава одиннадцатая	303
Глава двенадцатая	325
Глава тринадцатая	342
Глава четырнадцатая	352
Глава пятнадцатая	362
Глава шестнадцатая	379
Глава семнадцатая	400
Глава восемнадцатая	428

Вместо послесловия.

(Интервью Д. Швейцера с К. Черри)	437
---	-----

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”.

Литературно-художественное издание

Черри Кэрлайн

ДЕТИ МРАКА

Перевод с английского *Геннадия Корчагина*

Ответственный редактор *Игорь Петрушкин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Обложка *Сергея Шикина*

Художник *Кирилл Рожков*

Верстка *Екатерины Пеняевой*

Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.08.97.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Гарнитура
«Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 10 100 экз. Заказ 276.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97 г.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:

197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

"SCIENCE FICTION"

Издательство «Северо-Запад»
представляет
**ЛУЧШИЕ КНИГИ
ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

Вас ждут встречи
с загадками исчезнувших цивилизаций,
удивительными научными открытиями,
неведомыми мирами далеких галактик.

**Вышло уже 40 томов.
Не пропустите новые книги!**

Готовятся к выходу книги:

С.Дилени «Драгоценности Эптора»
Б.Олдисс «Река обреченных»
Бир «Туннель миров», «Зов вечности»
Э.Ф.Рассел «Безумный мир»
К.Керр и Дж.Крейгбаум «Дворец»

Поэтичность и изысканность стиля — вот визитная карточка этого классика американской «новой волны» в научной фантастике. Герои романа преследуются на поиски загадочного талисмана в постъядерном мире, полном странных существ и сверхъестественных сил...

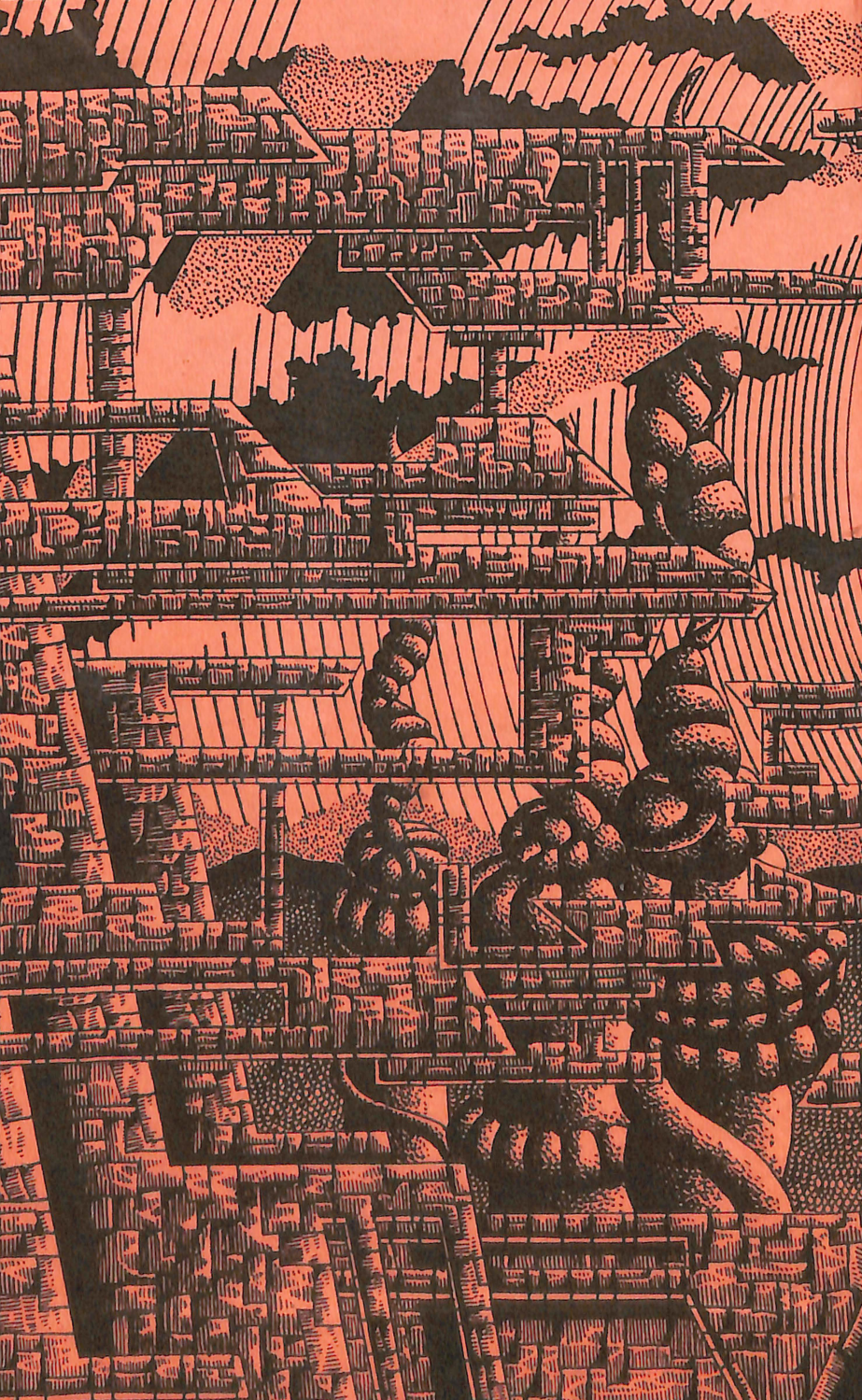
ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
"SCIENCE FICTION"

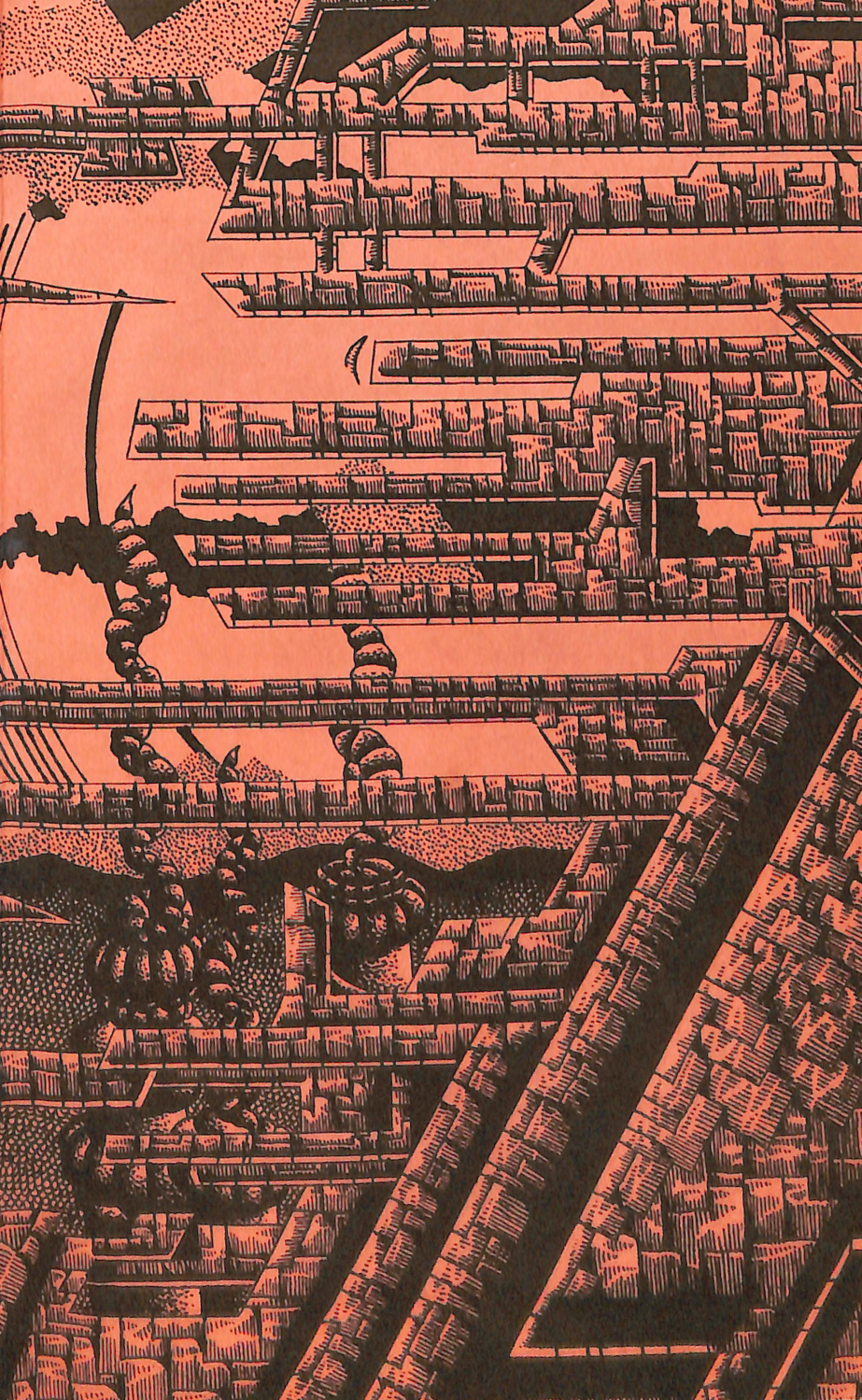

СЭМИЮЭЛ

ДЖИЗЕНИ

ДРАГОЦЕННОСТИ
ЭПТОРА

•Северо-Запад®•